Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТЪ
ПРАВОВѢДЪ

№ 2 (97)
2021

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов, к.ю.н., доц.

Заместитель главного редактора:

С.В. Пахомов, к.ю.н., доц.

Редакционная коллегия:
Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

Демьяненко Е.В., Шпак А.В. Цифровые права: понятие, место в системе объектов гражданских прав 7
Литвинова Ю.И., Кисс С.В. Право на коммуникации в международно-правовой доктрине: актуальные вопросы 11
Михайлов С.В., Фатхи В.И. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке в судебной практике 16

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Негодаева Е.Г. Федеральный и региональный экологический надзор на примере Ростовской области: вопросы теории и практики 21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Меркурьев В.В., Агапов П.В., Стешич Е.С., Смыслова В.Н. Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики (часть 2) 26
Саркисян Г.Г. Совершенствование организации оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в сфере лесопромышленного комплекса (часть 2) 33
Майоров В.И., Пестов Р.А. Противодействие преступности на основе концепции «социального партнерства» полиции и населения 38
Петрашева Н.В., Девятовская С.В. Уместна ли формализация уголовного закона в вопросах ненадлежащего оказания медицинской помощи? 44
Брюхнов А.А., Кутякин С.А., Напханенко И.П. Экспертно-статистический анализ состояния преступности на территории Ростовской области и рязанского региона и меры по ее профилактике 49
Лемайкина С.В. Использование искусственного интеллекта в противодействии преступности 54
Вакуленко Н.А. Актуальные статистико-криминологические параметры женской преступности современности 57
Пирогова Е.Н. Детерминанты ятрогенных преступлений и возможные варианты противодействия им 63
Хомутов М.В. Развитие механизмов участия социально ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений 69
Буткевич С.А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации 74

Выпускающий редактор:
М.А. Харченко

Над выпуском работали:
М.А. Харченко,
Е.Е. Пелехатая,
Н.А. Чуб,
Н.А. Тапашева,
В.С. Степанова,
Е.С. Сачкова

Индекс по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
80032

Подписано в печать
25.06.2021
Выход в свет
28.06.2021

Формат 60х84/8
Объем п. л. 27,5.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 32.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена по подписке по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
540 рублей (2 номера).

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация о журнале:
https://рюи.мвд.рф

16+

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бабенко С.В., Тишкин Д.Н. Об отдельных аспектах международного сотрудничества органов прокуратуры России в сфере уголовного судопроизводства 80
Багаутдинов Ф.Н., Диденко Н.С. Срок кассационного обжалования и отзыв кассационной жалобы по уголовному делу 84
Черников С.В. Понятие поводов для возбуждения уголовного дела 88
Ковтун Н.Н., Джелали Т.И. Акт «обвинение» как предмет оперативной судебной проверки на досудебном этапе производства по уголовному делу 94
Иванов Д.А., Терехов А.Ю., Уханова Н.В. Особенности деятельности следователя по наложению ареста на ценные бумаги 102
Хайдаров А.А. Цель судебного следствия в уголовном судопроизводстве 107

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дронова О.Б., Котельников Б.В. Место происшествия как объект экспертного исследования 115
Еремин С.Г., Сезонова Т.В., Решняк О.А. Использование специальных познаний в области ботаники при расследовании преступлений, связанных с незаконной рубкой, уничтожением или повреждением лесных насаждений 121
Карпика А.Г. Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности государств – участников евразийского экономического союза 126
Комаров И.М., Парубов А.И. Особенности отдельных следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка (часть 1) 131
Рыжкова О.А., Костенко Н.С. Особенности криминалистической характеристики личности несовершеннолетних, совершивших корыстные преступления, и профилактика таких преступлений 136
Захаров Н.Д., Смагоринский Б.П. К вопросу о критериях оценки деятельности оперативных подразделений ОВД по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет 141
Малянова К.П. Актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений с использованием электронных средств платежа 148
Маилян А.В. Актуальные направления использования специальных знаний при расследовании хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа 151

Щербаченко А.К. Использование фактора внезапности в раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц 157
Дудниченко А.Н., Антонов В.А. Структура криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений: дискуссионные вопросы формирования 162

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Заброда Д.Г., Куряшкин А.Н., Соколов В.А. Характеристика основных форм профилактического воздействия участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере 168
Афонин В.В. Статья 264.1 УК РФ «Нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»: некоторые проблемные аспекты 175
Бровко Н.В., Трифонова К.В. Административно-правовые аспекты и статистические особенности учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах 179
Давыдов М.В., Лубский Р.А. Вопросы совершенствования административного законодательства в контексте принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 184
Щукин В.М., Николаев И.С., Курочкин А.С. Правовые аспекты организации взаимодействия правоохранительных органов и иных субъектов при возникновении чрезвычайных обстоятельств 189

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Палухина Е.С. Полицейский надзор как мера предупреждения преступлений террористического характера в законодательстве Российской империи 194
Кобец П.Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности 199

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Голованова О.Ю. Гарантии интересов участника публичной закупки: понятие и значение 205
Ковалевич М.И. Актуальные вопросы выявления должностных преступлений в сфере исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенных с жестоким обращением 211
Чернышов А.Г. Теоретические основы обеспечения безопасности следственной деятельности в организационном контексте уголовно-процессуальной юрисдикции 215
Морозов А.П. Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности 219
Конев Д.А. Цифровые технологии и преступность 224

CONTENTS

CIVIL LEGAL ANALYTICS

Demyanenko E.V., Shpak A.V. Digital rights: concept, place in the system of objects of civil rights 7
Litvinova Yu.I., Kiss S.V. The right to communication in the international legal doctrine: topical issues 11
Mikhailov S.V., Fatkhi V.I. To the question of the application of the public procedure clause in judicial practice 16

ISSUES OF IMPROVING INDUSTRY LEGISLATION

Negodaeva E.G. Federal and regional environmental supervision on the example of the Rostov region: questions of theory and practice 21

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Merkuriev V.V., Agapov P.V., Steshich E.S., Smyslova V.N. Prosecutorial supervision in the sphere of counteraction to extremism in the context of radicalization and the growth of protest activity of the population: theory and practice (part 2) 26
Sarkisyan G.G. Improving the organization of operational and search activities of economic security and anti-corruption divisions of the ministry of internal affairs of russia in the timber industry (part 2) 33
Mayorov V.I., Pestov R.A. Combating crime based on the concept of «social partnership» between the police and the population 38
Petrasheva N.V., Devyatovskaya S.V. Does the formalization of the criminal law appropriate in issues of inadequate provision of medical care? 44
Bryukhnov A.A., Kutyakin S.A., Napkhanenko I.P. Expert and statistical analysis of the crime conditions in the Ryazan region and measures for its prevention 49
Lemaikina S.V. The usage of the artificial intelligence in countering crime 54
Vakulenko N.A. Current statistical and criminological parameters of the female crime in modern world 57
Pirogova E.N. Determinants of the iatrogenic crimes and possible measures for countering them 63
Khomutov M.V. Development of mechanisms for the participation of socially oriented non-profit organizations in the prevention of crime 69
Butkevich S.A. Fake news and media: problems of differentiation and penalization 74

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINAL PROCESS

Babenko S.V., Tishkin D.N. On certain aspects of international cooperation of the Russian prosecutor's office in the field of criminal justice 80
Bagautdinov F.N., Didenko N.S. The life cassation and review of the appeal in a criminal case 84
Chernikov S.V. The concept of reasons for initiating a criminal case 88
Kovtun N.N., Dzhelali T.I. Act of «indictment» as a subject of operational judicial review at the pre-trial stage of criminal proceedings 94
Ivanov D.A., Terekhov A.Yu., Ukhanova N.V. Features of the investigator's activity on the seizure of securities 102
Khaydarov A.A. Purpose of judicial investigation in criminal proceedings 107

CRIMINALISTICS AND OPERATIVE-SEARCH ACTIVITY; FORENSIC SCIENCE

Dronova O.B., Kotelnikov B.V. The scene of the accident as an object of expert research 115
Eremin S.G., Sezonova T.V., Reshnyak O.A. The use of special knowledge in the field of botany in the investigation of crimes related to illegal logging, destruction or damage of forest plantations 121

Karpika A.G. Current issues of improving the legal regulation of the operational inquiry activities of the states – participants of the Eurasian economic union 126
Komarov I.M., Parubov A.I. Peculiarities of investigative actions and interactions of the investigator and the inquiring body for detecting the mother of the detected corpse of a newborn child (part 1) 131
Ryzhkova O.A., Kostenko N.S. Peculiarities of the criminalistics characteristics of the personality of minors who commit reduced crimes and their prevention 136
Zakharov N.D., Smagorinsky B.P. To the issue of the evaluation criteria activities of operational units of the department of internal affairs to combat crimes against the sexual integrity of minors committed using the internet 141
Maliyanova K.P. Current problems in the activities of law enforcement bodies in identification and disclosure of crimes using electronic means of payment 148
Mayilyan A.V. Current trends in the use of special knowledge in the investigation of embezzlement committed using electronic means of payment 151
Shcherbachenko A.K. The use of the sudden factor in the disclosure and investigation of fraud committed by a group of persons 157
Dudnichenko A.N., Antonov V.A. Structure of the criminalistic characteristics of the road crimes: discussion issues of formation 162

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS; ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Zabroda D.G., Kuryashkin A.N., Sokolov V.A. Characteristics of the main forms of the preventive effect of the district police commissioner against persons who commit domestic violence 168
Afonin V.V. Article 264.1 of the criminal code of the Russian Federation «violations of traffic rules by a person subjected to administrative punishment»: some problematic aspects 175
Brovko N.V., Trifonova K.V. Administrative and legal aspects and statistical accounting of the traffic accidents at the railway crossings 179
Davydov M.V., Lubsky R.A. Issues of improving administrative legislation in the context of the adoption of the new code of administrative offences of the Russian Federation 184
Shchukin V.M., Nikolaev I.S., Kurochkin A.S. Legal aspects of the organization of interaction of internal affairs bodies with other subjects in the event of emergency circumstances 189

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Palukhina E.S. Police supervision as a measure to prevent terrorist crimes in the legislation of the Russian Empire 194
Kobets P.N. Positive experience of the Japanese police in the field of protection of law and crime prevention 199

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Golovanova O.Yu. Interests' guarantees of the participant of the public procurement: concept and significance 205
Kovalevich M.I. Current issues of the detection of official crimes in the field of duties' performance for the upbringing of a juvenile associated with ill-treatment 211
Chernyshov A.G. Theoretical basis of ensuring the security of investigation activities in the organizational context of criminal procedural jurisdiction 215
Morozov A.P. Current problems of appointment and carrying out molecular-genetic examination in the conditions of the modern legal validity 219
Konev D.A. Digital technology and cyber crime 224

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).

9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.

12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!

УДК 347.12
ББК 67.404

© 2021 г. Демьяненко Елена Владимировна,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: elena.demianenko@gmail.com

Шпак Андрей Викторович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: a161aa161@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В данной статье проведен анализ правового статуса цифровых прав как нового объекта гражданских прав. Авторами выявлены проблемы понятийного аппарата, сделан вывод о том, что законодательное закрепление объектов гражданских прав требует формальной строгости и определенности исходных понятий в гражданском законодательстве.

Ключевые слова: *объекты, цифровые права, обязательственные права, блокчейн-технологии, смарт-контракт, информационная система, сделки, электронная форма.*

Demyanenko Elena Vladimirovna – Head of the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

Shpak Andrey Viktorovich – Associate Professor, the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

DIGITAL RIGHTS: CONCEPT, PLACE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

The presented work is devoted to the analysis of the legal status of digital rights as a new object of civil rights. The authors identified the problems of the conceptual apparatus; also they concluded that the legislative consolidation of objects of civil rights requires formal rigour and certainty of the initial concepts in the Civil Law.

Keywords: *objects, digital rights, rights of obligations, blockchain technologies, smart contract, information system, transactions, electronic form.*

Размах и скорость изменений уникальных технологий таковы, что они меняют ход истории и влияют на все стороны нашей жизни, стирая грань между материальным и цифровым мирами. Новейшие технологии порождают новые категории, инновационные процессы и невиданные ранее товары и услуги. С развитием и внедрением новых цифровых технологий все актуальнее становится вопрос о необходимости и важности контроля этих факторов для существования человечества.

В праве отражаются изменения и политические, и социальные, и технологические. Безусловно, для успешного развития отношений с использованием новейших технологий необходима разработка разветвленной (межотраслевой) системы законодательства. На пути к решению таких проблем требуются междисциплинарные усилия юристов, комплексные подходы к решению вопросов правового регулирования информационных отношений.

В рамках представленной работы будет проведен критический анализ правового статуса цифровых прав, которые законодателем представлены в качестве нового объекта гражданских правоотношений.

В основе блокчейн-технологии лежит возможность создавать уникальные цифровые записи и обмениваться ими без централизованной доверенной стороны. Транзакции в системе блокчейн прозрачны, безопасны и отслеживаемы. Однако, несмотря на восторженное отношение к новейшим уникальным технологиям, блокчейн не позволяет избежать сложностей, для решения которых нужно повышать требования к Сети, координировать действия участников. Учитывая распространяющееся влияние технологии блокчейн, вопросы поиска и определения регулятивных мер становятся предметом многостороннего диалога. Принимая во внимание уникальную децентрализованную природу блокчейна,

сегодня уже можно выделить ряд проблем: нет определенности юридического статуса транзакций на основе блокчейна, требуется детализация вопросов ответственности платформы и, соответственно, создания механизма защиты в случае возникновения конфликтов. Также не следует забывать о таких технических проблемах, которые могут создать неприятности и потребуют регламентации, например, сбой в работе, случайная ошибка в наборе клавиш. Другая проблема – посредством шифрования может быть облегчена незаконная торговля, криминальная деятельность.

1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 34-ФЗ), который ввел ряд новых правил в Гражданский кодекс Российской Федерации. Закон № 34-ФЗ дополнил состав объектов гражданских прав новым объектом, получившим название «цифровые права». Новая статья 141.1 ГК РФ, структурно состоящая из 3-х пунктов, определяет, что признается цифровыми правами, сферу осуществления и распоряжения ими. Цифровые права раскрываются законодателем через обязательственные и иные права, исполнение которых связано с информационной системой и правилами ее функционирования.

А.В. Нестеров отмечает: «В России сделан первый шаг по легализации гражданско-правовых отношений в цифровой деятельности в виде цифровых прав, однако основные правовые категории: цифровая система, цифровой документ, цифровой продукт – не определены, что значительно затрудняет практикующим юристам понимание новелл, посвященных цифровым правам» [2, с. 16].

Еще более актуальны сегодня слова В.А. Лапача: «Необходимо, однако, соблюдать точную меру в соотношении гражданско-правовых и иных (нецивилистических) признаков при построении адекватной современному состоянию экономической действительности системы объектов гражданских прав, не допуская эклектичного объединения признаков не только разноприродных, но и, более того, исключающих друг друга» [3, с. 57].

Гражданские правоотношения обладают спецификой, которая проявляется в их содержании, в субъектах и в объектах. Имущественные и неимущественные блага, по поводу которых возникают правоотношения, обладают особенностями, влияющими на весь механизм правового регулирования. Объекты правоотношений очень многообразны и разнообразны, соответственно, существуют разные критерии их классификации.

Одной из центральных проблем теории и практики гражданско-правового регулирования общественных отношений являются проблемы объектов гражданских прав. Как известно, абстрактное определение объекта правоотношения понимают как то, на что направлена деятельность субъекта. Н.Д. Егоров определяет объект гражданского правоотношения: «в любом гражданском правоотношении объект представлен поведением его участников, направленным на какие-либо блага, способные удовлетворять потребности человека [4, с. 100].

Проблема объекта правоотношения исследовалась видными цивилистами разных эпох: С.С. Алексеевым, О.С. Иоффе, Р.О. Халфиной, Ю.К. Толстой, В.А. Лапач и др. В доктрине гражданского права вопрос об объектах гражданских правоотношений однозначно не решен, цивилисты на протяжении многих лет высказывают разные мнения, до сих пор отсутствует единая оценка понятия об объекте, его функционального назначения. Проблемы исследования понятия и сущности объектов гражданских прав повторяют те проблемы, которые стоят и перед общей теорией права.

Проведем анализ положений ст. 141.1 ГК РФ для понимания сущности цифровых прав. В п. 1 ст. 141.1 ГК РФ законодатель предпринял попытку определения цифровых прав, однако как такового определения статья не содержит, по сути, очерчивается круг тех прав, которые можно признать в качестве цифровых, вернее, которые могут быть реализованы только с помощью информационной системы. Для осуществления таких прав необходима специальная регламентация, установленная законом, а также и разработанные на его основе правила информационной системы. Таким образом, в качестве цифровых могут быть признаны только те права, которые четко установлены в законе и названы таковыми.

1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) [5], который определил понятие цифровых финансовых активов, цифровой валюты, сферу действия закона, закрепил требования к оператору информационной системы. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона № 259-ФЗ цифровые финансовые активы признаются и рассматриваются как цифровые

права, выпуск, учет и обращение которых возможны только в информационной системе.

К рассмотрению вопросов заявленной темы имеет отношение Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Однако сфера действия указанного закона определена областью инвестирования и привлечения капитала с использованием онлайн-площадок. А.В. Белицкая констатирует: «Инвестиционная сфера становится тем полигоном, на котором происходят первые эксперименты: криптовалюты становятся объектом вложений, а краудфандинг и ICO – методами привлечения финансирования...» [7].

Установленное в ст. 141.1 ГК РФ правило не претендует на завершенность. Не следует забывать, что понятие имущества в гражданском праве является сложным и включает вещи как предметы материального мира, имущественные права и обязанности. Включая в состав объектов цифровые права, законодатель, как видим, ориентировался на порядок исполнения сделок в цифровой среде. Название нового объекта «цифровые права», на наш взгляд, вводит в заблуждение, на самом деле речь идет об исполнении обязательства с помощью информационных систем. Получается, законодатель предпринял попытку легализовать понятие цифровых прав для правового обеспечения цифровой экономики, но безуспешно. Понятие цифрового права не раскрыто, эффективные меры контроля в цифровой среде не установлены. Все вышесказанное подтверждает необходимость проведения комплексных исследований, недопустимости принятия поспешных решений, уважительного отношения к классическим институтам гражданского права.

Верно отмечает А.С. Степанян, что «…на практике законодатель оставил цифровые права без движения с тем, чтобы в будущем пополнить новым регулированием» [8, с. 29].

Заключение договора с помощью системы блокчейн вызывает много вопросов и требует понимания сущности отношений между участниками сделки и ее техническим сопровождением. Для изучения вопросов правового регулирования цифровых прав нужно обратиться и к новой категории «смарт-контракта». Сегодня специалисты пытаются определить понятие «смарт-контракта», выделить его признаки, отделить сущностное от вспомогательного.

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сиземова, исследуя смарт-контракт, определили его место в сфере «особых несамостоятельных договорных конструкций, расположенных в первой части ГК РФ, которые отражают особенности заключения или специальные правовые последствия любого гражданско-правового договора, если он отвечает указанным законом признакам» [9, с. 25]. Согласимся с авторами, выделившими сущностную черту рассматриваемого явления – «особенности заключения» гражданско-правового договора. Однако, на наш взгляд, нет оснований выделять какие-либо «несамостоятельные договорные конструкции», так как это ведет к неоправданному загромождению договорного права необоснованными и ненужными понятиями.

А.Я. Ахмедов рассматривает смарт-контракт в качестве «специальной договорной конструкции» [10, с. 22].

Известно, что оформление соглашения сторон возможно по-разному, с учетом, безусловно, требований закона. Технический прогресс, предоставляющий широкие возможности выбора способов установления связей, вносит изменения и в классические схемы договорного права. На наш взгляд, закрепление условий договора с помощью программного кода не обладает признаком самостоятельного объекта, поскольку договорное право устанавливает различные возможности формализации договоренностей, достигнутых сторонами.

Конструкция договора как соглашения лиц построена на необходимости обсуждения и согласования условий обязательства. Сегодня на повестке дня, благодаря цифровым технологиям, появился и рассматривается самоисполняемый автономный договор.

Заметим, что в первоначальном тексте (в первом чтении) проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» содержалось определение смарт-контракта, получившее справедливую критику: «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств». В тексте законопроекта для второго чтения, а также в конечной редакции Закона № 259-ФЗ понятие смарт-контракта не содержится.

На наш взгляд, смарт-контракт не может являться особым видом договора, а является отдельным способом заключения и исполнения договора, характеризующимся специфическими чертами. В первую очередь, выделим сферу применения умных контрактов – цифровая среда, исполнение договора осуществляется путем использования информационной площадки. Соответственно, будет обязательное использование электронной подписи. Привлекательность новых технологий и использование смарт-контракта обусловлено наличием гарантий для сторон договора – исполнение обязанностей по договору одной стороной поставлено в зависимость от исполнения встречных обязанностей другой стороной, автоматическое исполнение обязательства возможно при фиксации программой наступления определенных обстоятельств для совершения действий по исполнению обязательства.

Закон № 34-ФЗ внес необходимые в условиях использования новых технологий изменения в правила о письменной форме сделки, согласно которым совершение сделки с помощью электронных и иных технических средств приравнивается к письменной форме сделки. Независимо от способа совершения сделки следует беспрекословно выполнять условия действительности сделок, соответственно, законодатель предусматривает правило о возможности фиксации условий сделки на материальном носителе.

Таким образом, предпринятую законодателем попытку легализовать понятие цифровых прав для правового обеспечения цифровой экономики сложно назвать удачной. Понятие цифрового права не раскрыто, эффективные меры контроля в цифровой среде не установлены. Все вышесказанное подтверждает необходимость проведения комплексных исследований, недопустимости принятия поспешных решений, уважительного отношения к классическим институтам гражданского права.

Литература

1. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в ч. 1, 2 и ст. 1124 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1.

3. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002.

4. Гражданское право. М., 2003.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография. М., 2019.

8. Степанян А.С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7.

9. Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.

10. Ахмедов А.Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2.

Bibliography

1. Federal Law № 34-FL of March 18, 2019 «On Amendments to Parts One, Two and Art. 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

2. Nesterov A.V. On digital rights and objects of digital rights // Pravo i digitalnaya ekonomika. 2020. № 1.

3. Lapach V.A. The system of objects of civil rights: theory and judicial practice. SPb., 2002.

4. Civil Law. M., 2003.

5. Federal Law № 259-FL of 31.07.2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

6. Federal Law № 259-FL of 02.08.2019 «On Attracting investments using Investment Platforms and on Introducing Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

7. Legal regulation of economic relations in modern conditions of digital economy development: monograph. M., 2019.

8. Stepanyan A.S. Some problems of civil-legal turnover of digital rights // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 7.

9. Efimova L.G., Sizemova O.B. The legal nature of a smart contract. 2019. № 1.

10. Akhmedov A.Ya. On the question of the signs of a smart contract as a contractual structure // Pravo i digitalnaya ekonomika. 2020. № 2.

УДК 341.2
ББК 60.9

© 2021 г. Литвинова Юлия Игоревна,
доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Кисс Светлана Владимировна,
старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

ПРАВО НА КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Статья посвящена анализу актуальных вопросов права на коммуникацию в международно-правовой доктрине. Рассмотрены особенности нормативного закрепления права на коммуникацию на международном уровне. Определены особенности развития права на коммуникацию и ее влияние на развитие индивида, государства и общества.

Ключевые слова: *право на коммуникацию, свобода коммуникации, коммуникации в целях развития.*

Litvinova Yulia Igorevna – Associate Professor, the Department of Theory of State and Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kiss Svetlana Vladimirovna – Senior Lecturer of the Department of State and Civil and Legal Disciplines of the Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE RIGHT TO COMMUNICATE IN THE INTERNATIONAL LEGAL DOCTRINE: TOPICAL ISSUES

The article is devoted to the analysis of topical issues of the right to communication in the international legal doctrine. The features of the normative consolidation of the right to communication at the international level are considered. The features of the development of the right to communication and its influence on the development of the individual, state and society are determined.

Keywords: *the right to communicate, freedom of communication, communication for development.*

Информатизация, как определяющий фактор развития современного общества, способствует переходу к изменению типа социальной коммуникации (СК), поскольку традиционные формы воплощения, хранения и передачи данных в настоящее время заменяются их цифровыми аналогами. В результате формируется новая культура потребления и новые виды коммуникационного диалога, в котором современные устройства и новейшие средства трансляции знаний играют зачастую доминантную роль в процессе налаживания понимания.

Трансформация общественных отношений, вызванных новыми коммуникационными средствами, не может не поражать, поскольку меняются социальные роли – человек перестал быть только получателем новостей (информации), а становится их создателем и коммуникатором в реальном времени, прежде всего, благодаря технологиям массовой коммуникации.

Стремительное развитие средств общения и связи на основе современных информационно-коммуникационных технологий (Information and Communication Technologies) (ИКТ) вызывает потребность правового реагирования на международном уровне, поскольку от этого зависит эффективность существующих международно-правовых инструментов межгосударственного сотрудничества в информационной сфере.

Однако переход к информационному обществу (ИС) в настоящее время для большей части мира до сих пор остается преимущественно набором теоретических постулатов и декларативных принципов.

Если рассматривать истоки парадигмы права на коммуникацию, то стоит отметить, что, как и большинство других прав и свобод человека, наибольшее развитие концепция права на коммуникацию получила после Второй мировой войны. Однако «пик» теоретических исследований касательно данной категории прав приходится на период уже после принятия Международного пакта о политических и гражданских правах 1966 г., статья 19 которого зафиксировала свободу коммуникации как часть свободы выражения (информации) [1].

Президент Европейской академии теории права, профессор Марк ван Хук (Mark van

Hoecke), определял понятие «коммуникация» как понятие «полисемичное» [2, с. 20]. При этом большинство трактовок понятия «коммуникация» отражают узкие, специфические значения.

Сегодня право на коммуникацию является нормативно закрепленным. Для подтверждения тезиса о всеобщем признании права на коммуникацию как одного из фундаментальных прав человека обратимся к международно-правовым актам в сфере защиты прав человека. Так, по нашему мнению, наиболее развернутое определение коммуникации подается через дефиницию «общение» в Конвенции ООН о правах инвалидов 2006 г., учитывающую особенности коммуникации лиц с ограниченными возможностями [3].

Право на коммуникацию как правовой феномен в процессе развития средств коммуникаций за последнее время в значительной степени испытало концептуальные изменения. Исследованию социальных и правовых аспектов права на коммуникацию уделяли внимание многочисленные ученые, придавая ему содержательное наполнение. Идеи и разработки Д.К. Берло, Г.Д. Лассуелла, Ш. Макбрайда, Э. Роджерса и др. были положительно восприняты на международном уровне, где в конце 1970-х начале 1980-х гг. оживленно велась дискуссия по поводу медиапредставлений. В ходе этой дискуссии появился термин «New World Information and Communication Order» («Новый мировой порядок в области информации и коммуникации») (NWICO или NWIO), ключевым аспектом которого стало высказывание, что коммуникация является неотъемлемым условием человеческой жизни (а не только правом человека), а «усилия развивающихся стран должны быть сконцентрированы на принятии и внедрении отдельных ключевых аспектов процесса коммуникации, особенно «процесса доступа» и «процесса участия»» [4].

В итоге, в заключительном докладе экспертов по результатам совещания, проведенного под эгидой ЮНЕСКО, в Стокгольме в мае 1978 г. было принято, что:

– во-первых, право на коммуникацию является ценной философской концепцией, которая должна составлять основу нового определения прав человека;

– во-вторых, коммуникация является неотъемлемым условием человеческой жизни, и с философской точки зрения избавляет от необходимости и делает, вероятно, ошибочным его определение только как право человека;

– в-третьих, долгосрочные философские обсуждения на тему, должно или нет право на коммуникацию определяться как право человека, были признаны нецелесообразными с практической точки зрения и по политическим причинам [4].

Параллельно с этим ученые пришли к общему согласию, что необходимо обратить особое внимание на новый коммуникационный порядок, в котором такие аспекты процесса коммуникации как «доступ» и «участие» являются ключевыми элементами и должны внедряться как можно шире [4].

Также в 1978 г. ЮНЕСКО приняла Декларацию об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне. Данный документ содержит такие основные принципы как принцип свободного распространения информации, принцип гарантированности разнообразия источников и средств информации и др. [4].

На фоне активной международной дискуссии в 70-80-х гг. о концепции права на коммуникацию была предпринята попытка сформулировать общие нормы и принципы так называемого «нового мирового порядка в области информации и коммуникации» (NWICO) для закрепления в международно-правовых инструментах. Именно с этой целью была создана комиссия, которую возглавил нобелевский лауреат Шон Макбрайд (Sean McBride). Мандатом комиссии предусматривались задачи по исследованию существующих политико-правовых проблем в сфере коммуникации и деятельности средств массовой информации, коммуникационных потребностей индивидов, сообществ, частного сектора, государств и человечества в целом (при этом особое внимание уделялось потребностям развивающихся государств). Результатом работы комиссии стал так называемый «доклад Макбрайда» – «Много голосов, один мир» («Many Voices One World») [5, с. 42]. В докладе Ш. Макбрайд указывал на проблемы информации в современном мире, в частности на монополизации и коммерциализации медиа, призывал к демократизации СМИ, преодолению неравенства в области информации и коммуникации. Комиссия пришла к выводу о необходимости осуществления обмена информацией на основе признания принципов суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела других государств [6, с. 242].

Не соглашаясь с принятием ЮНЕСКО вышеупомянутой резолюции, Соединенные Штаты в 1984 г. и Объединенное Королевство в 1985 г., приостановили членство в ЮНЕСКО, обвинив ЮНЕСКО в излишней политизации деятельности данной гуманитарной организации и потаканием странам социалистического лагеря в попытках ограничить свободу прессы.

Однако желание найти компромисс между сторонниками концепции «свободного потока информации» и NWICO сказалось в разработке так называемой «Новой коммуникационной стратегии», которая основывалась на укреплении коммуникационного потенциала и поощрении свободного потока информации [7]. Указанная стратегия была единогласно одобрена Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 1989 г. Именно в этот период происходит падение «Берлинской стены», в результате чего появляются новые демократические страны в Центральной и Восточной Европе, для которых крайне актуальными становятся вопросы свободы прессы.

В этот же период меняются и приоритеты в деятельности ЮНЕСКО. С учетом этих масштабных политических изменений, основополагающий принцип «свободного потока информации», закрепленный в статье 2 Устава ЮНЕСКО, снова становится приоритетным в ее деятельности [8].

Международная программа развития коммуникации (International Programme for the Development of Communication), принятая в 1980 г. на XXI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, стала главным средством осуществления новой стратегии в области коммуникации, с целью содействия плюрализму средств массовой информации [9].

При этом необходимо отметить, что научные разработки и концепции, которые были начаты в 70-х гг. прошлого века, не канули в Лету и теперь воплощены в концепциях глобального информационного общества и развития коммуникаций.

Следует заметить, что право на доступ к информации как составляющая свободы информации и гарантия «открытости» публичной власти нашло всеобщее признание путем закрепления в международных договорах. При этом во многих международно-правовых актах [10; 11] доступ к информации рассматривается как правовой инструмент, что создает возможность участия общественности в принятии управленческих решений органами власти, а сами информационные и коммуникационные технологии «расширяют» публичное пространство для участия общественности.

В этом контексте проявляется взаимосвязь категорий «доступ» – «участие», которая усиливается, благодаря широкому применению ИКТ во всех сферах человеческой жизни. В частности, в приложении к Программе для информационного общества (ВВУИО (WSIS)) в Тунисе в 2005 г. предусматриваются основные направления использования ИКТ как инструмента информационного общества [12].

Учитывая это, право на коммуникацию приобретает отдельную правовую ценность как важная гарантия свободы коммуникаций, а также инструмент «электронного участия» (E-participation), что составляет краеугольный камень «электронной демократии» (E-democracy).

Развитие технологий открывает новые возможности для использования ограниченных телекоммуникационных ресурсов, расширяет сферы и направления для их рационального, равноправного, эффективного и экономичного использования, а также способствует преодолению неравномерности и отставанию отдельных регионов, стран, наций, групп и индивидов в развитии информационного общества и пользовании его благами.

Отдельно, считаем, необходимо отметить Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1996 г. A/RES/51/172 «Коммуникация в интересах программ развития в системе ООН». В которой подчеркивается необходимость поддержки систем двусторонней коммуникации, т. е. данная позиция не ограничивается традиционным представлениям о праве на коммуникацию, а акцентирует внимание на участии государств в собственном развитии, в социальном процессе не только как получателей информации, но и «двигателей данного развития» [13].

Это понятие было дополнено в 2006 г. на Римском консенсусе по результатам Всемирного конгресса по коммуникации в целях развития и отражает более глубокое ее [коммуникации] понимание, а именно как «...социальный процесс на основе диалога с использованием широкого спектра инструментов и методов». Речь идет уже об укреплении доверия, обмене знаниями и навыками и т. п. [13].

Коммуникации в целях развития – это программа, которая использует все общественные коммуникационные системы, включая межличностные, социальные, общественные, организационные сети, а также традиционные и электронные СМИ в коммуникационной среде, что закладывает основу

для доступа к информации и знаниям, разнообразия контента и эффективному управлению. Эта среда включает в себя с одной стороны – независимые и свободные СМИ, а так же открытое гражданское общество, а с другой – органы государственной власти (в лице правительства), которые поощряют общественные дискуссии и влияние общественности (институтов гражданского общества) [14].

Свобода коммуникации является универсальной свободой, которая предусматривает права не только индивидов, но и права сообществ и государств на коммуникацию. Право на коммуникацию для развивающихся наций является их цивилизационным правом на развитие с помощью коммуникаций. Это включает право на недискриминационный доступ к инфраструктуре, право на справедливое распределение и использование общественно важных ресурсов (радиочастотного спектра, телефонного номерного ресурса, адресного пространства в сети Интернет), право на сохранение и развитие своих культур, в частности, в виртуальной информационной сфере в Интернете.

В резолюции «Использование информационно-коммуникационных технологий в целях развития», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2011 г., также отмечается зависимость развития индивида, общества и государства от доступа к коммуникациям (на основе широкополосной связи) и контента (в Интернете) и признается, что «…свобода выражения мнений и свободный поток информации, идей и знаний имеют существенное значение и способствуют развитию» [14].

Однако анализ международных актов и доктринальных позиций позволяет определить, что в большинстве исследований речь не идет о «положительных» обязательствах государства обеспечить право человека на коммуникацию, а свобода коммуникации преимущественно отмечается как «отрицательная» свобода, которая заключается в беспрепятственности трансграничных коммуникаций. В частности, Л. Коннерс (*Leila Conners*) в своей статье «Свобода подключения» («Freedom to Connect») в 1997 г. отмечает, что «существенным компонентом возникающей глобальной культуры является возможность и свобода подключения [*авт. – доступа к информации*] – для любого, в любое время, в любом месте, для любых целей» [15, с. 17].

Доктор юридических наук В.П. Талимончик в своих исследованиях еще в 2008 г. обратила внимание на влияние концепции глобального информационного общества на содержание информационных прав и свобод. [16, с. 328]. По мнению автора, со времени принятия статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах в 1966 г. [1] происходит трансформация права на коммуникацию от свободы индивида на поиск, получение и распространение информации (т. е. пассивной функции государства воздержаться от неправомерного ограничения свободы информации) до позитивных обязательств государства обеспечить свободу коммуникации путем предоставления широкого и гарантированного доступа индивидов к средствам коммуникации.

Анализ международных актов позволяет определить, что на универсальном уровне в разных международно-правовых договорах в области прав человека, а также в актах международных организаций (таких, как ООН, ЮНЕСКО, Международный союз электросвязи и др.) право на коммуникацию признается фрагментарно и отсутствие «базовых» («идеальных») параметров и общих критериев процесса правотворчества в сфере информационных систем и технологий определяют основные трудности в развитии информационного общества [17, с. 163]. При этом право человека на доступ к коммуникациям, как составной части коммуникационной свободы в международном праве, имеет не только социально-культурный аспект (в том числе как средство влияния на социализацию личности) [18, с. 312–313], но и экономический и технологический.

Подводя итоги, необходимо отметить, что свобода коммуникации является необходимым условием «представительной» демократии, обеспечивает полноправное активное участие граждан в общественно-политической жизни. ИКТ создают новые и расширяют существующие возможности для свободы коммуникации как условие активного участия индивида в общественной жизни. Свобода коммуникации включает не только субъективное право индивида на коммуникацию, но и «негативные» (избегать нарушения права на коммуникацию) и «позитивные» (обеспечивать соблюдение права на коммуникацию, создавать условия и возможности для доступа к коммуникации и информации и т. п.) обязательства государства.

Свобода коммуникации является составной частью свободы информации, заключается в свободной (добровольной и беспрепятственной) передаче и получении информации в любой форме и любыми средствами независимо

от государственных границ (юрисдикций). Современное международное право признает и гарантирует право на коммуникацию фрагментарно как право человека в составе базовой для демократии свободы информации (свободы слова), а также права сообществ, наций и народов на доступ к коммуникационной инфраструктуре и развитие через коммуникации.

Литература

1. URL: http://base.garant.ru/2540295/.
2. Марк ван Хук. Право как коммуникация. СПб., 2012.
3. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabil ity.shtml.
4. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_ 141.shtml.
5. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0004/000400/040066eb.pdf.
6. Виноградова С.М., Мельник Г.С. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30).
7. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001112/111240e.pdf.
8. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900831.
9. URL: https://en.unesco.org/programme/ipdc.
10. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ orhus.shtml.
11. URL: http://base.garant.ru/2541415/.
12. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf.
13. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/61/165.
14. URL: http://www.c4d.undg.org/system/files/Oslo%20C4D-PDA_web_0.pdf.
15. URL: http://open.mitchellhamline.edu/wmlr/vol38/iss1/11.
16. Талимончик В.П. Проявление глобализации в информационной сфере и новые задачи для международного права // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина. Материалы Международной научно-практической конференции. (Красноярск, 25–26 сентября 2008 г.). Красноярск, 2008.
17. Кисс С.В. Взаимодействие международного права и национальных правовых систем в условиях информационного общества // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. 2019.
18. Литвинова Ю.И. К вопросу о влиянии массмедиа на процесс социализации личности в современной России // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XVIII Международной научной конференции (Иваново, 03–04 апреля 2019 г.). Иваново, 2019.

Bibliography

1. URL: http://base.garant.ru/2540295/.
2. Mark van Hoecke Right as communication. SPb., 2012.
3. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disa bility.shtml.
4. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_ 141.shtml.
5. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0004/000400/040067eb.pdf.
6. Vinogradova S.M., Melnik G.S. Problems of overcoming inequality in international information exchange // Humanitarian vector. 2012. № 2 (30).
7. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001112/111240e.pdf.
8. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900831.
9. URL: https://en.unesco.org/programme/IPDC.
10. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ orhus.shtml.
11. URL: http://base.garant.ru/2541415/.
12. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf.
13. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/a/61/165.
14. URL: http://www.c4d.undg.org/system/files/oslo%20c4d-pda_web_0.pdf.
15. URL: http://open.mitchellhamline.edu/wmlr/vol38/iss1/11.
16. Talimonchik V.P. The manifestation of globalization in the information sphere and new tasks for international law // Comparative lawwork: Science, methodology, educational discipline. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, September 25–26, 2008). Krasnoyarsk, 2008.
17. Kiss S.V. The interaction of international law and national legal systems in the information society // Law and state: problems of methodology, theory and history: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019.
18. Litvinova Yu.I. To the question of the influence of the mass media on the process of identification socialization in modern Russia // State, society, church in the history of Russia of the 20-th century: materials of the XVIII International Scientific Conference (Ivanovo, 03–04 April 2019). Ivanovo, 2019.

УДК 341.2
ББК 67.9

© 2021 г. Михайлов Станислав Владимирович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, доцент кафедры «Гражданское право» «Донского государственного технического университета» кандидат юридических наук.

Фатхи Валентина Игоревна,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ОГОВОРКИ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена рассмотрению правового регулирования применения оговорки о публичном порядке в международном гражданском процессе. На основе анализа судебной практики сделаны обобщения по вопросам правоприменения в исследуемой сфере.

Ключевые слова: *гражданское право, гражданское судопроизводство, международный гражданский процесс, международный коммерческий арбитраж, оговорка о публичном порядке.*

Stanislav Mikhailov Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, the Department of Civil Law at the Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

Fathi Valentina Igorevna – Head of the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE PUBLIC PROCEDURE CLAUSE IN JUDICIAL PRACTICE

The paper was devoted to considering the legal regulation of the application of the public order clause in the international civil process. On the basis of the analysis of the court practice, the generalizations have been achieved by the issues of the law enforcement in the research field.

Keywords: *civil law, civil proceedings, international civil process, international commercial arbitration, public order clause.*

В современном российском и международном законодательстве и судебной практике нет определения публичного порядка. Однако суды ссылаются на него, когда отказывают в признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража. В настоящей статье проведено исследование типовых ситуаций применения оговорки о публичном порядке в современном правоприменении, а также анализ возникающих проблем правоприменения.

За десять лет арбитражные суды отказались привести в исполнение 20 иностранных арбитражных решений из-за нарушения публичного порядка Российской Федерации. Это около 40 % от всех отказов [1]. Арбитражные суды достаточно редко рассматривают заявления о признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей, главным основанием для отказа в их удовлетворении попрежнему остается нарушение публичного порядка. Проиллюстрируем, как суды применяют оговорку о публичном порядке. Для этого приведем самые типичные примеры из практики за последние несколько лет.

Суд может отказаться признавать и приводить в исполнение иностранное арбитражное решение, если посчитает, что оно нарушает публичный порядок РФ (абз. 2 п. 2 ч. 1 ст. 36 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже», далее – Закон № 5338–1 [2]).

Наше законодательство не конкретизирует содержание публичного порядка. Нью-Йоркская конвенция 1958 года и другие международные нормативные правовые акты также не раскрывают содержание понятия «публичный порядок» [3].

В доктрине существует позиция, согласно которой понятие «публичный порядок» должно включать в себя основы конституционного строя РФ, принципы отраслей права, общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры РФ [4].

ВАС отмечал, что под публичным порядком в рамках признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражей следует понимать фундаментальные правовые начала (принципы). Эти принципы обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства [5].

Следует отметить, что у судов не сложился единый подход к содержанию публичного порядка, что неизбежно приводит к расширительному толкованию публичного порядка при приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. К сожалению, иногда суды применяют оговорку о публичном порядке необоснованно, рассмотрим некоторые типовые ситуации в подтверждение данного тезиса.

1. Иностранное решение предусматривает взыскание с организаций, аффилированных с РФ. Арбитражные суды отказываются исполнять решения иностранных арбитражей, если речь идет об обращении взыскания на имущество компаний, аффилированных с РФ.

Проанализируем пример из правоприменительной практики: Арбитражный суд Московского округа признал нарушением публичного порядка исполнение иностранного арбитражного решения о взыскании убытков с организации, конечным бенефициаром которой является РФ. По мнению суда, исполнение подобных арбитражных решений может нанести вред бюджету государства. Это само по себе является нарушением публичного порядка РФ [6].

В практике есть и другие примеры судебных актов, содержащих аналогичную позицию [7].

Видится, что данная практика является ошибочной. Фактически организации с долей государственного участия получают иммунитет против любых взысканий, предусмотренных решениями иностранных арбитражей. Нарушается принцип обособленности имущества юридического лица, установленный ст. 48 ГК РФ. Фактически, подобной практикой Российская Федерация как государство отождествляется с подконтрольными ей юридическими лицами.

2. Выводы иностранного арбитража не соответствуют требованиям материального права РФ. Арбитражные суды признают нарушением публичного порядка несоответствие выводов иностранных арбитражей материальному праву РФ.

Проанализируем пример из правоприменительной практики: Арбитражный суд города Москвы отказал в приведении в исполнение решения МКАС при ТПП Украины. Причина отказа: состав арбитража не проверил одобрение договора, по которому взыскивалась задолженность как крупной сделки в порядке п. 3 ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Решение суда оставили без изменения суд округа и ВС [8].

В другом деле суд отказался признавать иностранное арбитражное решение, так как иностранный арбитраж не установил оснований для взыскания с компании-ответчика неустойки [9].

Суд также может отказать в признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража в связи с тем, что оно якобы не соответствует принципу правовой определенности. Так, в июне 2020 года поступил Арбитражный суд Московского округа, отказавшись приводить в исполнение решение Лондонского международного третейского суда [10].

Следует отметить, что суд, приводящий в исполнение решение иностранного арбитража, не вправе переоценивать его выводы по существу спора – возможна лишь проверка процессуальных оснований недействительности решения. Однако российские суды нарушают это правило, пересматривая решения иностранных арбитражей по существу.

3. Нет сведений о надлежащем извещении участника спора, или спор относится к исключительной компетенции российских судов. Арбитражные суды полагают, что нарушением публичного порядка РФ является отсутствие сведений о надлежащем извещении стороны арбитражного разбирательства или же отнесение спора к исключительной компетенции российских арбитражных судов [11].

Эти основания для отказа в признании иностранных арбитражных решений являются самостоятельными и закреплены в положениях ст. 36 Закона № 5338–1. Слияние воедино данных оснований с оговоркой о публичном порядке свидетельствует о ее чрезмерно расширительном толковании со стороны российских судов.

4. Стороны инициировали спор исключительно с целью злоупотребления правом. Иногда суды обоснованно применяют оговорку о публичном порядке. Это касается ситуаций, когда решение иностранного арбитража используется исключительно в недобросовестных целях, направленных на обход императивных положений закона или вступивших в силу судебных решений [12].

Суд может пресечь исполнение иностранных арбитражных решений, которые направлены на обход порядка удовлетворения требований кредиторов в рамках дела о банкротстве. Например, Арбитражный суд Московского округа отказался привести в исполнение решение арбитража, направленное на приоритетное по отношению к иным кредиторам получение имущества компании-банкрота [13].

В другом деле суд отказал в приведении в исполнение решения иностранного арбитража, указав, что реальной целью арбитражного разбирательства было уклонение участников спора от налогов, подлежащих уплате на территории РФ [14].

Из этих примеров видно, что оговорка о публичном порядке может играть и положительную роль в механизме признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражей.

Главная проблема, сопряженная с применением оговорки о публичном порядке, связана с отсутствием дефиниции. В подавляющем большинстве зарубежных стран понятие публичного порядка не закреплено в законодательстве, а потому ощущается потребность очертить пределы применения оговорки о публичном порядке в РФ на законодательном уровне.

В суды поступает относительно немного заявлений о приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Поэтому у российских судей не сложилось полного понимания действующего в данной сфере нормативного правового регулирования.

Показательной является ситуация с применением арбитражными судами ч. 2 ст. 244 АПК, регламентирующей порядок приведения в исполнение решений иностранных судов, по отношению к арбитражным решениям [15].

Распространена практика по применению положений Нью-Йоркской конвенции к процедуре исполнения актов государственных иностранных судов. Следовательно, российские суды зачастую не проводят различия между иностранными судебными и арбитражными решениями.

У российских государственных судов сложилось крайне негативное отношение к институту арбитражного разбирательства в целом. Несмотря на то, что в России была проведена масштабная реформа третейского разбирательства, многие из ее итогов еще не подведены. Остается неясным положение иностранных арбитражных учреждений, не имеющих на территории РФ статуса постоянно действующих арбитражных учреждений. Их решениям государственные суды уделяют особенно пристальное внимание.

Ощущается также недоверие к арбитражным решениям, вынесенным на территории отдельных стран. Например, нередки случаи отказа в исполнении в РФ арбитражных решений, вынесенных на Украине.

Хотелось бы надеяться, что практика применения оговорки о публичном порядке и отношение российских судов к международному коммерческому арбитражу изменятся в лучшую сторону.

Суды могли бы по аналогии применять критерии, установленные Пленумом ВС для ничтожности сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, в частности, установленные в п. 85 постановления Пленума ВС от 23.06.2015 № 25. На наш взгляд, обозначенные Пленумом ВС критерии могли бы применяться и для определения того, будет ли исполнение иностранного арбитражного решения нарушать публичный порядок РФ. Подобные меры ужесточат критерии использования оговорки о публичном порядке и позволят сделать более единообразной практику по ее применению.

Однако в ближайшее время не следует ожидать положительной практики судов по применению оговорки о публичном порядке. В связи с принятием в июле 2020 года конституционных поправок в ст. 125 Конституции РФ фактически установлен приоритет норм российского права по отношению к нормам международного права. Вероятно, принятие данных поправок приведет к тому, что российские суды будут еще более расширительно толковать публичный порядок в ходе признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

В заключение следует отметить, что сегодня единый подход судов к понятию публичного

порядка еще не сложился. В состав публичного порядка суды включают любые предполагаемые процессуальные и материальные недостатки арбитражного решения.

Оговорка о публичном порядке включена в текст Нью-Йоркской конвенции 1958 года и Закона № 5338–1 не просто так. Она должна выступать в качестве механизма, который пресекает исполнение арбитражных решений, содержащих в себе противозаконный элемент, представляющий опасность для общественных и государственных интересов.

Оговорка о публичном порядке предусмотрена ст. V (2)(b) Нью-Йоркской конвенции 1958 года и воспроизведена в Законе № 5338–1.

Однако суды часто признают публичный порядок РФ нарушенным по малозначительным, а порой и надуманным основаниям. Таким образом, оговорка о публичном порядке становится процессуальным инструментом, который позволяет не приводить в исполнение «нежелательные» для российской правовой системы решения иностранных арбитражей. Это наносит большой репутационный ущерб институту международного коммерческого арбитража. Участники арбитражных разбирательств вынуждены тратить огромные средства, при этом не имея уверенности в том, что арбитражное решение будет исполнимым на территории РФ.

Литература

1. Исследование Российской арбитражной ассоциации о применении Нью-Йоркской конвенции российскими судами в 2008–2017 гг. // URL: https://arbitration.ru/.

2. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета от 14 августа 1993 г.

3. Карабельников Б.Р. Оговорка о публичном порядке в новейшей практике российских и зарубежных судов // Вестник международного коммерческого арбитража. 2006. № 1.

4. Куркин Б.А., Искевич И.С. Понятие «публичный порядок» в российской арбитражной доктрине // Современное право. 2019. № 6.

5. Информационное письмо Президиума ВАС от 26.02.2013 № 156 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление АС Московского округа от 21.02.2019 по делу № А40-117326/18.

7. Постановления АС Московского округа от 04.10.2018 по делу № А40-117331/18, от 29.08.2019 по делу № А40-117326/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Решение АС г. Москвы от 29.11.2017 по делу № А40-155403/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление АС Московского округа от 25.03.2019 по делу № А40-232485/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление АС Московского округа от 10.06.2020 по делу № А40-124600/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение ВС от 28.10.2019 по делу № А40-296672/2018; постановления

Bibliography

1. Study of the Russian Arbitration Association on the application of the New York Convention by Russian courts in 2008–2017 // URL: https://arbitration.ru/.

2. Law of the Russian Federation of July 7, 1993 № 5338-I «On International Commercial Arbitration» // Rossiyskaya Gazeta of August 14, 1993.

3. Karabelnikov B.R. Reservation on public order in the latest practice of Russian and foreign courts // Bulletin of International Commercial Arbitration. 2006. № 1.

4. Kurkin B.A., Iskevich I.S. The concept of «Public order» in the Russian arbitration doctrine. 2019. № 6.

5. Information letter of the Presidium of the SAC dated 26.02.2013 № 156 // LRS «ConsultantPlus».

6. Resolution of the Moscow District Administrative Court of 21.02.2019 on case № A40-117326/18.

7. Resolutions of the Moscow District Administrative Court of 04.10.2018 in case № A40-117331/18, of 29.08.2019 in case № A40-117326/2018 // LRS «ConsultantPlus».

8. The decision of the AC of Moscow of 29.11.2017 on the case № A40-155403/2017 // LRS «ConsultantPlus».

9. Resolution of the AC of the Moscow District of 25.03.2019 on case no. A40-232485/2018 // LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Moscow District Administrative Court of 10.06.2020 on case № A40-124600/2019 // LRS «ConsultantPlus».

11. Determination of the Supreme Court of 28.10.2019 in case № A40-296672/2018; decisions of the Moscow District Administrative Court of 14.06.2019 in case № A40-217844/18, of the Volga

АС Московского округа от 14.06.2019 по делу № А40-217844/18, АС Поволжского округа от 01.03.2019 по делу № А57-31314/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение ВС от 22.04.2019 по делу № А40-200973/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление АС Московского округа от 04.03.2020 по делу № А40-30440/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение АС г. Москвы от 26.09.2018 по делу № А40-169104/18-141-1317 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определения АС г. Москвы от 17.12.2018 по делу № А40-296672/18-63-2466, от 17.04.2017 по делу № А40-20588/17-3-195, от 06.02.2017 по делу № А40-20588/17-3-195, АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.01.2020 по делу № А56-753/2020, от 08.09.2016 по делу № А56-61088/2016, АС Пермского края от 10.10.2019 по делу № А50-31243/2019, АС Челябинской области от 26.12.2018 по делу № А76 42888/2018, АС Красноярского края от 26.08.2016 по делу № А33-19365/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

District Administrative Court of 01.03.2019 in case № A57-31314/2017 // LRS «ConsultantPlus».

12. Determination of the Supreme Court of 22.04.2019 in case № A40-200973/2015 // LRS «ConsultantPlus».

13. Resolution of the AC of the Moscow District of 04.03.2020 in case № A40-30440/2019 // LRS «ConsultantPlus».

14. The ruling of the AC of Moscow of 26.09.2018 in case № A40-169104/18-141-1317 // LRS «ConsultantPlus».

15. Definitions of the AC of Moscow of 17.12.2018 in case no. A40-296672/18-63-2466, dated 17.04.2017 in case № A40-20588/17-3-195, dated 06.02.2017 in case № A40-20588/17-3-195, AC of St. Petersburg and Leningrad Region of 15.01.2020 in case № A56-753/2020, of 08.09.2016 in case № A56-61088/2016, AC of Perm Krai of 10.10.2019 in case № A50-31243/2019, AC of Chelyabinsk Region of 26.12.2018 in case № A76 42888/2018, AC of Krasnoyarsk Krai of 26.08.2016 in case № A33-19365/2016 // LRS «ConsultantPlus».

УДК 349.6
ББК 20.1

© 2021 г. Негодаева Елена Георгиевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: a.negodaeva@bk.ru

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ НАДЗОР НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Автором проведен анализ полномочий компетентных органов власти в части обеспечения экологической безопасности и эффективности их реализации. Сформулирован перечень проблем, обуславливающих низкую эффективность экологического надзора, и предложен ряд мероприятий по ее повышению.

Ключевые слова: *федеральный экологический надзор, региональный экологический надзор, экологические правонарушения, экологическая безопасность.*

Negodaeva Elena Georgievna – Associate Professor, the Department of Civil and Legal Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

FEDERAL AND REGIONAL ENVIRONMENTAL SUPERVISION ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The author analyzed the powers of the competent authorities in terms of ensuring environmental safety and the effectiveness of their implementation. A list of problems which caused to the low efficiency of environmental supervision was formulated and a number of measures for improving the situation were proposed.

Keywords: *federal environmental supervision, regional environmental supervision, environmental offenses, environmental safety.*

Вопрос обеспечения экологической безопасности на сегодняшний день стоит достаточно остро в каждом государстве и, конечно, Россия не является исключением. Следует отметить, что под экологической безопасностью понимается комплекс политических, экономических и социальных мероприятий, направленных на защиту окружающей среды от негативного воздействия человека в результате осуществления им хозяйственной деятельности.

В каждой стране мира уже достаточно давно сложилась своя эффективная практика обеспечения экологической безопасности в зависимости от уровня развития производства и других значимых факторов. Следует отметить, что 2020-й год в России стал годом экологических катастроф, к числу которых относятся разливы нефти на Волге, утечка дизельного топлива в Норильске, пожары в Якутии, реликтовых лесах на Кубани, и многие другие. Безусловно, последствия указанных катастроф необходимо будет устранять еще достаточно долго. Сегодня компетентные органы проводят расследования по установлению причин и виновных лиц произошедшего, однако пока это так и не удалось, что свидетельствует о достаточно низком уровне экологической безопасности в нашей стране.

В целях ее повышения необходимо, прежде всего, начать с анализа правового регулирования экологического надзора в Российской Федерации и каждом отдельно взятом субъекте. Так как именно в ходе экологического надзора возможно выявить предпосылки совершения экологических правонарушений, а также установить виновных лиц и применить в отношении них меры юридической ответственности, в случае, если правонарушение уже совершено.

Определение экологического надзора закреплено на законодательном уровне, что, несомненно, является плюсом при привлечении виновных лиц к ответственности за нарушение экологической безопасности. Так, в соответствии с п. 1 ст. 65 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», под государственным экологическим надзором следует понимать деятельность уполномоченных органов государ-

ственной власти по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений требований законодательства об охране окружающей среды посредством проведения проверок [1]. Таким образом, субъектами экологического надзора, с одной стороны, выступают контрольно-надзорные органы государственной власти, а с другой – субъекты, деятельность которых является непосредственно предметом контроля, к которым могут относиться также органы государственной власти, юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане.

К видам государственного экологического надзора, в зависимости от контролирующего субъекта, относятся:

– государственный федеральный экологический надзор;

– государственный региональный экологический надзор.

К видам государственного экологического надзора, в зависимости от объекта контроля, относятся:

– государственный земельный надзор;

– государственный надзор в области обращения с отходами;

– и другие виды, включенные в перечень согласно п. 2 ст. 65 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Как следует из определения, и практика это подтверждает, основным методом экологического надзора являются проверки, которые, в зависимости от вида государственного экологического надзора, проводятся в соответствии с положениями Постановления Правительства РФ от 8 мая 2014 г. № 426 «О федеральном государственном экологическом надзоре» и Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с учетом требований отраслевых законов. Так, например, государственный земельный надзор регулируется как нормами Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ, так и нормами Земельного кодекса Российской Федерации [2].

Как справедливо отмечает Н.В. Данилова, несмотря на издание достаточно большого количества нормативных правовых актов, регулирующих осуществление экологического надзора и отдельных его видов, а также их систематическое обновление, законодателю не удалось избежать пробелов и коллизий, препятствующих эффективному проведению экологического надзора на практике [3].

Так, к основным пробелам в правовом регулировании экологического надзора, нуждающимся в устранении, следует отнести:

– отсутствие определения на законодательном уровне порядка проведения плановых и внеплановых проверок при организации отдельных видов государственного экологического надзора, кроме государственного земельного надзора;

– достаточно размытое разграничение полномочий федеральных и региональных органов власти в сфере проведения государственного экологического надзора;

– вопрос в выборе объекта надзора, в случае, если хозяйствующий субъект эксплуатирует несколько объектов.

Отметим, что с 2015 года стартовала реформа государственного экологического управления. Отправной точкой стало принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако указанные выше вопросы так и не решены на сегодняшний день.

Вместе с тем наряду с плановыми и внеплановыми проверками правонарушения в экологической сфере могут быть выявлены в ходе рассмотрения обращения граждан в уполномоченные органы. В соответствии с действующими нормами законодательства орган, куда поступило обращение, обязан рассмотреть его в течение тридцати дней с момента регистрации и дать ответ по существу. При этом у государственных служащих есть право осуществлять рассмотрение обращения непосредственно с выездом на место совершения правонарушения, и в том случае, если должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административном правонарушении, подтвердится факт совершения экологического правонарушения, указанного в обращении, он вправе составить протокол.

По статистике, в органы государственного экологического надзора наиболее часто поступают обращения, связанные с нарушениями порядка обращения с отходами и, как отмечают специалисты, количество их активно растет. Однако следует отметить, что в более чем

половине случаев факты совершения экологических правонарушений не подтверждаются, что является негативным фактором для осуществления экологического надзора.

Вопрос обращения с отходами является одним из ключевых на сегодняшний день в экологическом надзоре, он регулируется федеральным законодательством. Наряду с федеральными органами в решении данной проблемы принимают активное участие и региональные органы экологического надзора, но, к сожалению, ряд проблем является все еще достаточно острым и требует решения. Так, причина возникновения несанкционированных свалок, угрожающих экологической безопасности как отдельно взятого региона, так и страны в целом, видится, во-первых, в отсутствии культуры у населения, а также нежелании граждан и организаций платить за утилизацию отходов.

В целях решения данной проблемы планируется переход на новую систему размещения отходов, а именно – привести все потоки отходов в «единые руки», то есть на территории каждого субъекта Российской Федерации выбрать единого оператора обращения с твердыми коммунальными отходами, а также построить больше мусоросжигающих заводов, которых на сегодняшний день в России всего три (два – на территории Московской области, один – в Республике Татарстан), и другие меры.

Итак, как показало проведенное исследование, проблема осуществления государственного экологического надзора является достаточно актуальной и сложной в решении, в силу достаточно большого количества его видов и нормативно-правовых актов, их регулирующих, в связи с этим в рамках проводимого исследования остановимся более детально на региональном экологическом надзоре в рамках Ростовской области. Правовое регулирование регионального экологического надзора в Ростовской области осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, а также Постановлением Правительства Ростовской области от 26 апреля 2012 г. № 331 «Об утверждении Порядка организации и осуществления регионального государственного экологического надзора на территории Ростовской области».

Региональный государственный экологический надзор на территории Ростовской области включает в себя надзор в области:

– обращения с отходами на объектах хозяйственной и иной деятельности;

– охраны атмосферного воздуха на объектах хозяйственной и иной деятельности;

– использования и охраны водных объектов;

– охраны и использования особо охраняемых природных территорий регионального значения [4].

Уполномоченным органом исполнительной власти на осуществление регионального экологического надзора является Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области. Деятельность Министерства регулируется Положением, утвержденным Постановлением Правительства Ростовской области от 30.04.2014 № 320. Согласно нормам положения Министерство обладает полномочиями по осуществлению федерального государственного лесного надзора. В рамках данных полномочий оно вправе подавать иски в Арбитражный суд Ростовской области о возмещении ущерба, нанесенного в результате нарушения законодательства в сфере защиты окружающей среды, а также нарушения лесного законодательства.

Так, например, 14.10.2020 г. Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области обратилось в Арбитражный суд Ростовской области с иском к публичному акционерному обществу «Россети Юг» о взыскании ущерба, причиненного лесному фонду в результате пожара в размере 610 657,62 руб. В соответствии с вынесенным решением по делу № А53-33818/20 от 15.03.2021, исковые требования министерства удовлетворены в полном объеме.

Как установил суд и не оспаривалось сторонами, лесные участки, расположенные в Нижнекундрюченском участковом лесничестве Усть-Донецкого района Ростовской области, относятся к землям лесного фонда (находятся в собственности Российской Федерации).

Указанное свидетельствует о том, что Министерство является надлежащим истцом по искам к тем, кто причиняет вред окружающей среде, в том числе – лесам.

В рамках регионального надзора в целях предупреждения экологических правонарушений компетентные органы исполнительной власти субъектов, в том числе и Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области, ведут единый реестр объектов, оказывающих негативное влияние на окружающую среду. Туда включаются юридические лица

и индивидуальные предприниматели, в собственности которых имеются объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду и поставленные на учет в соответствии с действующими требованиями Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Отметим, что данный реестр находится в открытом доступе, исключение составляют лишь сведения, относящиеся к государственной тайне. Вместе с тем, наряду с региональным реестром, имеется также федеральный, в связи с чем на практике довольно часто возникают спорные ситуации: в какой именно реестр включать тот или иной объект?

Это зависит от того, соответствуют ли объекты НВОС хотя бы одному критерию, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 28.08.2015 № 903 (п. п. 6, 7, 7.1 ст. 65, п. п. 7, 8 ст. 69 Закона об охране окружающей среды, п. п. 8–9 Правил создания и ведения реестра объектов НВОС):

– если объект НВОС подпадает под эти Критерии, то он включается в федеральный реестр;

– если у предпринимателя несколько объектов НВОС и хотя бы один из них подпадает под эти Критерии, то все объекты включаются в федеральный реестр;

– если эти условия не соблюдаются, объект НВОС подлежит региональному экологическому надзору.

Между тем, несмотря на все рассмотренные ранее меры по укреплению экологической безопасности, как справедливо отмечает в своем исследовании В.А. Попов, на сегодняшний день в России наблюдается рассогласование регионального и федерального экологического надзора, что становится причиной уклонения правонарушителей от мер юридической ответственности [5]. Так, анализ судебной практики показывает достаточно незначительное привлечение к ответственности виновных лиц по ст. 251 Уголовного кодекса Российской Федерации именно в связи с отсутствием в нашей стране эффективного государственного экологического надзора, одной из целей которого является установление источника выброса вредных отходов и его собственника, а также неоперативной работы территориальных органов Росприроднадзора.

В целях пресечения нарушений обязательных требований и (или) устранения последствий таких нарушений целесообразно провести следующие мероприятия:

1. При осуществлении государственного надзора в области обращения с отходами на объектах хозяйственной и иной деятельности, подлежащих региональному государственному экологическому надзору:

– принятие мер в отношении объектов накопления отходов, не внесенных в государственный реестр (ГРОРО), не обладающих достаточной мощностью переработки и утилизации мусора и фактически размещающих отходы.

2. При осуществлении государственного надзора в области охраны атмосферного воздуха на объектах хозяйственной и иной деятельности, подлежащих региональному государственному экологическому надзору:

– проведение внеплановых выездных проверок в период неблагоприятных метеорологических условий объектов, оказывающих неблагоприятное воздействие на окружающую среду;

– решение вопроса о невозможности проведения отбора проб выбрасываемых в атмосферу веществ, связанного с отсутствием мест отбора проб.

3. При осуществлении регионального государственного надзора в области использования и охраны водных объектов:

– понуждение администраций-владельцев очистных сооружений поддерживать в надлежащем техническом состоянии сооружения в целях соответствия качества питьевой воды установленным стандартам (для выполнения задачи требуется проведение внеплановых проверок в отношении каждого муниципального предприятия с целью отбора проб воды, установления формы пользования очистным сооружением (хозяйственное ведение, оперативное управление, концессионное соглашение, иное));

– привлечение к ответственности плательщиков водного налога, не оформивших лицензию на пользование недрами в установленном законом порядке (для выполнения задачи требуется налаживание взаимодействия с органом налогового контроля).

4. При осуществлении регионального государственного надзора за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр в отношении участков недр местного значения:

– проведение регулярных рейдовых мероприятий, увеличение количества рейдовых

мероприятий в отношении участков недр, на которых ранее выявлены факты незаконной добычи.

5. По направлениям надзора за недрами, отходами и водными объектами необходимо формирование практики возмещения виновными лицами вреда, причиненного окружающей среде.

По всем направлениям деятельности необходимо увеличение количества проводимых внеплановых проверок.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, отметим, что вопросы экологической безопасности в России являются достаточно важными и государство обращает на них особое внимание при формировании внутренней политики. Основными методами по обеспечению экологической безопасности являются проверки, проводимые компетентными органами в рамках экологического надзора. Экологический надзор в России, в зависимости от органа власти, который его осуществляет, подразделяется на федеральный и региональный. Каждый из видов экологического надзора осуществляется в соответствии с действующим законодательством. Анализ практики осуществления экологического надзора показал ряд недочетов, как в правовом регулировании, так и в деятельности уполномоченных органов, что свидетельствует о необходимости его дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

3. Данилова Н.В. Экологический надзор и реформа экологического законодательства // Lex Russica. 2019. № 10 (119).

4. Саптарова Л.Ф. Правовое регулирование государственного экологического надзора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7–2.

5. Майорова Е.И. Экологическое право: практикум. М., 2020.

Bibliography

1. The federal law of January 10, 2002 № 7-FL «About environmental protection» // SZ Russian Federation. 2002. № 2. Article 133.

2. Land code of the Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FL // SZ Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

3. Danilova N.V. Ecological supervision and reform of ecological legislation // Lex Russica. 2019. № 10 (119).

4. Saptarova L.F. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo ekologicheskogo oborudovaniya. 2019. № 7–2.

5. Maiorova E.I. Environmental law: practicum. M., 2020.

УДК 347.963
ББК 67

© 2021 г. Меркурьев Виктор Викторович,
заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Агапов Павел Валерьевич,
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Стешич Елена Сергеевна,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Смыслова Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛИЗАЦИИ И РОСТА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (ЧАСТЬ 2)

В данной статье авторы акцентируют внимание на изменении подходов к организации прокурорского надзора в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения. Предлагается ряд конкретных мер, направленных на повышение эффективности прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, противодействие, экстремизм, радикализация, социальная напряженность, протестная активность, молодежь.*

Merkuriev Victor Victorovich – Head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Sphere of Federal Security, the Interethnic Relations, Countering Extremism; the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Agapov Pavel Valer´evich – Chief Scientist of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Sphere of Federal Security, Interethnic Relations, Counteraction to Extremism; The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Steshich Elena Sergeevna – Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

Smyslova Vera Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Procedure, the Moscow State University of Humanities and Economics.

PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN THE CONTEXT OF RADICALIZATION AND THE GROWTH OF PROTEST ACTIVITY OF THE POPULATION: THEORY AND PRACTICE (PART 2)

The authors draw attention to the necessity of changing approaches of the organization of prosecutor's supervision in the field of countering manifestations of extremism in the context of radicalization and the growth of protest activity of the population, and note shortcomings in the work in this direction. A number of specific measures are offered for improving the effectiveness of prosecutor's supervision in the field of countering extremism.

Keywords: *prosecutor's supervision, counteraction, extremism, radicalization, social tension, protest activity, youth.*

На региональном уровне проблемы радикализации, роста протестной активности и вовлечения населения, особенно молодежи, в экстремистскую деятельность, во многом обуславливаются экономическими, политическими, этносоциальными, культурно-

идеологическими особенностями регионов Российской Федерации. В регионах Южного федерального округа (ЮФО) данные проблемы усугубляются негативным влиянием со стороны представителей националистических течений и радикально настроенных членов крымско-татарских организаций, не согласных с вхождением Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации [1, с. 35–36].

Так, в октябре 2017 г. правоохранительными органами в Республике Крым прекращены попытки деструктивно настроенных лиц дестабилизировать общественную обстановку посредством проведения массовых публичных мероприятий с привлечением молодежи под лозунгом «угнетения крымско-татарского народа» в связи с уголовным преследованием ряда лиц за участие в деятельности местных ячеек международных экстремистских организаций. С начала 2018 г. в регионах ЮФО проведено около 600 публичных акций протестного характера (из них более 40 – несанкционированные), в которых приняли участие свыше 17 тыс. человек, преимущественно молодежь. Результаты проведенного управлением Генеральной прокуратуры РФ в ЮФО анализа состояния законности и практики прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму среди молодежи в 2017–2018 гг. показали:

– отсутствие каких-нибудь ощутимых результатов в противодействии правонарушениям экстремистской направленности в данной сфере, выражающееся в ненадлежащем исполнении соответствующих полномочий органами власти;

– отсутствие координирующей роли территориальных органов МВД России при обеспечении участия нижестоящих органов и учреждений в противодействии экстремизму и контроле их деятельности;

– бездействие территориальных органов Минюста России по проверке законности расходования средств ориентированных на работу с молодежью некоммерческих организаций (НКО), получающих финансирование из-за рубежа, и отсутствие оценки данным фактам со стороны органов прокуратуры;

– бездействие муниципальных органов управления образованием в отношении беспрепятственного доступа несовершеннолетних в образовательных учреждениях к экстремистским материалам.

Но наиболее остро указанные процессы проявляются в регионах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), где особое место занимают конфликты между местной молодежью и переселенцами, деятельность деструктивных псевдорелигиозных объединений и организаций [2, с. 449–457].

В Республике Северная Осетия – Алания (РСО – Алания) серьезную опасность представляет неурегулированность последствий осетино-ингушского конфликта, способная вызвать дестабилизацию обстановки в республике, спровоцировать межнациональные трения с переходом в несанкционированные протестные акции [2, с. 166–167].

Неизменным «лидером» по количеству расследованных преступлений экстремистской направленности и числу лиц, совершивших указанные преступления, является Республика Дагестан, где в 2019 г., по сравнению со статистическими данными 2018 г., несмотря на частичную декриминализацию ст. 282 УК РФ, отмечено резкое увеличение (более, чем в 2 р.) числа лиц, совершивших указанные преступления, а также незначительное сокращение общего количества предварительно расследованных преступлений экстремистской направленности (– 6,7 %). Примерно 60–70 % задержанных лиц за экстремистскую и террористическую деятельность в данном регионе в период 2013–2016 гг. составляла молодежь [1, с. 36; 2, с. 452–455]. Эта тенденция в последние годы сохраняется.

Сложившаяся криминогенная ситуация в Республике Дагестан и других регионах СКФО во многом обусловлена ростом коррупции в высших эшелонах власти, социальным расслоением наравне с объемными федеральными дотациями региона; неспособностью органов государственной власти обеспечить безопасность граждан и создать условия для удовлетворения потребностей населения, особенно молодого поколения, в различных сферах жизнедеятельности; влиянием внешних и внутренних деструктивных сил, в том числе наличие зарубежных каналов финансирования экстремистских сообществ [2, с. 452–455].

Во исполнение п. 2.7.2. Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 156 на прокуратуру возложена обязанность осуществления подготовки исковых заявлений о ликвидации общественных объединений и организаций, а также о запрете их

деятельности в связи с экстремистской деятельностью.

В частности, серьезную угрозу для общественной безопасности в настоящее время представляет подростково-молодежное международное общественное экстремистское движение «Арестантское уголовное единство» («АУЕ» или «Арестантский уклад един»), распространенное более чем в 40 российских регионах, преимущественно в школах, учреждениях для детей-сирот, интернатах, исправительных колониях. Приверженцы данного движения пропагандируют криминальную идеологию, проецируют тюремные поведенческие позиции на взаимоотношения с окружающими, участвуют в нападениях на граждан и сотрудников правоохранительных органов. По данным МВД России, имели место факты привлечения членов данного движения для участия в организации массовых беспорядков в ходе протестных акций.

Вслед за решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020 г. о признании «АУЕ» экстремистской организацией и запрете его деятельности на территории Российской Федерации последовало незамедлительное внесение 18.08.2020 г. в Государственную Думу нового проекта Федерального закона № 1009841-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации» (далее – законопроект № 1009841-7).

Согласно тексту данного законопроекта в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предлагается внести определение криминальной субкультуры, а также понятие «деятельность по формированию и поддержке криминальной субкультуры». В перечень оснований для включения ресурсов в Единый реестр запрещенных сайтов по решению уполномоченных федеральных органов исполнительной власти (ч. 5 ст. 15.1 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации)) предлагается добавить п. «и» следующего содержания: «информация, направленная на осуществление деятельности по формированию и поддержке криминальной субкультуры».

Напомним, что ранее на законодательном уровне предпринимались попытки запрета в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях пропаганды криминальной субкультуры, а именно внесение проекта Федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры», который был отклонен в связи с неясным описанием критериев ответственности за пропаганду привлекательности криминального образа поведения, отсутствие в пояснительной записке статистических и иных данных, свидетельствующих о неэффективности действующих правовых норм. В научной литературе встречались единичные мнения о наличии у «АУЕ» признаков экстремистской организации [3, с. 132–134].

Однако большинство отечественных ученых не находит наличия таковых признаков и относят «АУЕ» к субкультурным проявлениям, характеризуют его как «криминальное молодежное движение» (Д.В. Меняйло, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло, 2019); «криминогенное сообщество» (О.В. Дамаскин, 2020); «организация, пропагандирующая ценности тюремной субкультуры» (П.В. Агапов, В.В. Меркурьев, 2019); «молодежное объединение, пропагандирующее криминальный уклад и идеологию» (Е.В. Бочкарева, 2019) [4, с. 107–111; 5, с. 57].

Однако стоит обратить внимание на то, что иногда запретные меры провоцирует повышенный интерес к запрещаемому объекту, обеспечивая ему тем самым своеобразную рекламу. Последнее положение относится к российскому проекту «АнтиАУЕ», направленному на порицание деятельности движения «АУЕ». В целях недопущения создания подобной криминогенной ситуации необходимо совершенствование положений комплексных программ, направленных на развитие критического мышления у подрастающего поколения, формирование ответственности за свое поведение, развитие законопослушного поведения, воспитание чувства патриотизма.

Анализ материалов правоприменительной практики по административным и уголовным делам показывает, что реализация задач, указанных в п. 1 Приказа Генерального прокурора РФ № 156, осложняется тем, что ни законодательство, ни научная литература не

содержат единого определения преступлений экстремистской направленности, имеют противоречия в позиции ученых и практиков относительно вопросов дефинирования и толкования понятия «социальная группа» [6, с. 74–81; 7, с. 773; 8, с. 37].

Так, например, кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда РФ от 12.09.2012 г. по делу № 209-012-5 приговор в части совершения Л., Г., М., Ж. и другими лицами преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213; п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) оставлен без изменения, несмотря на оспаривание осужденными и их защитниками доводов органов предварительного следствия и суда первой инстанции о принадлежности сотрудников милиции (полиции) и прокуратуры к социальной группе.

Яркими примерами являются следующие судебные решения:

1) дело в отношении гражданина Дадина И.И., основанное на ошибочном истолковании положений ст. 212[1] УК РФ, впоследствии подлежавшее пересмотру в связи с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 212[1] Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»;

2) приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска по уголовному делу № 1-292/2019 в отношении Боровикова А.В. по обвинению в совершении аналогичного преступления.

Неоднозначна судебная практика и по другой категории дел экстремистской направленности. Так, в сентябре 2020 г. Екатеринбургским гарнизонным военным судом вынесен обвинительный приговор по уголовному делу № 1-7/2020 (№ 1-157/2019), согласно которому супруги Бабарика и гражданин А. Зуев признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных: ч. 2 ст. 282[1]; ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282[1], п. «в» ч. 2 ст. 282; ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282[1], п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, в ходе расследования которого установлено, что указанные лица создали в Интернете паблик «АУЕ», в котором размещались изображения с тюремной тематикой, продавались сувениры с символикой движения «АУЕ», публиковались посты с высказываниями, призывающими к насилию по отношению к сотрудникам силовых структур.

Аналогичный вывод следует из решения Ленинского районного суда г. Кирова № 2А-786/2020 2А-786/2020~М-131/2020 М-131/2020 от 30.01.2020 по делу № 2А-786/2020 по административному исковому заявлению прокурора г. Кирова о признании информационного материала, размещенного на сайте в Интернете, запрещенным к распространению на территории РФ, а именно страницы с названием группы «АУЕ Жизнь-Ворам», имевшей открытый для всех пользователей социальной сети вид, побуждающей неопределенный круг лиц, в том числе несовершеннолетних, совершать преступления и правонарушения, вовлекающей данных лиц в криминальную субкультуру, с указанием на содержание признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе, в данном случае – сотрудникам полиции).

Таким образом, рассмотренные примеры фактически свидетельствуют о наличии парадокса в виде отсутствия конкретных правовых оснований и применении запретительных норм по аналогии права, что в уголовном праве является недопустимыми.

В пункте 12 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646) констатируется наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В последние годы сложилась негативная тенденция в виде наличия в Интернете различных информационных ресурсов, содержащих сцены насилия, жестокости, описание способов совершения суицида, изготовления и распространения наркотических средств и психотропных веществ, оказывающих пагубное информационное воздействие на психическое и физическое здоровье несовершеннолетних [9, с. 104].

В подтверждение этому органами прокуратуры отмечается увеличение числа случаев вооруженных нападений подростков с использованием огнестрельного и холодного оружия, самодельных взрывных устройств на учащихся и членов педагогических коллективов в

стенах учебных заведений. Ряд резонансных, в том числе вооруженных, нападений подростков был зафиксирован в 2018 г. (нападения в школе г. Улан-Удэ, политехническом колледже в г. Керчь Республики Крым); серия преступных посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов с применением взрывных устройств и холодного оружия произошла на территории Чеченской Республики. Очередной виток попыток вооруженных нападений подростков на школы предотвращен органами ФСБ России в г. Саратове и Тюменской области в феврале и апреле 2020 г.

Исходя из значимости предмета регулирования, прокурорский надзор за исполнением требований законодательства в данной сфере обеспечивается в приоритетном режиме, при этом особое внимание уделяется информации, оказывающей негативное влияние на психику несовершеннолетних [10, с. 73–74].

Противодействие использованию деструктивными силами цифровых технологий для распространения радикальных идей, возбуждения протестной активности, призывов к массовым беспорядкам является одним из важнейших направлений деятельности органов государственной власти. Возможность пресечения активизации протестной деятельности напрямую зависит от своевременной организации информационного противодействия, в том числе со стороны органов прокуратуры [11, с. 67; 12, с. 2].

В целях недопущения использования средств массовой информации, сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности прокурорами организован их мониторинг, а также установлено постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на который возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций. При наличии положительных экспертных заключений прокурорами решается вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими, согласно п. 2.6. Приказа Генерального прокурора РФ № 156, а также признание информационных материалов запрещенными к распространению на территории Российской Федерации – ч. 6 ст. 10 Закона об информации.

За последние 5 лет число преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, включая критическую информационную структуру РФ, возросло в 25 раз. Наблюдается широкое распространение криминального использования криптовалют в сфере финансирования организованной преступности, экстремизма и терроризма. Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России за первое полугодие 2020 г. также указывает на значительное увеличение количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая деяния, предусмотренные ст. 280 УК РФ (+ 47,1 %).

В связи с распространением в 2020 г. на территории России новой коронавирусной инфекции (COVID-19) Генеральной прокуратурой РФ рассмотрены материалы ряда территориальных органов прокуратуры о распространении в Интернете недостоверной общественно значимой информации, в отдельных случаях содержащей комментарии с призывами к враждебным действиям по отношению к неопределенной группе лиц, не соблюдающей карантинные меры, а также к органам власти. В связи с тем, что распространение вышеуказанных недостоверных сведений создает предпосылки к социальной напряженности в обществе, массовым нарушениям общественного порядка, создает непосредственную угрозу общественной безопасности, Генеральной прокуратурой РФ приняты меры прокурорского реагирования по ограничению доступа к указанной информации.

Несмотря на наличие ряда недостатков в работе органов прокуратуры на рассматриваемом направлении [13, с. 7, 14, с. 37; 15, с. 316–334, 16, с. 89–92], органами прокуратуры принимались действенные меры по организации прокурорского надзора в сфере противодействия экстремистской деятельности.

Так, в 2019 г. возбуждено 427 дел, связанных с привлечением к административной ответственности по деяниям экстремистской направленности. В Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций направлено 149 требований, на основании которых с 45 тыс. сайтов исключены сведения, содержащие призывы к незаконным публичным мероприятиям и массовым беспорядкам. По искам Генеральной прокуратуры РФ несколько организаций признаны экстремистскими (5), а нежелательными – 29 иностранных и международных неправительственных организаций.

Подводя итоги, сделаем ряд наиболее важных выводов.

В ходе реализации полномочий по осуществлению надзора за исполнением законов в сфере противодействия экстремизму в условиях радикализации и роста протестной активности населения органами прокуратуры принимается ряд мер, среди которых приоритетное значение имеют меры по профилактике распространения экстремизма.

В целях противодействия проявлениям экстремизма органам прокуратуры необходимо:

1) уделять внимание научно обоснованной системе мониторинга протестной активности и радикализации населения, выявлению и устранению причин и условий, способствующих их росту, образующих комплекс криминогенных детерминант преступлений экстремистской направленности;

2) проводить тщательное изучение материалов уголовных дел в случае вынесения решений об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного преследования по преступлениям экстремистской направленности, в том числе с участием несовершеннолетних;

3) проводить проверку принятых правоохранительными органами решений по материалам, заявлениям, обращениям и иным сообщениям о проявлениях экстремизма в подростковой среде, а также при задержании и привлечении к уголовной ответственности совершеннолетних лиц по ст. 150, 151 УК РФ;

4) принимать меры по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде и участия молодежи в деятельности объединений, основу которых составляет экстремистская и фашистская идеология, а также распространению информации и материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности, особенно в образовательных организациях, в том числе с использованием средств массовой информации и Интернета;

5) обеспечить своевременный контроль за рассмотрением актов прокурорского реагирования, а также координацию деятельности органов прокуратуры с органами исполнительной власти, правоохранительными и контролирующими органами, осуществляющими в пределах своей компетенции борьбу с экстремизмом;

6) исключить дублирование принимаемых решений в рассматриваемой сфере со стороны органов прокуратуры и государственных органов контроля;

7) в целях обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, включая критическую информационную структуру РФ, принимать меры в соответствии со ст. 9 Федерального закона о прокуратуре Российской Федерации к совершенствованию действующего законодательства в части расширения признаков преступлений в сфере IT–технологий, введения процедур внесудебной блокировки сайтов-двойников ранее заблокированных сайтов.

Литература

1. Буткевич С.А. Особенности субъекта и субъективной стороны крымского экстремизма // Крымские юридические чтения. Образование и наука: сб. материалов Всероссийская научно-практическая конференция (Симферополь, 13–14 июня 2019 г.). Симферополь, 2019. Т. 1.

2. Косарева Л.В., Макогон И.В. Причинно обусловленный механизм экстремизма и терроризма (региональный аспект) // Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017.

3. Десюн А.С. АУЕ как экстремистское движение // Вестник СевКавГТИ. 2017. № 4 (31).

4. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения //

Bibliography

1. Butkevich S.A. Features of the subject and the subjective side of Crimean extremism // Crimean Legal Readings. Education and Science: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (Simferopol, June 13–14, 2019). 2019. V. 1.

2. Kosareva L.V., Makogon I.V. Causal mechanism of extremism and terrorism (regional aspect) // Problems of determination and crime prevention. M., 2017.

3. Defun A.S. AUE as an extremist movement // Vestnik SevKavGTI. 2017. № 4 (31).

4. Menyailo D.V., Ivanova Yu.A., Menyailo L.N. AUE – criminal youth movement: essence and methods of distribution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3.

Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.

5. Агапов П.В., Меркурьев В.В. Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования // Вестник Юридического института МИИТ. 2019. № 3 (27).

6. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6.

7. Михайлов М.А., Кряжев В.С. Единообразие в определении круга преступлений террористической и экстремистской направленности – необходимая предпосылка эффективности методики их расследования // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4.

8. Редькина Е.А. К вопросу об уголовно-правовом понятии «социальная группа» // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2.

9. Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1.

10. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сети Интернет. М., 2017.

11. Омаров Э.Р., Трофимов Ю.В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые в ходе протестных акций // Академическая мысль. 2019. № 1 (6).

12. Васильченко В.В. Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодежи в современной России. М., 2017.

13. Борисов С.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности. М., 2011.

14. Меркурьев В.В. Реализация ответственности за злоупотребление правом на выражение мнения и свободой на проведение собраний и объединений // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33).

15. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М., 2019.

16. Брюхнов А.А. Криминологическая оценка насилия как детерминанты современной преступности // Юристъ-Правоведъ, 2020. № 2.

5. Agapov P.V., Merkur'ev V.V. Organized crime in modern Russia: state, trends and measures of the prosecutor's response // Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. 2019. № 3 (27).

6. Khlebushkin A.G. Establishing signs of a social group in the qualification of crimes of extremist orientation: theory and judicial practice // Criminal Law. 2013. № 6.

7. Mikhailov M.A., Kryazhev V.S. Uniformity in determining the range of crimes of terrorist and extremist orientation – a necessary prerequisite for the effectiveness of the methods of their investigation // All-Russian Journal of Criminology. 2016. № 4.

8. Redkina E.A. To the question of criminal law the concept of «social group» / E.A. Redkina // The Criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law. 2008. № 2.

9. Erezhipaliev D.I. Delinquency of minors at the present stage of development of the Russian society // All-Russian Criminological Journal. 2017. № 1.

10. Palamarchuk A.V. Prosecutor's supervision over the execution of legislation on the Internet. M., 2017.

11. Omarov E.R., Trofimov Yu.V. Crimes of extremist orientation committed during protest actions // Academic Thought. 2019. № 1 (6).

12. Vasilchenko V.V. Influence of Internet communications on the activation of protest movements of youth in modern Russia. M., 2017.

13. Borisov S.V. Prosecutor's supervision over the execution of laws on countering extremist activities. M., 2011.

14. Merkur'ev V.V. Implementation of responsibility for abuse of the right to express opinions and freedom to conduct meetings and associations // Monitoring of law Enforcement. 2019. № 4 (33).

15. Steshich E.S. Criminology of homicide. M., 2019.

16. Bryukhnov A.A. Criminological assessment of violence as determinants of modern crime. Yurist-Pravoved. 2020. № 2.

УДК 351.745.7
ББК 67.7

© 2021 г. **Саркисян Гор Георгиевич,**
старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России кандидат юридических наук.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (ЧАСТЬ 2)

Во второй части статьи автором с учетом анализа современного состояния и перспективных направлений охраны и противодействия преступлениям, совершаемым в сфере лесопромышленного комплекса, предложен ряд конкретных мер, направленных на повышение эффективности данной деятельности.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности, лесопромышленный комплекс, незаконная заготовка леса.*

Sarkisyan Gor Georgievich – Senior Lecturer, the Department of Organization of Operational and Search Activities, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

IMPROVING THE ORGANIZATION OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES OF ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE TIMBER INDUSTRY (PART 2)

In the second part of the article, the author proposed a number of specific measures targeted for increasing the efficiency of perspective directions of protection and counteraction to crimes committed in the field of the timber industry complex taking into account the analysis of the current state in this sphere.

Keywords: *Internal Affairs bodies, operational search activity, economic security and anti-corruption units, information and analytical support of operational search activity, timber industry, illegal logging.*

На основе анализа законодательства и проблемных вопросов практики органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с незаконной деятельностью в лесопромышленном комплексе выделяются следующие проблемные области и перспективные направления развития:

1. ***Необходимость совершенствования законодательства.***

1.1. Предметом преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, являются лесные насаждения, произрастающие в лесах, парках, аллеях, а также отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов. При этом, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования» [1], при выявлении фактов рубки лесных насаждений на землях, не относящихся к лесному фонду, они не могут быть квалифицированы как деяния, имеющие признаки преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

Так, не относятся к предмету указанных преступлений деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения. В связи с чем незаконная рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение, могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение имущества.

1.2. Действующим законодательством зеленым насаждениям, произрастающим на землях сельскохозяйственного назначения, не присвоен правовой статус, а также отдельные вопросы их предоставления и использования.

В соответствии со ст. 261 Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный слой почвы, водные объекты, растения. Согласно ч. 1 и 2 ст. 3.3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [2] органы местного самоуправления уполномочены лишь

реализовать правомочия по предоставлению земельных участков, на которые не разграничена государственная собственность. В связи с чем правомочия собственника земельного участка по распоряжению зелеными насаждениями, произрастающими на таких земельных участках, на органы местного самоуправления не возложены.

Таким образом, до разграничения государственной собственности в установленном порядке в отношении указанного земельного участка не определены публично-правовое образование и административный орган, реализующий от имени данного публично-правового образования установленные законом правомочия собственника в отношении произрастающих на нем лесных насаждений.

Из-за пробелов в законодательстве имеются случаи вырубки лесных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения под видом деятельности, осуществляемой в рамках заключаемых с органами местного самоуправления и муниципальными учреждениями или органами местного самоуправления и хозяйствующими субъектами договоров на расчистку земельных участков сельскохозяйственного назначения (например, на территории Вологодской области).

При заключении подобных договоров преследуется единственная цель – заготовка древесины. В большинстве подобных случаев не осуществляется даже уборка порубочных остатков, не говоря уже о проведении работ по приведению земельного участка в состояние, пригодное для использования в сельскохозяйственных целях.

1.3. Одним из решений проблемы вырубки лесных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения является законодательное урегулирование процедуры перевода земель сельскохозяйственного назначения и иных категорий в категорию земель лесного фонда, в том числе потому, что значительное количество земель сельскохозяйственного назначения не используется десятки лет и фактически представляет собой участки леса.

Перевод земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель в другую категорию согласно п. 5 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ [3] допускается в редких случаях, связанных с включением непригодных для осуществления сельскохозяйственного производства земель в состав земель лесного фонда, земель водного фонда или земель запаса.

Из-за того, что рубки на землях сельскохозяйственного назначения осуществляются в том числе без учета правил вырубки лесонасаждений, а участки, подвергнутые такой вырубке, остаются в состоянии хаотичного завала остатками заготовленных деревьев и их корневой системы, они представляют опасность для жизнедеятельности человека.

При этом в силу указанных причин, а также в связи с отсутствием четкого разграничения прав и границ защищаемых территорий, привлечь лиц, осуществляющих указанные деяния, к уголовной ответственности фактически невозможно.

1.4. Повышение эффективности деятельности по борьбе с незаконным оборотом леса и построение надежной системы уголовно-правовой охраны лесных насаждений, принадлежащих лесному фонду, а также произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, можно достичь *путем расширения предмета преступления, предусмотренного статьей 260 УК РФ*, в частности включением в него зеленых насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения [4].

1.5. *Имеет место незащищенность лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, которые были переданы в государственный лесной фонд без уточнения границ*.

При этом в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 1509 «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения» [5] при осуществлении использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, допускается сплошная и выборочная рубка лесных насаждений любой интенсивности и любого возраста, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 11 Положения, утвержденного указанным Постановлением, при условии наличия в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ такого земельного участка.

В связи с чем необходимо провести мероприятия по межеванию таких участков с целью разграничения прав и распространения на них норм законодательства по охране зеленых насаждений, так как в связи с тем, что до настоящего времени кадастровый учет таких земель Росреестром не произведен, санкции к нарушителям, соответственно, не могут быть применены из-за отсутствия границ защищаемых территорий.

1.6. Существуют разногласия в вопросах *квалификации деяния, определения способа исчисления суммы ущерба*, а также потерпевшей стороны в случаях, когда заготовка древесно-кустарниковой растительности осуществляется на землях с зелеными насаждения, не отнесенных к землям лесного фонда (сельскохозяйственного назначения, населенных пунктов).

Данную проблему можно решить, помимо перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли лесного фонда, посредством:

– регистрации (учета) и постановки на баланс органов местного самоуправления произрастающей на данных землях древесно-кустарниковой растительности (древесины);

– правового регулирования цен и нормативов затрат, которые непосредственно связаны с выращиванием деревьев и кустарников, а также уходом за ними до возраста уничтоженных или поврежденных согласно Федеральному законодательству.

1.7. *Оптимизация порядка установления «реального» размера причиненного ущерба.* В связи с вступлением в силу постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» [6] утратило силу постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» [7], которым был определен порядок расчета ущерба, причиненного лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам в результате преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, а также порядок расчета стоимости незаконно заготовленной древесины по преступлениям, предусмотренным ст. 191.1 УК РФ.

В соответствии с примечанием к ст. 191.1 УК РФ стоимость незаконно заготовленной древесины рассчитывается исключительно по таксам, утвержденным Правительством Российской Федерации. Деяния, сопряженные с приобретением, перевозкой, хранением, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины (статья 191.1 УК РФ), оцениваются как дополнительные эпизоды преступной деятельности и квалифицируются по совокупности с незаконной рубкой лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), так как целью незаконной рубки леса, как правило, является дальнейший сбыт древесины.

Отсутствие порядка расчета стоимости незаконно заготовленной древесины влечет проблемы квалификации таких деяний, а также сложности в разграничении уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 8.28 КоАП РФ (критерием является именно стоимость незаконно заготовленной древесины).

Уполномоченные государственные и муниципальные органы, осуществляющие деятельность в области лесных отношений, нередко не проводят своевременную работу (в т. ч. предусмотренную ст. 84 Лесного кодекса Российской Федерации) по внесению изменений в таксационные книги, разработке и утверждению лесохозяйственных регламентов лесничеств, лесопарков, расположенных на подведомственной территории, проведению экспертиз проектов освоения лесов. Что подтверждается проводимыми контролирующими органами проверками, в ходе которых наиболее часто выявляются нарушения, связанные с «умалчиванием» лесными инспекторами о незаконных вырубках, а также коррумпированностью представителей власти, обеспечивающих охрану и защиту лесного комплекса Российской Федерации [8].

В связи с чем определение количественных и качественных характеристик незаконно вырубленного или похищенного леса значительно затруднено, в том числе и потому, что правонарушители принимают меры к уничтожению пней и других следов, при наличии которых возможно проведение соответствующих экспертиз.

Для разрешения данной проблемы целесообразно внесение изменений в законодательство Российской Федерации по контролю, а также введению, либо ужесточению санкций в отношении лиц, допускающих несвоевременное внесение изменений в таксационные книги и несвоевременную разработку лесохозяйственных регламентов лесничеств, лесопарков, расположенных на подведомственной территории.

1.8. Решения требует также *вопрос реализации древесины по заниженной от ее реальной рыночной стоимости*, снижая тем самым, соответственно, поступление денежных средств в бюджет.

Рядом администраций районов (например, в Вологодской области) учреждены МУ «Центр материально-технического обеспечения учреждений района», основным видом деятельности которых выступает деятельность по комплексному обслуживанию помещений. Кроме того, данные организации осуществляют несколько дополнительных видов деятельности, в том числе смешанное сельское хозяйство, лесоводство и прочую лесохозяйственную деятельность, лесозаготовки, предоставление услуг в области лесоводства и лесозаготовок.

Указанные МУ заключают договоры подряда с организациями и ИП, осуществляющими деятельность в сфере лесного хозяйства, по условиям которых предусмотрены вырубка древесно-кустарниковой растительности, складирование пригодной для дальнейшего использования древесно-кустарниковой растительности, утилизация непригодных остатков древесно-кустарниковой растительности, выкорчевка пней.

Важно, что расценки на выполнение работ устанавливаются администрацией района, а земельные участки, на которых будет осуществлена вырубка древесно-кустарниковой растительности, в числе прочих переданы в пользование МУ в соответствии с постановлением администрации района и относятся к категории земель сельскохозяйственного назначения. В рамках исполнения указанных договоров пригодная для дальнейшего использования древесно-кустарниковая растительность реализуется по ценам, установленным администрацией района, после ее инвентаризации и занесения на баланс МУ.

Так, например, на территории Усть-Кубинского района Вологодской области пригодная для дальнейшего использования древесно-кустарниковая растительность реализовывается ИП, осуществлявшему ее вырубку на основании договора, по цене 300–400 рублей за 1 куб. метр, тогда как среднерыночная стоимость «обезличенной древесины» на территории Вологодской области в настоящее время составляет 2 200–2 500 руб., а затраты на заготовку составляют от 800 до 900 руб. за 1 куб. метр.

Таким образом, с учетом затрат ИП приобретает древесину в два раза дешевле от ее реальной рыночной стоимости, а администрация реализовывает древесину в 7 раз дешевле от ее реальной рыночной стоимости, недополучая тем самым денежные средства в бюджет в размере как минимум 1 000 руб. с 1 куб. метра.

Данная проблема требует нормативного регулирования, т. к. заготовленная таким образом древесина не учитывается ни предпринимателями, ни администрациями районов в ЕГАИС учета древесины и сделок с ней, поскольку система контролирует и учитывает взаимоотношения между покупателем и продавцом древесины, заготовленной в границах земель только лесного фонда, а также некоторых видов пиломатериалов.

1.9. Требует корректировки и обновления законодательство, направленное на *обеспечение соблюдения правил пожарной безопасности* в лесах и на прилегающих к ним территориях, а также *на повышение ответственности граждан и юридических лиц за их нарушение*.

С целью повышения ответственности за неготовность субъекта Российской Федерации к пожароопасному сезону и непредставление сил и средств пожаротушения, предусмотренных в сводных планах, необходимо пересмотреть механизмы, обеспечивающие повышение уровня реализации сводного плана тушения лесных пожаров в субъектах Российской Федерации. Кроме того, существует необходимость в уточнении полномочий по охране лесов на территории муниципальных образований для органов местного самоуправления.

Литература

1. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21.

2. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ.

3. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ.

4. Косых В.А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия. Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2020.

5. Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения: постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 1509.

6. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 г. № 1730.

7. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2007 г. № 273 (утратило силу).

8. URL: http://www.genproc.gov.ru.

9. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р.

10. Об утверждении Видов лесосечных работ, порядка и последовательности их проведения, Формы технологической карты лесосечных работ, Формы акта осмотра лесосеки и Порядка осмотра лесосеки: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 27 июня 2016 г. № 367.

Bibliography

1. About the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation № 21 of October 18, 2012.

2. About the introduction of the Land code of the Russian Federation: Federal law № 137-FL of October 25, 2001.

3. About the transfer of land or land plots from one category to another: Federal law № 172-FL of December 21, 2004.

4. Kosykh V.A. Illegal turnover of wood and timber in the Russian Federation: essence, determination, problems of counteraction. Dis. ... PhD in Law. SPb., 2020.

5. About the peculiarities of use, protection, protection, reproduction of forests located on lands of agricultural purpose: regulation of the Government of the Russian Federation of 21 September 2020 № 1509.

6. About approval of peculiarities of compensation of harm caused to forests and are in their natural bodies by violations of forestry legislation: decree of the Government of the Russian Federation from December 29, 2018 № 1730.

7. About calculating the amount of damage caused to forests as a result of violation of forest legislation: decree of the Government of the Russian Federation № 273 of May 8, 2007 (expired).

8. URL: http://www.genproc.gov.ru.

9. Development strategy for the forest complex of the Russian Federation till 2030: order of the Government of the Russian Federation of 20 September 2018 № 1989-R.

10. About approval of the Types of logging operations, order and sequence of their conduct, Form, routing of logging operations, the Forms of inspection of the logging site and Order the inspection of the cutting area: the order of the Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation of June 27, 2016 № 367.

УДК 351.74
ББК 67.7

© 2021 г. **Майоров Владимир Иванович,**
профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России.
E-mail: 1955715@rambler.ru

Пестов Роман Аркадьевич,
доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: 79185927828@ya.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА» ПОЛИЦИИ И НАСЕЛЕНИЯ

В статье представлено современное состояние реализации концепции «социального партнерства» полиции и населения. Отмечается, что правоохранительная деятельность, построенная на концепции «социального партнерства», не является изолированной, ее высокая эффективность связана с целым кругом явлений.

Ключевые слова: *полиция, социальное партнерство, эффективность, общественный порядок, противодействие преступности.*

Majorov Vladimir Ivanovich – Professor, the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pestov Roman Arkadievich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

COMBATING CRIME BASED ON THE CONCEPT OF «SOCIAL PARTNERSHIP» BETWEEN THE POLICE AND THE POPULATION

The article presents the current state of implementation of the concept of «social partnership» between the police and the population. The article examines the history and reasons for the emergence of the concept of «social partnership» in foreign countries, where it has been implemented for more than thirty years.

Keywords: *police, social partnership, efficiency, public order, crime prevention.*

Полиция относится к исторически сложившимся общественным институтам и является важным ведомством в структуре государственных органов. Основное назначение полиции определено в ст. 1 Федерального закона «О полиции» (далее – Закон о полиции): «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [1].

Так как современные концепции противодействия преступности и обеспечение общественного порядка базируются на модели «предупреждения» и «коллективной ответственности» за производство безопасности, то это предполагает высокий уровень правовой интеграции общества и социального партнерства полиции и населения. В настоящее время эффективная деятельность полиции, прежде всего по предупреждению преступности и правонарушений, невозможна без социального контроля со стороны гражданского общества [5], что положительно отражается на доверии и поддержке населения. В свою очередь доверие базируется на общественном мнении, то есть ожиданиях, связанных с деятельностью полиции по оказанию государственных услуг в области безопасности, что определяет социально ориентированный вектор ее функционирования.

Как известно, концепция «социального партнерства» появилась в странах с высоким уровнем социально-экономического развития, имеющих длительный путь демократического развития (США, страны Европы, Япония), что предполагает открытость

гражданского общества, участие населения не только в оказании поддержки и содействии предупреждению противоправного поведения, но и в оценке эффективности деятельности полиции, через постоянный мониторинг общественного мнения, так называемый «социальный аудит».

История возникновения идеи «социального партнерства» изначально возникла в США и странах Европы, в последней четверти XX века, когда наряду с высоким уровнем социально-экономического развития страны столкнулись с ростом преступности, которые затрагивали все слои общества. Усиление мер полиции на основе сложившейся практики борьбы с преступностью, построенными на «кризисной модели» правоохранительной деятельности (то есть работа с последствиями свершившегося факта преступления), имели невысокий результат и краткосрочный характер, так было в США, Великобритании, Франции, Италии. Авторитарные и жесткие меры полиции снижали доверие граждан к ее деятельности, лишали лояльного отношения и поддержки, в обществе росло недовольство, что в свою очередь отрицательно отражалось как на ее престиже, так и на имидже государственной власти. Стало очевидно, что полиция в современных условиях развития общественных отношений в «одиночку» не может преодолеть нарастающую криминальную угрозу прежними «карательными» методами.

Разработка новой концепции правоохранительной деятельности и реформирование полиции были основаны на принципах «предупреждения» и «коллективной ответственности» за производство безопасности и модели «социального партнерства». Реализация стратегии и тактики деятельности полиции в рамках данной концепции ориентирована не на работу с последствиями преступных деяний, а на их «предупреждение», что предполагает интегрированность полиции в общество, тесное взаимодействие и сотрудничество с государственными структурами, местным самоуправлением, представителями гражданского общества и предоставление широкого круга социальных услуг населению, связанных с обеспечением общественного порядка и противодействия преступности.

В настоящее время процесс совершенствования взаимодействия между полицией и населением в сфере обеспечения защиты прав и свобод граждан выступает приоритетным в развитых странах. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в качестве своей основной задачи определяет выстраивание такой системы взаимоотношений общества и полиции, в рамках которой все государственные и полицейские структуры активно сотрудничают для достижения правопорядка и общественного спокойствия, совместно предотвращают и раскрывают преступления и способствуют снижению в обществе уровня страха перед преступностью, социально-бытовыми конфликтами, возможностью получения телесных повреждений, имущественного ущерба.

Полицейская деятельность, ориентированная на решение проблем населения, в рамках ее компетенции и связанная с обеспечением общественного порядка, предупреждением преступных посягательств, реализуемая моделью «социального партнерства», доказала свою высокую результативность во всех зарубежных странах, где имеет место ее применение (преступность снижается). Но необходимо отметить, что модель «социального партнерства» не является изолированной, ее высокая эффективность связана с целым кругом явлений.

Сущность «партнерства» полиции и населения, как социального явления, будет более понятна, если его рассмотреть в контексте: 1) социальных отношений; 2) социального института; 3) социального управления. Наиболее фундаментальной категорией будет выступать социальное взаимодействие, так как оно определяет построение социальных отношений как между отдельными членами общества, так и между социальными группами, в данном случае, социальное взаимодействие между полицией (профессиональной группой) и населением (граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства). Социальный институт представляет собой сложную общественную конструкцию, в основе которой находятся нормативные связи, предписывающие определенные стандарты и типы поведения. В узком смысле социальный институт полиции представлен органом, в полномочия которого входит выполнение обязанностей по охране общественного порядка и обеспечение общественной безопасности с правом использования мер государственного принуждения. В широком смысле социальный институт полиции представляет

систему норм и ценностей, образцы поведения, ориентированные на реализацию базовых потребностей человека и социума, связанных с обеспечением общественной безопасности как средой жизнедеятельности [6]. Социальное управление выступает как процесс воздействия на общество в целом, на социальные группы, на отдельных индивидов с целью упорядочения их деятельности, повышения уровня организованности социальной системы. Социальное управление: во-первых, существует там, где имеет место совместная деятельность; во-вторых, обеспечивает упорядоченное воздействие на участников совместной деятельности. Концепция «социального партнерства» полиции и населения отражает все вышеперечисленные категории и взаимосвязи.

Таким образом, «социальное партнерство» рассматривается в качестве социального института. В рамках его деятельности формируется определенный тип социальных отношений, которые развивают систему согласованных действий и процесс для достижения положительного результата взаимодействия субъектов социального партнерства по «производству» и поддержанию безопасности социальной среды. В данном случае сущность социального партнерства так или иначе сводится к отношениям постоянного согласования повседневной практической деятельности, основной целью которой является решение общих задач. Результатом социально ориентированной деятельности полиции, направленной на решение повседневных запросов со стороны населения, является снижение преступности, повышение безопасности социальной среды, улучшение качества жизни людей. Укрепление доверительных отношений между полицией и населением позволяет повысить правовую сознательность граждан, ответственность и вовлеченность людей в поддержание общественного порядка, предупреждение преступности, что в результате повышает безопасность социальной среды жизнедеятельности во всех сферах – от приватной до публичной.

В соответствии со ст. 9 Закона о полиции – «Полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан», тем самым формируя в общественном сознании положительный образ сотрудника полиции. Оценка деятельности полиции в настоящее время осуществляется на основе трех основных критериев: 1) фактические (статистические) данные по основным направлениям деятельности полиции; 2) экспертно-аналитическая оценка; 3) общественное мнение о деятельности полиции. Таким образом, общественное мнение, выступая в роли «социального аудита», является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, что должно являться непосредственным отражением уровня профессионализма сотрудников [7].

Несмотря на то, что современная концепция «социального партнерства» взаимодействия полиции и общества в нашей стране осуществляется около десяти лет и наблюдается ряд позитивных результатов, прежде всего по фактическому снижению преступности, возникают и проблемные вопросы в данной сфере, которые требуют пристального внимания, научных исследований, практической проработки [2]. Один из таких вопросов – формирование позитивного общественного мнения о деятельности полиции, так как на протяжении почти десяти лет мониторинг общественного мнения, осуществляемый авторитетными организациями, в том числе ВЦИОМ, ФОМ, констатирует общественную оценку деятельности полиции от 50 % до 55 %, несмотря на то, что граждане отмечают фактическое снижение преступности. На региональном уровне также достаточно часто фиксируется явное противоречие между высоким уровнем фактических данных по основным направлениям деятельности полиции (снижение преступности, повышение количества раскрываемых преступлений), что по существу показывает высокий профессионализм полицейских. В тоже время в общественных опросах фигурирует нейтральная (50–55 %) или даже низкая оценка деятельности полиции со стороны населения [3]. О чем это может свидетельствовать? В самом первом приближении можно говорить о следующем: во-первых, до сих пор существует социальная дистанция между полицией и населением; во-вторых, население не чувствует себя в полной мере защищенным; в-третьих, устойчивого позитивного отношения к полиции в обществе не сформировано; в-четвертых, не наблюдается активной вовлеченности населения в «социальное партнерство» с полицией, что не создает прочной основы для правовой интеграции общества и противодействия преступности.

В этом контексте хотелось бы привести несколько примеров зарубежной практики организации современного взаимодействия полиции и общества.

Как известно, в США сформировалась трехуровневая правоохранительная система: 1) федеральная; 2) отдельных штатов; 3) местная. Наиболее многочисленной является местная полиция линейного уровня, которая непосредственно взаимодействует с населением, а также выстраивает отношения сотрудничества с общественными организациями, местным самоуправлением и государственными структурами. Социально ориентированная деятельность полиции выражается реализацией «проблемно ориентированного подхода» (problem oriented policing), суть которого заключается в системном изучении поступающих от граждан запросов и целенаправленной деятельности по их устранению, так, чтобы минимизировать (а лучше – исключить) повторный вызов по данной проблеме. Основная деятельность направлена на профилактические мероприятия, а также укрепление диалога (коммуникаций) с местным сообществом и вовлечение населения в различные программы по повышению безопасности и, соответственно, качества жизни. При отделениях полиции созданы консультативные советы общественности и разработаны многочисленные программы, ориентированные на наиболее актуальные проблемы данного микрорайона, например, молодежные программы: 1) борьба с наркотиками (полиция совместно со школами); 2) воспитание подростков (полиция совместно с учреждениями дополнительного образования); 3) для родителей (образовательные лекции по психологии трудных подростков, типичные ситуации); 4) курс права для учащихся средних школ, заинтересованных в правоохранительных профессиях. Со стороны населения развивается волонтерская помощь, участие в патрулировании, сообщения о нарушениях общественного порядка [4].

В странах Европы полиция также активно реализовывает модель «социального партнерства», постоянно ее совершенствуя и видоизменяя, в соответствии с наличествующими и изменяющимися условиями. Так, например, в скандинавских странах (Швеция, Норвегия, Финляндия) уровень преступности и правонарушений очень низкий. В скандинавских странах был взят курс на интеллектуализацию полицейского труда и повышение уровня образования сотрудников. Исследования показали, что чем выше индекс образования сотрудников, тем выше их культура поведения, коммуникативная компетентность, а также эффективность при решении профессиональных задач. Был решен вопрос подготовки и отбора кадров, что в результате повиляло на высокую оценку деятельности полиции со стороны общественности. В Германии при подготовке полицейских кадров, наоборот, наибольшее внимание уделяют узкопрофессиональным знаниям, а также развитию коммуникативных навыков, например, актуальным способам разрешения конфликтных ситуаций между сотрудниками полиции и гражданами. Большое значение имеет строгое соблюдение всех предписаний и процедур, при выполнении правоохранительной деятельности «так как уважение к закону начинается с уважения к гражданину». В целях вовлечения населения в поддержание общественного порядка и противодействие преступности постоянно действует социально одобряемая гражданская акция «Бдительный сосед», а сокращению социальной дистанции между полицией и населением служат совместные мероприятия. Уровень преступности в Германии низок, а уровень доверия граждан к полиции высок.

Интересным является опыт стран Северо-Восточной Азии по реализации концепции «социального партнерства» полиции и общества, рассмотрим его на примере Китая и Японии. В современном Китае полиция реализовывает несколько направлений по организации наиболее тесного взаимодействия с населением в целях повышения уровня общественной безопасности и предотвращения преступлений. Во-первых, каждый полицейский участок разделяет подведомственную территорию на секторы, где полицейские круглосуточно осуществляют дежурство на «стационарных постах», что способствует быстрому реагированию на любое происшествие; там же принимают от граждан заявления; хранят найденные/утерянные вещи; оказывают нуждающимся гражданам помощь в различных затруднениях. Во-вторых, полицейские осуществляют круглосуточное патрулирование территории (в пешем порядке, на велосипедах, на автомобилях). В-третьих, полицейские «стационарных постов» ежедневно контактируют с гражданами по месту

жительства, осуществляют обход домов, делают личные визиты к гражданам, выслушивают жалобы, принимают рекомендации по улучшению своей работы. Полицейские хорошо информированы о лицах, имеющих «проблемы» с законом, а также психиатрически больных. В-четвертых, в целях усиления профилактической работы с населением существует «горячая линия», по которой сообщают о противоправных действиях, подозрительных лицах или предметах [7]. В-пятых, в Китае, существуют многочисленные общественные организации, осуществляющие взаимодействие с полицией: 1) «консалтинговые службы», которые состоят из представителей различных социальных групп, что позволяет полиции в более полном объеме иметь представления о проблемах, связанных с обеспечением общественной безопасности и принимать соответствующие меры; 2) «ассоциации», деятельность которых ориентирована на оказание определенного вида помощи полиции в поддержании общественной безопасности, противодействия преступности, проведении профилактических мероприятий (например, по работе с несовершеннолетними и др.). Население страны оценивает уровень (индекс) общественной безопасности почти на 70 %.

Япония является примером страны с одним из самых низких уровней преступности, который в 4–5 раз ниже, чем в странах Европы и США. Гармоничное сочетание национальных традиций социального взаимодействия и информационно-технических инноваций позволили полиции с наиболее эффективным результатом реализовать концепцию «социального партнерства» с населением. Во-первых, японская полиция посредством полицейских участков (будок) и постов тесно интегрирована в местное сообщество, взаимодействуя непосредственно с населением на подведомственной территории, отмечается ее высокая адаптивность к решению возникающих проблем. Во-вторых, полиция активно взаимодействует со школами, находящимися на ее территории, доверие к полиции и обращение к ней за помощью формируется у японца с детских лет. В-третьих, полиция имеет многосторонний опыт и каналы взаимодействия с различными государственными и общественными организациями, оказывающими помощь в поддержании общественного порядка и противодействии преступности. В-четвертых, уровень взаимодействия полиции и общества, активную вовлеченность граждан в решение проблем общественной безопасности можно оценить, исходя из количества волонтерских движений и ассоциаций, реабилитационных центров и «квартальных» комитетов по месту жительства, существующих в Японии. Самое большое количество общественных организаций связано с заботой о подрастающем поколении: «Ассоциация родителей и учителей», «Ассоциация старших братьев и сестер», «Общественные пункты связи с полицией», которые функционируют по всей стране и объединяют десятки тысяч активистов. Уровень общественного доверия и оценки деятельности полиции в Японии очень высок.

На основе всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Современная концепция правоохранительной деятельности базируется на принципах коллективной ответственности за производство безопасности, что сделало востребованным смену «кризисной» модели (работа с последствиями) на модель «социального партнерства» (предупреждение, профилактика), которая реализовывается «проблемно-ориентированным» подходом к решению проблем населения, входящих в компетенцию полиции, связанных с обеспечением общественного порядка и противодействия преступности.

2. В настоящее время эффективная деятельность полиции, прежде всего по предупреждению преступлений и правонарушений, невозможна без доверия и поддержки со стороны граждан. В свою очередь доверие базируется на общественном мнении, то есть ожиданиях, связанных с деятельностью полиции по оказанию государственных услуг в области безопасности, что определяет социально-ориентированный вектор ее функционирования.

3. Для конструктивного диалога и эффективности «социального партнерства» в сфере совместного производства безопасной социальной среды необходимы два условия: 1) доверие граждан к институту полиции; 2) именно наличие «социального партнерства» на уровне предупреждения преступлений позволяет полиции в более полном объеме выполнять свои функции, напрямую связанные с обеспечением общественного порядка и противодействия преступности.

4. Ряд зарубежных стран показывают высокую эффективность правоохранительной деятельности, основанной на реализации

концепции «социального партнерства». В российской практике повышению эффективности работы полиции на основе реализации концепции «социального партнерства» препятствуют следующие недочеты: во-первых, до сих пор существует социальная дистанция между полицией и населением; во-вторых, устойчивого позитивного отношения к полиции в обществе не сформировано; в-третьих, не наблюдается активной вовлеченности населения в «социальное партнерство» с полицией, что не создает прочной основы для правовой интеграции общества и противодействию преступности.

Литература

1. Федеральный закон от 7.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ от 14. 02. 2011 г. № 7. Ст. 900

2. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству // Социологические исследования. 2017. № 4 (396).

3. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики Российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2.

4. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39).

5. Осяк А.Н., Пестов Р.А., Шаповалова Т.Н., Чернобровкина Н.И. Социальный контроль как предмет научной рефлексии // Философия права. 2017. № 3 (82).

6. Скляров А.С. Социальное партнерство полиции и общества как принцип социокультурного реформирования и совершенствования правоохранительной деятельности // Общество и право. 2018. № 4 (66).

7. Ханин С.В. Система критериев эффективности взаимодействия полиции и общества в интересах обеспечения общественной безопасности // Юридическая наука и практика. 2019. № 3 (47).

8. Чжень Ван Синь. Взаимодействие полиции и общества в Китайской Народной Республике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64).

Bibliography

1. Federal Law of 7.02.2011 № 3-FL «On the Police» (ed. of 06.02.2020) // SZ RF of 14. 02. 2011 № 7. St. 900

2. Mayorov V.I., Dunaeva O.N. Police and society: to be or not to be a social partnership // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 4 (396).

3. Mayorov V.I., Dunaeva O.N. Formation of strategic priorities of the image policy of the Russian police in the context of improving the effectiveness of its work // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2017. № 2.

4. Mayorov V.I., Dunaeva O.N. Modern concepts of interaction between the police and society as a means of countering crime: the experience of foreign countries and Russia. 2017. № 1 (39).

5. Osyak A.N., Pestov R.A., Shapovalova T.N., Chernobrovkina N.I. Social control as a subject of scientific reflection. 2017. № 3 (82).

6. Sklyarov A.S. Social partnership of the police and society as a principle of socio-cultural reform and improvement of law enforcement activities. 2018. № 4 (66).

7. Hanin S.V. The System of criteria of efficiency of interaction between the police and society in the interest of public safety // Legal science and practice. 2019. № 3 (47).

8. Zhen Wang Xin. Interaction of the police and society in the People's Republic of China // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4 (64).

УДК 343.347
ББК 67.408

© 2021 г. Петрашева Наталья Валерьевна,
доцент кафедры «Уголовное право и криминалистика» Донского государственного технического университета кандидат юридических наук.
E-mail: petra_nata79@mail.ru

Девятовская Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: sdevyatovskaya@yandex.ru

УМЕСТНА ЛИ ФОРМАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ВОПРОСАХ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ?

В статье уделяется внимание проблемным аспектам квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками. Анализ статистических данных, изучение судебно-следственной практики наглядно иллюстрируют затруднения в процессе осуществления юридической оценки случаев причинения вреда при ненадлежащем оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, медицинская услуга, пациент, неосторожность, медицинская помощь, медицинский работник, вред здоровью, ятрогения.*

Petrasheva Nataliya Valerievna – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminalistics, the Don State Technical University, PhD in Law.

Devyatovskaya Svetlana Viktorovna – Lecturer, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

DOES THE FORMALIZATION OF THE CRIMINAL LAW APPROPRIATE IN ISSUES OF INADEQUATE PROVISION OF MEDICAL CARE?

The article focuses on the problematic aspects of the qualification of crimes committed by medical workers. The analysis of statistical data, the study of forensic practice clearly illustrates the difficulties in the process of carrying out a legal assessment of cases of harm of inadequate provision of medical care.

Keywords: *iatrogenic crimes, medical service, patient, negligence, medical care, medical worker, harm to health, iatrogenic.*

Защита прав и интересов граждан представляет собой приоритетную задачу любого цивилизованного государства. Сохранность жизни и здоровья населения России обеспечивается Конституцией Российской Федерации, в которой отмечается, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [11]. В современную действительность прочно вошли слова «пандемия», «заболевание», «вирус», «COVID-19», «скорая помощь», «врач». Этот перечень далеко не исчерпывающий, однако он наглядно иллюстрирует, насколько важен и актуален вопрос оказания медицинской помощи. За этим кроется множество аспектов человеческого бытия, в том числе и ответственность врачей за свои действия.

Частота привлечения к уголовной ответственности медицинских работников заметно растет [4, 5, 9], а неблагоприятные последствия, возникающие в процессе осуществления медицинской деятельности, все чаще становятся необратимыми. Анализ статистических данных – это самый простой способ протестировать уголовно-правовые нормы на их эффективность. Качественные и количественные показатели преступной ятрогении прямо свидетельствуют о низком уровне результативности работы уголовного закона в сфере предупреждения преступлений данной категории.

Соответственно, чтобы применение уголовного закона приносило пользу, было социально полезным, важна точность и грамотность в процессе конкретных ситуаций правоприменения для регулирования уголовно-правовых отношений. Справедливо на этот счет высказывался М.И. Ковалев, который отмечал, что для достижения социально полезной цели права необходима такая правовая система, которая отражает реальные и действительные потребности общества в

определенной точке его развития [7, с. 7]. Потребность общества в сложившихся условиях жизнедеятельности выражается в возможности получения квалифицированной врачебной помощи, где пациенту гарантируется медицинская услуга, отвечающая требованиям безопасности. Такая гарантия должна подкрепляться, в том числе и нормами уголовного закона.

Эффективность уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за так называемые ятрогенные преступления, заключается в самом наличии законодательных норм, правильности назначенного наказания и целесообразности его реального отбытия. Иными словами, компонентами, формирующими эффективность уголовного права в вопросах противодействия ятрогенным преступлениям, должны выступать: 1) четко очерченная система уголовно-правовых норм, представляющая собой общественные отношения, составляющие ее структуру; 2) «работа этих норм», т. е. их непосредственное применение в практической деятельности, представляющее собой поддержание работы системы; 3) достижение социально полезного результата, выраженного в верной юридической оценке содеянного с помощью правовых норм. Социально полезный результат здесь нам представляется в виде реализации уголовно-правовой санкции.

«Ятрогенные преступления» – термин относительно новый в уголовно-правовой науке, однако все больше специалистов уделяет внимание изучению этого явления, признавая, что медицина и юриспруденция для российского общества – это два социально значимых аспекта существования. Сформированное понятие анализируемой группы преступлений порождает много вопросов в научной полемике, среди которых чаще всего возникает спор о том, что входит в это понятие, какие именно преступления можно и нужно относить к изучаемой категории.

В основу принадлежности к группе ятрогенных преступлений положены признаки элементов состава преступления, среди которых выделяется объект уголовно-правовой охраны – жизнь и здоровье человека, объективная сторона, характеризующаяся деянием, выраженным в нарушении правил оказания медицинской помощи, повлекшим тяжкий вред здоровью пациента или его смерть, с обязательным установлением причинно-следственной связи между деянием и наступившими общественно опасными последствиями; и субъект – медицинский работник [2, 14]. При этом плеяда ученых неоднозначно очерчивает круг составов преступлений, которые следует отнести к числу ятрогенных, исходя из признаков субъективной стороны состава преступления.

Так, Ю.Ю. Малышев заключает, что УК РФ содержит всего четыре преступления, которые входят в категорию ятрогенных. Он делает акцент на ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 и ст. 124 УК РФ [9, с. 24]. Ятрогенные преступления, по мнению указанного автора, включают в себя, таким образом, посягательства на жизнь и здоровье человека, которые совершают лица, имеющие медицинское образование, только с неосторожной формой вины.

А.А. Бимбинов к медицинским преступлениям, помимо указанных составов, относит: ст. 123 УК РФ, ст. 128 УК РФ, ст. 153 УК РФ, ст. 228.2 УК РФ, ст. 230.2 УК РФ, ст. 233 УК РФ, ст. 235 УК РФ, ст. 238 УК РФ, ст. 293 УК РФ [2, с. 7]. Таким образом, А.А. Бимбинов к преступной ятрогении относит преступления, по конструкции субъективной стороны относящиеся как к неосторожным, так и к умышленным деяниям. А.И. Ситникова приходит к выводу о том, что ч. 2 ст. 109, ч. 2, 4 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 3 ст. 123, ст. 235, п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ следует отнести к ятрогенным преступлениям, которые совершают лица, имеющие медицинское образование, умышленно или по неосторожности [13, с. 42]. Соответственно, данный автор также допускает совершение ятрогенных преступлений с умышленной формой вины. И.О. Никитина определяет ятрогенные преступления как «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью, и иным законным правам и интересам пациентов» [10, с. 9].

Такие диаметрально противоположные позиции обусловлены тем, что, формируя группу преступлений, которую можно обозначить в качестве ятрогенных, многие авторы берут в расчет исключительно наступившие общественно опасные последствия, тогда как объективная сторона состава преступления характеризуется большим спектром признаков, конструирующих теоретическую модель объективной стороны состава преступления.

На практике случаи ненадлежащего оказания медицинской помощи при сходной клинической картине получают различную юридическую оценку, ввиду отсутствия основных критериев, опираясь на которые можно осуществить квалификацию содеянного по конкретной статье Особенной части УК РФ. Отсутствие толкования закона по данному вопросу приводит к тому, что следователь сталкивается с проблемой выбора уголовно-правовой нормы, наиболее полно раскрывающей сущность и содержание совершенного общественно опасного посягательства.

По данным Следственного комитета РФ, медицинские работники чаще предстают перед судом в России по статье о причинении смерти по неосторожности – ст. 109 УК РФ и ст. 238 УК РФ [17]. Некоторые авторы видят в этом ситуацию конкуренции уголовно-правовых норм. По нашему мнению, признать здесь ситуацию конкуренции нельзя. Конкурировать между собой могут только нормы, которые имеют общие признаки, где один из конкурирующих составов, помимо общих признаков, характеризуется дополнительными, детализирующими основной состав. В приведенном примере предполагается наличие конкуренции общей и специальной нормы, при которой деяние подпадает под признаки общей нормы, очерчивающей конкретный круг деяний, и специальной нормы, характеризующей разновидности тех же деяний.

Объективная сторона п. «в» ч. 2 ст. 238 описывает деяние в виде выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Категория «услуга» в медицинской сфере раскрывается в ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение, является медицинской услугой. В словаре русского языка «вмешательство» определяется как «действия, пресекающие, останавливающие что-либо» [1, с. 105]. Таким образом, деяние, предусмотренное ст. 238 УК РФ, может совершаться только путем действия. Деяние, характеризующее объективную сторону ст. 109 УК РФ в диспозиции статьи, описывается шире и может быть совершено как путем активных действий, так и путем бездействия.

А.А. Бимбинов проблему разночтения судебно-следственной практики в вопросе квалификации одинаковых по своей сущности преступлений усматривает в несовершенстве уголовного и регулятивного законодательства. Раскрывая медицинскую помощь как комплекс мероприятий, включающих в себя предоставление медицинских услуг [15], закон поставил знак равенства между лечением пациента и оказанием услуг потребителю. Такая формулировка исключает возможность провести разграничение по объективной стороне состава преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, в случаях, когда речь идет об оказании медицинской помощи, так как любая медицинская услуга, оказанная ненадлежащим образом, не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя [3, с. 45]. Более того, многие авторы, анализируя судебно-следственную практику по рассматриваемой категории дел, делают вывод, согласно которому правоприменитель не разграничивает понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга» [6; 16].

Общественно опасные последствия в уголовно-правовых нормах, закрепленных в ч. 2 ст. 109 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, одинаковые – наступление смерти. Именно этот фактор и вводит в заблуждение практических работников, так как достаточно пространная формулировка изученных нами уголовно-правовых норм влечет за собой сложности при выборе той, которая соответствует деянию и наступившим последствиям.

С субъективной стороны, преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ, являются умышленными. А ст. 109 УК РФ предусматривает неосторожную форму вины. Исходя из приведенной краткой характеристики данных составов, становится очевидным, что эти нормы не могут вступать между собой в конкуренцию, важно правильно осуществить процесс квалификации, так как это – залог эффективной охраны прав и интересов личности.

Анализ первого и второго компонентов эффективности норм права в области ятрогении указывает на то, что существует потребность повышения активности в борьбе с ятрогенными преступлениями. Причем возможны различные подходы к реализации этой задачи: достичь желаемого результата можно путем усиления или уменьшения наказуемости уже существующих в УК РФ общественно опасных деяний, либо путем выделения из общих составов специальных.

Научное сообщество в публикуемых работах предлагает различные варианты модернизации норм об ответственности за ятрогенные преступления, вплоть до принятия новых составов, однако, по нашему мнению, чтобы в этом вопросе достичь желаемого результата, важно учесть оптимальный баланс формальных и оценочных моментов в диспозиции предлагаемой нормы или статьи, подвергнутой редакционной правке.

Формализованная диспозиция уголовно-правовой нормы часто именуется казуистической, существующей практически исключительно для конкретного случая. М.И. Ковалев, анализируя такого рода диспозиции, приходит к выводу о том, что такие нормы приводят к колебаниям практики, так как, решая вопрос об уголовной ответственности лица, в случае экстраординарной ситуации, не вписывающейся в рамки казуистической нормы, правоприменителю необходимо анализировать прецеденты всех судебных процессов [7, с. 12]. Разделяя позицию М.И. Ковалева, мы полагаем, что полнота закона исходит из возможности его правильного применения ко всем случаям, ради которых он издан. Более того, чем сложнее и многообразнее сфера регулирования закона, тем более абстрактным должен быть закон.

Современные реалии таковы, что формы человеческого поведения усложняются, сфера услуг расширяется, потребности населения растут, что влечет за собой наращивание технического прогресса, существенно «удлиняющего» руку человека. В медицине такая тенденция может рассматриваться как в позитивном ключе, так и способствовать разрушению и уничтожению. Перечень возможных деяний в этой сфере растет в геометрической прогрессии, поэтому чтобы предусмотреть все возможные признаки общественно опасного деяния, необходимо формирование уголовно-правовой нормы с учетом правильного сочетания элементов формализма и оценки.

Введение в уголовное законодательство специальной нормы ст. 124.1 УК РФ «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)», которая должна заменить применение к врачам статей 109, 118, 238 и других общих статей УК РФ [17], нам кажется преждевременным.

Максимально эффективно применять уголовный закон в сфере оказания медицинской помощи, более продуктивно использовать возможности процесса доказывания и избегать многочисленных правовых коллизий можно и с учетом уже существующих норм права. Возникающие разночтения норм уголовного закона в данной сфере могут быть сняты официальным разъяснением Верховного Суда Российской Федерации по наиболее актуальным и спорным вопросам квалификации ятрогенных преступлений и назначения наказания за их совершение. Официальное толкование нормы ст. 238 УК РФ, с обязательным пунктом о разграничении данного преступления со ст. 109 УК РФ, позволило бы единообразно квалифицировать уголовные деяния, а также создать дополнительные механизмы обеспечения права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусмотренного ст. 41 Конституции Российской Федерации, а также закрепить на законодательном уровне механизм эффективного предупреждения преступлений в медицинской сфере [16, с. 28].

В свете данной статьи стоит обратить внимание, что задача государства должна быть выражена не в том, чтобы ужесточить уголовную репрессию в адрес медицинских работников, а в том, чтобы создать надлежащие условия для обучения будущих врачей и направить усилия на то, чтобы только достойные во всех смыслах этого слова лица, с доблестью исполняющие свои профессиональные обязанности, могли носить звание врача.

Литература

1. Активный словарь русского языка. М., 2014.

2. Бимбинов А.А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Уголовное право. 2019. № 6.

3. Бимбинов А.А. Конкуренция уголовно-правовых норм по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи // Судья. 2020. № 2.

Bibliography

1. Active dictionary of the Russian language. M., 2014.

2. Bimbinov A.A. Analysis of the practice of bringing medical workers to criminal responsibility: some conclusions. 2019. № 6.

3. Bimbinov A.A. Competition of criminal-legal norms in cases of improper provision of medical care // Judge. 2020. № 2.

4. Dementieva T.Yu., Angipova N.F. Problems in the qualification of iatrogenic crimes during the

4. Дементьева Т.Ю., Ангипова Н.Ф. Проблемы при квалификации ятрогенных преступлений в ходе предварительного расследования // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 3.

5. Замалеева С.В. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений по статье 238 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право. 2019. № 1.

6. Каплун В.А. Терминологическая неопределенность как одна из проблем в расследовании медицинских преступлений // Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками». М., 2018.

7. Ковалев М.И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. Сборник ученых трудов. Выпуск 37. Свердловск, 1975.

8. Малышева Ю.Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. 2020. № 2.

9. Малышева Ю.Ю. Неотложные аспекты ятрогенных преступлений // Судья. 2020. № 2.

10. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

11. Конституция Российской Федерации // URL: http:// www.pravo.gov.ru.

12. Сариев О.М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия ее правомерности // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 1.

13. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. 2018. № 2.

14. Улезько С.И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. № 2.

15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

16. Чурляева И.В. Применение уголовно-правовых норм за некачественное оказание медицинской помощи и (или) медицинской услуги // Судья. 2020. № 2.

17. СК: в 90 % расследований в отношении врачей подтверждается их виновность // URL: https://tass.ru/obschestvo/5387580.

preliminary investigation. Series «Legal Sciences». 2020. № 3.

5. Zamaleeva S.V. On the question of the qualification of iatrogenic crimes under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation // Medical law. 2019. № 1.

6. Kaplun V.A. Terminological uncertainty as one of the problems in the investigation of medical crimes // Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference «Pre-trial proceedings in criminal cases on professional crimes committed by medical workers». M., 2018.

7. Kovalev M.I. On the question of the effectiveness of criminal legislation // Problems of the effectiveness of criminal law. Collection of scientific works. Is. 37. Sverdlovsk, 1975.

8. Malysheva Yu.Yu. «Urgent aspects» of iatrogenic crimes. 2020. № 2.

9. Malysheva Yu.Yu. Urgent aspects of iatrogenic crimes. 2020. № 2.

10. Nikitina I.O. Crimes in the field of health care (legislation, legal analysis, qualification, causes and measures of prevention): Abstract of the dis. ... PhD in Law. N. Novgorod, 2007.

11. The Constitution of the Russian Federation // URL: http:// www.pravo.gov.ru.

12. Sariev O.M. Extreme necessity in medical activity and conditions of its legality // Bulletin of the Tambov University. Series «Humanities». 2014. Vol. 1.

13. Sitnikova A.I. Iatrogenic crimes: criminal-legal and procedural aspects // Medical law. 2018. № 2.

14. Ulezko S.I. The concept of iatrogenic crimes. 2018. № 2.

15. Federal Law № 323-FL of November 21, 2011 «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation». 2011. № 48. Art. 6724.

16. Churlyaeva I.V. The application of criminal law norms for poor-quality provision of medical care and (or) medical services. 2020. № 2.

17. SK: 90 % of investigations against doctors confirm their guilt // URL: https://tass.ru/obschestvo/538758.

УДК 343.97
ББК 67.51

© 2021 г. Брюхнов Александр Анатольевич,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: lexandr@mail.ru

Кутякин Сергей Алексеевич,
доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kutiakin@yandex.ru

Напханенко Игорь Павлович,
заведующий кафедрой «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: nip1966@yandex.ru

ЭКСПЕРТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РЯЗАНСКОГО РЕГИОНА И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРОФИЛАКТИКЕ

В статье, на основе статистических материалов ГУ МВД России по Ростовской области и УМВД России по Рязанской области, проводится экспертно-криминологический анализ современного состояния преступности. Авторы вносят ряд предложений по стабилизации криминогенной ситуации и оптимизации противодействия современной преступности.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, преступность, предупреждение преступности, профилактика преступности, противодействие преступности, статистика, учетно-регистрационная дисциплина.*

Bryukhnov Alexander Anatolyevich – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Kutyakin Sergey Alekseevich – Associate Professor, the Department of Administrative and Financial Law, the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Naphanenko Igor Pavlovich – Head of Department of Administrative Law and Criminal-Legal Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.

EXPERT AND STATISTICAL ANALYSIS OF THE CRIME CONDITIONS IN THE RYAZAN REGION AND MEASURES FOR ITS PREVENTION

The authors of the article performed the expert criminological analysis of the current crime conditions on the basis of statistical materials of the State Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Rostov region and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Ryazan region. The authors made a number of proposals for stabilization the criminal situation and optimize the fight against crime.

Keywords: *internal affairs bodies; crime; crime prevention; crime prevention; crime counteraction; statistics; accounting and registration discipline.*

Несмотря на реализацию комплексных мероприятий по обеспечению криминологической безопасности государства, учитывая динамику отечественной преступности, мы отмечаем негативную тенденцию, связанную с увеличением количества совершенных преступлений.

Особую тревогу вызывает тот факт, что в России общий коэффициент рождаемости падает, а количество преступлений по итогам 2020 г., наоборот, увеличилось на 1 %.

По мнению современных криминологов, именно состояние региональной преступности признается основой прогностических оценок динамики всей преступности, а просчеты в профилактике преступных деяний создают положительный базис для роста как рецидивной, так и профессиональной, тем более групповой преступности.

В отечественном правовом пространстве ситуация сложилась таким образом, что современная преступность, а в особенности ее

региональные характеристики, выделяется как явление общенационального значения. И если сравнивать статистические показатели конца XX – начала XXI в., то мы увидим, что осуществление процесса противодействия преступности из ограниченной задачи, возлагаемой только на правоохранительные органы, переросло в одну из главных угроз криминологической безопасности, беспокоящих общество так же сильно, как, например, экономический или современный политический кризис.

Особое место в криминологическом исследовании преступности отводится статистике, поскольку важно понимать, что именно использование современных статистических показателей дает возможность реализации практико-ориентированного подхода в применении теоретических концепций, направленных на комплексное изучение наиболее значимых тенденций развития и трансформации в новые формы современной преступности.

Статистика преступности позволяет отражать ее состояние за определенный период как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В свою очередь региональная статистика преступности с учетом специфики региона позволяет более детально определить и изучить криминогенные факторы, детерминирующие региональную преступность, и выработать комплекс мер, направленных на ее предупреждение.

В качестве объекта исследования нами определено состояние преступности на территории Ростовской и Рязанской областей Российской Федерации за период 2020 г., в сравнении с 2019 г. [1].

Целями настоящего исследования являются:

– статистический анализ криминогенной ситуации на территории Ростовской и Рязанской областей;

– формулирование рекомендаций по стабилизации криминогенной ситуации и оптимизации противодействия преступности на территории Ростовской и Рязанской областей.

Проведенное исследование позволит разработать практические рекомендации по противодействию преступности силами и средствами органов внутренних дел Ростовской и Рязанской областей.

Проанализируем основные параметры общеуголовной преступности на территории Ростовской области.

По итогам прошлого года в Ростовской области отмечается увеличение количества преступных деяний – 61 753 (+ 1,4 %), при этом раскрываемость составила 45,6 %.

Значительно увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступных деяний (+ 2 029), при снижении раскрываемости на 4,8 %, а также преступных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (+ 6 020), при снижении раскрываемости на 4,7 %. Уровень преступных посягательств на 10 000 населения отмечается показателем 147.

Исследуя структуру преступности Ростовской области, важно учитывать, что количество преступлений, материалы о которых окончены расследованием, снизилось на 6,7 % (27 104), однако возросло на 7,4 % (32 270) число нераскрытых преступлений. Значительный прирост – 108,3 % (50) – отмечен у преступлений террористического характера, при снижении на 30,4 % (16) количества преступных деяний экстремистской направленности.

В течение прошедшего года в Ростовской области отмечается положительная динамика уменьшения следующих видов преступных деяний: коррупционной направленности – 25,8 % (548); экономической направленности – 9,6 % (1 866); убийств и покушений на убийство – 10,7 % (150); умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 0,5 % (403); краж – 0,5 % (26 909); разбоев – 39,6 % (137); фактов незаконного оборота оружия – 18,3 % (500); контрабанды – 43,5 % (26).

Вместе с тем мы отмечаем увеличение количества тяжких и особо тяжких преступных деяний на + 15,7 % (14 930), изнасилований и покушений на изнасилование + 8,5 % (64); мошенничеств + 21,9 % (11 500); вымогательств + 59,3 % (172); хулиганств + 3,4 % (30); фактов незаконного оборота наркотиков + 3,4 % (5 504).

В социально-криминологической характеристике преступности несколько уменьшилось число противоправных посягательств, совершенных лицами, ранее их совершавшими – 1,7 % (16 524), также снизился массив уголовных деяний, совершенных в состоянии алкогольного опьянения – 3,2 % (5 731).

Несмотря на увеличение числа криминальных посягательств в целом по стране, мы отмечаем снижение уровня преступных деяний,

совершенных несовершеннолетними – на 27,8 % (848), их доля в числе всех расследованных криминальных деяний составила 3,1 %, что ниже среднероссийского показателя (3,7 %) [1].

Оперативная обстановка на территории Рязанской области в 2020 г. характеризовалась снижением числа зарегистрированных преступлений (10 023; – 2,2 %). Количество тяжких и особо тяжких посягательств также сократилось (2 492; – 11,3 %). Уровень преступности составил 899,6 посягательств на 100 тыс. населения (Россия: 1 392,7). Число граждан, здоровью которых в результате преступных посягательств причинен тяжкий вред, уменьшилось на 20,2 % (с 228 до 182), количество погибших возросло на 9,1 % (со 187 до 204).

В структуре преступности основная доля 50,6 % (5 068) приходится на преступления против собственности общеуголовной направленности; 13,6 % (1 338) – составляют уголовно наказуемые деяния против личности; 11,5 % (1 152) – факты незаконного оборота наркотических средств; 6,5 % (653) – экономические посягательства. В течение 2020 г. отмечается положительная динамика сокращения следующих видов преступлений: причинения тяжкого (73; – 30,5 %) и средней тяжести (77; – 28,0 %) вреда здоровью, разбойных нападений (18; – 37,9 %), грабежей (224; – 13,2 %), краж (2 888; – 15,8 %), в т. ч. из квартир (618; – 13,4 %) и магазинов (с 539 до 461; – 14,5 %).

В социально-криминологической характеристике преступности несколько увеличилось число противоправных посягательств, совершенных лицами, ранее их совершавшими (3 408; + 2,2 %), в то же время снизился массив уголовных деяний, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (1 704; – 8,1 %).

Несмотря на увеличение числа криминальных посягательств, совершенных несовершеннолетними (+ 29,7 %; 192), их доля в числе всех расследованных криминальных деяний составила 3,3 %, что ниже среднероссийского показателя (Россия: 3,7 %).

Уменьшилось количество преступлений, совершенных на территории области иностранными гражданами и лицами без гражданства (165; – 4,6 %).

Количество выявленных фактов незаконного оборота оружия сократилось на 1,4 % (со 145 до 143; Россия: – 6,6 %). Общее число преступлений, совершенных с его применением, уменьшилось на 28,6 % (с 42 до 30), из которых 10 (11) фактов связано с незаконной охотой. На протяжении 2020 г. успешно пресекались уголовно наказуемые деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также преступления, совершенные в общественных местах. Не допущено побегов из-под стражи, причинения вреда здоровью лицам, находящимся под государственной защитой, укрытия преступлений от учета, а также отмененных решений по административным материалам.

По итогам 2020 г. в Рязанской области число тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной направленности сократилось на 15,8 % (с 1 466 до 1 234). Раскрыто 664 таких деяний (735; – 9,7 %;) 2. Снизилось число нераскрытых преступлений по приостановленным уголовным делам на 18 % (с 657 до 539). Раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной направленности возросла на 2,4 % (с 52,8 % до 55,2 %).

Общее число зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений против личности составило 195 посягательств (187; + 4,3 %), количество раскрытых таких деяний фактически осталось на уровне прошлого года (+ 0,6 %; со 158 до 159).

За 2020 г. по области зарегистрировано 50 убийств (35; + 42,9 %). Число зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью сократилось на 30,5 % (со 105 до 73). Окончено расследованием 68 преступлений (89; – 23,6 %). Раскрываемость указанного вида преступных деяний возросла с 95,7 % до 98,6 %.

Количество зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, сократилось на 33,3 % (с 30 до 20). Раскрыто 20 (24) таких преступлений. В структуре преступлений против личности в отчетном периоде зарегистрировано 17 (10) изнасилований. Раскрыто 16 (9) таких преступлений. Окончены расследованием 24 (13) преступления, нераскрытым остается 1 (0) преступление.

На территории Рязанской области на 1,2 % (с 5 130 до 5 068) сократился массив зарегистрированных преступлений против собственности общеуголовной направленности. Окончено расследованием на 2,2 % (с 2 210 до 2 259) больше таких деяний. Массив зарегистрированных краж сократился на 15,8 % (с 3 429 до 2 888), их раскрываемость возросла с 48,2 % до 51,8 %.

В структуре краж уменьшилось число совершенных тайных хищений из квартир с незаконным проникновением на 18 % (с 394 до 323), их раскрываемость возросла с 57,8 % до 63,8 %.

На 43,4 % возросло количество совершенных мошенничеств общеуголовной направленности (с 1 093 до 1 567), раскрыто 190 таких преступлений (222; – 14,4 %).

В 1,5 раза больше (с 1 461 до 2 168) задокументировано преступлений против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Приняты дополнительные усилия по противодействию данным видам преступлений, что повлекло недопущение снижения числа раскрытых деяний данной категории (+ 0,5 %; с 436 до 438).

По итогам 2020 г. на территории региона зарегистрировано 4 преступления экстремистской направленности и 6 преступлений террористического характера (1 – по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ – выявлено УМВД; 3 – по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ и 2 – по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ – выявлены УФСБ) [2].

В результате оперативно-розыскных мероприятий в мае 2020 г. сотрудниками ЦПЭ УМВД пресечена противоправная деятельность экстремистской направленности жителя региона, размещавшего в Интернете материалы, содержание которых направлено на реабилитацию нацизма. Изъяты литература и материалы экстремистского содержания. Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ.

В июне 2020 г. совместно с УФСБ России по Рязанской области в отношении 2-х участников неформального молодежного движения «скинхеды» по факту размещения в Интернете публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 280 УК РФ.

По итогу осуществления специализированных мероприятий, проводимых оперативными подразделениями в октябре 2020 г., сотрудниками ЦПЭ УМВД пресечена противоправная деятельность жителя региона, осуществлявшего в Интернете публичное оправдание терроризма. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ.

С учетом необходимости осуществления предупредительно-профилактической деятельности нарушений закона экстремистской и террористической направленности пресечено 68 (61) административных правонарушений. Из них 29 – связаны с публичным демонстрированием нацистской атрибутики или символики; 2 – с пропагандой деятельности международной террористической организации «Исламское Государство»; 35 – с распространением экстремистских материалов и 2 – с совершением действий, направленных на возбуждение вражды (ненависти).

К установленной законом ответственности привлечено 68 лиц по ст. 20.3; 20.29; 20.3.1. КоАП РФ.

В 2020 г. в УМВД поступило 11 сообщений о возможных террористических угрозах, в т. ч. о заложенных взрывных устройствах, – все ложные (2019 г. – 34). Возбуждено 10 уголовных дел, из них 7 – по ч. 1 ст. 207 УК РФ и 3 – по ч. 2 ст. 207 УК РФ (2019 г. – 17).

В отчетном периоде выявлено 3 преступления, предусмотренных ст. 210 УК РФ, раскрыто 1. По ст. 209 УК РФ преступления на территории региона не выявлялись.

По итогам 2020 г. на территории региона зарегистрировано 106 (106) преступлений, связанных с незаконным хранением, сбытом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Выявлено 27 преступлений, связанных с незаконным изготовлением огнестрельного оружия. Зарегистрировано 9 преступлений, связанных с хищением огнестрельного оружия.

Анализ криминогенной ситуации на территории Ростовской области и Рязанского региона позволяет нам сформулировать следующие предложения, направленные на стабилизацию криминогенной ситуации и оптимизацию противодействия преступности.

Прежде всего, мы считаем, что руководству ГУ МВД России по Ростовской области, УМВД России по Рязанской области, руководящему составу структурных подразделений ГУ МВД России по Ростовской области и УМВД России по Рязанской области и территориальных органов МВД России на районном уровне необходимо обеспечить укрепление учетно-регистрационной дисциплины.

Помимо этого, в целях укрепления учетно-регистрационной дисциплины и законности при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений граждан о преступлениях и правонарушениях необходимо более эффективно использовать формат дистанционных проверок, наиболее распространенной формой которых является прослушивание за-

писей речевых регистраторов, а также изучение данных с камер видеонаблюдения, установленных в дежурных частях территориальных органов внутренних дел.

С учетом данных региональной статистики, необходимо внедрить в практику обязательные и регулярные, проводимые на плановой основе, выступления руководителей различного уровня в региональных СМИ, в ходе которых гражданам доводилась бы информация о способах защиты от криминальных деяний, в т. ч. их новых видов; освещались меры безопасности, позволяющие избежать преступных посягательств; объяснялся порядок возможности обращения в органы внутренних дел по телефону «доверия» или через официальный сайт в Интернете.

Важным аспектом видится необходимость внедрения в практику деятельности органов внутренних дел механизма для предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, общественного порядка и общественной безопасности путем выявления и профилактики превентивных составов уголовно наказуемых деяний.

В целях повышения эффективности работы по раннему выявлению противоправного поведения несовершеннолетних необходима реализация на плановой основе профилактических мероприятий в жилом секторе и общественных местах силами подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, подразделений патрульно-постовой службы полиции.

На основе проведенного криминологического исследования, мы также считаем, что в рамках информационного противоборства нарушениям закона необходимо расширять практику ограничения доступа интернет-ресурсам, на которых размещаются публикации с материалами, внесенными в список запрещенных экстремистских материалов Минюста России. Также ввести в практику деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму и участковых уполномоченных полиции обязательное посещение образовательных организаций Ростовской и Рязанского областей, в целях проведения лекций и бесед с обучающимися, направленных на предупреждение совершения правонарушений на почве национальной, религиозной или расовой неприязни

В целях своевременного влияния на процессы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений подразделений по противодействию экстремизму на регулярной основе проводить профилактические встречи с лидерами и представителями национальных диаспор и землячеств, в т. ч. направленных на недопущение возникновения конфликтов между представителями национальных диаспор.

Мы считаем, что реализация разработанных нами предложений по стабилизации криминогенной ситуации позволит оказать существенное влияние не только на уровень преступности в исследуемых нами регионах, но и снизить его как в количественном, так и в качественном содержании в целом по стране.

Литература

1. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.
2. URL: https://yandex.ru/search/?text= официальный%20сайт%20умвд%20россии%20по%20рязанской%20области&lr=11&clid=2270456&win=408&src=suggest_.

Bibliography

1. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.
2. URL: https://yandex.ru/search/?text= официальный%20сайт%20умвд%20россии%20по%20рязанской%20области&lr=11&clid=2270456&win=408&src=suggest_.

УДК 343:97 : 343.85
ББК 67.51

© 2021 г. Лемайкина Светлана Владимировна,
начальник кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: slemaikina2@mvd.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассмотрено использование современных технологий, основанных на искусственном интеллекте. Описаны существующие проблемы нормативного характера при использовании искусственного интеллекта и пути их решения.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, фишинг, цифровые технологии, преступность, дроны, дипфейки, концепция.*

Lemaikina Svetlana Vladimirovna – Head of the Department of the Information Support, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THE USAGE OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COUNTERING CRIME

The article discusses the usage of modern technologies based on the artificial intelligence. The existing regulatory problems in the usage of artificial intelligence and the ways of their solution are described.

Keywords: *artificial intelligence, phishing, digital technologies, crime, drones, deepfakes, concept.*

XXI век – век динамичного развития информационного общества и использования телекоммуникационных технологий, пронизывающих все сферы жизнедеятельности. Мы живем в цифровом мире, который, к сожалению, не свободен от преступных проявлений и криминогенных факторов. Преступность развивается и приспосабливается к новым технологиям, порождает большое количество новых проблем. Так, согласно официальным статистическим данным МВД России, в 2020 г. зарегистрировано 510 396 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, за 2 месяца 2021 г. их количество составило 81 496 (прирост 29,4 %, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года), а раскрываемость около 51,2 % [5].

Новейшие технологии от «Интернета вещей» до квантовых вычислений оказывают глубокое влияние на общество. Кибератаки используются для мошенничества, вымогательства и шпионажа. Киберпреступники применяют автоматизированные инструменты для уклонения от обнаружения и используют интеллектуальные технологии автоматизации. Серьезную опасность представляет преднамеренное использование небольших беспилотных летательных аппаратов – дронов – в преступных целях. Беспилотники с самодельными взрывными устройствами используются в зонах конфликтов: в Сирии, Украине. Большой прорыв произошел в программно генерируемых поддельных видео и изображениях, называемых «deepfakes». О «deepfakes» общественность впервые заговорила в 2017 г., когда в сети стали появляться порноролики, где лица артистов были заменены лицами публичных персон. С тех пор технология только набирает популярность. Особый интерес к ней проявляют и разного рода мошенники [1].

Искусственный интеллект (далее – ИИ) может быть козырем для того, чтобы правоохранительные органы шли в ногу со временем и гибко адаптировались к новейшим технологиям. Правоохранительные органы все чаще изучают применение ИИ для удовлетворения конкретных потребностей: выявлять из толпы лиц, представляющих интерес; прогнозировать и предсказывать преступления; автоматически сортировать, помечать и классифицировать большой объем информации оперативных данных, отслеживать факторы, способствующие проявлению экстремизма и терроризма, в начале их проявления.

ИИ – мощный инструмент, позволяющий правоохранительным органам реализовывать потенциал, изменяющий правила игры, который повышает эффективность и расширяет возможности в борьбе со всеми формами преступности. Так, в Норвегии видеозаписи и изображения, собираемые правоохранительными органами с помощью систем видеонаблюдения, часто необходимы правоохранительным органам для предотвращения и расследования преступлений, а также

обеспечения судебного преследования правонарушителей в рамках судебной системы. Одновременно изображения, видео, звуки содержат информацию, которая может раскрыть личность отдельных лиц. В Норвегии изучают применение неинтрузивных систем наблюдения, в основе которых лежит анонимизация людей, снятых на видеокадрах наблюдения, т. е. система покрывает лицо мультяшным персонажем или эмодзи. Это позволяет обрабатывать данные и использовать их для анализа массовых происшествий.

В Германии центральное управление информационных технологий в секторе безопасности при Федеральном министерстве внутренних дел работает над системой рекомендаций. Рекомендательные системы работают на предположении, что в больших разнообразных наборах информации одинаковые пользователи выбирают одинаковые элементы. На основе этих знаний, а также после начального периода обучения, элементы, представляющие потенциальный интерес, автоматически рекомендуются пользователю. Для больших баз данных правоохранительных органов, содержащих огромное количество информации об уголовных расследованиях, поиск нужной информации затруднен. Крупные дела могут занять годы работы по поиску и проверке соответствующей информации. Система на основе алгоритма интерактивно запрашивает необходимую информацию для сотрудников на основе предыдущих поисков или аналогичных предпочтений пользователей.

Повсеместное внедрение и совершенствование информационных технологий побуждают и нашу страну принимать соответствующие решения, направленные на то, чтобы упорядочить эту сферу и обозначить вектор ее развития. В России МВД внедрит нейросети для поиска серийных убийц и создания «фотороботов». Суть данного внедрения в том, что нейросети будут использовать для расследования серийных преступлений и составления «фоторобота» по ДНК нарушителя. Платформа для этого уже есть, но база геномных данных не слишком большая, чтобы осуществлять анализ между серийными преступлениями. В результате создания программы с использованием ИИ появится возможность автоматически анализировать описания преступлений, показания свидетелей и все другие документы, выявляя в них совпадения (например, место преступления или обнаруженные предметы). При наличии найденного биоматериала и отпечатков пальцев на месте преступления составляется фоторобот. МВД России рассчитывает провести научно-исследовательские работы по внедрению ИИ для определения внешности преступника в 2021–2022 гг., а в эксплуатацию ввести систему в 2024 г. [2].

Искусственный интеллект будет сопоставлять детали нескольких преступлений и при совпадении биоматериалов, изъятых с мест преступлений, составленного им же фоторобота, займется установлением личности возможного преступника. Отмечается, что данная процедура будет происходить только при наличии требуемых сведений в банке данных [3].

Полицейские России в ближайшее время намерены опередить мошенников и разработать инструмент выявления дипфейков. МВД России объявило конкурс на разработку компьютерной системы, которая позволит выявлять убедительные видеоподделки [4].

Потенциал искусственного интеллекта для правоохранительных органов огромен. Но существуют значительные правовые проблемы для правоохранительных органов в области ИИ. Использование ИИ может нарушить основные права человека: право на неприкосновенность частной жизни, равенство и недискриминацию, презумпцию невиновности. Эти проблемы требуют, чтобы правоохранительные органы следили за тем, чтобы использование ИИ соответствовало закону. Учитывая, что ИИ подпитывается данными, в частности, это касается, законов о конфиденциальности данных, которые включают в себя правила сбора, защиты и обработки данных. Важно, чтобы системы ИИ, построенные для правоохранительных органов, разрабатывались и развертывались с учетом того, чтобы ошибки нельзя было полностью предотвратить, и что ошибки могут неизбежно возникнуть. Соответственно, с самого начала следует разработать сценарий оценки рисков и смягчения их последствий.

Принятый Европейским парламентом и Европейским советом в апреле 2016 г. и впоследствии вступивший в силу в мае 2018 г., общий регламент Европейского союза (далее – ЕС) по защите данных был разработан для модернизации законов, защищающих личную информацию физических лиц. Директива ЕС по правоохранительным органам 2016/60 (LED), также известная как Директива полиции, вступила в силу в 2016 г. и направлена на применение правил, регулирующих персональные данные в общем регламенте, в деятельности правоохранительных органов. Хотя ни один из этих инструментов не был разработан специально для ИИ, но эти нормативные акты в конечном итоге имеют непосредственное отношение к разработке и внедрению ИИ. В апреле

2018 г. 24 государства – члена ЕС подписали декларацию о сотрудничестве в области ИИ. Дискуссии об ИИ и его развитии не ограничиваются Европой. Несколько организаций государственного сектора, научно-исследовательских институтов и частных компаний создали экспертные комитеты по ИИ для подготовки программных продуктов. В частности, крупные отраслевые компании, такие Google, IBM, Microsoft установили этические принципы, на основе которых они будут изучать применение ИИ [1].

В Российской Федерации применение ИИ в правоохранительной системе недостаточно развито. Главным сдерживающим фактором являются материальная составляющая и недостаточное правовое регулирование, которые не дают проникать ИИ в правоохранительные органы России. Ввиду большого количества разрабатываемых систем ИИ, мы должны помнить о необходимости установления пределов их использования. Правительство должно задать направление регулирования сферы ИИ, что оно и делает сейчас, разработав Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 г. (далее – Концепция). Целью Концепции является определение основных подходов к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства [6].

К 2030 г. в Российской Федерации должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области ИИ, в том числе гарантирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта. Об этом говорится в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.»). Проблема правового регулирования отношений в сфере технологий ИИ как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации на данный момент остается неразрешенной.

Несомненно, потенциал ИИ для правоохранительных органов огромен. Однако для того, чтобы преодолеть проблемы, связанные с этими технологиями, необходимо, прежде всего:

– провести всесторонний анализ возможностей использования технологий ИИ правоохранительными органами, в ходе которого будут выявлены направления нормативного регулирования, которые требуют наибольшего внимания;

– разработать стандарты и показатели, которые потребуются в диапазоне юридических аспектов ИИ;

– изучить опыт применения ИИ в других странах, чтобы наметить те узкие сферы, где можно применять ИИ относительно безопасно.

– осуществлять внедрение новых технологий в соответствии с существующими правовыми принципами, чтобы рациональность не была упущена.

Литература

1. Второй доклад об искусственном интеллекте для правоохранительных органов // Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. 2020. IV выпуск № 1.

2. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2020/5fae6ad49a79470ca94aff66.

3. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-11-16_iskusstvennyj_intellekt.

4. URL: https://rg.ru/2021/02/11/mvd-obiavilo-konkurs-na-razrabotku-sistemy-dlia-vyiavleniia-dipfejkov.html.

5. Статистические сборники «Состояние преступности в России» на 2020, 2021 гг. // Данные ЦСИ ФКУ ГИАЦ МВД России.

6. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Second Report on Artificial Intelligence for Law Enforcement Agencies // Review of selected issues in the field of big data and artificial intelligence. 2020. IV issue № 1.

2. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2020/5fae6ad49a79470ca94aff66.

3. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-11-16_iskusstvennyj_intellekt.

4. URL: https://rg.ru/2021/02/11/mvd-obiavilo-konkurs-na-razrabotku-sistemy-dlia-vyiavleniia-dipfejkov.html.

5. Statistical compilations «The state of crime in Russia» for 2020, 2021 // Data of the Central Statistical Office of the Federal State Institution of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

6. The concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024: Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 № 2129-r // LRS «ConsultantPlus».

УДК 343.91 – 055.2
ББК 67.51

© 2021 г. **Вакуленко Наталья Алексеевна,**
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: foroposha@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ СТАТИСТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются важные репрезентативные статистико-криминологические показатели женской преступности, позволяющие в обобщенном виде представить систему статистических данных, раскрывающих качественное своеобразие, тенденции и закономерности преступности рассматриваемого вида. Актуализируется значимость показателей состояния, структуры, динамики женской преступности при осуществлении деятельности по предупреждению таких преступлений.

Ключевые слова: *женская преступность, показатели преступности, состояние преступности, динамика, удельный вес, тенденции, прогнозирование, криминогенная активность, меры профилактики, информативные характеристики.*

Vakulenko Natalya Alekseevna – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CURRENT STATISTICAL AND CRIMINOLOGICAL PARAMETERS OF THE FEMALE CRIME IN MODERN WORLD

The article analyzes important representative statistical and criminological indicators of female crime allowing to summarize a system of statistics. Also the authors reveal qualitative peculiarities, tendencies and patterns of such kinds of crime.

Keywords: *female crime, crime indicators, crime status, dynamics, specific gravity, tendencies, forecasting, criminogenic activity, prevention measures, informative characteristics.*

Женщина занимает значимые позиции в системе социальных отношений, выполняет в обществе особые роли. Этим определяется специфика поведения женщин, их деятельности, образ жизни женщин в целом. Женщина – хранительница очага, женщина – супруга, женщина – мать, женщина – хороший и ответственный работник… Однако этому формату не соответствуют криминальные формы их поведения и опасные последствия от таких антиобщественных деяний.

Неслучайно в криминологии рассматривают подробно характеристику мужской и женской преступности. Преступность женщин, с одной стороны, является составляющей преступности в целом и отражает ее общие закономерности, с другой – имеет свои особенности.

Материальная и духовная бедность в наибольшей степени расширяет спектр мотивации преступлений, совершаемых женщинами. Стоит указать на присутствие взаимной корреляции: с одной стороны, женская преступность приводит к серьезным общественным последствиям и оказывает влияние на проблему семейного воспитания, с другой стороны, совершение преступных деяний женщинами зависит не только от социально-экономической ситуации в нашем государстве, уровня правосознания и культуры граждан, но и от степени гармоничности развития собственно семьи.

Сегодня женщины более активно проявляют себя в любых сферах общественной жизни, выполняя не только роли матери и хозяйки дома. Кроме того, факторами, детерминирующими совершение преступлений женщинами, можно называть ослабление роли и значимости семьи в социуме, конфликты и враждебность между людьми, их излишнюю агрессивность, враждебность, а также негативные фоновые явления, например, алкоголизм, наркоманию, бродяжничество, попрошайничество, проституцию.

«Преступность женщин отличается от преступности мужчин своими количественными показателями, характером преступлений и их последствиями, способами и орудиями совершения, ролью, которую выполняют при этом женщины, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием на их правонарушения семейно-бытовых, интимных и сопутствующих им обстоятельств» [1, с. 434].

Прежде, чем перейти к рассмотрению собственно криминологических вопросов и определений женской преступности, обратимся к рассмотрению проблем ее мотивации и особенностей в литературе. Так, Еврипид в трагедии «Медея» описал убийство из ревности, которое совершила главная героиня после того, как ее бросил муж. Но главное, что хотел показать автор – это противоборство в душе Медеи. Нельзя в этой связи, конечно, не вспомнить Катюшу Маслову из романа Л.Н. Толстого «Воскресенье». Причиной ее греховного падения и попадания в тюрьму явилось то, что князь Нехлюдов соблазнил ее и оставил. И вновь перед нами описание бури эмоций и переживаний внутренних, которые выливаются во внешний мир.

Это примеры из литературных источников, которые, безусловно, помогают раскрыть и понять внутреннюю сущность женщины, мотивационно-поведенческие реакции, в том числе и преступного характера. Нас же интересует изучение женской преступности с научной точки зрения.

«Под современной женской преступностью следует понимать сегмент современной преступности, состоящей из преступлений, совершенных лицами женского пола, достигшими возраста уголовной ответственности, совершенных в период действия Уголовного кодекса РФ» [9, с. 11].

«Криминологическая характеристика преступности среди женщин отличается от мужской преступности характером преступлений и их последствиями. Это можно объяснить особенностями, которые связаны с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями, биологическими и психологическими особенностями. Вполне естественно, что социальные условия и образ жизни, роли женщин меняются характер и способы их преступного поведения» [5, с. 29].

Обратимся к анализу актуальных количественных и качественных характеристик женской преступности. «Преступность как любое явление имеет форму и содержание. Под формой, т. е. внешним проявлением подразумеваются ее количественные показатели. Под содержанием или внутренними свойствами – качественные признаки (общественная опасность, изменчивость и др.). Из данных величин в совокупности складываются показатели преступности, которые позволяют охарактеризовать такие признаки преступности, как устойчивость, совокупность общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, совершенных в определенный период на определенной территории.

Показателями преступности являются определенные величины, выраженные в цифрах, определяющие внешнюю (формальную) сторону преступности. Содержательную (качественную) сторону преступности отражают ее признаки и свойства. Несомненно, это разделение носит условный характер, т. к. преступность – это закономерное явление, переходящее из количества в качество» [3, с. 160–161].

«В своей практической деятельности человек часто руководствуется правилом «было – стало» и редко задает себе вопрос «Что будет?». Жизнь показывает, что развитие оперативной обстановки и практики борьбы с преступностью в мире, в том числе и России, выдвигает на первый план необходимость прогнозирования социально-экономических и криминологических условий, влияющих на состояние, уровень, структуру и динамику преступности» [7, с. 35].

Состояние, динамика, структура, уровень, характер женской преступности складываются в систему статистико-криминологических показателей женской преступности, которая представляет собой своеобразную «фотографию» преступности данного вида.

Совершенно справедливо указывает в диссертации Я.Р. Мурадова: «Вызывают тревогу неблагоприятные прогнозы тенденций развития женской преступности. Если в 1994 году этот показатель был равен 9,3 %, то в 2005 г. – 18,1 %, в 2007 – около 19 %» [6, с. 3].

Исследовав показатели официальной отчетности общего состояния расследованных преступлений, совершенных женщинами с 2016 по 2020 гг. в Российской Федерации, можем констатировать волнообразный характер их динамики. Темпы прироста, хоть и незначительные, наблюдаются в 2017 г. (+ 1,3 %), в 2018 (+ 2,1 %), в 2019 году (+ 0,4 %). В 2020 г. количество расследованных преступлений, совершенных женщинами, имеет незначительное снижение – с 166 629 до 164 362 (– 1,4 %) [8].

Характеризуя аналогичные показатели по Ростовской области, стоит указать на устойчивый тренд возрастания. Так, относительный показатель динамики в 2016 г. составил + 6,7 %, в 2017 г. + 24,2 %, в 2018 г. + 1,8 %, в 2019 г. + 24,1 %, в 2020 г. + 0,4 % [8].

Таблица 1

Сведения о расследованных преступлениях, совершенных женщинами в Российской Федерации и Ростовской области (2016–2020 гг.) [8]

	Россия		Ростовская область	
	Кол-во	Темпы прироста к АППГ в %	Кол-во	Темпы прироста к АППГ в %
2016	160 555	– 7,4	3 176	6,7
2017	162 563	1,3	3 946	24,2
2018	160 014	2,1	4 017	1,8
2019	166 629	0,4	4 986	24,1
2020	164 362	– 1,4	5 006	0,4

Таблица 2

Количество и удельный вес лиц женского пола, совершивших преступления в Российской Федерации (2016–2020 гг.) [8]

		Лиц (по наиболее тяжкому)	Темпы прироста, в %	Женщин	Темпы прироста, в %	Удельный вес, в %
А		1	2	3	4	5
2016	Россия	1 015 875	– 5,5	148 026	– 14,0	14,6
	ЮФО	101 218	– 5,6	13 710	– 10,3	13,5
	Ростовская область	25 619	– 2,9	3 682	– 2,6	14,4
2017	Россия	967 103	– 4,8	146 916	– 0,7	15,2
	ЮФО	96 998	– 4,2	13 261	– 3,3	13,7
	Ростовская область	24 564	– 4,1	3 534	– 4,0	14,4
2018	Россия	931 107	– 3,7	145 486	– 1,0	15,7
	ЮФО	93 822	– 3,3	13 423	1,2	14,3
	Ростовская область	24 658	0,4	3 658	3,5	14,8
2019	Россия	884 661	– 5,0	142 505	– 2,0	16,1
	ЮФО	93 425	– 0,4	14 593	8,7	15,6
	Ростовская область	25 485	3,4	4 629	26,5	18,2
2020	Россия	852 506	– 3,6	136 318	– 4,3	16,0
	ЮФО	91 481	– 2,1	15 023	2,9	16,4
	Ростовская область	23 359	– 8,3	4 410	– 4,7	18,9

Объясняя этимологическое происхождение категории «тенденция», обратимся к переводу с латинского – это некая направленность. Тенденции преступности демонстрируют закономерности и направленность существования и развития преступности в триединстве прошлого-настоящего-будущего.

Представляя криминологическую характеристику преступности, важно оценить не только количественные и качественные показатели собственно преступлений рассматриваемого вида, но и лиц, совершивших эти преступления. За последние 5 лет в России наблюдается ежегодное снижение количества лиц женского пола, совершивших преступления. Так, в 2016 г. темпы прироста указанного показателя составили – 5,5 %, в 2017 г. – 4,8 %, в 2018 г. – 3,7 %, в 2019 г. – 5,0 %, в 2020 г. – 3,6 %.

Аналогичный показатель в Южном федеральном округе также характеризуется ежегодным его снижением: в 2016 г. – 5,6 %, в 2017 г. – 4,2 %, в 2018 г. – 3,3 %, в 2019 г. – 0,4 %, в 2020 г. – 2,1 %.

В Ростовской области количество лиц женского пола, совершивших преступления, в 2016 г. характеризуется снижением (– 2,9 %), в 2017 г. – снижением (– 4,1 %), в 2018 г. – возрастанием (+ 0,4 %), в 2019 г. – возрастанием (+ 3,4 %), в 2020 году – снижением (– 8,3 %).

Что касается удельного веса женщин, совершивших преступления в общем массиве лиц в Российской Федерации, то мы наблюдаем их возрастание с 2016 по 2019 гг. (2016 г. – 14,6 %, 2017 г. – 15,2 %, 2018 г. – 15,7 %, 2019 г. – 16,1 %), и небольшое снижение в 2020 г. – 16,0 %.

Аналогичный показатель в Южном федеральном округе характеризуется ежегодным его возрастанием: в 2016 г. – 13,5 %, в 2017 г. – 13,7 %, в 2018 г. – 14,3 %, в 2019 г. – 15,6 %, в 2020 г. – 16,4 %.

Тот же тренд возрастания удельного веса женщин-преступниц наблюдается и в нашем регионе Ростовской области: в 2016 г. – 14,4 %, в 2017 г. – 14,4 %, в 2018 г.– 14,8 %, в 2019 г. – 18,2 %, в 2020 г. – 18,9 %.

В любом случае, анализируя удельные веса количества женщин-преступниц в общем массиве лиц, совершивших преступления, стоит указать на их устойчивые показатели как в рассмотренных нами регионах, так и в Российской Федерации в целом. «На протяжении 1990–2012 гг. доля женщин в общей преступности составляла 10–16 %» [4, с. 567]. Аналогичный показатель последних пяти лет в России составляет в среднем 15–16 %.

Основная составляющая преступности в России репрезентативно представлена корыстными преступлениями и тенденциями их развития. Сферы, в которых заняты женщины, определяют и виды преступлений, которые они совершают: торговля, материальное снабжение, питание, обслуживание. Женщинами совершается большое число корыстных преступлений в обозначенных сферах. Если раньше женщины только давали взятки, либо выступали посредниками, то сегодня большинство из них берет взятки. Это вполне объяснимо, прежде всего, тем, что активность женщин в государственном секторе возрастает.

«Увеличение доли женщин среди лиц, совершивших преступления против государственной власти, – характерная черта современной преступности» [4, с. 568].

Кражи всегда выступали преступлениями, которые составляют значительный удельный вес в общем составе преступности в Российской Федерации (от 40 до 50 % ежегодно). В структуре женской преступности кражи представлены объемом порядка 18–20 %. Квартирные кражи, кражи личного имущества, кражи на железнодорожном транспорте – наиболее часто совершаемые женщинами виды краж.

«Доля женщин среди убийц в разные годы колеблется от 10 до 12 %, не проявляя заметной тенденции к росту, среди нанесших тяжкий вред здоровью – от 5 до 7 %, среди совершивших грабежи и разбойное нападение – от 16 до 18 %» [4, с. 568].

«К числу негативных тенденций женской преступности следует отнести:

1) рост преступного профессионализма и организованности в женской криминальной среде;

2) увеличение количества тяжких преступлений в общей массе женской преступности;

3) снижение возрастного порога при совершении первого преступного деяния;

4) совершение преступлений на почве мести, зависти, ревности;

5) тесная взаимосвязь с социально-негативными пороками общества (алкоголизмом, наркоманией, проституцией, лудоманией, тунеядством, попрошайничеством, бродяжничеством, суицидом и др.);

6) распространение женской криминальной субкультуры» [10, с. 11].

Таблица 3

Количество лиц женского пола, совершивших преступления в Российской Федерации (2015–2020 гг.) [8]

		Выявлено лиц, совершивших преступления	Темпы прироста к АППГ (в %)	в том числе					
				Рансс совершавших преступления	Темпы прироста к АППГ (в %)	Уд. вес к гр. 1 (в %)	из них		
							Ранее судимых	Уд. вес к гр. 3 (в %)	Уд. вес к гр. 1 (в %)
		1	2	3	4	5	6	7	8
2015	Россия	172 178	8,9	62 617	9,8	36,4	33 037	52,8	19,2
	Ростовская область	3 782	17,7	870	12,0	23,0	530	60,9	14,0
	ЮФО	13 502	7,2	3 834	9,9	28,4	1 953	50,9	14,5
2016	Россия	148 026	–14,0	53 733	–14,2	36,3	24 702	46,0	16,7
	Ростовская область	3 682	– 2,6	1 145	31,6	31,1	532	46,5	14,4
	ЮФО	13 710	–10,3	4 123	–1,6	30,1	1 864	45,2	13,6
2017	Россия	149 916	– 0,7	58 395	8,7	39,7	25 908	44,4	17,6
	Ростовская область	3 534	– 4,0	1 233	7,7	34,9	546	44,3	15,4
	ЮФО	13 261	–3,3	4 427	7,4	33,4	1 974	44,6	14,9
2018	Россия	145 486	–1,0	57 335	–1,8	39,4	26 891	46,9	18,5
	Ростовская область	3 658	3,5	1 211	–1,8	33,1	609	50,3	16,6
	ЮФО	13 423	1,2	4 468	0,9	33,3	2 082	46,6	15,5
2019	Россия	142 505	–2,0	57 190	– 0,3	40,1	57 232	47,6	19,1
	Ростовская область	4 629	26,5	1 178	–2,7	25,4	552	46,9	11,9
	ЮФО	14 593	8,7	4 310	–3,5	29,5	1 977	45,9	13,5
2020	Россия	136 318	–4,3	55 520	–2,9	40,7	26 318	47,4	19,4
	Ростовская область	4 410	–4,7	1 261	7,0	28,6	612	48,5	13,9
	ЮФО	15 023	2,9	4 787	11,1	31,9	2 213	46,2	14,7

Характеризуя криминологические особенности женской преступности современности, можно отметить следующие:

– возрастание криминогенной активности женщин в экономической области: обман потребителей, незаконное предпринимательство, фальшивомонетничество, взяточничество;

– повышение уровня профессионализма и организованности в совершении женщинами тяжких и особо тяжких преступлений.

Важно помнить, что при представлении криминологической характеристики того или иного вида преступности, в частности женской преступности, мало описать ее с количественной (состояние, уровень, структура, динамика) и качественной (характер, география, цена) сторон. Важной составляющей криминологической характеристики женской преступности является также анализ существенных криминологических параметров личности преступницы данного вида.

«Поскольку причины преступного поведения заключены в личности преступника, то, чтобы понять их, необходимо изучить эту личность, выявить те внешние по отношению к ней социальные явления и процессы, которые сформировали ее криминогенные черты. Данное соображение мы считаем очень важным не столько для теории, сколько для профилактической деятельности» [2, с. 5].

Отмечаем, что динамика выявленных лиц женского пола носит достаточно «плавающий» характер. В 2015 г. относительный показатель прироста составил + 8,9 %, в 2016 г. – 14,0 %, в 2017 г. – 0,7 %, в 2018 г. – 1,0 %, в 2019 г. – 2,0 %, в 2020 г. – 4,3 %.

О возрастании и убывании свидетельствуют показатели темпа прироста лиц женского пола, ранее совершавших преступления: в 2015 г. + 9,8 %, в 2016 г. – 14,2 %, в 2017 г. + 8,7 %, в 2018 г. – 1,8 %, в 2019 г. – 0,3 %, в 2020 г. –2,9 %. На это могут оказывать

влияние различные факторы: от нестабильности социально-экономической ситуации до активизации работы правоохранительных органов по фиксации данных.

Проанализировав основные криминологические параметры женской преступности в Российской Федерации, Южном федеральном округе и Ростовской области, отмечаем, что состояние женской преступности и ее отдельных видов демонстрирует как ее снижение, так и возрастание. И все же необходимо указать на несколько тенденциозных особенностей современной женской преступности: относительно стабильный рост преступлений, совершенных женщинами, ранее совершавшими преступления, и увеличение количества лиц женского пола, совершивших преступления, не достигших совершеннолетия.

Характер и масштаб преступных проявлений, выбор жертвы преступного посягательства, способы и средства его совершения – все это отличает женскую преступность от мужской. Данные выводы основываются на анализе статистических и научных данных.

Рассмотренные характеристики являются достаточно информативными для того, чтобы использовать их при разработке и реализации мер по предупреждению преступлений, совершаемых женщинами. При этом показатели данного вида преступности демонстрируют закономерности, способствующие выявлению взаимосвязей между прошлым, настоящим и будущим, что позволяет глубже исследовать содержание рассматриваемого негативного явления.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология. М., 2012.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений М., 1996.
3. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник СПб университета МВД России. 2015. № 4 (68).
4. Криминология. М., 2017.
5. Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России. М., 2009.
6. Мурадова Я.Р. Женская преступность: общефедеральный и региональные аспекты криминологической характеристики, основные направления профилактики (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Волгоград, 2008.
7. Омигов В.И. Некоторые формы и содержание прогноза развития преступности в России // Российский следователь. 2016. № 14.
8. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
9. Чернышева Е.Р. Криминологическая характеристика современной женской преступности и ее предупреждение. Ростов н/Д, 2007.
10. Шалагин А.Е., Шарапова А.Д. Женская преступность и ее предупреждение // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016.

Bibliography

1. Antonyan Yu.M. Criminology. M., 2012.
2. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of the criminal and crime investigation. M., 1996.
3. Klishkov V.B., Pasynkov V.V., Stebeneva E.V. Crime and its main characteristics at the modern stage // Bulletin of SPb University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (68).
4. Criminology. M., 2017.
5. Kunts E.V. Crime among women in modern Russia. M., 2009.
6. Muradova Y.R. Female crime: federal and regional aspects of criminological characteristics, the main areas of prevention (on the materials of the Krasnodar and Stavropol Territories). Volgograd, 2008.
7. Omigov V.I. Some forms and content of the forecast of the development of crime in Russia // Russian investigator. 2016. № 14.
8. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
9. Chernysheva E.R. Criminological characteristic of modern female crime and its prevention. Rostov n/D, 2007.
10. Shalagin A.E., Sharapova A.D. Female crime and its warning // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016.

УДК 343.97 : 343.85 : 343.347
ББК 67.51

© 2021 г. Пирогова Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: pirogova-81@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

В статье рассмотрены и раскрыты причины возникновения ятрогенных преступлений и выработаны возможные меры по их профилактике.

Ключевые слова: *предупреждение ятрогении, медицинский работник, профилактика, вред жизни и здоровью.*

Pirogova Elena Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Tactical and Special Training, the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

DETERMINANTS OF THE IATROGENIC CRIMES AND POSSIBLE MEASURES FOR COUNTERING THEM

The author considers and discloses the causes of the iatrogenic crime and developed possible measures for the prevention them.

Keywords: *prevention of iatrogenic, medical worker, prevention, harm for life and health.*

Актуальным сегодня является вопрос о ятрогенных преступлениях. В настоящее время преступные деяния в данной области четко не выражены и зачастую остаются безнаказанными.

Ятрогенные преступления в действующей правовой базе недостаточно описаны и систематизированы, поскольку чаще всего законодатель пытается рассмотреть и усовершенствовать какие-либо определенные области, хотя на самом деле следует уделить внимание основополагающим вопросам.

Сегодня главным направлением деятельности ученых является стремление к более подробному изучению причины появления данного вида преступлений. Как отмечает член-корреспондент АМН РФ О.К. Хмельницкий, «…ятрогенная патология превратилась сегодня в серьезную медико-социальную проблему, так как несомненные успехи медицины оказались тесно сопряженными с опасными последствиями для больных…» [7, с. 1].

В соответствии с Международной Классификацией болезней, ятрогения – это все отрицательные исходы врачебных действий, вследствие которых работа организма будет каким-либо образом уменьшена, загнана в определенные рамки. Иными словами, это общее определение, в которое входят все нежелательные последствия всех видов лечебной деятельности, влияющей на человека.

Ятрогения – термин, который относится к медико-правой группе и означает деяния медицинского работника, которые повлекли смерть или причинение вреда пациенту. Данный термин достаточно часто встречается как в медицинской, так и в юридической науках, хотя до сих пор официально не закреплен на законодательном уровне, что неизбежно влечет необходимость правового регулирования медицинской деятельности.

В юридической литературе ятрогенные преступления представляют собой преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека, совершаемые в результате нарушения медицинским персоналом правил оказания медицинской помощи (первичная, специализированная, скорая, паллиативная) в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. В основе пациентского права лежит Конституция Российской Федерации. В ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 150 также акцентирует внимание на правах пациента на: жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, личную тайну [2].

Поэтому можно сказать, что закон в настоящее время является единственным гарантом справедливости и правопорядка. Однако когда закон не совершенен, не точен, то опасности подвергается все государство в целом. Если одна из областей, регулируемых законом, недостаточно регламентирована, то можно говорить о таком психологическом и

организационном факторе, как безнаказанность. «…Если лицо понимает, что совершенное им преступление (преступления) осталось без внимания и ответного реагирования определенных органов государства, оно и впредь будет совершать преступления, поскольку ему за это ничего не будет. Порождать безнаказанность может не только психологический настрой рецидивиста, но и неэффективная деятельность правоохранительных органов, заключающаяся в данном случае в невысокой степени выявления, раскрываемости преступлений, розыска и задержания преступников…» [5, с. 122]. А защита жизни и здоровья граждан не обеспечивается должным образом. Такой сферой являются ятрогенные, то есть медицинские преступления.

Исходя из статистических данных, за последние 5 лет, например, только в Ростовской области в 2016 году зарегистрировано было 111 преступлений-ятрогений, а в 2020 году только – 13. При этом в 2017 их количество составило 23, а в 2018 – 57, в 2019 – 69, по указанным делам было выявлено лиц в 2016 году – 22, в 2017 – 22, в 2018 – 39, в 2019 – 53 и в 2020 – 19. То есть несмотря на то, что в 2016 году выявлено 111 фактов совершения ятрогенных преступлений, а в 2020 – 13, выявлено лиц было практически одинаково – 22 и 19, что свидетельствует о трудностях доказывания виновности того или иного подозреваемого, так как нет требуемого количества оснований для вынесения обвинительного приговора. Об этом свидетельствует и мнение участников судопроизводства: 77 % дел прекращаются еще до начала судебного разбирательства, и только в отношении 8 % лиц выносятся обвинительные приговоры, остальные же не имеют достаточных признаков вины. За некоторые нелегальные действия врачи порой не несут вообще никакой ответственности, не то, что уголовной. Это связано с едиными взглядами и ценностями, как у врачей, так и у судебных экспертов [14].

Важно понимать, что исследование латентности ятрогенных преступлений на сегодняшний день – необходимость. Довольно часто субъекты нарушения закона попросту избегают наказания и не несут никакой ответственности. Также следует упомянуть тот факт, что здесь задействована не только правовая сфера, но и сфера здравоохранения. В ней достаточно пробелов, которые необходимо изучить, проанализировать и устранить.

Перед правоохранительными органами в процессе установления справедливости в данной сфере стоит огромное количество препятствий, которые нельзя оставлять без внимания. Каждый результат поступка медицинского работника бывает либо благоприятным, либо нежелательным. Поэтому деятельность врача должна быть под наблюдением. Квалифицированное лечение, которое необходимо каждому пациенту, ему не предоставляется, а количество таких пациентов растет с каждым днем. Именно это принято считать ятрогенными преступлениями.

Существует огромное количество факторов, которые могут привести к такому неблагоприятному исходу, как «врачебная ошибка». Ими являются: некомпетентность, невнимательность, беспечность, халатность, недостаточное количество анализов для установления диагноза и т. д. Поэтому данные факты будут рассматриваться как иные преступления с подобным составом и опираться на одну из статей УК РФ, например, причинение смерти по неосторожности медицинским работником будет квалифицироваться по ст. 109 УК РФ [3].

В России нет единых стандартов, предъявляемых к медику, поэтому определенная часть медицинского персонала попросту не обладает достаточным количеством знаний, умений, не знает и не выполняет правила руководства. Также не следует забывать о коррупции в целом [4, с. 58], и о коррумпированности образовательных учреждений, где вместо усердного труда и учебы можно просто оплатить услуги по получению диплома. В настоящее время медицинские работники потеряли желание помогать людям, они выполняют свою работу на соответствующем уровне лишь в тех случаях, когда за этим следует материальное вознаграждение. Отчасти в этом есть и вина государства. Низкие заработные платы и та ответственность, которая лежит на «хрупких» плечах врачей и докторов, далеко не соразмерны. Государство обязано соответствующе оценивать порой непосильный труд врачей. Это будет одним из факторов, который снизит уровень ятрогенных преступлений в стране.

Предупреждение и пресечение ятрогенных преступлений – это задача, которая стоит не только перед правоохранительной системой, но и перед Министерством здравоохранения Российской Федерации. В нашей стране нет единой программы, которая бы включала в

себя меры по предотвращению совершения таких преступлений медицинским персоналом. В настоящее время необходим комплекс мер, как по исследованию изменчивости ятрогений, так и по пресечению таких преступлений.

Детерминантами врачебных преступлений являются совокупность процессов и явлений, которые поспособствовали противоправным действиям медицинских работников.

1. Главной и немаловажной причиной является низкая заработная плата работников медицинских учреждений. По данным Росстата, за январь–сентябрь 2020 года средняя заработная плата врача в России составила 89 567 руб., младший медицинский персонал – 40 390 руб. в месяц. В Ростовской области врачи зарабатывают 59 969 руб., младший медицинский персонал – 32 723 руб. Однако реалии сегодняшнего времени говорят об обратном. Ведь среднестатистическая сумма складывается, допустим, из заработной платы главврача и молодого специалиста, который не имеет ни опыта, ни выслуги [13]. Данный фактор антимотивирует стремление врачей к качественному выполнению своих обязанностей, эта сфера становится коррумпированной и неустойчивой. Зачастую врачи, которые не получают никакой выгоды от лечения пациента, относятся к нему халатно и беспечно. Также не следует забывать о том, что врачи, стремясь обеспечить себя и свою семью, работают в нескольких медицинских учреждениях, что значительно ухудшает качество предоставляемых ими услуг, так как работа без выходных изнуряет и истощает.

2. Вторая немаловажная причина – несоответствие объема нагрузок, ведь не секрет, что сфера здравоохранения испытывает острую нехватку медицинских кадров. Качество и своевременность оказания профилактических, диагностических, терапевтических мероприятий усложняется как отсутствием кадрового аппарата, так и необходимым оборудованием в медицинских учреждениях. Также необходимо учитывать и несовершенство уголовного законодательства в отношении медицинских работников, правовой нигилизм, как со стороны пациента, так и со стороны медицинского персонала, увеличение количества нарушений прав пациента медицинским персоналом, что предопределяет устойчивый рост латентности данного рода преступлений. Сокрытие преступлений, совершенных медицинскими работниками, от учета правоохранительными органами, способствует росту латентных преступлений. Пациенты или родственники пострадавшего от действий (бездействий) медицинского персонала зачастую не считают необходимым сообщать правоохранительным органам о фактах смерти или причинения вреда здоровью им или родственниками.

3. Степень развития медицинской науки выступает препятствием к раскрытию ятрогенного преступления. Вследствие недостаточности сведений о человеческом организме и происходящих в нем процессах бывает невозможно выявить, совершено ли преступление или же это естественный процесс. Инновационные технологии в реализации современной медицины России требуют наличия высококвалифицированных работников в сфере здравоохранения. На базах государственных медицинских учреждений создаются благоприятные условия для реализации более усовершенствованных медицинских манипуляций (гипотермическая перфузия, ультразвуковая абляция под контролем МРТ, брахитерапия и др.), проведение которых всегда сопряжено с риском для жизни и здоровья пациента. Медицинские работники во время выполнения своих профессиональных обязанностей должны четко соблюдать правила и (или) стандарты оказания медицинской помощи [11, с. 103]. Игнорирование медицинским работником полностью или частично правил и (или) стандартов во время проведения медицинских вмешательств влечет, как правило, смерть или вред здоровью пациента. Отсюда вытекает следующая причина.

4. Некомпетентность. Министерство здравоохранения не предусматривает беспрерывного образования, поэтому медицинские работники зачастую не осведомлены о новых методах лечения и специальном оборудовании, которое можно использовать в процессе лечения. Отсутствие медицинского страхования. Следует упомянуть еще и о медицинском образовании, которое кадры получают не на требуемом уровне. Порой диплом, свидетельствующий о получении медицинского образования, приобретается на возмездной основе без посещения учебных заведений. Ведь существуют случаи, когда врач не просто бездействует, а не уверен в результате работы, которую необходимо выполнить.

Поэтому сначала необходимо выявить отношение субъекта преступления к наступившим последствиям и причинно-следственную связь.

5. Корпоративность работников. Так как судебно-медицинские эксперты подчиняются Минздраву, то при совершении ятрогенного преступления они чаще всего констатируют смерть не от врачебного вмешательства, а от каких-либо других детерминант. Данная проблема является одним из признаков латентности ятрогенных преступлений. Она считается достаточно распространенной и является серьезным противодействием органам следствия при определении действий медицинского персонала, который допустил в своей работе преступное легкомыслие или небрежность.

6. Недоступность иностранных медикаментов и их искусственная замена. Врачи не могут прописать действенные зарубежные препараты, поэтому им приходится обращаться к отечественным, не всегда подходящим заменителям, которые не дают желаемого эффекта, а в некоторых случаях даже усугубляют сложившуюся ситуацию [8, с. 620].

7. Недостаточная осведомленность следователей и дознавателей о данных преступлениях.

Перечисленные факторы свидетельствуют о том, что предупреждение преступлений данного вида является наиболее правильным решением, нежели, скажем, процесс их раскрытия и расследования.

Также при оценке действий врача экспертам необходимо исследовать организм потерпевшего, так как он может иметь какие-либо особенности, а стандартные методы лечения ему могли не подходить, либо он обратился за помощью в медицинское учреждение слишком поздно.

Следовательно, необходимо убедиться, принял ли врач все нужные меры для оказания помощи больному, и эта информация станет фундаментом к расследованию преступления.

Существует ряд факторов ятрогенного преступления, которые говорят о том, что оптимальным вариантом является отграничение ятрогений в отдельный вид раскрытия и квалификации данных преступлений, а именно:

1. Недостаточное количество медицинской практики.

2. Отсутствие необходимых знаний у медиков.

3. Медицинские организации не обеспечивают требуемого выполнения сотрудниками своих обязанностей.

4. Полное либо частичное отсутствие документации.

Следует также упомянуть, что ятрогения – это скрытое нарушение закона. Ведь к смерти могли привести не только какие-либо поступки доктора, а особенности организма пациента. Порой сам наблюдаемый своими действиями может провоцировать летальный исход. Чтобы правильно описать состав преступления, нужно привлечь экспертов, которые изучат все обстоятельства, обоснуют заключение и выявят объективную причину смерти, иначе невозможно будет вынести справедливый приговор обвиняемому.

Изложенное позволяет дать следующее определение понятию «ятрогенное преступление»: обусловленная объектив-ными и субъективными факторами, взаимосвязанная со средой и в ней отображающаяся, возникающая и функционирующая в сфере здравоохранения вследствие нарушения охраняемых уголовным законом правил оказания медицинской помощи, сложная, общественно опасная, противоправная, реальная, динамическая, повторяющаяся система действий и их последствий, обусловленных ненадлежащим выполнением медицинским работником своих профессиональных обязанностей [9, с. 159].

Исходя из всех вышеперечисленных причин, считаю необходимым введение таких путей решения данной проблемы:

– увеличение количества средств, направляемых на финансирование медицинских организаций. Повышение заработной платы работникам медицинских учреждений, введение специальной системы премиальных выплат;

– определение единых стандартов подготовки кадров, что будет способствовать улучшению качества будущих сотрудников медицинских учреждений;

– усиление мотивации для улучшения качества деятельности медиков;

– введение механизма самоуправления;

– развитие системы коллективной ответственности, чтобы уменьшилось количество латентных преступлений в данной области;

– оценка результатов проведенной работы для дальнейшего прослеживания прогресса;

– создание системы допуска к разным по сложности операциям. Это будет способствовать,

во-первых, беспрерывному образованию, во-вторых, мотивации работников к получению нового уровня, в-третьих, улучшит качество проводимых операций и снизит возможные «врачебные ошибки»;

– изменение модели здравоохранения на более информативную и усовершенствованную. Она будет предусматривать активное взаимодействие практической деятельности с наукой;

– разграничение платной и бесплатной медицины. Это является тем фактором, который в какой-то степени лишает граждан права на бесплатное, качественное медицинское обслуживание;

– введение общих требований, которые необходимо предоставить больному при его лечении. Это необходимо, для того чтобы оценивать действия медицинского работника при совершении им ятрогенного преступления или при каком-либо неблагоприятном исходе;

– систематизация общих требований к действиям медиков, связанных с нежелательным результатом работы. Это станет основой при проведении расследования;

– разработка общих стандартов, по которым можно будет оценивать размер выплаты при причинении какого-либо вреда жизни и здоровью;

– введение стандартов составления документов. Зачастую в некоторых медицинских организациях теряется и исчезает необходимая документация, это значительно затрудняет расследование данных преступлений;

– введение статьи в УК РФ, квалифицирующей ятрогенные преступления. Это необходимо для проведения анализа и определения динамики изменений количества преступлений данного вида.

Предложенные варианты профилактики и противодействия ятрогенным преступлениям являются действенными, но они не могут гарантировать полное исключение данных преступлений, поэтому считаем, что следует усовершенствовать деятельность судебно-медицинских экспертов таким образом: выбирать независимых, объективных экспертов, так как из-за корпоративности они часто проводят субъективное исследование и исключают участие врача в наступивших неблагоприятных последствиях. Передача судебно-медицинской экспертизы в подчинение Министерства юстиции Российской Федерации решит эту проблему. Эксперты и специалисты при проведении этой процедуры не будут рассматривать сложившиеся обстоятельства в пользу врача, а наоборот отнесутся ко всему скептически.

Одним из факторов предупреждения ятрогенных преступлений станет взаимодействие юристов и медицинских работников при разработке алгоритма действий расследования данного преступления, а также составлении модели обоснования доводов. Это будет способствовать рассмотрению данной проблемы с двух сторон: медицинской и юридической.

Создание инновационного индивидуального учета предоставления медицинской помощи. В данном случае можно будет проследить все периоды обращения больного в медицинскую организацию, поставленный ему диагноз, предоставленные услуги, результаты анализов, врожденные болезни и состояние здоровья при обращении к медицинскому работнику за помощью.

Необходимо разработать единые стандарты лечения, чтобы следователь мог оценить действия медицинского работника и степень его халатного отношения к своим обязанностям.

Одним из важнейших составляющих профилактики является аналитическая деятельность. Она требуется, чтобы оценить результаты проведенной работы, проанализировать сложившуюся ситуацию. Создать региональную и федеральную базы данных о врачебных ошибках. Обобщение судебной и экспертной практики по этому вопросу.

Доведение информации до населения в этой сфере является одним из компонентов предупреждения ятрогенных преступлений. Граждане должны знать о количестве предоставляемых им прав и возложенных на них обязанностей. Население должно быть проинформировано о сложностях данной области и возможных неблагоприятных исходах.

Считаем, что перечисленные методы профилактики актуальны, так как настоящая правовая база не выделяет ятрогенные преступления в отдельный вид, тогда как они содержат в себе общественную опасность и несут угрозу, а также наносят экономический ущерб медицинским организациям.

Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод, что профилактика ятрогенных преступлений должна быть всесторонней и разноплановой, затрагивать все сферы

общественной жизни. Политика государства должна влиять на уровень ятрогенных преступлений одновременно с разных сторон, а выделение ятрогенных преступлений в отдельный вид в действующем законодательстве явно необходимо, что связано с огромным количеством сложностей, возникающих в процессе установления истины.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Брюхнов А.А., Напханенко И.П., Миллерова Е.А. Особенности современных подходов к противодействию коррупции // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3 (96).
5. Вакуленко Н.А. Факторы, детерминирующие рецидивную преступность // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82).
6. Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451.
7. Некачалов В.В. Ятрогения (Патология диагностика и ле-чение). СПб., 1998.
8. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 января 2019 года. М., 2019.
9. Трусов М.М. Актуальные вопросы расследования ятрогенных преступлений // Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность: Материалы VI Межд. научно-практич. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов: сб. научных статей, Саратов, 11 октября 2019 года. Саратов, 2019.
10. Тузлукова М.В. Актуальные вопросы криминалистического и судебно-экспертного обеспечения расследования ятрогенных преступлений. Теория и практика судебной экспертизы. 2020. 15 (2).
11. URL: https://aif.ru/society/law/chto_takoe_yatrogennye_prestupleniya.
12. URL: https://congress-ph.ru/common/htdocs/upload/fm/detinf/18/oct-2018/prez/019.pdf.
13. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/flSmaFOg/itog-monitor04-20.htm.
14. URL: https://crimestat.ru/offenses_map.

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Bryukhnov A. A., Napkhanenko I. P., Millerova E. A. Features of modern approaches to combating corruption. 2021. № 3 (96).
5. Vakulenko N.A. Factors determining recidivism // Yurist-Pravoved. 2017. № 3 (82).
6. Mazur E.S., Akhmedshin R.L., Alexandrova Ya.D. Criminalisticheskaya kharakteristika iatrogenic crimes // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 451.
7. Nekachalov V.V. Iatrogeny (Pathology diagnosis and treatment): Handbook for doctors. St. Petersburg, 1998.
8. Sitnikova A.I. Iatrogenic crimes // Criminal law: strategy of development in the XXI century: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 24–25, 2019. M., 2019.
9. Trusov M.M. Actual issues of investigation of iatrogenic crimes // Legal institutions and methods of ensuring environmental and natural resource security in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation, social and environmental efficiency: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference of Teachers, Practical Staff, Students, Undergraduates, Postgraduates: collection of scientific Articles, Saratov, October 11, 2019 / Ed. Razgeldeeva N.T. Saratov, 2019.
10. Tuzlukova M.V. Actual issues of forensic and forensic support of the investigation of iatrogenic crimes. Theory and practice of forensic examination. 2020. 15 (2).
11. URL: https://aif.ru/society/law/chto_takoe_yatrogennye_prestupleniya.
12. URL: https://congress-ph.ru/common/htdocs/upload/fm/detinf/18/oct-2018/prez/019.pdf.
13. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/flSmaFOg/itog-monitor04-20.htm.
14. URL: https://crimestat.ru/offenses_map.

УДК 343.97 : 343.85 : 343.37
ББК 67.51

© 2021 г. Хомутов Максим Владимирович,
преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России.
E-mail: khomutov2008@mail.ru

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМОВ УЧАСТИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье раскрывается потенциал участия обозначенных организаций в современной практике предупреждения преступлений, рассматриваются проблемы развития данного направления антикриминальной практики.

Ключевые слова: *предупреждение преступлений, социально ориентированные некоммерческие организации, криминологические исследования, общественные объединения.*

Khomutov Maksim Vladimirovich – Lecturer, the Department of Philosofy and Sociology, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

DEVELOPMENT OF MECHANISMS FOR THE PARTICIPATION OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE PREVENTION OF CRIME

The article reveals the potential of participation of non-profit organizations in the modern practice of crime prevention, considers the problems of development of this area of anti-criminal practice.

Keywords: *crime prevention, socially oriented non-profit organizations, criminological research, public associations.*

В современном российском обществе происходят масштабные изменения в социальной сфере, экономике, политике. В социальной сфере отмечается тенденция к существенной перестройке традиционной парадигмы участия граждан и общественных организаций в делах государства. Отмечается значительный рост потенциала участия общественных формирований в сферах, где традиционно монополией владело государство. Такой тренд не остался незамеченным, в том числе политическим руководством нашей страны. Так, в рамках очередного послания Федеральному Собранию РФ Президент России В.В. Путин обратил внимание на необходимость расширения пространства свободы во всех сферах общественной жизни, укрепления институтов демократии, местного самоуправления и структур гражданского общества [1]. Среди институтов гражданского общества особую роль, практически во всех сферах, играют некоммерческие организации.

В рамках российского правового поля организации, не ставящие своей целью получение прибыли и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества, именуются социально ориентированными некоммерческими организациями (далее – СО НКО). Участие СО НКО способно оказать органам государственной власти и местного самоуправления существенную помощь и поддержку в решении не только общесоциальных, но и многих правоохранительных проблем.

Многие СО НКО уже продолжительное время осуществляют свою деятельность по таким антикриминальным направлениям деятельности, как:

– участие в охране общественного порядка;

– профилактика алкоголизма и наркотизма;

– предупреждение детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних;

– помощь семьям, находящимся в социально опасном положении;

– противодействие торговле людьми;

– предупреждение преступлений в Интернете и иных сферах [2].

В то же время потенциал участия СО НКО в современной практике предупреждения преступлений раскрыт не в полной мере. Деятельность СО НКО в рассматриваемой области часто сталкивается с излишней консервативностью традиционных субъектов профилактики преступлений, с бюрократическими препятствиями, низкой активностью, незаинтересованностью, а иногда и откровенными препятствиями со стороны органов власти в развитии общественной антикриминальной практики, недостаточностью и непрозрачностью реализации мер поддержки

СО НКО в данной сфере. Зачастую СО НКО в правоохранительной сфере возникают не столько благодаря самодеятельным усилиям неравнодушных граждан, сколько создаются «сверху», искусственно, а их деятельность носит формальный характер. По-прежнему сохраняется нормативная и организационная неопределенность в вопросах участия СО НКО в предупреждении преступлений.

Несмотря на очевидный существенный потенциал СО НКО в области предупреждения преступлений, число подобных организаций, участвующих в антикриминальной практике, объем и эффективность их работы на сегодняшний день не в полной мере соответствуют общественным и правоохранительным потребностям, интересам граждан, а также качественным параметрам участия СО НКО в иных сферах социальной жизни. СО НКО в области предупреждения преступлений зачастую отводятся второстепенные роли, причем не всегда заслуженно. В условиях, когда возможности субъектов профилактики преступлений из числа органов власти существенно ограничены в силу карательного вектора правоохранительной практики и ее возрастающей бюрократизации, участие общественных формирований в данной области приобретает особое значение.

СО НКО, участвующие в предупреждении преступлений, представляют собой некоммерческие организации, созданные в установленных законом формах, деятельность которых прямо или косвенно направлена на устранение и минимизацию причин преступлений и условий, способствующих их совершению, осуществление социально-правового контроля над преступностью и правоохранительными органами и профилактику правонарушений.

СО НКО, обладая правовым статусом некоммерческих организаций и правами лиц, участвующих в профилактике правонарушений, имеют особый потенциал в области предупреждения преступлений на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях. Их профилактическая деятельность вносит весомый вклад в арсенал средств криминологического предупреждения, оказывая воздействие на криминогенные факторы, используя широкий спектр неформализованных методов профилактики правонарушений, которые либо недоступны традиционным субъектам предупреждения преступлений или реализовываются ими с низкой эффективностью в силу высокой формализации, бюрократизации и консервативности.

СО НКО имеют большую «гибкость» в выборе форм и методов ведения профилактической деятельности, нежели иные субъекты профилактики правонарушений. Являясь частью общественного организма, они более тонко «чувствуют» и оперативно реагируют на интересы населения, вызовы в правоохранительной сфере, социальные проблемы и противоречия. Некоммерческая основа их деятельности, направленность на достижение общественно полезных целей позволяет осуществлять деятельность непосредственно в интересах объекта воздействия. Низкие административные, финансовые и бюрократические издержки, в сочетании с прозрачностью работы демонстрирует большую эффективность предупредительной деятельности по широкому спектру направлений профилактической деятельности по сравнению с традиционными субъектами.

В системе предупреждения преступлений СО НКО своей деятельностью способны существенно компенсировать пробелы в деятельности субъектов профилактики правонарушений, обеспечить реализацию части их полномочий по непосредственному взаимодействию с гражданами и оказанию им социальной и правоохранительной помощи.

До настоящего момента в научной литературе и нормативных правовых актах нет единого подхода к определению «объединение граждан, участвующих в предупреждении преступлений». На наш взгляд, именно СО НКО является наиболее оптимальным выражением такой общественной антикриминальной деятельности. В связи с этим предлагается считать, что *СО НКО, участвующие в предупреждении преступлений*, представляют собой некоммерческие организации, созданные в установленных законом формах, деятельность которых прямо или косвенно направлена на устранение и минимизацию причин преступлений и условий, способствующих их совершению, осуществление социально-правового контроля над преступностью и правоохранительными органами и профилактику правонарушений.

При несомненной значимости работы, проводимой СО НКО по профилактике преступлений, стоит отметить тот факт, что до настоящего момента в нашей стране отсутствует правовая база, которая бы регулировала такую предупредительную деятельность, а существующие правовые нормы фрагментарно присутствуют в различных отраслях законодательства, но зачастую не согласованы между собой.

Совершенствование нормативного правового регулирования участия СО НКО в предупреждении преступлений требует унификации законодательства Российской Федерации о профилактике правонарушений и участии граждан в правоохранительной деятельности с правовыми нормами, закрепляющими особенности правового положения СО НКО, а также формы их поддержки органами государственной власти и местного самоуправления. Здесь необходимо принятие целого пакета правовых мер, которые бы позволили существенно активизировать рассматриваемое направление антикриминальной практики:

– дополнить перечень видов деятельности, осуществляемых СО НКО, закрепленный ч. 1 ст. 31.1 ФЗ «О некоммерческих организациях», пунктами «участие в профилактике правонарушений», «участие в охране общественного порядка»;

– закрепить в актах законодательства, устанавливающих правовой статус субъектов профилактики правонарушений, полномочия по поддержке СО НКО в порядке, предусмотренном гл. 6 ФЗ «О некоммерческих организациях»;

– в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» и ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закрепить детальный правовой статус СО НКО в качестве лиц, участвующих в профилактике правонарушений;

– в ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» закрепить единый правовой механизм создания и функционирования народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности в форме СО НКО.

Основываясь на положениях международного права и рекомендациях ООН, следует выстраивать партнерские отношения между органами власти и СО НКО, участвующими в предупреждении преступлений, обеспечить их информационную, материальную и правовую поддержки со стороны государства. Следует поставить вопрос и о существенном расширении их компетенции, в том числе путем передачи им части функций органов власти в области предупреждения преступлений. Для этого необходимо создать и развивать механизмы использования предупредительных возможностей СО НКО в деятельности правоохранительных органов, пропаганды общественной деятельности в сфере предупреждения преступлений с целью формирования позитивного общественного мнения о предупредительной деятельности СО НКО, а также создать условия для увеличения их количества и форм деятельности.

Заметим, что отечественный опыт использования возможностей общественных организаций в предупреждении преступлений указывает на наибольшую эффективность их деятельности в случаях их возникновения по инициативе граждан под влиянием естественных факторов. Фактическое создание органами власти подобного рода организаций «сверху» приводит к низкой результативности и формализации их деятельности, лишая общество действенного инструмента в предупреждении преступлений.

Опыт стран дальнего (США, Великобритания, Германия, Норвегия, Япония) и ближнего (Казахстан, Беларусь, Армения) зарубежья [3] подтверждает высокий потенциал деятельности некоммерческих организаций в области предупреждения преступлений. Значение для развития отечественной системы предупреждения преступлений имеет опыт создания и функционирования некоммерческих организаций в странах дальнего зарубежья по ресоциализации преступников, осуществлению социального контроля на местном уровне, выявлению киберугроз, профилактике правонарушений несовершеннолетних и маргинальных явлений в семье. В государствах ближнего зарубежья заслуживают внимания практики предупредительной деятельности некоммерческих организаций в трудовых коллективах и по месту проживания граждан.

СО НКО, участвующие в предупреждении преступлений, осуществляют свою деятельность на различных уровнях криминологической профилактики, имеют существенные отличия и особенности. Для познания их предупредительного потенциала следует разделять их на два основных типа:

– непосредственно участвующие в предупреждении преступлений на специально-криминологическом уровне путем нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений: охрана общественного порядка, профилактическое воздействие на лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, диагностика криминальных явлений в Интернете;

– опосредованно участвующие в предупреждении преступлений на общесоциальном уровне путем минимизации действия причин преступности и профилактики негативных социальных явлений, связанных с

преступностью, оказания помощи лицам, находящимся в социально опасном положении.

Отнесение СО НКО к указанным типам определяет особенности, которые необходимо учитывать при оценке их предупредительной практики в рамках правового регулирования их деятельности и организации взаимодействия с органами власти.

Участие СО НКО в общесоциальном предупреждении преступлений является превалирующей формой их антикриминальной деятельности, осуществляется в основном в рамках правового регулирования оказания социальной помощи гражданам. Основными направлениями предупредительной деятельности СО НКО, опосредованно участвующих в предупреждении преступлений, являются:

– профилактика потребления алкоголя и наркотиков;

– работа с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении, профилактика семейного неблагополучия;

– работа с несовершеннолетними и взрослыми маргиналами (бездомными, бродягами и попрошайками);

– профилактика суицидального поведения, организация досуга и занятости несовершеннолетних и молодежи;

– работа по патриотическому воспитанию молодежи.

Деятельность СО НКО на общесоциальном уровне предупреждения преступлений демонстрирует большую эффективность по сравнению с иными субъектами профилактики правонарушений в силу отсутствия бюрократических барьеров и формализма при осуществлении предупредительной деятельности.

СО НКО непосредственно участвуют в предупреждении преступлений на специальном криминологическом уровне в отдельных сферах антикриминальной практики и имеют существенные резервы для дальнейшего развития и охвата новых областей антикриминальной деятельности. Значительное развитие и соответствующую правовую регламентацию получили следующие направления антикриминальной деятельности СО НКО на уровне специально-криминологического предупреждения преступлений:

– участие в охране общественного порядка;

– организация розыска без вести пропавших лиц;

– участие в обеспечении безопасности дорожного движения.

Не получившими широкого распространения и перспективными направлениями антикриминальной практики СО НКО на специально-криминологическом уровне определены:

– выявление и диагностика криминальных явлений в Интернете;

– правовое (криминологическое) воспитание и просвещение населения [4];

– работа с потенциальными жертвами преступлений;

– работа с лицами, пострадавшими от преступлений;

– профилактика незаконного наркооборота;

– работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, в том числе в отношении которых установлен административный надзор;

– профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

– профилактика семейного и школьного насилия;

– профилактика различных видов мошенничества;

– борьба с экологическими правонарушениями;

– профилактика проституции и противодействие торговле людьми и иным формам эксплуатации человека;

– профилактика правонарушений в сфере ЖКХ;

– профилактика вандализма;

– участие в борьбе с коррупцией;

– профилактика экстремистской и террористической деятельности;

– содействие в осуществлении правоохранительного контроля по месту жительства граждан.

Деятельность СО НКО по специальному криминологическому предупреждению преступлений имеет существенные особенности и выходит за рамки оказания социальной помощи гражданам, поэтому требует специальной подготовки и знаний для ее осуществления, связана с возможными рисками нарушения прав граждан, опасностью для жизни и здоровья ее участников. Отсюда необходима подробная правовая регламентация деятельности и правового статуса СО НКО в области правоохранительной деятельности, включающая механизмы поддержки и финансирования, регистрации, лицензирования, надзора и контроля, требования к уровню образования и профессиональным навыкам участников СО НКО, порядок взаимодействия СО НКО с правоохранительными органами.

Для преодоления проблем, препятствующих эффективной антикриминальной деятельности СО НКО в современной системе предупреждения преступлений, и развития

механизмов их участия в предупреждении преступлений необходимо принятие комплекса мер правового и организационного характера. Назовем наиболее важные из них:

– разработка и принятие региональных и муниципальных программ по поддержке деятельности СО НКО, участвующих в профилактике правонарушений;

– создание и формирование реестра СО НКО, участвующих в предупреждении преступлений на специально-криминологическом уровне на базе территориальных подразделений федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел;

– закрепление правового статуса СО НКО, участвующих в профилактике правонарушений, на базе ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Об участии граждан в охране общественного порядка» во взаимосвязи с положениями ФЗ «О некоммерческих организациях»;

– разработка ведомственных нормативных правовых актов субъектов профилактики правонарушений, регламентирующих порядок взаимодействия с СО НКО и поддержку их деятельности;

– нормативное правовое закрепление и развитие механизмов информационно-технической и финансовой, в том числе прямой адресной поддержки правоохранительными органами СО НКО, участвующих в предупреждении преступлений на специально-криминологическом уровне;

– передача СО НКО, участвующих в предупреждении преступлений на специально-криминологическом уровне, части полномочий органов власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления и правоохранительных органов в области профилактики правонарушений и диагностики криминальной ситуации.

Резюмируя изложенное, заметим, что вопрос участия СО НКО в предупреждении преступлений стоит не только перед практическими сотрудниками. Истоки этой проблемы кроются и в отсутствии необходимой научно-теоретической базы развития антикриминального потенциала СО НКО и повышения эффективности их антикриминальной деятельности. Между тем сформулированные в настоящей статье теоретические выводы и практические рекомендации могут быть положены в основу совершенствования правоохранительной практики в рассматриваемой сфере.

Литература

1. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957.

2. Грибанов Е.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (постатейный). М., 2021.

3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obschestvennyh-organizatsiy-i-naseleniya-v-protsesse-protivodeystviya-prestupnosti.

4. Хомутов М.В. Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений: теоретические и социально-правовые предпосылки // Общество и право. 2018. № 2 (64).

5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-uchastiya-naseleniya-v-protivodeystvii-prestupnosti-pravoohranitelnyy-i-viktimologicheskiy-aspekty.

6. Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения: учебное пособие. Краснодар, 2020.

Bibliography

1. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957.

2. Gribanov E.V. Scientific and practical commentary to the Federal Law «On the Foundations of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency» (itemized). M., 2021.

3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obschestvennyh-organizatsiy-i-naseleniya-v-protsesse-protivodeystviya-prestupnosti.

4. Khomutov M.V. Participation of socially oriented non-commercial organizations in crime prevention: theoretical and social and legal preconditions // Society and Law. 2018. № 2 (64).

5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-uchastiya-naseleniya-v-protivodeystvii-prestupnosti-pravoohranitelnyy-i-vik-timpeologichesty.

6. Activities of the internal affairs bodies on legal education and education of the population: textbook. Krasnodar, 2020.

УДК 316.6
ББК 60.5

© 2021 г. Буткевич Сергей Анатольевич,
заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе) кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Крым.

ФЕЙК-НЬЮС И МЕДИА: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены проблемные аспекты обеспечения ментальной безопасности личности и социума в информационном пространстве, связанные с реальными и потенциальными угрозами, формируемыми традиционными и новыми медиа.

Ключевые слова: *манипулирование сознанием, массмедиа, ложная информация, социальные сети, средства массовой информации, фейк-ньюс.*

Butkevich Sergey Anatolievich – Deputy Head for Education and Science, the Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea.

FAKE NEWS AND MEDIA: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION AND PENALIZATION

The article considers the problematic aspects of ensuring the mental security of the individual and society in the information space related to real and potential threats formed by traditional and new mass media.

Keywords: *manipulation of consciousness, mass media, false information, social networks, media outlets, fake news.*

В последние годы Интернет стал незаменимым инструментом для поиска и распространения данных, площадкой для самореализации, обмена мнениями по различным вопросам, самым популярным источником информации, каналом амплификации и диффузии учений, идей и мировоззрений. Это вполне закономерно, поскольку поиск данных в нем удобен, прост и занимает гораздо меньше времени, чем поход в библиотеку, работа с архивами, чтение газет и книг или просмотр телевизионных передач, а распространение контента осуществляется моментально, практически бесплатно и для неограниченного круга лиц.

В результате поиск и распространение информации через Интернет стали прерогативой не только массмедиа и обывателей, но и органов публичной власти, финансово-экономических учреждений, сферы рекламы, предпринимательства, образования, науки, культуры, искусства и т. д.

В связи с постоянным развитием интернет-технологий и сферы их использования у мирового сообщества укрепилось устойчивое мнение о полезности Интернета, а расширение технических возможностей и аудитории повлекло за собой не только появление множества информационных сервисов и ресурсов, но и формирование мифа о либеральности и безвредности интернет-пространства.

Однако имеются и отрицательные моменты, связанные с функционированием Интернета.

Сегодня он затрагивает абсолютное большинство национальных интересов, а потому девиации в этой сфере могут представлять реальные и потенциальные угрозы для обеспечения коллективной, общественной и информационной безопасности; укрепления международного сотрудничества; защиты персональных данных и конфиденциальной информации, давать безграничные возможности для манипулирования коллективным сознанием, общественным мнением и, как следствие, фальсификаций в рамках предвыборных кампаний; стимулирования незаконной протестной активности; формирования и продвижения негативного персонального, партийного и даже странового образа, имиджа и бренда. В дальнейшем стирание границ между виртуальным и реальным мирами, фронтолиз лжи и истины (постправда) с помощью определенных махинаций в социальных сетях и на других интернет-ресурсах с неокрепшим сознанием подростков и молодежи впоследствии позволило сформировать у них ожидаемые поведенческие паттерны и в дальнейшем использовать в узкокорпоративных, асоциальных или противоправных целях [1, с. 148; 2, с. 357].

Примерами могут быть несанкционированные митинги в поддержку блогера А. Навального, осуждение строительства «дворца Путина», фобии «чипизации» вследствие вакцинации от коронавирусной инфекции и др. Такая ситуация

стала возможной ввиду того, что социальные сети и другие профессиональные интернет-акторы до недавнего времени выпадали из сферы правового регулирования и правоохранительного контроля [3, с. 64–66].

По нашему мнению, одной из таких информационных угроз ментальной безопасности являются фейк-ньюс (фальшивые новости, информационные утки) – недостоверная, ложная, искаженная или неполная информация, распространяемая в медиа. Многогранные в своих проявлениях фейки (информационные манипуляции) – это глобальный и реальный вызов социуму, государству и международному сообществу [4, с. 73]. Фейки формируются сознательно и злонамеренно, их используют для отмщения или подрыва доверия к власти и персоналиям, инициативам, организациям, странам и их союзам (альянсам, блокам), а также увеличения интереса к социальным медиа, на которых эта «сенсационная», «инсайдерская» информация размещается с последующей монетизацией такой заинтересованности.

К сожалению, тезис одного из лидеров фашистской Германии – чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят – остается по-прежнему актуальным и злободневным. К тому же, такая недостоверная информация распространяется быстрее. На наш взгляд, в качестве иллюстраций можно привести освещение западными массмедиа военной операции России в Сирии, ситуации с заболеваниями новой коронавирусной инфекцией и вакцинацией россиян, данных о политической и социально-экономической обстановке на Крымском полуострове и др. При этом в ближайшее время специалисты не исключают применения дипфейк-технологий для производства и распространения медиаконтента, синтезированного с помощью нейросетей.

Стоит отметить, что в мае 2020 г. парламентариями Кыргызской Республики была предпринята попытка урегулировать вопросы обеспечения прав и свобод граждан, юридических лиц и государства, их защиты от ложной и недостоверной информации, распространяемой в интернет-пространстве. К субъектам, правоотношения между которыми должен был урегулировать закон «О манипулировании информацией», были отнесены: правительство в лице уполномоченных органов; провайдеры, владельцы сайтов, владельцы страниц в Интернете; пользователи Интернета. В целях исключения распространения ложной или недостоверной информации (*используемые основные понятия в проекте закона не приводятся – курсив наш, С.Б.*) при ее размещении и использовании, в том числе иными пользователями, к обязанностям владельца сайта и (или) страницы сайта в Интернете предлагалось отнести: недопущение использования сайта или страницы сайта в Интернете для распространения ложной или недостоверной информации; незамедлительное ограничение или запрет доступа к информации, распространение которой ограничено или запрещено; обеспечение соответствия информации установленным законодательством требованиям при ее размещении для неопределенного круга лиц; модерирование сайта или страницы сайта в целях предотвращения нарушений действующего законодательства; размещение на своем сайте или странице сайта в Интернете своей фамилии и инициалов (*юридические лица – владельцы сайтов не учтены – курсив наш, С.Б.*), электронного адреса для направления ему юридически значимых сообщений.

В свою очередь при выявлении ложной или недостоверной информации уполномоченный государственный орган, осуществляющий мониторинг соблюдения законодательства и регулирующий отношения, связанные с использованием Интернета, должен был выносить решение в отношении провайдера или владельца сайта (страницы) о досудебном ограничении доступа к информации, имеющей признаки ложной или недостоверной. При игнорировании или неисполнении уведомления об удалении ложной или недостоверной информации уполномоченный государственный орган мог обращаться в судебные органы. Доступ к Интернету возобновлялся только после устранения причины, повлекшей ограничение доступа, или по решению суда, вступившего в законную силу [5].

Безусловно, критика общественности, правозащитных организаций, интернет-сообщества и медиа (в широком смысле этого слова) наделения государственного, но несудебного органа полномочиями по ограничению или запрету права на распространение информации понятна и объяснима. Однако в основных законах большинства стран честь и достоинство личности отнесены к наивысшим социальным ценностям, исключены основания для их умаления, каждому гарантировано право на защиту своей чести и доброго имени. Вместе с тем указанные права все чаще становятся объектами противоправных посягательств, которые преимущественно осуществляются путем распространения недостоверной информации в средствах массовой информации (далее – СМИ) и Интернете. Единственным способом защиты нарушенного права остается обращение в суд с соответствующими исками, однако последние могут

рассматриваться годами. Таким образом, перед правоохранительной системой возникает дилемма: обеспечить защиту прав и свобод одних лиц, не нарушив грань между соблюдением прав и свобод других. Именно поэтому свобода Интернета не может быть абсолютной, а свобода слова и мысли, право на информацию в киберпространстве – должны ограничиваться правами и свободами другого гражданина, законными интересами общества и государства. Так, ст. 17 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» предусматривает немедленное прекращение или ограничение доступа в Интернете и других телекоммуникационных сетях к информации, которая содержит пропаганду экстремизма, призывает к массовым беспорядкам, участию в мероприятиях, приводящих к нарушению общественного порядка, осуществлению иной экстремистской деятельности. Осуществление этих мер возложено на Службу связи при Правительстве Республики Таджикистан в сотрудничестве с правоохранительными органами [6].

В справке-обосновании авторы кыргызского законопроекта поясняют актуальность его разработки тем, что национальное законодательство должным образом не регулирует правоотношения, связанные с распространением информации в интернет-пространстве. Также в качестве аргументов приведены основные положения аналогичных законов некоторых европейских стран. Например, Закон ФРГ «Об улучшении правоприменения в социальных сетях» (NetzDG, «Закон о сетевом правоприменении»), цель которого – защита свободного, открытого и демократического общества, а также борьба с языком вражды, распространением фейковых новостей, разжигающих ненависть сообщений и «нежелательных» постов. На исключение из общего доступа таких «откровенно противоправных» материалов дается 24 часа, а спорного («не явно неприемлемого») контента – 7 дней. Закон установил значительный штраф, который накладывается на интернет-компании, поддерживающие сети социального общения от 2 млн и более зарегистрированных немецких пользователей (Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, Google, Pinterest, Soundcloud), в случае игнорирования предписаний компетентных государственных органов об удалении материалов, явно отвечающих признакам «неприемлемости», по 22 разделам Уголовного кодекса (далее – УК) – оскорбление представителя власти, разжигание ненависти, пропаганда насилия, порнография, клевета, призывы к совершению преступлений, диффамация религии и т. д. Административный штраф за нарушения в этой области составляет от 500 тыс. до 50 млн евро. Жалобу на неприемлемый контент имеет право подать в социальную сеть любой ее пользователь. Если в течение календарного года количество таких жалоб превысит 100, то деятельность социальной сети подлежит дополнительному государственному регулированию. Для обеспечения гласности и прозрачности предпринимаемых мер администраторы социальных сетей должны раз в полгода публиковать детализированные отчеты (количество жалоб, их причины, сроки рассмотрения, принятые решения и меры по удалению и блокировке контента, количество обученных и задействованных сотрудников и др.) [7].

Первоначально для реализации положений закона (вступил в силу 1 октября 2017 г.) в составе Министерства юстиции ФРГ было создано специальное подразделение в количестве 50 человек, а Facebook принял дополнительно 700 сотрудников в штат своего немецкого подразделения, к задачам которых отнесены мониторинг размещения в социальной сети недопустимого контента и реагирование на жалобы пользователей. По сути, закон делегировал функции цензуры и переложил бремя ответственности на администраторов социальных сетей, которым, чтобы избежать ощутимых санкций, проще и выгоднее стало удалять сомнительный («незаконный», «неправомерный») контент, чем разбираться в его достоверности. Конечно, квалифицировать те или иные высказывания не всегда способен даже суд (тем более, в рамках жестких временных ограничений), поскольку это требует проведения лингвистической экспертизы, учета нюансов контекста, знаний истории, культуры, религии и права. Другими словами, на первый взгляд может показаться, что благодаря такому аутсорсингу социальным сетям не имеет смысла в пограничных или спорных ситуациях трактовать сомнения в пользу свободы слова, а, напротив, проще осуществлять блокировку и удаление контента в качестве меры предосторожности. Тем не менее в законе красной нитью проходит идея саморегулирования социальных сетей, подразумевая надлежащую организацию их деятельности, членство в отраслевых ассоциациях, кадровое обеспечение, постоянное обучение лиц, ответственных за обработку жалоб, проведение специальных и лингвистических экспертиз, консультаций с независимыми специалистами и т. д.

Подчеркнем, что все указанные выше и далее законы и их проекты еще на стадии разработок наткнулись на неодобрение общества,

которое посчитало, что таким образом будет создан прецедент (модельный закон для других государств), узаконена деприватизация права в Интернете, при помощи института субсидиарной ответственности подавлены инакомыслие, критика журналистов и правозащитников. При этом интересно отметить, что при разработке законопроекта бывший Федеральный министр юстиции ФРГ Хайко Маас заявил, что закон не ограничивает свободу мнений, а создает условия для ее реализации. Хотя представители оппозиции в бундестаге, специальный докладчик ООН по вопросам свободы слова Дэвид Кайе и неправительственная организация «Репортеры без границ» указывали на явные ограничения свободы мнений, а руководство Facebook настаивало на том, что закон противоречит нормам европейского права, он был принят и работает. И уже в июле 2019 г. Facebook был оштрафован на 2 млн евро за занижение количества жалоб пользователей в предоставляемых отчетах [8].

Одной из первых передовой опыт ФРГ попыталась перенять Республика Филиппины. Об этом прямо говорится в пояснительной записке к проекту закона о борьбе с фейковыми новостями, цель которого – введение ответственности за умышленное создание, тиражирование и распространение недостоверных новостей или информации в печатных, вещательных или онлайновых СМИ. При этом такие сведения должны или могут вызвать панику, вражду, ненависть, насилие, очернять либо дискредитировать чью-то репутацию, а причастное к ним лицо – осознавать или обоснованно полагать, что они являются недостоверными. Инициируемые санкции: для граждан – от 100 тыс. до 5 млн песо, лишение свободы от одного до пяти лет (для государственных служащих – в двукратном размере); для СМИ, платформ социальных сетей – от 10 млн до 20 млн песо, их сотрудников – тюремное заключение от 10 до 20 лет. Законодатели рассчитывали, что «принятие законопроекта побудит граждан, в первую очередь государственных служащих, быть более ответственными и осмотрительными при создании, распространении и/или обмене новостями. Решение национальных и глобальных проблем не должно осложняться ложными новостями, рассчитанными на то, чтобы вызвать разобщенность, панику, беспорядки и/или насилие» [9].

В качестве еще одной иллюстрации кыргызские парламентарии приводят Закон Французской Республики «О манипулировании информацией», который усилил контроль за публикациями в социальных сетях и работой иностранных СМИ, прежде всего в предвыборные периоды, задекларировав обеспечение защиты и соблюдения свободы слова и выбора. Им гарантируется право зарегистрированного кандидата, партии или объединения граждан потребовать в судебном порядке удалить из социальных сетей или СМИ информацию, которую они считают ложной. Суд в течение 48 часов обязан рассмотреть такую жалобу и на основании 5 различных критериев (например, «намеренное распространение», «нарушение или посягательство на общественный порядок») принять решение о приостановлении распространения ложной информации. Кроме того, социальные сети обязаны оповещать пользователей о заказных (проплаченных, рекламных) политических публикациях и агитационных материалах, а Высший совет по аудиовизуальным средствам информации при «посягательствах на национальные интересы или действиях по дестабилизации государственных институтов» уполномочен в упрощенном порядке приостановить или аннулировать лицензию, выданную иностранному СМИ [5].

Французскими законодательными новеллами вдохновилась и Украина. Так, в марте 2019 г. в Верховную Раду Украины был внесен проект закона, в котором предлагалось дополнить УК ст. 151^1, предусматривающей ответственность за распространение недостоверных сведений в СМИ и Интернете. Обязательным условием для применения санкций должно быть унижение такими сведениями чести и достоинства другого лица. Квалифицирующие признаки – совершение данных действий с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо во время избирательного процесса в отношении кандидатов в депутаты, членов партий-субъектов избирательного процесса, кандидатов на пост президента Украины, либо умышленно [10]. Интересно отметить, что виновное лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности, если до привлечения к ней им были опровергнуты такие сведения тем же или аналогичным способом распространения информации. Для сведений, размещенных в Интернете, обязательным условием освобождения от ответственности также являлось их удаление субъектом преступления.

Таким образом, несмотря на достаточно гибкую и лояльную в сравнении с другими странами попытку урегулировать данные вопросы, законопроект кыргызских парламентариев вызвал большой общественный и политический резонанс на национальной и международных площадках, квалифицирован как

наносящий нецелесообразные и чрезмерные удары по праву на информацию, свободам мысли и слова, поиска, получения, передачи, производства и распространения информации. По мнению Г.Ю. Араповой, инициируемое регулирование содержит серьезные изъяны юридической техники, некорректные формулировки, позволяющие произвольно толковать и применять нормы закона. Предлагаемые ограничения анонимности и распространения информации в Интернете, возможности для внесудебной блокировки ресурсов и информации в Интернете являются чрезмерными, необоснованными законными интересами общества с точки зрения свободного обмена информацией, плюрализма мнений и СМИ, права на свободу выражения мнения и свободы информации в цифровую эпоху, противоречат международным стандартам в этой сфере [11]. Под давлением оппозиции, гражданского общества, международных и медиаорганизаций (в частности – протестные акции # Reакция 3.0) глава государства С.Ш. Жээнбеков, отметив, что «такой закон нужен в нашей стране», вернул его на доработку.

Возможно, поэтому несколько другим путем пошли законодатели Республики Узбекистан (далее – РУз), которые в марте 2020 г. дополнили УК РУз ст. 244^5, предусматривающей ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций. При этом к квалифицирующим признакам отнесено распространение таких сведений в печатном или иным способом размноженном тексте либо в СМИ, а также Интернете. В конце 2020 г. УК РУз был дополнен ст. 244^6, которая предусматривает ответственность за распространение ложной информации, в том числе в СМИ, сетях телекоммуникаций или Интернете, приводящей к унижению достоинства или дискредитации личности, совершенной после применения административного взыскания за такие же действия (см. ст. 202^2 Кодекса РУз об административной ответственности). К квалифицирующим признакам данного деяния отнесено распространение ложной информации, содержащей угрозу общественному порядку или безопасности. А именно – совершение данных действий повторно или опасным рецидивистом; с причинением крупного ущерба; во время массовых мероприятий или в случае возникновения чрезвычайной ситуации; с причинением особо крупного ущерба или другими тяжкими последствиями; организованной группой или в ее интересах [12].

На наш взгляд, при уточнении отдельных положений ст. 244^6, она поглотит ст. 244^5 как один из особо квалифицирующих признаков, поскольку к причинам возникновения чрезвычайных ситуаций (в нашем случае – природного характера) также относятся эпидемии, пандемии, эпизоотии, эпифитотии и т. п.

Наиболее удачной нормой уголовного закона в контексте данного вопроса считаем ст. 274 УК Республики Казахстан «Распространение заведомо ложной информации».

Что касается обратной стороны медали, то социальные сети зарубежных интернет-платформ также проявляют «активность» по удалению и блокировке де-юре недостоверного, дефакто неугодного (нерелевантного, невалидного), на их взгляд, контента, в том числе создаваемого главами государств и высшими должностными лицами органов публичной власти. При этом какие-либо пояснения или контраргументы пользователей в расчет не принимаются. Иными словами, сегодня в мире наблюдается высокая корреляция и тотальная зависимость граждан от информационно-телекоммуникационных технологий и средств электронной коммуникации при фактическом отсутствии у общества и государства механизмов контроля и воздействия на их деятельность. Как следствие, социальные сети, медиа-платформы, мессенджеры, видеохостинги и иные агенты влияния, обладая асимметричным и доминирующим влиянием, растущим значением в социально-политической жизни, экономике, культурно-досуговой и (де)мотивационной сфере, могут принимать какие-либо решения исключительно на основе корпоративных целей, мотивов, предпочтений, убеждений, ценностей, ангажированности и прочей заинтересованности своих учредителей, собственников и других стейкхолдеров.

Вместе с тем при разработке соответствующих универсальных законопроектов или совершенствовании действующих законов целесообразно учитывать зарубежный опыт точечной и мотивированной блокировки (удаления) определенного контента, а всего веб-сайта (страницы, IP-адреса) – только при условии множественности и повторности таких нарушений. При этом к нормотворческой работе в этой области необходимо в обязательном порядке привлекать ключевых интернет-акторов (социальные сети, медиаплатформы, новостные агрегаторы, интернет-провайдеры, мессенджеры, видеохостинги и др.), обеспечивать прозрачность и понятность критериев модерации онлайн-контента. Также требуют детальной проработки вопросы определения ключевых понятий

(конкретность, ясность и недвусмысленность правовых норм) и недопущения противоречий «антифейкового» закона с законодательством о защите персональных данных.

Что касается института ответственности за распространение ложной информации, то, по нашему убеждению: распространяемые сведения должны быть общественно значимыми (иметь публичный характер); такие деяния должны осуществляться публично (массово); виновные лица должны осознавать, что распространяемые ими сведения заведомо недостоверные, но выдаются за достоверные; должна быть реальная и осуществимая угроза, а также прослеживаемая причинно-следственная связь между деянием и наступившими (возможными) последствиями.

Соответственно, в условиях расширения объективно-виртуальной реальности формируется запрос на дальнейшее исследование затронутой проблематики, генерирование и привитие в индивидуальном и коллективном сознании потребности в медиаэкологически осознанном поведении.

Литература

1. Коноплева А.А. Культурные предпочтения Z-поколения (на основе результатов социологического исследования) // Манускрипт. 2019. № 9.

2. Никитина Л.Н., Медведев П.А., Панькова В.А. Исследование пропаганды экстремистских идей в компьютерном игровом пространстве // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153).

3. Красиков В.И. Накрыла ли нас сеть: правовые коллизии и социальные трансформации Интернета // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1 (61).

4. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние информационного пространства на рождение и генезис экстремальной личности / Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: монография. Симферополь, 2020.

5. URL: http://www.kenesh.kg/ru/article/show/6770/na-obshtestvennoe-obsuzhdenie-s-14-maya-2020-godavinositsya-.

6. О противодействии экстремизму: Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 г. № 1655 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2020. № 1.

7. URL: https://www.bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/Dokumente/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

8. URL: https://zakon.ru/blog/2019/7/5/fejsbuk_oshtrafovali_v_germanii_na_2_mln_evro_zakon_o_socialnyh_setyah_vstupil_v_novuyu_fazu.

9. URL: http://legacy.senate.gov.ph/lisdata/2624822593!.pdf.

10. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=65657.

11. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/458503.pdf.

12. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.

Bibliography

1. Konopleva A.A. Post-millennials' cultural preferences (on the basis of a sociological survey results) // Manuscript. 2019. № 9.

2. Nikitina L.N., Medvedev P.A., Pankova V.A. The research of the extremist idea promotion in a computer game space // Eurasian law journal. 2021. № 2 (153).

3. Krasikov V.I. Are we covered by the network: legal conflicts and social transformations of the Internet // Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. № 1–1 (61).

4. Chudina-Schmidt N.V. Influence of the information space on the birth and genesis of the extreme personality / Personality in the information space: problems and prospects of research: monograph. Simferopol, 2020.

5. URL: http://www.kenesh.kg/ru/article/show/6770/na-obshtestvennoe-obsuzhdenie-s-14-maya-2020-godavinositsya-.

6. On countering extremism: Law of the Republic of Tajikistan № 1655 of January 2, 2020 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2020. № 1.

7. URL: https://www.bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/Dokumente/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

8. URL: https://zakon.ru/blog/2019/7/5/fejsbuk_oshtrafovali_v_germanii_na_2_mln_evro_zakon_o_socialnyh_setyah_vstupil_v_novuyu_fazu.

9. URL: http://legacy.senate.gov.ph/lisdata/2624822593!.pdf.

10. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=65657.

11. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/458503.pdf.

12. Criminal code of the Republic of Uzbekistan № 2012-XII of September 22, 1994 // Vedomosti of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan. 1995. № 1.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 341.456
ББК 67.9

© 2021 г. Бабенко Светлана Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции кандидат юридических наук.
E-mail: babenkoosokina@yandex.ru

Тишкин Дмитрий Николаевич,
заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: dntishkin@list.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию отдельных проблем реализации прокурором полномочий при осуществлении функции международного сотрудничества с правоохранительными органами других государств в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *функции прокуратуры, прокурорский надзор, правоохранительные органы, международное сотрудничество, организованная преступность, транснациональная организованная преступность.*

Babenko Svetlana Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, the Rostov Institute (branch) of the All-Russian University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law.

Tishkin Dmitriy Nikolayevich – Deputy Head of the Department of the Volgodonsk Branch, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON CERTAIN ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

The article is devoted to the study of certain problems of the prosecutor's exercise of powers in the exercise of the function of international cooperation with law enforcement agencies of other states in the field of criminal proceedings.

Keywords: *functions of the prosecutor's office, prosecutorial supervision, law enforcement, international cooperation, organized crime, transnational organized crime, extradition.*

В Законе о прокуратуре [1] к числу одного из приоритетных направлений деятельности надзорного ведомства России небезосновательно отнесено международное сотрудничество с правоохранительными органами других государств, целями которого является не только борьба с международной преступностью, но и заключение международных договоров и соглашений [2, с. 99–100] по противодействию транснациональной преступности. Во многом постановка названной цели была предопределена глобальностью проблемы преступности и ее международным характером [3, с. 100–106], обусловленными межгосударственными интеграционными процессами, в значительной степени облегчающими возможности не только перемещения преступников, но и создание последними организованных преступных сообществ на территориях нескольких государств [4], и их дальнейшего использования в качестве «необходимого элемента гибридной войны» [5, с. 34], в том числе и в отношении России.

Генпрокуратура России активно принимает участие в работе сессий или рабочих групп ООН, Совета Европы, стран СНГ, БРИКС, а также сотрудничает с Международной Ассоциацией прокуроров, учрежденной в 1996 г. и объединившей органы прокуратуры более 37 стран мира, главной задачей которой является сотрудничество прокуратур государств мирового сообщества [4]. К числу основных

международных правовых актов, составляющих правовую основу деятельности Генпрокуратуры России в рассматриваемой сфере, помимо целого ряда Европейских конвенций и Конвенций ООН также относятся двусторонние договоры и соглашения [6, с. 10–13], определяющие порядок, формы, способы сотрудничества и оказания взаимной правовой помощи. В целях реализации поставленных перед правоохранительными органами задач Генпрокуратурой России заключено более 90 соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве с зарубежными партнерами из 73 государств [7].

Одним из важнейших направлений международного сотрудничества Генпрокуратуры России с правоохранительными органами других государств является розыск добытого преступным путем имущества, его арест, возврат и конфискация. Отметим, что интеграционные процессы, особенно в последнее десятилетие, упрощают международное общение посредством использования Интернета, что способствует увеличению как уровня сплоченности транснациональной организованной преступности, так и ее реактивной динамики [8, с. 120]. В связи с этим появляется необходимость создания новых механизмов сотрудничества государств. Как известно, одним из принципов уголовного судопроизводства является неотвратимость наказания за совершенное преступление, реализовать который возможно путем уголовного преследования – одного из видов международного сотрудничества. Это является исключительной компетенцией Генпрокуратуры России.

Таким образом, проблема международного сотрудничества надзирающего органа России с зарубежными партнерами является актуальной, особенно в настоящее время. Об эффективности сотрудничества с правоохранительными органами других государств в сфере уголовного судопроизводства свидетельствует статистика, согласно которой ежегодно в РФ поступает на рассмотрение свыше 2 500 запросов иностранных государств о выдаче лиц для осуществления уголовного преследования. Россией в иностранные государства направляется около 100 запросов об экстрадиции лиц для привлечения их к уголовной ответственности на территории нашей страны [9, с. 39–40]. В то же время эксперт Б.Н. Мирошников отмечает наличие «двойных стандартов» международного сотрудничества в информационной сфере, т. е. фактическое нежелание оказывать содействие спецслужбам РФ. В качестве примера: российской стороной в 2010 г. направлялось 254 запроса, 683 сообщения и 316 ответов, а от зарубежных коллег получен только 141 ответ [10]. В целом, за последние 10 лет Генпрокуратурой России направлено свыше 5 тыс. запросов об экстрадиции лиц для уголовного преследования и исполнения приговора суда, рассмотрено более 19 тыс. таких запросов, поступивших из-за рубежа. И здесь важно отметить, что лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, все чаще скрываются от органов следствия и суда в тех зарубежных странах, с которыми РФ не имеет договоров о выдаче (Камбоджи, Перу, Эквадор, Марокко и др.).

Так, в настоящее время на территории США находятся около 200 человек, которые совершили преступления в России и объявлены в международный розыск. Компетентными органами США в 2020 г. было принято решение о депортации всего одного лица, а в 2019 г. такие решения и вовсе не принимались [11].

Вместе с тем в контексте темы исследования отметим, что в названной сфере существует ряд проблем, к числу которых, в частности, следует отнести следующие: требование о предоставлении документов (не отнесенных международными правовыми актами к числу документов, предоставление которых является обязательным); несвоевременность запрашивающим выдачу государством документов, а также длительное неисполнение поручений о розыске лица в целях его выдачи для уголовного преследовании, что влечет увеличение количества повторных поручений и истечению процессуальных сроков привлечения к уголовной ответственности.

Россия неоднократно, в рамках международных семинаров по правовому сотрудничеству между странами Европейского союза и Российской Федерации, акцентировала внимание на необоснованном затягивании сроков исполнения отдельными государствами запросов о правовой помощи [12, с. 69–74], в то время как Российская Федерация взаимные договоренности исполняет своевременно. Эта проблема также требует решения. Ведь нарушение одного из важнейших принципов международного права – добросовестности соблюдения международных обязательств – является недопустимым.

Последние годы все больше развивается институт экстрадиции, однако в настоящее время в УПК РФ отсутствуют нормы, которые бы детально регламентировали порядок

объявления лица в международный розыск и последующую экстрадицию [13, с. 346–349]. Правоприменительная практика, связанная с экстрадицией, актуализирует наличие определенных затруднений в связи отсутствием четкого регламента, особенно в части соблюдения сроков нахождения (содержания) в различных правоохранительных структурах с момента выявления до момента принятия окончательного процессуального решения. Поэтому в рамках темы исследования, как нам представляется, в целях совершенствования названного института раздел XVIII УПК РФ должен быть дополнен самостоятельной главой, детально регламентирующей специфику вопросов, связанных с экстрадицией.

Подводя итог, отметим, что существующие в рамках международного сотрудничества Генпрокуратуры России с правоохранительными органами других государств проблемы, вызваны, в том числе несогласованностью внутригосударственных и международно-правовых норм.

Так, анализ отдельных норм УПК РФ и Конституции РФ свидетельствует о наличии разночтений в формулировках, допущенных законодателем. Это прослеживается, в частности, в ч. 3 ст. 1 УПК, предусматривающей, что составной частью законодательства РФ в сфере уголовного судопроизводства являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России [14] и ч. 4 ст. 15 Основного закона нашей страны, в котором, заметим, упоминается о правовой системе РФ, а о законодательстве при этом вообще не упоминается.

Далее, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора, а ч. 3 ст. 1 УПК исключает возможность применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, которое противоречит Конституции РФ. Подобного рода несогласованность в трактовке норм национального законодательства негативно сказывается на правоприменительной практике, поскольку налицо неоднозначность оценочных суждений применения норм международного права в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что нормативным правовым актом, которым регламентирована деятельность органов прокуратуры в названной сфере, является Приказ Генпрокуратуры России от 03.06.2020 № 297 [15] и Указание Генпрокуратуры России от 05.03.2018 № 116/35 [16]. А это не согласовывается с положениями ст. 129 Конституции РФ, в соответствии с которой полномочия и функции прокуратуры РФ должны определяться федеральным законом, а не ведомственными нормативными правовыми актами [17, с. 70–71].

Резюмируя изложенное, отметим, что существующая в российском законодательстве коллизия норм и их несогласованность нуждаются в законодательном регулировании и устранении пробелов и противоречий, а также в совершенствовании механизма проведения прокурорских проверок по материалам об экстрадиции, надзора за производством предварительного расследования и отправления правосудия по уголовным делам о преступлениях транснациональной направленности. В этой связи полагаем необходимым внести соответствующие изменения в ст. 2 Закона о прокуратуре (в которой, надо сказать, вообще не регламентированы вопросы экстрадиции, как и ряд других вопросов), конкретизируя в ней предмет надзора, функции и полномочия прокурора в сфере международного сотрудничества по уголовным делам о преступлениях транснациональной направленности, угрожающих мировому правопорядку.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.

2. Лазутин Л.А. К проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм (на примере правовой помощи по уголовным делам) // Современное право. 2018. № 2.

3. Тишкин Д.Н., Самыгин П.С. Международная организованная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Философия права. 2017. № 2 (81).

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.

2. Lazutin L.A. On the problem of inconsistency between domestic and international legal norms (on the example of legal assistance in criminal cases) // Modern Law. 2018. № 2.

3. Tishkin D.N., Samygin P.S. International organized crime as a threat to the national security of the Russian Federation // Philosophy of law. 2017. № 2 (81).

роза национальной безопасности Российской Федерации // Философия права. 2017. № 2 (81).

4. URL: https://center-bereg.ru/j2731.html.

5. Косов Г.В., Нефедов С.А., Тишкин Д.Н. Направления корректировки государственной политики по противодействию организованной преступности в условиях гибридной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.

6. Степанова О.Н. Международно-правовое сотрудничество в ходе осуществления прокурорского надзора за соблюдением федерального законодательства // Законность. 2014. № 2 (952).

7. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation.

8. Тишкин Д.Н. Методологические проблемы исследования организованной преступности как угрозы национальной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 2.

9. Волобуев В.П. К вопросу о проблемах международного сотрудничества органов прокуратуры РФ с государствами – участниками СНГ и другими государствами в сфере выдачи лиц, осуществления уголовного преследования и оказания правовой помощи при расследовании преступлений. // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1.

10. URL: https://cnews.ru/news/top/2020-01-10_osnovatel_rossijskoj_kiberpolitsii.

11. Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ Петра Городова информационному агентству РИА Новости от 12.01.2021 // URL: https://genproc.gov.ru.

12. Фесенко Л.А. Международное сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ в сфере осуществления уголовного преследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 8.

13. Макарова Ю.А. Актуальные направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в области международного сотрудничества // Молодой ученый. 2017. № 20 (154).

14. URL: http://www.consultant.ru.

15. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=745136#0366 1870391695937.

16. URL: http://transgprf@genproc.gov.ru.

17. Бабенко С.В. О некоторых аспектах организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью подразделений ОВД // Российская юстиция. 2020. № 6 (154).

4. URL: https://center-bereg.ru/j2731.html.

5. Kosov G.V., Nefedov S.A., Tishkin D.N. Directions for adjusting state policy to counter organized crime in a hybrid war // State and municipal management. Scholarly notes. 2021. № 1.

6. Stepanova O.N. International legal cooperation in the course of the prosecutor's supervision over the observance of federal legislation // Legality. 2014. № 2 (952).

7. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation.

8. Tishkin D.N. Methodological problems of the study of organized crime as a threat to national security // Economic and humanitarian studies of regions. 2016. № 2.

9. Volobuev V.P. On the issue of the problems of international cooperation between the prosecutor's office of the Russian Federation with the CIS member states and other states in the field of extradition of persons, the implementation of criminal prosecution and the provision of legal assistance in the investigation of crimes. // Criminal proceedings. 2006. № 1.

10. URL: https://cnews.ru/news/top/2020-01-10_osnovatel_rossijskoj_kiberpolitsii.

11. Interview of the Head of the Main Department of International Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Peter Gorodov to the RIA Novosti news agency from 12.01.2021 // URL: https://genproc.gov.ru.

12. Fesenko L.A. International cooperation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of criminal prosecution // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. № 8.

13. Makarova Yu.A. Actual directions of activity of the prosecutor's office of the Russian Federation in the field of international cooperation // Young scientist. 2017. № 20 (154).

14. URL: http://www.consultant.ru.

15. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=745136#0366 1870391695937.

16. URL: http://transgprf@genproc.gov.ru.

17. Babenko S.V. On some aspects of the organization of prosecutorial supervision over the operational-search activities of the police departments // Russian Justice. 2020. № 6 (154).

УДК 343.157
ББК 67.410.2

© 2021 г. Багаутдинов Флер Нуретдинович,
заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, доцент.

Диденко Николай Сергеевич,
начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

СРОК КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ И ОТЗЫВ КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье на основе анализа уголовно-процессуального законодательства проанализированы проблемные вопросы процедуры отзыва кассационной жалобы по уголовному делу, а также, в связи с изменениями законодательства, проблемы, связанные со сроком кассационного обжалования при введении института «сплошной кассации».

Ключевые слова: *кассационная жалоба по уголовному делу, отзыв кассационной жалобы, срок кассационного обжалования, право на защиту, осужденный.*

Bagautdinov Fleur Nuretdinovich – Head of the Department of Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Operational-Investigative Activities and Participation, the Prosecutor in Criminal Proceedings, the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

Didenko Nikolay Sergeevich – Head of the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia PhD in Law.

THE LIFE CASSATION AND REVIEW OF THE APPEAL IN A CRIMINAL CASE

Based on the analysis of the criminal procedural legislation, the article analyzes the problematic issues of the procedure for withdrawing a cassation appeal in a criminal case, as well as, in connection with changes in legislation, problems associated with the term of the cassation appeal when the institution of «continuous cassation» was introduced.

Keywords: *cassation appeal in a criminal case, withdrawal of the cassation appeal, term for cassation appeal, right to defense, convicted person.*

До недавнего времени порядок кассационного обжалования вступивших в законную силу решений судов представлял собой практически неработающий механизм, и возможность удовлетворения кассационной жалобы (представления) была минимальной.

Многие юристы и адвокаты не могли побывать в судебных заседаниях при рассмотрении кассационных жалоб, поскольку доступ туда преграждает так называемый «судейский фильтр». Изначально поступившую кассационную жалобу изучает один судья, от решения которого зависело направление жалобы на рассмотрение в судебное заседание кассационного суда или же ее отклонение.

Данный процесс отбора высшая судебная инстанция назвала выборочной кассацией. Суть его заключается в том, что кассационные жалобы рассматриваются выборочно и лишь только те, которые, по мнению судьи, содержат в себе серьезные основания для отмены или изменения.

В связи с вступившими в силу изменениями кассационные жалобы будут передаваться в судебное заседание, минуя процесс отбора. Точнее, судья останется, но он будет обязан направлять жалобу для рассмотрения по существу в случае, если ее содержание и оформление будут соответствовать процессуальным требованиям.

Примечательно, что при введении в уголовный процесс сплошной кассации законодатель не установил срок подачи кассационных жалоб и представлений. Таким образом, заинтересованные лица могли не торопиться с подачей кассационной жалобы и представления. При этом нередкими являлись случаи, когда осужденный после рассмотрения его дела судом апелляционной инстанции выжидает один год, не подавая кассационной

жалобы. Это делалось специально для того, чтобы прокурор или потерпевший не могли поставить вопрос об ухудшении положения осужденного. Если до истечения годичного срока осужденный подал бы кассационную жалобу, то не исключено, что в противовес этому кассационную жалобу подал бы и потерпевший, а также кассационное представление мог внести прокурор. При такой ситуации осужденному было выгодно «переждать» год и потом подать кассационную жалобу, не опасаясь неблагоприятных последствий для себя.

В конце 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ направил в Государственную Думу РФ поправки в УПК РФ, ограничивающие срок кассационного обжалования по уголовным делам двумя месяцами. Необходимость такого ограничения была обоснована и правовыми позициями Европейского суда по правам человека, по мнению которого отсутствие предельного срока для подачи кассационной жалобы создает ситуацию, когда их можно подавать неопределенное время, что приводит к недопустимой неопределенности при применении правил о сроках подачи жалобы в Европейский суд по правам человека [1].

Необходимость внесения данных изменений в уголовно-процессуальное законодательство была продиктована введением правила о сплошной кассации в уголовном процессе. Пленум подчеркнул, что при новом порядке производство в кассационной инстанции утратило характер «исключительной стадии процесса» и фактически обрело черты «ординарной проверочной стадии» [5].

В соответствии с данным законопроектом кассационные жалоба и представление, которые кассационный суд рассматривает в порядке сплошной кассации (ст. 401.7, 401.8 УПК РФ), могут быть поданы в течение 2-х месяцев со дня вступления приговора или иного итогового судебного решения в законную силу.

По мнению Верховного Суда РФ, ограничение срока кассационного обжалования упорядочит кассационное производство и позволит соблюдать разумные сроки всего процесса по делу. Пресекательный срок также сведет к минимуму риск многократного пересмотра одного и того же уголовного дела в кассации и позволит избежать проблем, связанных с организацией и проведением нескольких судебных заседаний по одному и тому же делу, и исполнением принятых по их итогам в разное время судебных актов.

Законопроект также предполагал внесение в ст. 389.28 УПК РФ новой части 5, которая обяжет суд апелляционной инстанции давать разъяснения о порядке и сроках обжалования ее решений в кассацию. Это весьма важно и все субъекты кассационного обжалования при вручении им решения суда апелляционной инстанции смогут точно узнать о порядке и сроках обжалования принятого в апелляции решения. Кроме этого, в предлагаемых изменениях в ст. 393 УПК РФ указано, что копия приговора или иного итогового решения суда, вступившего в законную силу, вместе с копией решения апелляции должна вручаться осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю в течение трех суток со дня поступления копии решения апелляции в первой инстанции. Если приговор или иное итоговое решение не обжаловались, то их копии вручаются в течение 3-х суток со дня вступления в законную силу приговора или иного итогового судебного решения. В те же 3-е суток копию решения суда должны получить потерпевший, гражданский истец, ответчик и их представители, если они подали ходатайство об этом.

В проекте закона было предусмотрено, что заявитель сможет ходатайствовать о восстановлении пропущенного по уважительным причинам срока на подачу кассационной жалобы и представления для ее рассмотрения в порядке сплошной кассации. Следует иметь в виду, что восстановление срока подачи кассационной жалобы возможно и в тех случаях, когда срок был пропущен в связи с введением режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории РФ или на ее части.

Если заявитель не подаст кассационную жалобу (представление) в течение двух месяцев и суд откажет в восстановлении срока обжалования, то жалобу (представление) нужно будет подать непосредственно в кассационный суд. Он рассмотрит ее по правилам выборочной (вызывной) комиссии. Переходными положениями законопроекта установлено: если участники процесса не используют свое право на кассационное обжалование до вступления поправок в ст. 401.3 УПК РФ в силу, тогда у них будет еще 2 месяца со дня начала действия закона на то, чтобы воспользоваться сплошной кассацией. Далее – только выборочная кассация.

В ходе обсуждения данного законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации

заинтересованные стороны внесли немало предложений. В частности, представители Федеральной адвокатской палаты считали, что двухмесячного срока не достаточно для подготовки кассационной жалобы. Согласившись с этими доводами, Государственная Дума при принятии данного законопроекта установила срок кассационного обжалования по уголовному делу в 6 месяцев, что является наиболее оптимальным и отвечает интересам всех заинтересованных лиц.

Указанные выше изменения приняты Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ и вступили в силу с 26 февраля 2021 г. [2].

Интерес вызывают и положения закона о праве лица, подавшего кассационную жалобу, отозвать ее. Здесь возможны различные варианты, и разрешается данный вопрос поразному. Например, лицо подало кассационную жалобу, она поступила в суд первой инстанции, который приступает к выполнению требований ст. 401.7 УПК РФ и проводит необходимые подготовительные действия. Если в этот период (в течение рекомендованного месячного срока) лицо подало заявление об отзыве кассационной жалобы, то суд первой инстанции возвращает ее заявителю. На этом вопрос исчерпан, и отзыв кассационной жалобы не может стать предметом изучения суда кассационной инстанции. Другой вариант – когда заявление об отзыве жалобы поступает непосредственно в суд кассационной инстанции, где уже находится уголовное дело после проведенных судом первой инстанции подготовительных действий.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм Главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [3], указал, что суд кассационной инстанции вправе не согласиться с отзывом кассационной жалобы (кассационного представления), поступившим после назначения судебного заседания в порядке сплошной кассации или принятия судьей решения об их передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании в порядке выборочной кассации, продолжить судебное разбирательство при наличии оснований для отмены или изменения судебного решения в сторону улучшения положения обвиняемого, осужденного, оправданного.

По мнению А.А. Рукавишниковой, такой подход, несомненно, обеспечивает защиту прав и интересов обвиняемого, осужденного, оправданного, т. к. при отзыве кассационных жалоб и представлений, кассационное производство, если суд примет решение о его продолжении, может иметь своим последствием отмену или изменение судебного решения только в сторону улучшения положения лица [7]. В таком случае суд кассационной инстанции не принимает отзыв кассационных жалоб и представлений заявителем и продолжает судебное разбирательство вопреки его желанию.

Важно подчеркнуть, что такие действия суда возможны лишь в том случае, если у судьи сложилось определенное мнение о неправосудности судебного решения и его пересмотр в кассационном порядке может повлечь улучшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу, когда судья «увидел» в уголовном деле основания для отмены или изменения приговора с улучшением положения осужденного (оправданного и т. д.). При этом решение о продолжении рассмотрения кассационной жалобы в суде кассационной инстанции в случае отзыва лицом, ее подавшим, принимается до начала судебного разбирательства. Также не исключается возможность того, что рассмотрение кассационной жалобы лица, ее отозвавшего, может повлечь улучшение положения не только данного заявителя, но и иных лиц, например, его соучастников, осужденных по этому уголовному делу. В этом случае суд кассационной инстанции должен принять меры к извещению таких иных лиц, интересы которых затрагиваются в суде кассационной инстанции, с учетом расширения пределов проверки судом уголовного дела [6].

При рассмотрении уголовного дела в судебном заседании суд кассационной инстанции в рамках как сплошной, так и выборочной кассации, вправе выйти за пределы доводов кассационных жалоб и представлений и проверить уголовное дело в полном объеме – относительно лица, в отношении которого ставится вопрос о пересмотре судебного решения, и также в отношении других осужденных, даже при отсутствии от них жалоб. При этом судья суда кассационной инстанции не ограничивается лишь проверкой доводов, изложенных в кассационном представлении,

кассационных жалобах. Он вправе, изучив уголовное дело, представление, жалобы, вынести постановление об их передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и по другим доводам, не указанным в кассационных представлениях, кассационной жалобе.

При этом следует иметь в виду, что при отзыве кассационной жалобы осужденного его адвокатом суд обязан выяснить позицию самого осужденного по этому поводу. Верховный Суд РФ рассматривал ситуацию, когда адвокат подал кассационную жалобу, а потом отозвал ее, т. к. осужденный отказался от его услуг. Президиум Верховного Суда Чеченской Республики в июле 2019 г. по заявлению адвоката об отзыве кассационной жалобы и ходатайству заместителя прокурора Республики прекратил кассационное производство. Данное решение обжаловал новый защитник осужденного. Сам осужденный тоже поддерживал доводы кассационной жалобы и был против ее отзыва. Верховный Суд РФ указал, что, прекратив производство по кассационной жалобе адвоката в связи с ее отзывом, суд лишил осужденного возможности выразить свое отношение к данному вопросу.

Суд кассационной инстанции вправе не согласиться с просьбой об отзыве жалобы, продолжить судебное разбирательство и проверить законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, при наличии оснований для отмены или изменения судебного решения, влекущих улучшение положения обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу – указал Верховный Суд РФ. Адвокат при этом обязан преследовать интересы своего заявителя, а не свои личные, и он не имеет права отзывать кассационную жалобу на приговор из-за отказа от его услуг. Верховный Суд РФ рекомендовал судам не принимать во внимание подобные действия со стороны защитников и узнавать мнение об отзыве жалобы у самого доверителя [4].

Литература

1. URL: https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1104444/.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

4. URL: http://rapsinews.ru/publications/20200810/306134922.html.

5. Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы расширения прав и возможностей суда кассационной инстанции в целях исправления судебных ошибок по уголовным делам // Мировой судья. 2020. № 6.

6. Багаутдинов Ф.Н. Новая кассация по уголовным делам: некоторые вопросы правового регулирования и деятельности // Российская Юстиция. 2020 № 1.

7. Рукавишникова А.А. Место реформированного производства в суде кассационной инстанции в системе обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе России // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2019. № 4 (35).

8. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29165/.

Bibliography

1. URL: https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1104444/.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of June 25, 2019. № 19 «On the application of the norms of chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, regulating proceedings in the court of cassation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Federal Law of February 24, 2021. № 15-FL «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

4. URL: http://rapsinews.ru/publications/20200810/306134922.html.

5. Bagautdinov F.N. Some issues of empowering the court of cassation in order to correct judicial errors in criminal cases // Magistrate judge. 2020. № 6.

6. Bagautdinov F.N. New cassation in criminal cases: some issues of legal regulation and activity // Russian Justice. 2020. № 1.

7. Rukavishnikova A.A. The place of the reformed proceedings in the court of cassation in the system of appeal and verification of court decisions in the criminal process of Russia // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. № 4 (35).

8. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29165/.

УДК 343.12
ББК 67.410.2

© 2021 г. Черников Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России.
E-mail: chernikoff85@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье проанализированы вопросы, связанные с многосубъектностью деятельности, в рамках которой осуществляется реагирование на преступление уполномоченных органов и лиц.

Ключевые слова: *поводы, возбуждение уголовного дела, закон, проблемы, предложения.*

Chernikov Sergey Vladimirovich – Lecturer, Department of Criminal Process, the Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THE CONCEPT OF REASONS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

The article analyzes the issues related to the multi-subject nature of the activity, within the framework of which the response of the authorized bodies and persons to the crime is carried out.

Keywords: *reasons, initiation of criminal case, law, problems, proposals.*

Категория «поводы для возбуждения уголовного дела» имеет нормативно-правовой характер, что обуславливает ее значение в практике и теории уголовного процесса. Обратим внимание на некоторые значимые обстоятельства. Наличие повода для возбуждения уголовного дела обязывает уполномоченные лица и органы начать уголовно-процессуальную деятельность, закрепить следы преступления, использовать необходимые ресурсы, обеспечить защиту прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, достижение назначения этой сферы. При этом ошибки в констатации его наличия, а равно содержания приведут к неоправданному расточительству имеющихся финансовых, процессуальных, технических, организационных возможностей субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а отказ от оперативного реагирования заложит минимальную обеспеченность быстроты, оптимальности и эффективности искомого результата. Предоставление правоприменителям как субъектам реализации категории поводов для возбуждения уголовного дела и определения правомерности работы с ней в уголовном процессе единых теоретических установок позволит унифицировать соответствующую практику и повысить ее качество.

Обращение к законодательным, теоретическим и практическим аспектам заявленной темы показывает, что еще имеются неразрешенные проблемы.

Обзор законодательных изменений обращает внимание на регулярность поисков законодателя в сфере обеспечения более качественного правового регулирования этой деятельности в целом и понимания поводов для возбуждения уголовного дела в частности. Наблюдается дополнение уголовно-процессуального закона новыми носителями информации о преступлении и исключение отдельных поводов для возбуждения уголовного дела. Таким образом расширяется или суживается сфера проявления инициатив для начала уголовно-процессуальной деятельности. Например, было изменено содержание п. 43 ст. 5 УПК РФ [1], что привело к появлению еще одного повода для возбуждения уголовного дела в виде постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Введена ч. 3 ст. 140 УПК РФ [2], согласно которой нельзя использовать в качестве повода для возбуждения уголовного дела факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к ней. Изменена редакция ст. 143 УПК РФ: сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, не указанных в п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется

рапорт об обнаружении признаков преступления [1]. При этом часть положений выведена из уголовно-процессуального источника, например, утратили силу ч. 1.1. [3] и 1.2. ст. 140 УПК РФ [4].

Указанные изменения уголовно-процессуального закона не привели к устранению имеющихся проблем, и ученые продолжают искать выходы из сложных ситуаций, справедливо отмечая, что их истоки заложены в самом Кодексе. Приведем несколько мнений, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике. Н.И. Газетдинов отмечает отсутствие единого определения повода для возбуждения уголовного дела, причем как в уголовно-процессуальной науке, так и соответствующем законе [5, с. 7]. В.Б. Малинин видит истоки разных высказываний в процессуальной литературе по поводу дефиниции повода(ов) для возбуждения уголовного дела в отсутствии соответствующего понятия в действующем уголовно-процессуальном законе. Вместе с тем ученый обращает внимание еще на одну проблему: некорректность законодательной формулировки поводов для возбуждения уголовного дела, которая заключается в вариативности принимаемых решений после его разрешения, и возможности как возбуждения уголовного дела, так и отказа в возбуждении уголовного дела. Такой взгляд позволил ученому предложить ввести в действующее законодательство следующее словосочетание: «поводы для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела» [6, с. 112–116]. А.М. Косенко критикует используемый законодателем вариант, который заключается в приведении перечня источников (п. 43 ст. 5 УПК РФ), и предлагает сформулировать определение сообщения о преступлении, сообразно его лексическому значению, представляя его как сведения о преступлении, которые содержатся в любом из источников, указанных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ [7, с. 138–145]. Итак, наблюдается единство мнений ученых, которые сводятся к неприемлемости отсутствия единообразного понятия поводов для возбуждения уголовного дела, что отрицательно сказывается на уголовном процессе. При этом сформулирована потребность теоретического осмысления рассматриваемой категории и введения ее понятия в уголовно-процессуальный источник.

Здесь полагаем уместным провести обзор уголовно-процессуального закона, что позволит в полной мере осознать нормативно-правовое состояние поводов для возбуждения уголовного дела. Такой подход позволит предложить более осознанный вариант понятия анализируемого явления и сформулировать адекватное предложение.

В основных понятиях Уголовно-процессуального кодекса РФ отсутствует указание на поводы для возбуждения уголовного дела. Видимо, законодатель не относит названную категорию к основным понятиям, используемым в анализируемом источнике. Тем не менее в п. 43 ст. 5 УПК РФ употребляется близкая категория «сообщение о преступлении» и расшифровывается путем перечисления того, что является сообщением о преступлении. Однако остаются вне нормативного установления именно понятия этих явлений.

Кроме того, в общих положениях уголовно-процессуального источника, а именно в ст. 20 УПК РФ, используются словосочетания «заявление потерпевшего, его законного представителя», «заявление потерпевшего или его законного представителя», которые в контексте содержания названной нормы выступают в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Однако относить их к рассматриваемому явлению уголовного процесса можно с некоторой долей сомнения, поскольку они не соответствуют заявленным в специальной норме формулировкам. На этом фоне возникает множество вопросов, например, подлежит ли расширительному толкованию перечень поводов для возбуждения уголовного дела, возможна ли корректировка используемых названий, не будет ли нарушением закона указание в постановлении о возбуждении уголовного дела вариативных формулировок поводов?

Такие вопросы вполне уместны, так как ответы на них в состоянии повысить качество законодательной техники, обеспечить единство терминологии и унификацию практики в сфере возбуждения уголовного дела. Уточним, что в постановлении о возбуждении уголовного дела надлежит указывать повод для возбуждения уголовного дела, что предусмотрено в п. 3 ч. 2 ст. 146 УПК РФ. Такая установка указывает на соблюдение или же нарушение требований законности, а равно обоснованности уголовно-процессуальной деятельности в целом, ее начала, правомерности использования мер принуждения и ограничения в отношении различных лиц в

частности. Соответственно, предложение правоприменителю единообразных формулировок исключит индивидуализацию практики, сомнения в ее правомерности.

Вместе с тем анализ положений специализированных глав 19 и 20 УПК РФ, устанавливающих правила возбуждения уголовного дела, приводит к выделению обобщающих категорий, которые используются законодателем именно здесь – это «поводы для возбуждения уголовного дела» и «сообщение о преступлении».

На этом фоне целесообразно обратить внимание на внутреннюю согласованность поводов для возбуждения уголовного дела, на последовательность и преемственность их регулирования в общей и особенной частях уголовно-процессуального закона. На первый взгляд, такой вопрос может показаться малозначительным. Однако такое уточнение имеет значение для формирования понятия поводов для возбуждения уголовного дела как базового термина уголовно-процессуального закона и многовидового явления уголовного процесса.

Поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о преступлении, представленное четырьмя видами.

Заявление о преступлении указано в п. 43 ст. 5 УПК РФ, в п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ и раскрывается в ст. 141 УПК РФ. Явка с повинной предусмотрена в п. 43 ст. 5 УПК РФ, в п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ и детализируется в ст. 142 УПК РФ. Таким образом, наблюдается согласованность и последовательность нормативных предписаний в отношении двух видов.

Рапорт об обнаружении преступления указан в п. 43 ст. 5 УПК РФ и раскрывается в ст. 143 УПК РФ. Промежуточный между ними источник, а именно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, содержит указание на сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Названный источник информации о преступлении оформляется рапортом об обнаружении признаков такого деяния, что отражено в ст. 143 УПК РФ. Такой подход суживает возможности использования различной информации, поскольку ограничивает перечень субъектов права на написание именно рапорта. Рапорт является документом адресного употребления. Среди используемых сфер правоохранительная служба и несколько иных видов деятельности, в рамках которых предписано оформлять рапорт. Имеются и другие ограничения процедурного свойства, например, потребность иных субъектов (органа или человека) довести информацию до сведения именно такого лица, что влечет некоторые, но значимые ресурсные и временные затраты.

Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, указанное в п. 43 ст. 5 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, на данный момент остается вне правового развития. Введение такого повода для возбуждения уголовного дела можно оценить положительно, поскольку он позволяет охватить большой спектр источников информации о преступлении, входящих в сферу функционала органов прокуратуры, и исключает какой-либо промежуточный барьер, увеличивающий срок реагирования на преступное деяние. Для понимания законности и обоснованности предлагаемого явления имеют значение те признаки, которые позволяют обеспечить названные качества такого акта, значит, они должны получить универсальность, публичность, нормативность. Такая задача может быть решена в ведомственных актах органов прокуратуры. Однако, полагаем, что соответствующие основы должны быть заложены именно в законе, что позволит, развивая его положения, обеспечить единство и преемственность категории законности.

Совокупный анализ норм уголовно-процессуального источника, содержащих черты поводов для возбуждения уголовного дела и их контекстного использования, позволяет сформулировать вывод о неполноте, неточности, несогласованности нормативных предписаний, посвященных поводам для возбуждения уголовного дела, непоследовательности и отсутствии преемственности этих явлений в рамках общей и особенной частей закона, а также одной группы уголовно-процессуальных отношений. Рассматриваемые явления могут быть включены в зону обеспечения законности и обоснованности принимаемых решений, проводимых действий, что влечет необходимость достижения нормативной и теоретической определенности.

Итак, в рассматриваемой сфере наблюдается употребление разных словосочетаний, что ослабляет качество закона, инициирует разнообразие теоретических воззрений, практики института возбуждения уголовного дела. Среди предлагаемых законодателем наиме-

нований рода, как обобщенного представления рассматриваемого явления: сообщение о преступлении, повод(ы) для возбуждения уголовного дела. Среди предлагаемых в законе наименований видов, как развивающих и уточняющих родовую категорию применительно к различным отношениям и ситуациям: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, заявление потерпевшего, его законного представителя.

Решение выявленной проблемы нам видится в плоскости осмысления сути повода и его расположения в законе. Преимущества такого подхода проявляются в предложении правоприменителю унифицированного представления о законодательно установленной категории, которое будет выражено в понятии поводов для возбуждения уголовного дела.

Словарь русского языка помогает осмыслить категорию понятия, отмечая, что это – логически оформленная общая мысль о предмете, идея чего-нибудь [8, с. 455]. Соответственно, понятие повода должно включать концентрированное изложение общих признаков предлагаемого явления.

В свою очередь, повод – это обстоятельство, способное быть основополагающим для чего-нибудь [8, с. 428]. Такое понимание в полной мере соответствует роли повода в стадии возбуждения уголовного дела как запускающего отдельный механизм реагирования на преступление в системе всего уголовного процесса. Однако его значение распространяется и на последующие стадии, этапы уголовного процесса, институты. Например, речь идет о понимании законности повода и создаваемых последствиях, обоснованности предпринимаемых действий, рассмотрении этих вопросов в рамках контрольно-надзорной деятельности и института обжалования. Такой взгляд делает востребованным категорию поводов для возбуждения уголовного дела и актуализирует его понятие в рамках общих положений УПК РФ.

Обращение к теоретическим источникам позволяет привести несколько определений повода для возбуждения уголовного дела и назвать свойства этого явления. Очевидный минус таких источников заключается в том, что в процессе обучения используются разные учебники, в которых содержатся разные, порой противоречивые сведения. Здесь уместно отметить, что результаты процесса обучения существенным образом корректируются, когда обучаемое лицо начинает заниматься практикой, и получает установки, сложившиеся в конкретном подразделении. В такой ситуации затруднительно обеспечить единообразие категории законности повода для возбуждения уголовного дела в масштабе всех субъектов реагирования на преступление. В нашем понимании законность – это не только соответствие формулировок, используемых в практической деятельности, законодательно предусмотренным положениями, но и содержательный, сущностный аспект этого явления, который приобретает особое значение на фоне отсутствия четких нормативных предписаний. Тогда правоприменителю предстоит восполнить пробел, благодаря своим профессиональным знаниям, умениям и навыкам, а также нравственной установке. Однако если на этапах их формирования произошли сбои, можно прогнозировать сбои в правомерности правоприменительной деятельности. Понимание такой возможности усиливает потребность предложения правоприменителю правильного, полного и точного термина.

Обратим внимание на несколько понятий. Повод(ы) для возбуждения уголовного дела воспринимается как источник сведений (информации) о готовящемся или совершенном преступлении [9, с. 244], понимаются как предусмотренные законом источники, в которых содержится информация о совершенном или готовящемся преступлении, обязывающие полномочные органы государства или должностных лиц, принять решение и приступить к производству по уголовному делу [10, с. 165]. Отметим, что в приведенных понятиях предлагается более широкий или узкий перечень признаков поводов для возбуждения уголовного дела, наблюдается совпадение мнений, и отсутствуют принципиальные отличия.

Обзор законодательных предписаний и теоретических представлений о понятии повода(ов) для возбуждения уголовного дела позволяет выделить свойства этого явления:

– повод – это источник информации, то есть носитель данных. Традиционно предлагается устная или письменная форма повода. Однако развитие науки и техники, появление новых достижений позволяет расширить ис-

пользуемые границы и указать на иные формы повода для возбуждения уголовного дела;

– повод содержит информацию именно о преступлении, а не о деянии, которое может иметь иной «статус», например, административного проступка, что позволяет дополнить его категорией возбуждения уголовного дела, уместной для сферы уголовного процесса;

– наличие повода создает обязанность реагирования уполномоченных лиц и органов, его рассмотрения и разрешения, использования установленных уголовно-процессуальным источником возможностей и гарантий;

– повод, а равно базовые требования, предъявляемые к нему, подлежат фиксации в уголовно-процессуальном законе, что делает эту категорию законной и обоснованной.

Объединение совпадающих представлений позволяет сформулировать и предложить еще один вариант понятия поводов. Под поводами для возбуждения уголовного дела понимаются указанные в уголовно-процессуальном законе источники достаточных данных о признаках совершенного или готовящегося преступления, представленные в устной, письменной, иной форме, подлежащие принятию, рассмотрению и разрешению уполномоченными органами и лицами. Именно понятие поводов для возбуждения уголовного дела как родового явления, объединяющего его значимые параметры, инициирующего начало уголовно-процессуальной деятельности, подлежит фиксации в основных понятиях, используемых в кодексе. При этом в уголовно-процессуальном источнике в специализированных нормах представляется целесообразным перечислить виды поводов для возбуждения уголовного дела и придерживаться предлагаемой терминологии в иных нормах, воспринимающих базовые явления уголовного процесса.

Приведенное предложение естественным образом инициирует вопрос о том, являются ли поводы для возбуждения уголовного дела именно основным понятием Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Обзор различных работ [11] в сфере понимания основных понятий уголовного процесса позволяет выделить критерии отнесения явления к ним, сопоставить их с анализируемой категорией и назвать совпадающие признаки. На наш взгляд, значение повода для возбуждения уголовного дела как основного понятия обусловлено следующими факторами:

– основополагающей ролью при определении начала использования автономной отрасли в виде уголовно-процессуального права;

– определением содержания последующей деятельности, назначения, функций ее участников и используемых процессуальных возможностей;

– существенным вкладом в достижение назначения всего уголовного судопроизводства, указанием на социальное значение этой сферы;

– возможностью использования в рамках иных стадий, этапов уголовного процесса, востребованностью при проверке законности и обоснованности анализируемого и иных связанных с ним явлений;

– уголовно-процессуальной природой повода при возможности распространения его действия на иные виды деятельности, сопряженные с реагированием на преступления, что влечет наделение их субъектов соответствующими параметрами понимания и работы с ним.

Итак, законодательное и теоретическое уточнение такого значимого родового явления как поводы для возбуждения уголовного дела, а также его видов обеспечит единообразие практики, качество законодательной техники, минимизирует конфликтность ситуации в понимании и применении рассматриваемой категории.

Литература

1. О внесении изменений в УПК РФ: Федеральный закон от 27.12.2019 № 499-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в УПК РФ: Федеральный закон от 27.12.2019 № 498-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в УПК РФ: Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 27.12.2019 № 499-Federal Act // LRS «ConsultantPlus».

2. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 27.12.2019 № 498-Federal Act // LRS «ConsultantPlus».

3. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 22.10.2014 № 308-Federal Act // LRS «ConsultantPlus».

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и УПК РФ: Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Газетдинов Н.И. О законодательной регламентации поводов и оснований для возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2007. № 20.

6. Малинин В.Б. Поводы для возбуждения уголовного дела // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30).

7. Косенко А.М. Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98)

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.

9. Уголовный процесс. М., 2013.

10. Уголовный процесс. М., 2011.

11. Смирнова К.Н. Основные понятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.

4. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 27.12.2018 № 530-Federal Act // LRS «ConsultantPlus».

5. Gazetdinov N.I. On legislative regulation of reasons and grounds for initiating a criminal case // Russian investigator. 2007. № 20.

6. Malinin V.B. Reasons for initiating a criminal case//Leningrad Legal Journal. 2012. № 4 (30).

7. Kosenko A.M. Critical review of the system of reasons for initiating a criminal case // Topical problems of Russian law. 2019. № 1 (98).

8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1988.

9. Criminal procedure. M., 2013.

10. Criminal trial. M., 2011.

11. Smirnova K.N. Basic concepts of the criminal procedure code of the RF: dis. PhD in Law. Omsk, 2013.

УДК 343.12
ББК 67.410.2

© 2021 г. Ковтун Николай Николаевич,
профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: kovtunnnov@mail.ru

Джелали Татьяна Ивановна,
доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

АКТ «ОБВИНЕНИЕ» КАК ПРЕДМЕТ ОПЕРАТИВНОЙ СУДЕБНОЙ ПРОВЕРКИ НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Авторами критически оцениваются высказанные в российской уголовно-процессуальной доктрине суждения о легальной возможности обжалования и судебной проверки по правилам ст. 125 УПК РФ акта о привлечении в качестве обвиняемого без разрешения кардинального вопроса этой проверки: о «предрешенности» выводов и решений суда для дальнейшего производства по делу.

***Ключевые слова**: привлечение в качестве обвиняемого, предмет и пределы проверки суда, предрешенность внутреннего убеждения судей в вопросе о доказанности вины обвиняемого.*

Kovtun Nikolai Nikolaevich – Professor, the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Dzhelali Tatyana Ivanovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ACT OF «INDICTMENT» AS A SUBJECT OF OPERATIONAL JUDICIAL REVIEW AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The authors critically evaluate the judgments expressed in the Russian criminal procedural doctrine about the generally legal possibility of appeal and judicial review according to the rules of Art.125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of an act on the prosecution as an accused without resolving the cardinal issue of this check: on the «predetermination» of the conclusions and decisions of the said court for further proceedings in the case.

***Keywords:** involvement as an accused, the subject and limits of the court's verification, predetermined inner convictions of judges in the issue of proving the guilt of the accused.*

В рамках статьи мы конвенционально откажемся от рассмотрения всего многообразия мнений относительно сути и элементов категории «обвинение» в уголовном процессе России. Как следствие, нас в принципе не будут интересовать проблемы, связанные с обвинением как функцией и, соответственно, с субъектами, ее реализующими; начальным и конечным моментом данного направления деятельности; процессуальными формами объективации этого акта в зависимости от вида и формы расследования или этапа производства по делу. Не интересуют нас и во многом искусственные «трансформации» обвинения из «первоначально следственного» в обвинение «окончательно следственное», а затем – в «государственное», объективируемое как публичный уголовный иск-притязание к государству о признании обвиняемого виновным и наказании.

Каждый из этих моментов, безусловно, актуален, и, по идее, есть предмет для отдельного исследования. Но у нас иные задачи. Наш интерес утилитарен, по сути, требуя практической ясности в вопросе о том, насколько акт обвинения, декларируемый как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом» (п. 22 ст. 5 УПК РФ), может быть предметом оперативной судебной проверки, реализуемой на досудебном этапе уголовного судопроизводства России. В итоге, если верно расставить акценты, непосредственным предметом исследования должны стать вопросы: об управомоченных субъектах обжалования данного утверждения-акта; процессуальной форме его объективации в стадии предварительного расследования; предмете проверки и оценки суда и, естественно, видах его возможных решений.

Ответы на отдельные из этих вопросов, по идее, не должны вызывать затруднений. Видится очевидным, что объектом обжалования и проверки суда при оперативном судебном контроле apriori не могут быть такие процессуальные решения, как обвинительный акт (ст. 225 УПК РФ) или обвинительное постановление (ч. 2–3 ст. 226.7 УПК РФ). Несмотря на то, что суть и нормативное содержание последних неразрывно связаны с изложением обвинения, выступавшего предметом доказывания при реализации того или иного вида дознания, и первый, и второй акт находятся за рамками «временного» критерия, определяющего приемлемость жалобы к рассмотрению судом. Суть последнего в том, что если на момент судебной проверки (по нормам ст. 125 УПК РФ) дело уже находится у прокурора (ст. 221, 226 УПК РФ), а тем более направлено на рассмотрение в суд, все доводы заявителя адресуются к суду первой инстанции, являясь предметом непосредственной проверки и оценки последнего. В итоге для целей проверки в порядке ст. 125 УПК РФ процессуально приемлемым является лишь «утверждение о виновности», объективированное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. При этом особая значимость законности и обоснованности последнего акцентирована в правовой позиции высшей судебной инстанции государства, по сути которой: «датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора» [1, с. 431].

Очевидно и то, что управомоченными субъектами обжалования и апелляций к суду как субъекту проверки (ст. 125 УПК РФ) могут быть лишь заинтересованные лица, чьи права и законные интересы тем или иным образом нарушает этот акт-утверждение. И, напротив, возможные споры относительно сути или итоговых выводов данного акта между органами предварительного расследования и прокурором (следователем и руководителем следственного органа) разрешаются в принципиально ином процессуальном порядке, apriori не допускающем апелляций к суду.

Все более или менее ясно и с непосредственным предметом проверки и оценки суда, ибо по букве закона заявители (в жалобе) могут апеллировать исключительно к законности и обоснованности обжалуемого акта, нарушающего их интересы. В нашем случае это законность и обоснованность следственных утверждений о совершении определенного общественно опасного деяния конкретным лицом, которому официально инкриминируются эти деяния (с указанием пункта, части, статьи, квалифицирующих признаков содеянного), либо законность и обоснованность процедуры акта привлечения в качестве обвиняемого, либо диалектика этих двух составляющих. Соответственно, в качестве итоговых суждений суда, по идее, должны состояться решения о незаконности/необоснованности: либо самого утверждения о виновности и причастности обвиняемого к совершению публично инкриминируемых деяний, либо незаконности процедуры официального предъявления этого акта. При этом последние должны либо нивелировать факт публично заявленных утверждений, либо констатироваться судом формальными, не влияющими на суть обвинительных, тезисами.

Однако доктрине российского уголовно-процессуального права в целом в правоприменительной практике достаточно известна непререкаемая публично-правовая константа, по сути которой акт привлечения в качестве обвиняемого (следственное утверждение о виновности; ст. 171 УПК РФ) apriori не может быть предметом проверки и оценки суда в порядке оперативного судебного контроля. Акцентирующая причина указанного в практически «неразрешимой» для российской доктрины и практики **проблеме предрешенности внутреннего убеждения судей** в вопросах о виновности обвиняемого и наличии достаточных для этого обвинительных доказательств в материалах дела еще до рассмотрения последнего по существу в суде первой инстанции [2].

Как следствие, в правовых позициях высшего органа конституционного правосудия России, Пленума Верховного Суда РФ, прецедентах высших судебных инстанций и констатациях российской уголовно-процессуальной доктрины на протяжении ряда лет объективируется весьма интересный «шпагат», посредством которого одновременно пытаются доказать и правомерность предварительной оценки судом следственного утверждения о виновности и категорическую невозможность указанного. К примеру:

В постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ сформулировал

исходную правовую позицию, по смыслу которой в ходе досудебного производства (заявителями) могут быть обжалованы те действия и решения органа предварительного расследования и прокурора, которые нарушают конституционные права и свободы участников процесса, если проверка их законности и обоснованности не связана **с предрешением судом вопросов, затрагивающих существо дела** (вопросы о виновности и наличии для этого достаточных доказательств) [3].

Также в постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П Конституционный Суд РФ уточняет: суд в ходе осуществления судебного контроля прежде всего должен воздерживаться от утверждений **о достаточности оснований** подозревать (обвинять) конкретное лицо в совершении преступления [4].

Однако в определении от 14 декабря 2004 г. № 384-О в пределах проверки, реализуемой судом по нормам ч. 1 и 3 ст. 448 УПК РФ, высший орган конституционного правосудия определил: процедура подобной проверки **предполагает оценку судом достаточности представленных прокурором данных,** необходимых для возбуждения уголовного дела, правомерности выводов о наличии для этого оснований и вынесения заключения о наличии в действиях особого субъекта уголовного процесса признаков преступления [5].

Аналогичны правовые позиции и в определении от 24 марта 2005 г. № 151-О: «…суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться **от проверки фактической обоснованности обжалуемого решения** органа предварительного расследования, … поскольку иное способно привести к искажению самой сути правосудия» [6].

Категорический запрет входить **в оценку обвинительных доказательств** (доказанности обвинения) в рамках судебного контроля содержали и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 и от 9 февраля 2009 г. № 1 [7; 8]. И, напротив, в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 и Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 Пленум прямо ориентирует судей к оценке не только законности, **но и обоснованности проверяемых решений** и действий органов предварительного расследования и прокурора [9; 10].

Неудивительно, что при подобной двойственности исходного регулирования объективировалось «раздвоение» взглядов и в доктрине российского уголовно-процессуального права. А. Чувилев и А. Лобанов, к примеру, прямо указывали на то, что в ходе судебной проверки, реализуемой на досудебном этапе, суд должен воздерживаться от оценки фактической стороны представленных в суд доказательств, чтобы сохранить беспристрастность и не предрешать вопрос о виновности преследуемых лиц [11, с. 21]. С. Щерба и О. Цоколова, напротив, считают, что игнорирование подобной оценки ведет к выхолащиванию сути оперативных судебно-контрольных производств, низведению судебного контроля до формальной проверки исполнения нормы закона [12, с. 45].

Позиции высшего органа конституционного правосудия России, пленума и уголовно-процессуальной доктрины «восприняты» практикой реализации оперативного судебного контроля, по сути которой судами одномоментно констатируются итоговые выводы о том, что:

«…суду представлены **достаточные материалы** для вынесения обоснованного заключения; **ссылка на эти материалы содержит необходимые основания** для вывода о наличии в действиях следователя Б. признаков указанных преступлений» [13];

«…ошибочны доводы кассационной жалобы о том, что выводы, изложенные в заключении, не подкреплены какими-либо доказательствами. Суд **не вправе в данной стадии давать им оценку**, так как данные действия суда возможны только при рассмотрении уголовного дела по существу во время судебного следствия» [14; 15];

«…в нарушение ч. 3 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и ст. 448 УПК РФ вывод о наличии в действиях М. признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, коллегией судей сделан **без исследования представленных в суд материалов**. В протоколе судебного заседания отсутствуют данные о том, что эти материалы судом оглашались» [16];

«...ошибочны доводы кассационной жалобы о том, что доводы, изложенные в заключении, не подкреплены какими-либо доказательствами. Суд **не вправе в данной стадии судопроизводства исследовать доказательства**, давать им оценку, так как эти действия возможны только при рассмотрении уголовного дела по существу» [17].

По сути указанной практики для каждого конкретного случая всегда в наличии

«правильный» прецедент, позволяющий обосновать и необходимый вариант разрешения спора, и его правосудность к конкретному факту или лицу. Вместе с тем известны потуги российской доктрины к снятию указанных противоречий, к уяснению истинного предмета и пределов проверки в рамках оперативного судебного контроля. К примеру:

a. Нам предлагают признать, что как в представлениях уголовно-процессуальной доктрины, так и в правовых позициях суда налицо явное смешение логических понятий: «предрешение вопроса о виновности» и «вывод суда о виновности». Между тем понятие выводов о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния шире, чем понятие предрешения этих вопросов, ибо можно рассматривать их, но не предрешать. Отсюда решающий довод: в рамках судебной проверки вполне можно «рассматривать» фактическую сторону обвинения, не предрешая и не делая выводов о сути последней [18].

b. Акцентируется также довод о том, что проверка следственного обвинения судом уже предусмотрена нормами УПК РФ (что изначально «снимает» обсуждаемую проблему). К примеру, нормами ч. 1–2 ст. 448 УПК РФ, т. к. решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, либо **о привлечении его в качестве обвиняемого**, …принимается:

– в отношении Генерального прокурора РФ – Председателем Следственного комитета РФ **на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей** Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ, о наличии в действиях Генерального прокурора РФ признаков преступления (ч. 2 ст. 446 УПК РФ);

– в отношении Председателя Следственного комитета РФ – исполняющим обязанности Председателя Следственного комитета РФ **на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей** Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ, о наличии в действиях Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления (ч. 2.1 ст. 448 УПК РФ) [18].

Аналогичное дозволение, по идее, содержится в нормах ч. 2 ст. 125.1 УПК РФ, т. к. при рассмотрении жалобы на постановление следственных органов о прекращении уголовного дела по основаниям ч. 2 ст. 24 или ч. 3 ст. 27 УПК РФ судья проверяет, как законность и обоснованность данного решения, так и законность и обоснованность возбуждения уголовного дела и **привлечения лица в качестве обвиняемого** путем исследования в судебном заседании имеющихся в деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам, установленным гл. 37 УПК РФ. Это же право суда подтверждено Конституционным Судом РФ в определении от 14.01.2020 № 5-О [19, с. 21].

Наконец, на необходимость проверки судом как доказанности самого факта деяния, так и причастности к его совершению обвиняемого косвенно указывают и высший орган конституционного правосудия (определение КС РФ от 27 мая 2004 г. № 253–О; от 12 июля 2005 г. № 330–О), и пленум Верховного Суда РФ, акцентируя, что это: суть необходимое условие законного и обоснованного применения к обвиняемому, подозреваемому мер пресечения, избираемых судом;

c. В итоге, резюмирует А.В. Смирнов, проверка судом следственного обвинения не предрешает вопросов о виновности обвиняемого и наличной системе для этого обвинительных доказательств. Поэтому тот же судья, безусловно, вправе рассматривать это дело по существу. Основания данной уверенности изысканы автором в том, что выводы суда как субъекта проверки, носят не окончательный (как при рассмотрении дела по существу), а предварительный и сугубо условный характер. Судье достаточно предполагать, что (в дальнейшем) на основе наличной системы доказательств судья может постановить обвинительный приговор, и этого в целом достаточно, чтобы признать следственное обвинение обоснованным. На этом же основании формируется судейское предположение о том, что если эти доказательства в процессе судебного разбирательства «пройдут» проверку на предмет допустимости и достоверности, то они (скорее всего!) были достаточны, и могут повлечь осуждение обвиняемого [18].

Конструкция, признаем, весьма любопытна; однако рассмотрим, насколько она согласована и оптимальна, как для обеспечения интересов сторон (заявителей), так и для целей отправления правосудия.

a. Полагаем, прежде всего, надуман довод о том, что в рамках оперативной судебной

проверки (ст. 125 УПК РФ) вполне «…можно «рассматривать» фактическую сторону обвинения, не предрешая и не делая выводов о сути последней». Если этот алгоритм судебной проверки и имеет потенциальную ценность, то никак не для стороны-заявителя, обратившейся за судебной защитой. Для последней принципиален вывод суда о законности и обоснованности следственного утверждения о виновности, а не сугубо ментальный процесс судейского «созерцания» постановления о привлечении в качестве обвиняемого, практическая ценность которого как-то не ощутима.

b. Спорен и вывод о том, предмет исследуемой проблемы, отчасти, уже разрешен в нормах закона (ст. 447–448, ст. 125.1 УПК РФ), т. к. в сути предлагаемых как эталон нормативных велений объективированы такие противоречия законодательной воли, что понять действительный предмет проверки и оценки суда практически невозможно. Поясним:

1. По ч. 2 ст. 448 УПК РФ: «Представление Президента РФ о наличии в действиях Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления рассматривается, … на основании представленных в суд материалов».

2. По ч. 3 ст. 448 УПК РФ: «По результатам рассмотрения представления Президента РФ суд дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях лица признаков преступления…».

При всей ценности указанных предписаний, позволим себе поставить на обсуждение уточняющие вопросы:

1. В части 2 ст. 448 и части 3 ст. 448 УПК РФ от суда требуют установления (проверки) признаков преступления. Между тем, этот «запрос» отчасти оправдан лишь для проверки оснований для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), но никак не для привлечения лица в качестве обвиняемого. Основанием законного и обоснованного принятия последнего решения служит доказанность обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Нормы п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ прямо указывают на это. Среди них, напомним, и центральный вопрос «предрешенности»: о виновности (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В этой связи суд в ходе проверки должны интересовать не абстрактные признаки преступления (виновность, противоправность, общественная опасность и наказуемость), а признаки состава конкретного (инкриминируемого в обвинении) преступления. Как следствие, система доказательств для этого основания apriori качественно иная, чем для акта возбуждения дела.

2. «Не интересно» для целей проверки следственного утверждения о виновности и итоговое заключение коллегии судей: о наличии/отсутствии в действиях лица признаков преступления (ч. 3 ст. 448 УПК РФ). Для легального привлечения лица (специального субъекта; ст. 447 УПК РФ) в качестве обвиняемого значимо заключение суда о законности и обоснованности именно обвинения (утверждения о виновности), в его юридически значимых признаках, а не «общие» теоретические констатации о доктринальных признаках абстрактного преступления.

3. Наконец, несколько двойственна фактическая основа формирования судейского убеждения в указанных нормах. В одном случае заключение принимается «…на основании представленных в суд (следственных – Н.К.) материалов» (ч. 2 ст. 448 УПК РФ); для нас доказательств. В другом – «…по результатам рассмотрения представления Президента Российской Федерации» (ч. 3 ст. 448 УПК РФ). Разница в фактической основе решения для «процессуалистов», как представляется, очевидна.

Кроме того, анализ судебной практики свидетельствует о том, что судьи в рамках (данной) проверки почитают за благо руководствоваться не столько «…широко представленными им правами», сколько императивными указаниями вышестоящих судов. В том числе: о недопустимости предрешения вопросов о доказанности обвинения; достаточности для этого обвинительных доказательств; возможности их исследования и оценки, вне рамок судебного следствия, реализуемого по правилам гл. 37 УПК РФ;

c. Не согласимся и с явной условностью как формирующихся установок судьи, так и его выводов-предположений о том, что если доказательства «подтвердят» свою допустимость и достоверность в рамках судебного следствия в первой инстанции, то следственное обвинение – точно было (!) обоснованным. Во-первых, как нельзя быть «немного беременной», так нельзя быть «условно виновным». Вопрос о законности и фактической обоснованности обвинения надо решать «здесь и сейчас» (при условии, что закон дает к тому дозволение). Причем решать не на основе ментального созерцания, весьма «ловко» со-

ставленного утверждения-акта, а на известных критериях объективной и всесторонней оценки относимости, допустимости, достоверности и достаточности, представленных в суд фактических данных (ст. 88 УПК РФ) – единственно легальной основы итоговых выводов.

Между тем и по поводу этих критериев необходимой определенности в наличествующих судебных правовых позициях нет изначально:

«…Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы и возражений, судебная коллегия находит заключение законным и обоснованным. Как установлено представленными данными, в помещении законодательного собрания М. применил насилие к О., высказывал в отношении его угрозы. При таких обстоятельствах выводы суда о наличии в действиях М. признаков преступлений являются обоснованными. Коллегия из трех судей при этом **не вправе давать оценку допустимости и достоверности доказательств**, **так как это не входит в ее компетенцию**, установленную уголовно-процессуальным законом» [20];

«…Президиум Верховного Суда РФ находит, что при возбуждении уголовного дела **не были соблюдены процессуальные гарантии, установленные ст. 448 УПК РФ**, в отношении К., являвшегося на момент принятия процессуального решения депутатом Законодательного Собрания. По этой причине вопрос о наличии либо об отсутствии в его действиях признаков преступления **не может быть разрешен на основании материалов, которые представил суду прокурор**» [21].

Нет, мы, конечно, отметаем намеки на некие «двойные стандарты» в оценке судом одних и тех правовых ситуаций. Но практика исследуемой судебной проверки перманентно являет любопытные казусы, когда допустимость и достоверность оценки представленных материалов либо являются императивно необходимым средством вынесения правосудных решений (по итогам проверки), либо категорически отметаются как в принципе несовместимые с сутью и назначением этого вида судебной деятельности. Как следствие, надо итожить!

Позволяют ли нормы действующего УПК РФ действительно, предметно, полно и объективно осуществлять судебную проверку следственных утверждений о виновности? Полагаем, что нет, или надо соглашаться и с условной виновностью (как новым явлением «права»), и с процедурами трансцендентного созерцания судом следственных документов (как основы итоговых выводов), и с фактами выборочного применения права к необходимому случаю. Есть ли реальная необходимость в подобной проверке на досудебном этапе? На наш взгляд, нет, иначе предварительное расследование преобразуется в бесконечный (весьма увлекательный для адвокатов) процесс обжалования и проверки следственных утверждений по каждому пункту, квалифицирующему признаку, эпизоду расследуемых деяний. Естественно, с обязательными «хождениями» в апелляцию, кассацию и обратно. Поэтому, если и надо что-то реально менять в этих вопросах, то это сам момент и процесс акта привлечения к уголовной ответственности (привлечения в качестве обвиняемого). К примеру, реализуя этот акт как функцию и акт исключительно прокурора; как этап утверждения и предъявления обвиняемому государственного обвинения – по факту: публичного иска-притязания обвинительной власти к суду на признание лица виновным и его наказание. Данный порядок в принципе снимает проблему и к оперативной проверке данного акта на досудебном этапе, и «практически нерешаемую» в нашей доктрине проблему предрешенности внутреннего убеждения судей до разрешения дела по существу.

Литература

1. Определение Верховного суда РСФСР по делу гр. Устинова (1973 г.). Уголовный процесс России. М., 2003.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.06.2005 № 72-005-21 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке

Bibliography

1. Determination of the Supreme Court of the RSFSR in the case of gr. Ustinov (1973). The criminal process of Russia: textbook. M., 2003.

2. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2005 № 72-005-21 // LRS «ConsultantPlus».

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.03.1999 № 5-P «In the

конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком"» // Российская газета. № 72. 15 апреля 1999 г.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 384-О «По жалобе гражданина Григорянца Р.А. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 3 и 4 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2005 № 151-О «По жалобе гражданина Воржева А.И. на нарушение его конституционных прав ст. 29 и 165 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Чувилев А., Лобанов А. Судебный контроль за законностью и обоснованностью ареста и продления срока содержания под стражей // Советская юстиция. 1993. № 6.

12. Щерба С., Цоколова О. Исследование доказательств обвинения при проверке

case of checking the constitutionality of the provisions of Art. 133, part 1 of Art. 218 and Art. 220 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens V.K. Borisov, B.A. Kekhman, V.I. Monastyretsky, D.I. Fuflygin and the limited liability company "Monokom"» // Rossiyskaya Gazeta. № 72. April 15, 1999.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 14, 2000 № 1-P on the case of checking the constitutionality of certain provisions of the RSFSR Code of Criminal Procedure, regulating the court's powers to initiate a criminal case, in connection with the complaint of citizen I.P. Smirnova and the request of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000. № 2.

5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.12.2004 № 384-O «On the complaint of citizen RA Grigoryants. for violation of his constitutional rights by the provisions of parts 3 and 4 of Art. 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 2.

6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 24, 2005 № 151-O «On the complaint of citizen Vorzhev A.I. for violation of his constitutional rights Art. 29 and 165 of the Criminal Procedure Code of the RF» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 3.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 05.03.2004 № 1 № On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.02.2009 № 1 «On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 № 5 «On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the RF. 2003. № 12.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.12.2013 № 41 «On the practice of the courts' application of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail» // LRS «ConsultantPlus».

законности и обоснованности ареста // Российская юстиция. 1994. № 12.

13. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 14.03.2006 № 22-786 // Архив Нижегородского областного суда.

14. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 01.09.2006 № 22-2871 // Архив Нижегородского областного суда.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.06.2005 № 72-005-21 // СПС «Гарант».

16. Постановление Президиума Верховного Суда РФ №121п05пр по делу М. / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2005 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10.08.2005) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 12.

17. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 01.09.2006 № 22-2871 // Архив Нижегородского областного суда.

18. Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого // СПС «КонсультантПлюс».

19. Калиновский К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2020. № 5.

20. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.06.2005 № 92-005-8 // Текст определения официально опубликован не был // СПС «Гарант».

21. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.06.2004 № 336п-2004пр. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2006.

11. Chuvilev A., Lobanov A. Judicial control over the legality and validity of arrest and prolongation of detention // Soviet justice. 1993. № 6.

12. Shcherba S., Tsokolova O. Study of the evidence of the prosecution when checking the legality and validity of the arrest // Russian justice. 1994. № 12.

13. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 14.03.2006 № 22–786 // Archive of the Nizhny Novgorod Regional Court.

14. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 01.09.2006 № 22–2871 // Archive of the Nizhny Novgorod Regional Court.

15. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2005 № 72–005-21 // LRS «Garant».

16. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation № 121p05pr on the case of M. / Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2005 (approved by the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the RF of 08/10/2005) // Bulletin of the Supreme Court of the RF. 2005. № 12.

17. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 01.09.2006 № 22-2871 // Archive of the Nizhny Novgorod Regional Court.

18. Smirnov A.V. Appealing to the court of an illegal or unfounded decision to bring a person as an accused // LRS «ConsultantPlus».

19.Kalinovsky K.B. New positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on judicial control over complaints from participants in the process. What to consider for the court and the parties // Criminal Procedure. 2020. № 5.

20. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.06.2005 № 92-005-8 // The text of the ruling was not officially published // LRS «Garant».

21. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 21, 2004 № 336p-2004pr. The practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. M., 2006.

УДК 343.12
ББК 67.410.2

© 2021 г. Иванов Дмитрий Александрович,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации доктор юридических наук, доцент.

Терехов Алексей Юрьевич,
заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе) кандидат юридических наук, доцент.

Уханова Надежда Владимировна,
доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат экономических наук, доцент.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО НАЛОЖЕНИЮ АРЕСТА НА ЦЕННЫЕ БУМАГИ

В статье изложен процессуальный алгоритм действий следователя, придерживаясь которого, он сможет законно и обоснованно применить рассматриваемую меру процессуального принуждения и создать условия для обеспечения возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями.

Ключевые слова и словосочетания: *досудебное производство, следователь, меры процессуального принуждения, наложения ареста на ценные бумаги, возмещение вреда, причиненного преступлением.*

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Professor, the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

Terekhov Alexey Yurievich – Deputy Head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), PhD in Law, Associate Professor.

Ukhanova Nadezhda Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Preliminary Investigation, the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, PhD in Economics, Associate Professor.

FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITY ON THE SEIZURE OF SECURITIES

The article describes the procedural algorithm of the investigator's actions, adhering to which, he will be able to legally and reasonably apply the measure of procedural coercion under consideration and create conditions for ensuring compensation for damage caused by criminal acts.

Keywords: *pre-trial proceedings, investigator, measures of procedural coercion, seizure of securities, compensation for damage caused by a crime.*

Целесообразно обратить внимание на дополнительные понятия, необходимые для целенаправленной деятельности следователя по наложению ареста на ценные бумаги.

Эмитент – это юридическое лицо, исполнительный орган государственной власти, орган местного самоуправления, которые несут от своего имени или от имени публично-правового образования обязательства перед владельцами ценных бумаг по осуществлению прав, закрепленных этими ценными бумагами (ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Эмитент вправе выполнять часть функций реестродержателя, предусмотренных п. 4 ст. 8.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (см. об этом в п. 3.8 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и ч. 1 ст. 8.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Эмиссия ценных бумаг – это выпуск в обращение ценных бумаг государством и иными юридическими лицами (например, акционерными обществами).

Профессиональные участники рынка ценных бумаг – это преимущественно юридические, а также физические лица (индивидуальные предприниматели), которые осуществляют следующие виды деятельности:

1) брокерскую деятельность – купля-продажа ценных бумаг от имени представляемого клиента и за его счет (***брокеры***);

2) дилерскую деятельность – купля-продажа ценных бумаг от своего имени и за собственный счет (***дилеры***);

3) деятельность по управлению ценными бумагами (***управляющие***);

4) депозитарную и регистраторскую деятельность (рассмотрены в пункте 1.1 Методических рекомендаций);

5) организацию торговли на рынке ценных бумаг.

Например, деятельностью по организации торговли ценными бумагами занимается ***фондовая биржа***. Так, многофункциональной биржей является ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» (Московская биржа).

Все перечисленные виды профессиональной деятельности регулируются Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ.

В *целях выявления ценных бумаг*, принадлежащих субъектам, на имущество которых может быть наложен арест, следователь должен провести следующие процессуальные действия:

1. Допросы подозреваемого, обвиняемого, иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (например, родителей), целесообразно и желательно проводить при их желании возместить или компенсировать причиненный преступлением вред. При этом в ходе допросов выясняются следующие обстоятельства:

– имеются ли у допрашиваемого лица какие-либо ценные бумаги (акции, облигации, сберегательные сертификаты, векселя и т. д.) [4, с. 97];

– если да, то каковы вид, количество, номинальная стоимость каждой ценной бумаги;

– имеется ли отдельный сертификат на каждую ценную бумагу или общий сертификат на группу ценных бумаг;

– где хранятся сертификаты документарных ценных бумаг (дома или в банке-депозитарии);

– у какого депозитария (либо реестродержателя) учтены бездокументарные ценные бумаги (при их наличии), когда и на какой срок заключен соответствующий договор с депозитарием (реестродержателем);

– какой доход приносят ценные бумаги – ежемесячный, квартальный, полугодовой либо годовой (такие периоды характерны для купонного дохода по облигациям);

– является ли доход изменяющимся или фиксированным, каков размер дохода.

2. Допросы свидетелей из числа родственников лиц, указанных в предыдущих пунктах, необходимы, если сам подозреваемый (обвиняемый) не изъявляет желания добровольно возмещать причиненный вред. Такому свидетелю можно задавать вопросы, сходные с изложенными в предыдущем пункте.

Если у допрашиваемого свидетеля нет точной информации о наличии у подозреваемого (обвиняемого) ценных бумаг, то целесообразно задавать ему вопросы, косвенно затрагивающие ценные бумаги, например:

– пользуется ли подозреваемый (обвиняемый) услугами какого-либо банка (если да, то какого, лично посещает банк или пользуется его услугами онлайн);

– есть ли у него счета в банке (если да, то какие именно, есть ли брокерские счета, счета депо);

– торгует ли он на фондовой бирже онлайн, делает ли это посредством брокера или форекс-дилера;

– каковы его источники доходов (получает ли дивиденды от акций, доход от облигаций и иных инвестиций) и тому подобные вопросы, смотря по обстоятельствам дела.

3. Обыск по месту жительства, работы, иного места пребывания интересующего лица. Предметом поиска могут быть следующие документы и предметы, свидетельствующие о наличии ценных бумаг:

– сертификаты документарных ценных бумаг;

– различные договоры с коммерческими банками;

– наличие в электронной среде компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, айфона электронных приложений банка-онлайн и в них – информационных сообщений, свидетельствующих от открытии брокерских и иных счетов (например, индивидуального инвестиционного счета – специального брокерского счета со льготным налоговым статусом), посредством которых можно приобретать ценные бумаги (поскольку физические лица не могут от своего лица покупать ценные бумаги, а только через посредника – брокера или форекс-дилера);

– наличие в электронной среде компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, айфона электронных приложений банков, которые позволяют вкладывать денежные средства в различные инвестиции (например, таким приложением является «ВТБ Мои инвестиции») и т. п.

Характеристики указанных предметов поиска (в том числе электронной среды информационно-телекоммуникационных технологий) диктуют необходимость использования помощи специалистов:

– работника коммерческого банка, который может распознать вышеперечисленные

документы и записи, в том числе в электронной среде;

– специалиста в сфере компьютерной информации (см. ст. 164.1 УПК РФ), если планируется изымать электронные носители (либо осуществлять копирование информации с электронных носителей).

Следует добавить, что для обследования в ходе обыска электронной среды компьютеров, ноутбуков, иных средств связи необходимо судебное решение (даже если обыск проводится не в жилище, а, например, в офисе), поскольку в таком случае ограничиваются конституционные права лица на тайну переписки, частной жизни и т. д. (ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации).

4. Поручение органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий, в котором должны быть четко поставлены задачи, например:

– получить информацию о наличии банков на конкретной территории района (города);

– получить информацию о видах деятельности, которой занимаются конкретные банки (брокерская, депозитарная). Поскольку эти виды деятельности подлежат лицензированию, можно сформулировать задание в поручении таким образом: «Установить, лицензиями на какие виды деятельности обладают такие-то банки»;

– получить информацию о видах счетов (текущий, расчетный, брокерский, счет депо и др.), открытых в конкретных банках конкретным физическим или юридическим лицам;

– получить информацию о наличии в собственности конкретных физических или юридических лиц ценных бумаг (перечислить возможные виды ценных бумаг) и т. д.

5. Запросы следователя с согласия руководителя следственного органа, которые направляются только при наличии возбужденного уголовного дела на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ и ч. 4–5 ст. 26 от 02.12.1990 № 395-1ФЗ «О банках и банковской деятельности» и адресуются эмитентам, депозитариям (банкам и иным кредитным организациям), а также реестродержателям и специализированным депозитариям.

В запросах формулируются просьбы сообщить сведения о наличии у интересующих лиц депонированных документарных ценных бумаг и бездокументарных ценных бумаг, находящихся на банковских счетах и во вкладах, а также на хранении в банках [1, с. 47].

6. Выемка у эмитентов, депозитариев, реестродержателей, специализированных депозитариев производится на основании судебного решения (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), а также ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

В ходе выемки можно запрашивать информацию:

– о наличии лицевых счетов, открытых конкретному физическому или юридическому лицу у реестродержателя или специализированного депозитария, а также счетов депо, открытых у депозитария;

– о наименованиях и номерах (кодах) этих счетов (согласно положению Банка России «О порядке открытия и ведения депозитариями счетов депо и иных счетов» от 13.11.2015 № 503-II, при открытии счета депо депозитарий присваивает ему уникальный номер (код)), а также о наименованиях (кодах) разделов счетов, на которых учтены ценные бумаги, не обремененные никакими обязательствами.

Для правильного формулирования как запроса, так и постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве выемки документов, содержащих информацию о счетах в банках и иных кредитных организациях, важно знать, что в рамках одного счета, на котором учитываются ценные бумаги, имеется несколько разделов [4, с. 102]. Так, в рамках счета депо есть основной раздел, а также могут быть разделы, где учитываются: 1) ценные бумаги, блокированные в залог; 2) ценные бумаги, обремененные обязательствами; 3) ценные бумаги, блокированные для клиринга, и другие разделы. Эти разделы могут иметь разные названия и по-разному кодируются (как правило, латинскими буквами) у каждого депозитария.

Арест может быть наложен только на те ценные бумаги, которые не обременены никакими обязательствами, а они находятся на *основном разделе счета депо*. В этом состоит отличие наложения ареста на ценные бумаги от наложения ареста на безналичные денежные средства.

Поэтому в запросе следователя, а также в его постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о производстве выемки документов, содержащих информацию о счетах в банках и иных кредитных организациях, следует конкретизировать просьбу, например, таким образом:

«Прошу предоставить (или обязать такой-то банк предоставить – если выемка) информацию о том, какие ценные бумаги, не обремененные залогом и другими обязательствами, имеются на счетах депо. Прошу указать наименования и номера (коды) счетов

депо, наименования и коды разделов счетов депо, на которых учтены принадлежащие данному лицу ценные бумаги, не обремененные залогом и другими обязательствами, а также стоимость каждой ценной бумаги и их общую сумму».

После наложения ареста ценные бумаги в пределах суммы, установленной судом, переводятся на специальный раздел счета депо, где учитываются ценные бумаги, блокированные по решению судов и правоохранительных органов.

При наложении ареста на ценные бумаги важно соблюдать принцип соразмерности причиненного преступлением вреда и стоимости ценных бумаг, на которые планируется наложить арест [2, с. 159].

Различают следующие виды стоимости ценных бумаг.

Номинальная стоимость обозначается на сертификате документарной ценной бумаги и в проспекте эмиссии ценных бумаг.

Эмиссионная стоимость – это цена ее продажи на первичном рынке ценных бумаг эмитентом.

Учетная стоимость – это стоимость ценной бумаги, отраженная на счетах бухгалтерского учета [3, с. 217], то есть на лицевых счетах реестродержателя, счетах депо депозитария, а для такого вида ценных бумаг, как инвестиционные паи – на лицевых счетах специализированного депозитария.

Исходя из этого, *номинальной стоимостью бездокументарных ценных бумаг* следует считать их *учетную стоимость*, отраженную на лицевых счетах реестродержателя, счетах депо депозитария, лицевых счетах специализированного депозитария.

Рыночная стоимость – это наиболее вероятная цена, по которой объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на ценные бумаги (например, на акции) может быть указано две стоимости: номинальная и рыночная (последняя может иметь значение для разрешения вопроса о гражданском иске на судебных стадиях и при исполнении приговора).

Оценку ценных бумаг по рыночной стоимости могут производить брокеры (банки).

Технически несложным способом оценки по рыночной стоимости ценной бумаги (акции, облигации) является приобщение к материалам уголовного дела распечатки информации («скриншота») о стоимости соответствующей ценной бумаги на Московской бирже на текущую дату (если данные бумаги обращаются на бирже), взятой с официального сайта ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» или другого сайта, на котором имеется информация Московской биржи (например, указанная информация о фондовом рынке имеется на сайте «Investfunds»).

При анкетировании следователей установлено, что аналогичный способ оценки имущества применяется на практике: к материалам уголовного дела приобщается мотивированный рапорт ОЭБ о стоимости имущества с приложением распечатки интернет-сайтов.

Однако по отношению к ценным бумагам такой способ оценки в настоящее время неприменим ввиду того, что информация о них, имеющаяся на сайте ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС», относится к биржевой информации, обладателем которой является вышеуказанное юридическое лицо, имеющее право разрешать или ограничивать доступ к своей информации (п. 3 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Для предоставления этой информации третьим лицам пользователь должен заключить соответствующий договор с ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС».

По этой причине получение информации о средней рыночной стоимости ценных бумаг на сайте Московской биржи возможно следующими способами:

– путем направления конкретным следователем соответствующего запроса (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) в ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС»;

– при посредничестве брокера (банка), опять же путем направления запроса (на этот раз – брокеру) и получения документа, который может расцениваться как заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ);

– путем заключения Следственным департаментом МВД России и ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» соглашения, которым будет предусмотрена возможность получения следователями «скриншотов» с официального сайта ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» (и других сайтов, где есть принадлежащая Московской бирже информация), с указанием средней рыночной стоимости

ценных бумаг для приобщения к материалам доследственных проверок и уголовных дел.

Но пока такого соглашения нет, можно ограничиться указанием в процессуальных документах номинальной стоимости ценных бумаг (принимая во внимание длительность получения информации по направляемым запросам относительно рыночной стоимости).

При наложении ареста на бездокументарные ценные бумаги соответствующее решение суда должно направляться по месту их учета: эмитенту (если он ведет реестр выпущенных им ценных бумаг), реестродержателю, депозитарию, специализированному депозитарию. Адресаты определяются в зависимости от следующих условий:

– вид ценных бумаг. Так, инвестиционные паи учитываются на лицевых счетах, открытых у специализированного депозитария или у реестродержателя;

– виды субъекта, который ведет реестр бездокументарных ценных бумаг – эмитент или реестродержатель;

– было ли произведено депонирование ценных бумаг (в этом случае они учитываются на счетах депо, открытых у депозитария, которому и следует направлять решение суда, потому что у реестродержателя эти ценные бумаги учтены на номинальном счете депозитария, а на ценные бумаги на номинальных счетах арест не накладывается);

– необходимость наложения запрета на пользование доходами от ценных бумаг: в этом случае решение суда следует направлять эмитенту (как лицу, которое эти доходы направляет) и реестродержателю либо депозитарию (в зависимости от того, являются ли ценные бумаги депонированными или учитываются в реестре без депонирования).

Документарные ценные бумаги могут храниться по месту жительства их владельца (то есть быть у него на руках), а также в банке-депозитарии. Но даже если документарные ценные бумаги (а точнее, их сертификаты) находятся у владельца, то решение суда об их аресте все равно необходимо направлять и реестродержателю, чтобы последний не исполнял требований владельца ценных бумаг об их отчуждении, передаче в залог и т. д.

Кроме того, если арест налагается на ценные бумаги, учтенные на счетах депо депозитария, у которого отозвана лицензия, то техническую сторону наложения ареста на ценные бумаги (блокирование) может осуществить головной депозитарий, у которого есть доступ к счетам всех субдепозитариев (то есть подчиненных ему депозитариев). Поэтому в таких случаях решение суда нужно направлять ему.

В заключение следует отметить, что при наложении ареста на документарные ценные бумаги следователь должен составлять протокол наложения ареста на ценные бумаги, а при наложении ареста на бездокументарные ценные бумаги – протокол наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях.

Литература

1. Иванов Д.А. Взаимодействие органов предварительного расследования с органами дознания в ходе реализации мероприятий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2015.

2. Иванов Д.А. Сущность наложения ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2.

3. Усатова Л.В., Сероштан М.С., Арская Е.В. Бухгалтерский учет в коммерческих банках. М., 2014.

4. Уханова Н.В. Некоторые особенности наложения органами расследования ареста на ценные бумаги // Эпоха науки. 2017. № 11.

Bibliography

1. Ivanov D.A. Interaction of preliminary intervention with the help of inquiry in the implementation of measures aimed at displacement of harm by crime // Humanities in the context of modern sociocultural transformation. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. 2015.

2. Ivanov D.A. The essence of the seizure of property as a measure of criminal procedural coercion // Judicial power and criminal procedure. 2016. № 2.

3. Usatova L.V., Seroshtan M.S., Arskaya E.V. Accounting in commercial banks: a tutorial. M., 2014.

4. Ukhanova N.V. Some features of imposing the arrest investigation on securities // Epocha. 2017. № 11.

УДК 343.131
ББК 67.410.2

© 2021 г. Хайдаров Альберт Анварович,
профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент.

ЦЕЛЬ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается цель судебного следствия. Проведенное исследование различных воззрений ученых привело к выводу, что для определения понятия цели судебного следствия необходимо понимание цели всего уголовного судопроизводства, его участников и процедур.

Ключевые слова: *истина, цель судебного следствия, внутреннее убеждение, правосудие, воспитательно-профилактическое воздействие.*

Khaydarov Albert Anvarovich – Professor, the Department of Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Participation, the Prosecutor in Criminal Proceedings, the Kazan Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

PURPOSE OF JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the purpose of the judicial investigation. The study of various views of scientists has led to the conclusion that in order to define the concept of the purpose of the judicial investigation, it is necessary to understand the purpose of all criminal proceedings, its participants and procedures.

Keywords: *truth, purpose of the judicial investigation, inner conviction, justice, educational and preventive influence.*

Судебное следствие как феномен изучения, с позиций философского обоснования его содержания и формы, не может быть исследовано без анализа такой категории, как «цель».

Опираясь на мнения исследователей, специально занимающихся данной проблемой, можно выделить в определении цели две составляющие, которые тесно между собой взаимосвязаны, но находятся в разных плоскостях уяснения ее сущности.

Первая плоскость базируется на субъективной составляющей цели и зависит от личности участника процесса. Она определяет динамику и качественное своеобразие состояний личности, формирует действия, направленные на ее достижение, организовывая их в единую последовательность [4, с. 5].

Другую плоскость цели условно можно назвать объективной, т. к. она не зависит от личностного отношения к происходящему событию (в данном случае к судебному следствию), а определяется нормами закона.

Еще Аристотель, изучая категорию «цель», выдвинул концепцию, в соответствии с которой в роли цели каждого объективного процесса выступает форма. Он писал: «В растениях полезные им части возникают ввиду определенной цели, например, листья – ради защиты плода…» [3, с. 45].

Аристотель поддержал идеи Платона и Сократа о том, что существуют два различных вида цели: актуальная цель, т. е. цель деятельности человека, и потенциальная цель – стремление.

Цель, согласно его учению, тесно связана с энтелехией (от греч. *entelecheia* завершение, осуществленность), которая как форма представлена веществом, активным началом, превращающим возможность актуальной деятельности в действительность, а затем приводит к завершению.

Теология как философское течение того времени не рассматривала человеческую деятельность как деятельность по реализации поставленных самим же человеком задач, и достижение целей не ставила в зависимость от результата многофункциональности человека. Такие христианские богословы, как Фома Аквинский, Августин и другие, стояли на позициях аксиологизма, антропоцентризма и считали, что целесообразностью руководствуется только природа, исходя из ее сознательных целей, а человек к ней никакого отношения не имеет [5, с. 12].

Иное видение в отношении целесообразности человеческой деятельности высказывал И. Кант. Он считал, что природа и целесообразность не могут рассматриваться как пар-

ные категории. «Вещью в себе» он называл человеческую волю, которая «обладает абсолютной свободой в смысле возможности действовать без всяких причин и даже вопреки им, но в соответствии с высшими нравственными целями и идеалами» [11, с. 64].

Такое одностороннее понимание цели и целеполагания тормозило развитие философской науки. Своеобразный прорыв в научном понимании этих категорий сделал К. Маркс. В своей работе «О “механическом” понимании природы» он охарактеризовал цель как «творческую форму отражения бытия, обусловленную материальными и практическими потребностями человека и связанную с достижением состояния творческого разнообразия» [17, с. 569]. По его мнению, цель формируется на основе реальных условий бытия и любой акт, который направлен на достижение определенной цели, хотя и является субъективным, все же детерминируется объективной действительностью, т. к. он возникает и развивается как закономерное следствие уровня жизни общества и его свобод. Цель есть активный творческий процесс, а не созерцание человеком окружающей действительности.

Современное понимание цели в рассматриваемой плоскости нашло отражение в различных философских словарях. К примеру, «цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс» [24, с. 659]. Считается, что цель характеризует сознательную деятельность человека, которая направлена на реализацию запланированного результата.

В связи с этим цель определяет некую последовательность действий, которая при правильном планировании может стать деятельной системой.

Отмечается, что осмысленная человеческая деятельность всегда имеет конечную цель и предопределяет средства ее достижения. Психологическая наука часто оперирует таким понятием, как поведение личности, которое направлено на достижение поставленной им цели. Считается, что рефлексивные действия, приводящие к какой-либо цели, не являются ее воплощением. При этом цель представляет собой внутреннее состояние организма, связанное с мышлением, которое не зависит от внешних условий.

В психологии встречаются исследования, в которых синонимом цели используется термин «намерение» [20, с. 458–459]. Тогда нет четкого различия между фактической, объективной целью и некоторым внутренним, субъективным мотивационным состоянием.

Намерение не имеет четкого социального компонента поведения личности и, как считает Л.С. Выготский, при постановке цели необходимо использовать унаследованный человечеством опыт. Он писал: «Вся наша жизнь, труд, поведение основаны на широчайшем использовании опыта прежних поколений, опыта, передаваемого через рождение от отца к сыну. Условно обозначим его как исторический опыт».

С.Л. Рубинштейн выделял деятельный подход к пониманию целей и считал, что «формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется» [22, с. 21].

Соглашаясь с С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьев представлял деятельность личности по достижению целей как некую систему, имеющую «свое строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [15, с. 82]. Деятельность – это процесс, который подчинен сознательной цели.

Делая выводы о сущности субъективной цели любой деятельности, можно сказать, что она представляет собой определенную совокупность осознания потребности, которая побуждает человека к необходимому в данной ситуации действию, ведущему к ее реализации. Она объединяет в себе ситуации и события из числа возможных в будущем, которые наиболее близко соприкасаются с представлениями о желаемом будущем предметов или сущности, находятся в оптимальном соответствии с назревшими потребностями. Цель человека опирается на его социальный опыт и универсалии культуры общества, в котором он социализирован и выполняет свои социальные роли [5, с. 54–55.].

Таким образом, философское и психологическое понимание цели в плоскости субъективного выражается разными подходами к данному понятию. В философии – цель характеризует сознательную деятельность; в психологии – осознанность цели есть конечный результат деятельности.

Цели деятельности участников судебного следствия в полной мере отвечают личностному аспекту цели каждого из них и зависят

от роли, закрепленной в уголовно-процессуальном законе.

Нужно отметить, что чисто субъективная цель правового значения не имеет, но может оказывать влияние на правовые позиции участников судебного следствия и принятие решений по уголовному делу.

Тем не менее у ряда участников судебного следствия субъективные и объективные плоскости цели могут совпадать. Например, у государственного обвинителя его личностное отношение к цели участия в конкретном судебном разбирательстве, в частности, в судебном следствии, может не совпадать с его предназначением как участника со стороны обвинения.

Говоря об объективной плоскости цели судебного следствия, необходимо учитывать, что она в любом случае исходит из цели уголовного судопроизводства. Без постановки правильной цели уголовного процесса будут искажены цели его институтов и производств.

Такая цель должна быть определена законом, но УПК РФ содержит только понятие назначения уголовного судопроизводства. Поэтому на разных этапах развития науки уголовного процесса цель определялась ведущими учеными по-разному. В исследованиях выделяются три цели уголовного судопроизводства: 1) достижение истины по делу (К.К. Арсеньев, Л.Е. Владимиров, М.В. Духовский, А. Квачевский, И.Г. Щегловитов, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий, Г.С. Фельдштейн); 2) раскрытие преступления, установление виновного лица и применение к нему справедливого наказания (М.С. Строгович, Н.Н. Полянский); 3) разрешение правового спора или конфликта (П.И. Люблинский, Н.Н. Розин, Г.С. Фельдштейн, А.М. Кулишер, И.Б. Михайловская, Я.А. Шараева).

Современные взгляды на истину как цель всего уголовного процесса выражаются в различных воззрениях. К примеру, А.В. Агутин считает истину ведущим компонентом целеполагания и выделяет «истину-правду», которая всегда должна присутствовать при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела, иначе «весьма проблематично вести речь и об уголовно-процессуальной деятельности, способной обеспечить законность, обоснованность и справедливость приговора» [2, с. 51]. На наш взгляд, при таком подходе, если существует «истина-правда», то должна существовать «истина-ложь», что логически не согласовывается с общим понятием истины как знаниям, соответствующим действительности.

Отрицание достижения истины как цели уголовного процесса обосновывается В.А. Лазаревой. Она считает, что необходимо к характеру «достигнутого в уголовном процессе применять термин «доказанность» [14, с. 40]. С одной стороны, можно было бы согласиться с таким утверждением, поскольку все следственные и процессуальные действия направлены, в первую очередь, на собирание доказательств по уголовному делу.

В то же время настораживает термин о доказанности как цели судопроизводства. В нем нет стремления отразить действительность (реальность) события преступления, имевшего место в прошлом.

Не вызывает сомнения, что уголовный процесс основывается на процессе доказывания, однако нельзя эту деятельность сводить к механическому сбору доказательств, отрываясь от сущности познаваемого события и его достоверности.

Классическое понимание цели уголовного судопроизводства выражено в воззрениях В.Т. Томина, который в качестве такой цели предлагал считать «изобличение лиц, виновных в совершении преступления, применение к ним справедливого наказания или иных мер государственного или государственно-общественного воздействия» [26, с. 19], а также связывал с ней цель наказания.

Критикуя данную позицию, И.Е. Адаменко считает, что она не до конца отражает те обстоятельства, которые должны обеспечивать защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления [1, с. 87].

Если совместить два указанных понимания цели уголовного судопроизводства, то получим его назначение, чего быть не может, т. к. это разные дефиниции, отражающие смысловое содержание уголовного процесса.

В теории уголовного процесса рассматривались две теории целевых задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Первая из них обосновывала приоритет социальной ценности соблюдения «должной правовой процедуры», приоритетности прав и свобод человека [18, с. 9].

Вторая предусматривала, что «приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы выступают ограничителем

средств и способов раскрытия преступления и осуждения лица, виновного в его совершении» [18, с. 9–10].

И.Л. Петрухин также считал, что идею борьбы с преступностью нельзя рассматривать в качестве цели уголовного процесса. По его мнению, «главным показателем направленности судебной политики в конечном итоге является повышение (либо снижение) уровня защищенности прав и свобод личности» [25, с.81–84].

Доля истины в предложенных концепциях усматривается в том, что для уголовного судопроизводства важны как соблюдение уголовно-процессуальной формы (должной правовой процедуры), так и защита прав и свобод участников процесса. Определять первенство с таких позиций, на наш взгляд, было бы некорректно, поскольку каждое из данных правовых явлений имеет собственную ценность и значение. Кроме того, много «направлений» деятельности в сфере уголовного судопроизводства может остаться нереализованным, что приведет к снижению эффективности процесса.

Например, Е.А. Доля пишет: «абсолютизация значения уголовно-процессуальной формы, признание ее верховенства над содержанием уголовно-процессуальной деятельности ведут к нарушению меры, в пределах которой только и может сохраняться присущая ей качественная определенность» [8].

Понимание цели нельзя также ставить и в зависимости только от деятельности участников стороны защиты либо стороны обвинения. Цель – более глобальное понятие, которое определяется различными компонентами, включая парадигму уголовного судопроизводства, уголовную политику государства на современном этапе развития общества и др. Эти компоненты разные по содержанию, но каждый из них должен выполнить свою миссию в обеспечении конечного результата – постановки цели уголовного судопроизводства.

Такая конструкция цели уголовного процесса подкрепляется философским обоснованием наличия целого. Устоявшаяся закономерность взаимосвязи общего, особенного и единичного обязывает любого исследователя учитывать ее при определении сущности вещей и явлений действительности, включая правовые категории.

Уголовный процесс представляет собой систему досудебных и судебных производств, каждая из которых характеризуется как общими, так и частными целями, присущими только конкретному производству по уголовному делу.

Не является исключением и судебное разбирательство как часть уголовного судопроизводства.

При такой постановке вопроса за единичное в этой цепи можно признать цель судебного следствия, особенное – цель судебного разбирательства.

В работах по философии встречается мнение о важности интерпретирования категории особенного в логике именно диалектического противоречия, где она выступает как опосредствование между единичным и всеобщим, позволяющим постичь само всеобщее как особенное. Поскольку всеобщее не существует в чистом виде, оно существует как способ самореализации посредством преобразования общего в единичное [9, с. 14].

Поэтому, постигая цель судебного следствия, мы приближаемся к постижению общего – цели уголовного процесса.

В то же время, особенное – цель судебного разбирательства – также служит для определения как единичного, так и общего.

К примеру, такая цель, как достижение правосудия. В.И. Даль считает, что правосудие есть правовой суд, решение по закону совести и правды [7, с. 380].

Такая цель судебного разбирательства достигается только при условии, что она поставлена в качестве цели и в судебном следствии, а по большому счету и как одна из целей уголовного процесса.

В роли цели уголовного процесса правосудие признается не всеми учеными-процессуалистами. А.А. Камардина выделяет понятие правосудия исключительно в уголовном судопроизводстве, понимая под ним деятельность государственного органа в лице суда по рассмотрению уголовных дел по существу, назначению наказания, а также по рассмотрению и разрешению споров, которые связаны с исполнением приговоров [10, с. 14–17]. Представляется более верным мнение Е.А. Рюминой, которая считает, что под правосудием необходимо понимать форму «государственной деятельности суда и субъектов, способствующих правосудию (органы предварительного следствия; органы дознания; органы прокурорского надзора и контроля; органы исполнения приговоров и решений суда), осуществляемая

на законодательных началах по определению справедливости в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве, результатом которой является принятие решений, обеспеченных государственным принуждением [23].

При этом нужно отметить, что само по себе правосудие может выступать в уголовном процессе и в качестве задачи судопроизводства, и в качестве цели как конечного результата процесса. Поэтому говорить о правосудии как о цели можно, только давая ему характеристику, например – законное и справедливое.

П.С. Элькинд, исследовав виды целей в уголовном процессе, различала цели перспективные и ближайшие; цели всего уголовного процесса и отдельных стадий; цели всей уголовно-процессуальной деятельности и цели функциональные [28, с. 57–58]. Соглашаясь с такой точкой зрения и развивая данное положение, можно сделать вывод, что цель судебного следствия также не может быть определена односторонне. Она включает в себя ряд компонентов, которые можно представить в виде отдельных элементов – целей, отражающих специфику деятельности участников судебного разбирательства, и особенности производства данного этапа судебного разбирательства.

Среди таких целей можно выделить следующие: правосудие; установление всех обстоятельств совершенного деяния; защита прав и законных интересов участников судебного следствия; формирование внутреннего убеждения суда, государственного обвинителя по оценке доказательств; воспитательно-профилактическое воздействие на участников судебного процесса и лиц, присутствующих в зале суда.

Правосудие как элемент общей цели судебного следствия заключается в соблюдении судом и государственным обвинителем Конституции РФ и всех положений уголовно-процессуального законодательства в отношении участников процесса, поскольку они направлены на вынесение судом законного и справедливого приговора.

Если исходить из порядка судебного следствия, то все решения суда (определения, постановления), выносимые во время судебного заседания, должны отвечать требованиям правосудия и быть основаны на законе.

Таким образом, правосудие на этапе судебного следствия носит усеченный характер и реализовывается в части деятельности органов государства и суда по обеспечению правосудного решения в последующем.

Установление всех обстоятельств совершенного деяния является важной составляющей общей цели судебного следствия. Без достижения этой цели решение суда может быть отменено в последующих стадиях судопроизводства.

Формирование внутреннего убеждения суда, государственного обвинителя по оценке доказательств, являясь одной из целей судебного следствия, имеет немаловажное значение для принятия законного и обоснованного решения судом.

Статья 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств» содержит положение, в соответствии с которым внутреннее убеждение судьи, как и других субъектов доказывания, основывается на совокупности всех имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

В наиболее общем виде под внутренним убеждением в свое время понималось «свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины» [19, с. 139]. Г.М. Резник, выступая с критикой приведенной позиции, указывал, что необходимо при раскрытии понятия внутреннего убеждения исходить из его специфического содержания, сочетания исторического и логического толкования уголовно-процессуального закона для более четкого и конкретного определения понятия внутреннего убеждения [21, с. 17–18].

Ю.М. Грошевой предлагал заменить содержащуюся в законе формулировку «внутреннее убеждение» на «личностное убеждение», как наиболее верно характеризующую явление формирования убежденности и выделял подвид «личностного убеждения» – «судейское убеждение». Под судейским убеждением он понимал такое состояние сознания судьи, когда он считает собранные по делу доказательства достаточными для решения вопроса о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания, уверен в правильности своего вывода и готов к практическим действиям в соответствии с полученными знаниями [6, с. 17, 19]. Критика такой позиции заключалась в том, что данная проблематика носит в большей степени терминологический характер и не имеет ценности для практики.

На наш взгляд, позиция Ю.М. Грошевого заслуживает внимания, поскольку внутреннее убеждение – это личностный процесс, характерный для властных субъектов уголовного процесса (дознавателя, следователя, прокурора, судьи) при принятии того или иного процессуального решения. Судейское убеждение по процессу формирования объективированным результатам его проявления в значительной степени отличается от внутреннего убеждения дознавателя, следователя или прокурора.

Внутреннее убеждение как категория находится во взаимосвязи с доказательствами, служит подведению итогов доказательственного исследовательского процесса. Но оно формируется не только на основе совокупности доказательств.

Внутреннее убеждение складывается по результатам рассмотрения всего судебного дела, как в устном и визуальном непосредственном восприятии, так и в его фиксированном документальном образе.

«Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению стопроцентной гарантии от заблуждений не даст, – замечает Ю.В. Кореневский, но это лучший из известных человечеству способов» [12, с. 57].

Не все ученые признают деятельность суда по воспитательно-профилактическому воздействию на участников судебного процесса и лиц, присутствующих в зале суда, актуальной. К примеру, ряд из них считает, что суд, являясь органом правосудия, не должен выполнять несвойственную ему работу и не смешивать профилактическое воздействие и судопроизводство [13, с. 175].

Мы не согласимся с такой точкой зрения, поэтому следует сказать, что для постановки этой цели есть основания, содержащиеся в законодательстве. Так, ч. 2 ст. 73 УПК РФ говорит о необходимости выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В процессе судебного следствия суд выявляет такие обстоятельства. При этом закон наделяет суд полномочием вынести частное определение или постановление, в котором будет обращено внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

Воспитательно-профилактическим воздействием суда нужно считать и меры воздействия, которые суд вправе применить за нарушение порядка в судебном заседании.

Для того, чтобы наказание, применяемое судом, отвечало требованиям закона, оно, кроме цели восстановления социальной справедливости, должно иметь цель предупреждения совершения лицом новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Достижение таких целей возможно только в том случае, если они стоят перед судом на протяжении всего судебного заседания, включая судебное следствие.

Указанное выше позволяет сделать вывод, что воспитательно-профилактическое воздействие на участников судебного процесса и лиц, присутствующих в зале суда, как цель судебного следствия – необходимый компонент, отражающий специфику деятельности суда как органа правосудия.

Нужно согласиться с С.Н. Шатиловичем в этом: «при должной организации работы суда оказывается большое правовое и нравственное воздействие на участников судебного процесса и иных граждан, присутствующих при судебном разбирательстве (в зале суда)» [27].

Помимо законодательного обоснования рассматриваемой цели можно отметить и ее нравственную и психологическую составляющие. Известные ученые в области юридической психологии (В.Л. Васильев, А.В. Дулов, А.Р. Ратинов) разрабатывали методы эффективного воздействия на подсудимого со стороны суда и отмечали среди них следующие важные средства, которые может использовать суд для достижения воспитательно-профилактической цели. К их числу они относили: «а) положительные черты личности подсудимого; б) отдельные факты из жизни подсудимого, имевших для него важное значение; в) опровержение расчета подсудимого на безнаказанность; г) опровержение ошибочных представлений подсудимого о причинах, приведших его к уголовной ответственности; д) убеждение подсудимого в том, что чистосердечное раскаяние в совершенном преступлении на основании закона будет учтено судом как смягчающее вину обстоятельство; е) привлечение к рассмотрению дела лиц, являющихся авторитетом для подсудимого и способных оказать на него положительное влияние (родственников, знакомых, руководителей предприятий, учреждений, где учился или работал подсудимый и т. д.); ж) общественное мнение» [29].

Общей целью уголовного судопроизводства, считаем, является достижение объективной истины. В свое время П.А. Лупинская писала: «установить истину в уголовном процессе означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу в соответствии с тем, как они имели место в действительности» [16, с. 129].

Судебное следствие вносит свой вклад в достижение цели всего уголовного процесса – познание истинности события преступления. Имея целью установление обстоятельств совершенного деяния, участники судебного разбирательства формируют внутреннее убеждение в отношении полученных доказательств по уголовному делу, чтобы принять решение о виновности (невиновности) подсудимого.

Литература

1. Адаменко И.Е. К вопросу о методологических основаниях цели уголовно-процессуальной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19.

2. Агутин А.В. Истина как системообразующий компонент целеполагания и мотивации уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.

3. Аристотель. Физика. М., 1937.

4. Орел В.Е. Изучение процесса формирования цели и ее влияние на способы и результаты деятельности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 1984.

5. Гавеля В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: дис. … д-ра философ. наук. М., 1998.

6. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1998.

8. Доля Е.А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности. М., 2009.

9. Иванов С.Ю. Категория особенного как диалектическая связь категорий всеобщего и единичного // Вестник ОГУ. 2010. № 1.

10. Камардина А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3.

11. Кант И. Критика способности суждения. СПб., 1898.

12. Кореневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе. М., 2000.

13. Криминология. М., 2004.

14. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2003.

15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

16. Лупинская П.А. Уголовный процесс. М., 1995.

Bibliography

1. Adamenko I.E. On the question of the methodological foundations of the goal of criminal procedural activity // Theory and practice of social development. 2015. № 19.

2. Agutin A.V. Truth as a system-forming component of goal-setting and motivation of criminal procedural activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 7.

3. Aristotle. Physics. M., 1937.

4. Orel V.E. Study of the process of forming a goal and its influence on the methods and results of activity: author. dis. ... d-r of Pilosophy. Yaroslavl, 1984.

5. Havel V.L. Goal-setting in the structure of human social activity: dis. ... . M., 1998.

6. Groshevoy Yu.M. Problems of the formation of judicial conviction in criminal proceedings. Kharkov, 1975.

7. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. T. 3. M., 1998.

8. Dolya E.A. Criminal procedural form and content of criminal procedural activity.

9. Ivanov S.Yu. The category of the special as a dialectical connection between the categories of the universal and the individual // Vestnik OSU. 2010. № 1.

10. Kamardina A.A. About the concept and essence of justice in criminal proceedings // Bulletin of the Orenburg State University. 2014. № 3.

11. Kant I. Critique of the ability to judge. SPb., 1898.

12. Korenevsky Yu.V. Proofing in criminal proceedings. M., 2000.

13. Criminology. M., 2004.

14. Lazareva V.A. Proofing in the criminal process: textbook-practical. allowance. M., 2003.

15. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M., 1977.

16. Lupinskaya P.A. Criminal process. M., 1995.

17. Marx K. and Engels F. Soch. T. 20. L., 1961.

18. Mikhailovskaya I.B. Handbook of a judge on proof in criminal proceedings. M., 2006.

17. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. Л., 1961.

18. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.

19. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

20. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. М., 2000.

21. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств: монография. М., 1977.

22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

23. Рюмина Е. А. Понятие правосудия // Молодой ученый. № 3.

24. Словарь философских терминов. М., 2010.

25. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.

26. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.

27. Шатилович С.Н. Профилактическое значение процессуальных и непроцессуальных форм деятельности суда по предупреждению преступлений.

28. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

29. URL: http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/legal-psychology/index.htm.

19. Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators. M., 1967.

20. Reber A. Big explanatory psychological dictionary: in 2 volumes. M., 2000.

21. Reznik G.M. Inner conviction in the assessment of evidence: a monograph. M., 1977.

22. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb., 2000.

23. Ryumina E.A. The concept of justice // Young scientist. № 3.

24. Dictionary of philosophical terms. M., 2010.

25. Judicial power / ed. I.L. Petrukhin. M., 2003.

26. Tomin V.T. Criminal Procedure: Actual Problems of Theory and Practice. M., 2009.

27. Shatilovich S.N. Preventive value of procedural and non-procedural forms of the activity of the court for the prevention of crimes.

28. Elkind P.S. Objectives and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law. L., 1976.

29. URL: http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/legal-psychology/index.htm.

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985
ББК 67.52

© 2021 г. Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент.
E-mail: nio-va@rambler.ru

Котельников Борис Владимирович,
заместитель начальника кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: va-ocd@yandex.ru

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается возможность введения дополнительной непроцессуальной формы использования специальных знаний – предварительного исследования места происшествия, как комплексного экспертного исследования, результаты которого оформляются специалистом в виде отдельного документа.

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, моделирование, экспертное исследование, специальные знания.*

Dronova Olga Borisovna – Professor, the Department of Criminalistics Techniques, Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Associate Professor.

Kotelnikov Boris Vladimirovich – Deputy Head of the Department of Criminalistics Techniques, Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE SCENE OF THE ACCIDENT AS AN OBJECT OF EXPERT RESEARCH

The article considers the possibility of introducing an additional non-procedural form of using special knowledge – a preliminary investigation of the scene of an accident as a comprehensive expert study, the results of which are drawn up by a specialist in the form of a separate document.

Keywords: *accident scene inspection, modeling, expert research, special knowledge.*

Структурно-содержательной сущностью расследования преступлений предусмотрено организационное взаимодействие самостоятельных субъектов, осуществляющих следственные, оперативно-розыскные, судебно-экспертные и иные виды деятельности, реализовывающих согласованные проверочно-поисковые, информационно-познавательные, поисково-удостоверительные и оценочно-исследовательские мероприятия в процессе индивидуальной или совместной работы. При этом интегрируются возможности информационных, интеллектуальных и технических ресурсов, находящиеся в распоряжении неподчиненных друг другу подразделений, в целях реализации ключевых целей противодействия преступности.

При этом традиционно деятельность экспертно-криминалистических подразделений МВД России (далее – ЭКП) рассматривают в качестве обеспечительного сопровождения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий посредством применения соответствующих технических средств и специальных знаний в соответствии с заданиями инициаторов, а также осуществления судебно-экспертной деятельности. Данный подход существенно сужает сферу реализации сотрудником ЭКП своих функциональных возможностей, в том числе в процессе

участия в качестве специалиста в ходе осмотра места происшествия, в рамках которого практикуется преимущественно поисковая деятельность материально-фиксированной информации. Между тем специализация сотрудников криминалистических и специальных отделов ЭКП, имеющих допуск самостоятельного участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, позволяет говорить о возможности соотнесения комплекса разноплановых видов деятельности (консультационной, поисковой, справочной, исследовательской, учетно-регистрационной и т. д.) с осуществлением экспертных исследований, реализуемых в полевых условиях.

Современные тенденции развития судебно-экспертной деятельности направлены на обособление данной сферы экспертно-криминалистической деятельности (далее – ЭКД) с формированием самостоятельной науки судебной экспертологии. При этом, развивая существующие и новые виды судебных экспертиз, производимых в рамках расследования уголовных дел, рассмотрения административных, гражданских, арбитражных и иных производств, вне поля зрения остаются вопросы технико-криминалистического обеспечения получения первичной фактографической информации, формирующейся в ходе первоначальных мероприятий выявления и расследования преступлений. Между тем ситуационный анализ, производимый в условиях обстановки совершения преступлений позволяет установить обстоятельства совершения противоправного деяния, определить последовательность, механизм выполнения отдельных операций, конкретизировать временные, субъектные и иные информационные сведения в целях моделирования хода подготовки, совершения и сокрытия следов преступления.

Сопоставляя алгоритм производства экспертного исследования и общую структуру получаемого заключения, можно найти точки соприкосновения с тактическими особенностями деятельности специалиста в процессе общего и детального изучения обстановки места происшествия с последующей фиксацией полученных данных. При этом, по аналогии с процессом осуществления экспертного исследования, предусматривающего осмотр объектов, раздельное исследование, получение необходимых образцов, сравнение с сопоставимыми объектами и формирование выводов в ходе производства осмотра места происшествия выделяется комплекс фактографической информации, оценивается ее принадлежность к противоправному событию, пригодность для последующего получения оперативной и криминалистически значимой информации, осуществляется ее дистанционное сопоставление с учетно-регистрационными сведениями, справочно-вспомогательными фондами, аналитическими данными, характеризующими ключевые элементы криминалистической характеристики преступления, воссоздается ход совершения преступления в целом, объясняется специфика механизма следообразования отдельных следовых групп и на основании полученных данных производится моделирование хода совершения преступления, формулирование конкретных версий произошедшего противоправного деяния, осуществляется систематизация сведений о лицах, причастных к их совершению, используемых ими средствах и т. д.

Основываясь на том, что судебное исследование в самом общем смысле подразумевает юрисдикционную деятельность компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений [1, с. 23], полагаем возможным считать практическую деятельность специалиста в ходе осмотра места происшествия как вид экспертного исследования. Следует изначально отметить, что целью данной статьи является рассмотрение вопросов приравнивания деятельности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, реализуемых в условиях осмотра места происшествия, с экспертными исследованиями не в процессуальном, а в процедурном аспекте с выделением организационных, методических и дидактических особенностей осуществления единой системы экспертно-криминалистической деятельности.

Участие специалиста в следственном действии традиционно рассматривается в качестве процессуальной формы использования специальных знаний наряду с производством экспертизы. Требования, предъявляемые к субъекту применения специальных знаний, предусматривают необходимость наличия у него высшего профильного образования в конкретной сфере деятельности, допуска на право самостоятельного участия в следственных действиях, полученного в установленном порядке, осуществления профессиональной деятельности в должности сотрудника

экспертно-криминалистического подразделения и реализации своих функциональных обязанностей в соответствии с поручениями руководителя структурного подразделения. При этом деятельность специалиста при осмотре места происшествия достаточно четко регламентирована требованиями применения стандартизированных, апробированных, проверенных средств метрологических измерений, инструментального анализа, технических средств и расходных материалов, централизованно поступивших на вооружение ЭКП и входящих в Табель положенности соответствующего структурного подразделения, а также обусловлена предписаниями методических рекомендаций по применению специальных знаний в конкретных условиях проведения следственного действия. Находясь в достаточно жестких регламентированных методических рамках, специалист должен выполнить задачи, поставленные инициаторами ЭКД, основываясь на внутреннем убеждении рациональности и обоснованности выбора необходимых методов и средств, применяемых для разрешения поставленных вопросов и получения требуемых криминалистически значимых данных.

Следует отметить, что у инициатора привлечения специалиста (эксперта) в рассматриваемых процессуальных формах использования специальных знаний есть право обоснованно ходатайствовать о назначении конкретного исполнителя его задания, которое в установленном порядке рассматривается руководителем экспертно-криминалистического подразделения. Последний вправе удовлетворить поступивший запрос или принять обоснованное рациональное решение об иной кандидатуре специалиста. При этом должна быть установлена допустимость его участия в решении конкретных задач, учтены как требования к квалификации и специализации привлекаемого сотрудника, так и фактическая загруженность конкретного сотрудника ЭКП.

Таким образом, первичные профессиональные и квалификационные требования к субъекту применения специальных знаний, а также организационные условия его привлечения инициатором разных направлений ЭКД практически совпадают.

Рассматривая процедурный аспект непосредственного экспертного исследования, следует отметить существующие подходы к его организационной сущности, в рамках которой «проявляются знание достижений и методов различных наук, диалектико-материалистической теории познания, владение современными высокоэффективными методами исследования, умение эксперта, его личный опыт» [2, с. 124]. При этом осуществляется «сочетание стандартизованных компонентов и компонентов, определяющих действия эксперта ориентировочно, приблизительно, в общих чертах [3, с. 247]. Учитывая существующие различия в организации деятельности судебно-экспертных лабораторий разных ведомств, следует подчеркнуть, что регламентация производства экспертных исследований однотипных объектов предусматривает использование разных методик исследований экспертами МВД, Минюста, ФСБ и т. д. При этом сохраняется система критериев, предъявляемых к производству исследований и получаемым результатам. К числу требований относятся достоверность (полнота исследования, соответствие действующей методике, объективность, обоснованность выводов, проверяемость результатов), технологичность, разумность сроков выполнения и т. д.

Иными словами, сам процесс проведения экспертного исследования предусматривает деятельностную функцию субъекта применения специальных знаний, самостоятельно определяющего спектр используемых средств и методов, реализуемых в пределах установленных стандартизированных рамок методик и технических средств, используемых конкретным ведомством.

Рассматривая деятельность специалиста в условиях осмотра места происшествия как элемент системы практической реализации технико-криминалистического обеспечения, осуществляемого в организационных и процессуальных формах [4, с. 32; 5, с. 93], следует отметить, что оно также предусматривает «выбор совокупности конкретных технико-криминалистических средств, необходимых для использования при проведении следственного действия» [6, с. 27]. Тем самым предусматривается самостоятельность специалиста в выборе технологий, применяемых в процессе обнаружения, обработки, систематизации и выдачи инициатору ЭКД сформированной криминалистически значимой информации, необходимой для информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. При этом деятельность специалиста оценивается с точки зрения своевременности

ее осуществления, достоверности, допустимости, относимости и полноты следовой и фактографической информации, полученной в ходе поисковой, консультационно-справочной, учетно-регистрационной, исследовательской и иной деятельности.

Таким образом, организационно-функциональная система сил, средств и методов, применяемых ЭКП в условиях проведения следственного действия, направлена на оперативное получение, обработку и использование криминалистически значимой информации в процессе сбора первоначальных сведений о готовящемся или совершенном противоправном деянии и в ходе установления всех обстоятельств совершения преступления.

Нами поддерживается мнение ряда исследователей, считающих, что системный подход к изучению обнаруженных на месте происшествия следов является одним из ключевых методов их криминалистического исследования [7, с. 24].

В ходе осуществления ситуационного анализа в условиях производства следственного действия специалистом изучаются и оцениваются:

– обстоятельства происхождения материально-фиксированных следов, их относимость к совершенному преступлению, определяется их информационная сущность, пригодность для производства диагностических и идентификационных исследований, последовательность формирования, изменений под воздействием внешних и внутренних факторов;

– непосредственно и/или опосредованно (по материально фиксированным отображениям) тип, вид, назначение и способ изготовления орудий совершения преступлений, рассматривается возможный источник их появления на месте происшествия, определяется способ и механизм применения, уровень владения им (навыки применения) субъектом использования;

– информационная, ценностная, морфологическая, субстанциональная и иная сущность предмета преступного посягательства;

– элементы внешности лиц, причастных к совершению преступлений, их гендерные, возрастные, анатомические, функционально-динамические, профессиональные и иные признаки, нашедшие свое отражение в идеальных и материальных следах;

– событийная хронология совершения преступления, повлекшая нарушение законодательства, правил, предписаний, нормативно-технических регламентов, производственно-технологических предписаний и т. д., полученная в результате изучения документальных данных и с использованием средств дистанционной фиксации сведений, событий и обстоятельств.

Совокупность выделенных данных позволит установить структуру материальной среды изучаемого события с целью прочтения (декодирования) информации о свойствах изучаемых объектов и механизмах их взаимодействия в конкретных пространственно-временных и материально-технических условиях [8, с. 16; 9, с. 160]. Следует отметить, что получение сведений об объектах, связанных с совершением конкретного противоправного деяния либо иными установленными данными релевантного события, дополнительно обеспечивается в процессе информационного сопровождения выявления и расследования преступления посредством дистанционного использования данных учетно-регистрационных массивов, информационно-справочных фондов и натурных коллекций.

Таким образом, в результате исследования комплексов выявленных данных, выраженных в форме идеальных следов, трансформированных в субъективные портреты, ориентировки, розыскные таблицы и иные варианты передачи оперативной и криминалистически значимой информации; материально фиксированных следов, представленных предметами, веществами и отображениями, а также цифровой информацией, полученной с информационно-телекоммуникационных систем, средств связи, компьютерной техники формируется временная, территориальная, субъектная, стоимостная, ресурсная и иная информация, позволяющая осуществить ситуационное моделирование подготовки, совершения и сокрытия следов преступления.

Следует особо отметить, что производство комплексного исследования обстановки места происшествия предусматривает необходимость наличия у специалиста системных знаний не только правил работы с различными источниками следовой информации, но и навыков работы по формированию, ведению и использованию данных экспертно-криминалистических учетов, ведущихся на разных уровнях, а также владение методами производства соответствующих экспертных исследований. Существующая в настоящее время

практика проведения для сотрудников ЭКП стажировок по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации экспертов-специалистов (экспертов), участвующих в процессуальных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, по результатам которых оформляется соответствующий вид допуска, не в полной мере позволяет реализовывать потенциал сотрудника ЭКП в случае отсутствия у него права производства комплекса традиционных криминалистических видов экспертиз. При наличии у субъекта применения специальных знаний одного-двух видов допуска к производству традиционных экспертиз специалист не сможет полноценно произвести криминалистическое исследование обстановки места происшествия, так как его деятельность будет носить преимущественно поисковый характер и направлена на выявление и фиксацию традиционной криминалистической следовой информации. Между тем уже в процессе непосредственной работы со следовой информацией специалист должен:

1. Оценить:

– возможные источники ее образования, исключив случаи изъятия следов лиц (объектов), непричастных к совершенному преступлению [10, с. 185];

– количество лиц (объектов), участвующих (задействованных) в процессе совершения преступления;

– конструктивные и технологические особенности, присущие изымаемым объектам (их отображениям), а также индивидуализирующие признаки;

– пригодность для производства дальнейших исследований с конкретизацией вариантов ее изучения специалистами криминалистических и специальных лабораторий;

– виды учетно-регистрационных массивов ЭКП районного, регионального (межрегионального) и федерального уровня по которым подлежит проверка и постановка выявленной следовой (предметной) информации;

2. Определить:

– технико-криминалистические методы и средства работы, применяемые в процессе обнаружения, фиксации и изъятия следовых комплексов, позволяющие в сложившейся средовой обстановке наиболее эффективно зафиксировать все изменения, возникшие к ходе противоправного деяния;

– тактико-криминалистические аспекты последовательности работы с имеющейся фактографической информацией;

– перечень объектов, не являющихся следовой информацией, но целесообразные для изъятия в условиях производства следственных действий (дактилоскопические карты лиц, непричастных к совершенному преступлению, образцы почвы, диатомовый планктон и т. д.). Необходимость приобщения данных объектов позволит предупредить необходимость производства повторных и дополнительных осмотров, а также получение образцов для сравнительного исследования на последующих этапах расследования.

Полученные результаты работы специалиста, имеющие форму материально фиксированной следовой информации, передаются субъекту расследования в натурном виде, дополнительно сведения о виде и количестве изъятых следов фиксируются в журналах участия сотрудников ЭКП в следственных действиях. Остальные формы использования специальных знаний преимущественно не имеют письменного закрепления и могут остаться без должной оценки по ряду объективных и субъективных причин. Данный факт обесценивает комплексную работу специалиста, что неизбежно ведет к осуществлению им исключительно поисковой деятельности в условиях последующих осмотров.

В этой связи полагаем необходимым рассмотреть вопрос о возможности появления еще одного варианта фиксации обстановки следственного действия – производства экспертного исследования места происшествия, который станет результатом разнонаправленной деятельности специалиста. Оставаясь непроцессуальной формой использования специальных знаний, данный вид комплексного предварительного исследования объединит в себе результаты поисковой, консультационно-справочной, учетно-регистрационной, исследовательской и иных видов деятельности.

Литература

1. Российская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2018.

Bibliography

1. Rossiyskaya E.R. Forensic expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. M., 2018.

2. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М., 2006.

3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). М., 2016.

4. Москаленко А.Н. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений по горячим следам. Волгоград, 2002.

5. Селезнева Е.А. Технико-криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сбыт наркотиков. Саратов, 2007.

6. Дмитриева Т.Ф. Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия. Витебск, 2013.

7. Порошин Г.Н. Исследование места происшествия следователем и экспертом-криминалистом органов внутренних дел. Волгоград, 1979.

8. Колдин В.Я. Учение об информационных полях в методологии криминалистического и судебно-экспертного анализа // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 4.

9. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89).

10. Смагоринский Б.П., Деревягин Е.В. Особенности осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта / Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51).

2. Shlyakhov A.R. Proceedings on forensic examination. M., 2006

3. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic expertise (Forensic expert science). M., 2016.

4. Moskalenko A.N. Technical and forensic support for the disclosure of crimes in hot pursuit. Volgograd, 2002.

5. Selezneva E.A. Technical and forensic support for the detection, disclosure and investigation of crimes related to the involvement of minors in the sale of drugs. Saratov, 2007.

6. Dmitrieva T.F. Technical and forensic support for the inspection of the scene of the accident: monograph. Vitebsk, 2013.

7. Poroshin G.N. Investigation of the scene of the incident by an investigator and a forensic expert of the internal affairs bodies: textbook. Volgograd, 1979.

8. Koldin V.Ya. The doctrine of information fields in the methodology of forensic and forensic analysis // Theory and practice of forensic examination. 2010. № 4.

9. Vardanyan A.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings // Yurist-Pravoved. 2019. № 2 (89).

10. Smagorinsky B.P., Derevyagin E.V. Features of the inspection of the scene of the accident in the investigation of crimes in the field of violation of traffic rules and operation of automobile transport // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (51).

УДК 343.985 : 343.77
ББК 67.52

© 2021 г. Еремин Сергей Германович,
профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: sg-eremin@mail.ru

Сезонова Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат педагогических наук.
E-mail: setav2010@yandex.ru

Решняк Ольга Александровна,
старший преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ БОТАНИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ, УНИЧТОЖЕНИЕМ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Статья посвящена решению задач по использованию специальных познаний в области ботаники по уголовным делам, возбужденным по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

Ключевые слова: *ботаническая экспертиза, категории состояния деревьев, формулирование выводов, методы дендрохронологии.*

Eremin Sergey Germanovich – Professor, the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Sezonova Tatyana Vladimirovna – Lecturer, the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, PhD in Pedagogy.

Reshnyak Olga Aleksandrovna – Senior Lecturer, the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF BOTANY IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL LOGGING, DESTRUCTION OR DAMAGE OF FOREST PLANTATIONS

The article is devoted to solving problems on the use of special knowledge in the field of botany in criminal cases initiated on the basis of the corpus delicti under Art. 260 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal felling of forest plantations» and Art. 261 of the Criminal Code of the Russian Federation «Destruction or damage of forest plantations».

Keywords: *botanical expertise, tree condition categories, formulation of conclusions, dendrochronology methods.*

«Обдумывая «что»,
еще больше обдумывай «как».
И.В. Гете

Охрана экологической безопасности нашего государства и общества является одной из приоритетных задач всей системы правоохранительных органов. Вместе с тем в последние годы в сфере лесопромышленного комплекса наблюдается значительный рост преступлений экологической направленности. Одну из лидирующих позиций среди экологических преступлений по количеству возбужденных уголовных дел занимает незаконная рубка, уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 260, 261 УК РФ) [1].

Именно по этой причине на выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с незаконной, преступной заготовкой древесины обращается особое внимание нашего государства. На совещании по вопросам лесного комплекса Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул необходимость «… максимально решительно и с учетом накопленного опыта выстраивать эффективную вертикаль управления в лесном комплексе, последовательно и жестко заниматься декриминализацией отрасли, повышать качество государственного лесного надзора…» [2].

Следует отметить, что в Уголовном кодексе РФ содержатся две статьи, нормы которых устанавливают ответственность за нарушение Лесного законодательства: ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений». Как видно из уголовно-правовой и криминалистической характеристик, предметом преступления выступают лесные насаждения. В данном случае, исходя из ст. 16 Лесного кодекса, под таковыми понимаются деревья, кустарники, лианы и прочие, произрастающие в лесных массивах, а также не отнесенные к ним деревья, кустарники и лианы. Ключевым является слово «произрастающие», поскольку сухостойные деревья в соответствии с действующим законодательством не являются предметом рассматриваемых нами преступлений. Анализ оперативно-розыскной, следственно-судебной и экспертной практик свидетельствует о том, что практические работники испытывают существенные трудности в формировании доказательственной базы при расследовании незаконной рубки, уничтожении или повреждении лесных насаждений.

В плане криминалистической значимости надо иметь в виду, что сухостойными являются деревья, которые полностью утратили свои жизненные функции к дальнейшему произрастанию. Таким образом, сухостой – это прекратившие жизнедеятельность, засохшие, но еще стоящие на корню деревья [3]. Важно при проведении первоначальной проверки материала, решении вопроса о возбуждении уголовного дела и расследовании знать, что такое свежий и старый сухостой. Под свежим сухостоем понимается дерево, которое погибло в текущем году, а старый сухостой – дерево, погибшее два и более года назад. В таких ситуациях при решении вопроса о возбуждении уголовного дела рубка сухостоя, а равно его уничтожение или повреждение могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение имущества. Для правильной квалификации преступления в целях уточнения размера материального ущерба, причиненного незаконной рубкой, необходимо установить с помощью судебно-ботанической экспертизы категорию состояния дерева на момент рубки.

Одной из основных задач судебно-ботанической экспертизы является установление переменных или постоянных состояний объекта (физиологических, физических, морфологических особенностей), фиксируемых в динамике и имеющих непосредственное отношение к событию преступления. Вместе с тем важно определение времени совершения конкретных действий по специфическим изменениям исследуемых объектов растительного происхождения в соответствии с биологическими закономерностями, в частности определение причинно-следственных связей [4].

Как показывает опыт современной судебно-ботанической экспертной практики, именно при исследовании и определении категории состояния деревьев эксперт сталкивается в этой части с определенными проблемами. Категории состояния – это интегральная балльная оценка состояния деревьев по комплексу визуальных признаков (густоте и цвету кроны, наличию и доле усохших ветвей в кроне и др.). В настоящее время Санитарными правилами в лесах Российской Федерации выделено 6 категорий определения состояния деревьев [4]:

1. Без признаков ослабления: деревья с зеленой блестящей хвоей (листвой), густой кроной, нормальным для данных породы, возраста и условий местопроизрастания приростом.

2. Ослабленные: а) деревья, хвоя и листва которых светлее обычного, часто с изреженной или слабоажурной кроной, их прирост уменьшен не более чем наполовину по сравнению с нормальным, доля усохших ветвей менее 25 %; б) у деревьев возможны признаки местного повреждения ствола, корневых лап и ветвей; в) у лиственных деревьев возможно появление единичных водяных побегов.

3. Сильно ослабленные: а) деревья со светло-зеленой, слабо-желтоватой или сероватой матовой хвоей (листва мельче или светлей обычного, преждевременно опадает), их кроны изрежены, прирост уменьшен более чем наполовину по сравнению с нормальным, доля усохших ветвей – от 25 до 50 %; б) возможно появление признаков повреждения ствола, корневых лап, ветвей, кроны; в) попытки поселения или удавшееся поселение стволовых вредителей на стволе и ветвях; г) у лиственных деревьев часто наблюдается сокотечение и развитие водяных побегов на стволах и ветвях.

4. Усыхающие: а) деревья с желтоватой или серой матовой хвоей (листва мельче или

светлей обычного, преждевременно опадает или увядает); б) крона изрежена, прирост уменьшен более чем наполовину по сравнению с нормальным, доля усохших ветвей от 50 до 75 %; в) часто наблюдаются признаки повреждения ствола, корневых лап, ветвей, кроны; г) попытки поселения или удавшееся поселение стволовых вредителей на стволе и ветвях; д) у лиственных деревьев возможно сокотечение и обильное развитие водяных побегов на стволе и ветвях, частично усохших или усыхающих.

5. Сухостой текущего года: а) деревья имеют серую, желтую или бурую, иногда частично опавшую хвою (усохшую, увядшую или преждевременно опавшую листву) и сильно изреженную крону; б) доля усохших ветвей в кроне более 75 %; в) при этом мелкие сухие ветви еще не опадают и обычно полностью сохраняются; кора на стволе сохраняется или осыпается лишь на некоторых частях ствола, в основном после расклева птицами при добыче стволовых насекомых; г) почти всегда у дерева имеются признаки заселения стволовыми вредителями и поражение грибами.

6. Сухостой прошлых лет: а) деревья, усохшие в прошлые годы, иногда простоявшие на корню много лет; их крона обычно с частично или полностью опавшей хвоей или листвой, сухие мелкие ветви в кроне в основном опали, кора легко отслаивается и опадает при небольшом усилии со стороны человека; б) как правило, на стволе и ветвях имеются вылетные отверстия насекомых, под корой – обильная буровая мука, а также грибница дереворазрушающих грибов в виде пленок, шнуров и ризоморф; в) на стволах и корневых лапах могут появляться и развиваться плодовые тела дереворазрушающих грибов.

Отнесение деревьев к той или иной категории состояния происходит при лесопатологическом обследовании в ходе определения санитарного состояния лесных насаждений. Для этого эксперт-ботаник производит осмотр деревьев целиком, оценивает состояние ствола и кроны (обследование должно быть проведено до отведения насаждения в рубку). После рубки установить категорию состояния спиленных деревьев по характерным признакам кроны и стволов не представляется возможным по причине их отсутствия. Объектами судебно-ботанической экспертизы, назначаемой для установления категории состояния дерева, обычно являются спилы с пней, на которых не всегда могут присутствовать такие признаки объектов, как структура и окраска древесины, наличие или отсутствие гнилей, коры, ходов насекомых. Однако эти признаки часто возникают после спиливания дерева [5]. Кроме того, выявление мест незаконных рубок после вывоза древесины приводит к тому, что объектом исследования являются не сами деревья, а только спилы с торцевых частей пней либо порубочные остатки, обнаруженные на месте происшествия. Это обстоятельство лишает эксперта-ботаника возможности проанализировать большинство ключевых признаков: состояние кроны, наличие и долю в ней усохших ветвей и др.

Также следует отметить, что если временной период между совершением противоправных действий и временем производства экспертизы является значительным (6 и более месяцев), то порубочные остатки и пни помимо признаков, свойственных им на момент рубки, приобретают признаки, являющиеся результатом воздействия внешних факторов в период между совершением противоправных действий и временем производства судебно-ботанической экспертизы.

От временного интервала и от сезона года, в котором была осуществлена незаконная рубка, зависит интенсивность процесса разрушения (гниения) пней и порубочных остатков на месте происшествия, поскольку развитие патогенных микроорганизмов и стволовых вредителей проходит только при оптимальных для них условиях. На интенсивность процесса влияет и относительная стойкость древесины различных пород к гниению, обусловленная наличием смолистых, ядовитых, дубильных веществ. Например, стойкость древесины сосны в связи с большим содержанием смолы выше по сравнению с древесиной ели и пихты. При исследовании спила с пня из указанных в Санитарных правилах признаков, характеризующих категории состояния дерева, эксперт-ботаник может проанализировать только те, что связаны со степенью воздействия на древесину насекомых, наличием грибницы и плодовых тел дереворазрушающих грибов, а также состоянием коры (с учетом времени, прошедшего с момента рубки). Поэтому эксперт-ботаник не всегда сможет сформулировать и обосновать категоричный вывод о состоянии дерева на момент рубки.

При исследовании спила с пня из указанных в Санитарных правилах признаков, характеризующих категории состояния дерева, эксперт-ботаник может проанализировать только те, что связаны со степенью воздействия на древесину насекомых, наличием грибницы и плодовых тел дереворазрушающих грибов, а также состоянием коры (с учетом времени, прошедшего с момента рубки). Однако, если патологический процесс, приведший к гибели дерева, развивался очень быстро, признаки

усыхания на спиле с пня могут полностью отсутствовать. Данное обстоятельство (без исследования ствола и кроны) может ввести эксперта-ботаника в заблуждение при формулировании вывода о состоянии дерева на момент рубки, поскольку будет свидетельствовать о жизнеспособности дерева.

Решение вопроса о состоянии дерева на момент рубки при работе со спилами, с учетом перечисленных выше проблемных вопросов, в рамках производства судебно-ботанической экспертизы при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам рассматриваемых преступлений, эксперту-ботанику целесообразно проводить в следующей последовательности:

1. Убедиться, что спил, представленный на исследование, является частью пня или комля одноствольного дерева.

2. Определить временной интервал от осуществления рубки до производства экспертизы (если время рубки известно).

3. Определить род и вид исследуемого спила дерева для соотнесения степени разрушения его со стойкостью древесины различных пород к гниению (с учетом возможного временного интервала от рубки до производства экспертизы).

4. Описать состояние коры, признаки заселения насекомыми-вредителями, признаки гниения, подсчитать в процентном соотношении площадь пораженной заболони.

В случаях, если не представляется возможным определить принадлежность спила, степень выраженности признаков усыхания (ослабления) дерева недостаточна для объективного вывода о сухостойности. Если на исследование представлены фрагменты с признаками механической обработки, эксперту-ботанику рекомендуется отказываться от категоричного вывода с указанием причины (например, ввиду отсутствия информации о месте спила).

В настоящее время решить вопрос по установлению жизненного состояния дерева на момент рубки в рамках производства судебно-ботанической экспертизы и дать ответ в категоричной форме позволяют методы дендрохронологии. Так, А.Н. Оркин пишет: «Зная, что деревья растут всю свою жизнь, а радиальный прирост древесины (прирост по диаметру) сохраняется до момента гибели дерева, можно установить календарный год формирования последнего (подкорового) годичного кольца дерева и диагностировать его жизненное состояние на момент рубки» [6].

В основе экспертного исследования лежит дендрохронологический метод перекрестной датировки – сравнение рисунков годичных колец у разных деревьев и выбор точного места, где соответствие между ними максимально. По этому поводу С.Н. Унжакова отмечает: «В связи с тем, что древесные растения, произрастающие в пределах какого-либо района, величиной прироста сходно реагируют на изменение внешних условий, у большей части деревьев наблюдается синхронное изменение ширины годичных колец во времени. Таким образом, зная год формирования годичных колец одного из соседних деревьев или деревьев, произрастающих в пределах одного природно-климатического района, можно определить календарный год формирования каждого годичного кольца всех сравниваемых объектов, т. е. установить календарный год рубки или естественной гибели (усыхания) дерева» [7].

Наши исследования показывают, что в ходе судебно-ботанической экспертизы применение метода перекрестной датировки возможно при соблюдении условий, когда:

1. На экспертизу представлены контрольные образцы, отобранные с 2–4-х живых здоровых деревьев, произрастающих на месте незаконной рубки или в непосредственной близости от нее, и при этом той же породы, что и срубленные деревья. Контрольные образцы отбираются в виде кернов древесины с помощью возрастного бура и при отборе контрольных образцов высверливаются не менее двух кернов с одного дерева.

2. В постановлении о назначении судебно-ботанической экспертизы обязательно указан предполагаемый период рубки деревьев.

3. Представленные в распоряжение эксперта спилы древесины (с пней, порубочных остатков, пиломатериалов) содержат подкоровые годичные кольца (на объектах могут быть остатки коры, луба).

По мнению Ю.М. Моргунковой: «Судебно-ботаническое экспертное исследование по определению категории жизненного состояния дерева включает в себя следующие этапы [8]:

1. Осмотр и предварительное исследование объектов (производятся описание и фиксация внешних признаков объектов, в том числе нехарактерных для живых здоровых деревьев: размеры, форма, цвет, структура и окраска древесины, наличие или отсутствие гнилей, коры, ходов насекомых, их локализация, количество и др.).

2. Исследование анатомо-морфологического строения представленных объектов, результатом которого является определение рода и вида древесного растения, т. е. породы древесины. Последующее сравнительное исследование с применением методов дендрохронологии проводится только между образцами одной породы дерева.

3. Измерение ширины годичных колец представленных объектов и построение усредненных графиков годичного прироста. Результатом исследования являются построенные графики годичного прироста исследуемых объектов, при этом возможно сделать выводы относительно принадлежности деревьев к одной из трех категорий состояния, не конкретизируя, к какой – 2, 3 или 4 (ослабленные, сильно ослабленные, усыхающие).

4. Абсолютная датировка объектов исследования по представленным контрольным образцам. В ходе исследования проводится сравнение графиков годичного прироста представленных объектов и контрольных образцов. При сопоставлении графиков годичного прироста деревьев, выросших в одинаковых условиях в одном климатическом районе, совпадают все резкие угнетения. Эти совпадения образовывают комплекс признаков, достаточный для установления года рубки (усыхания) дерева».

П.Л. Гришин указывает, что «…результатом абсолютной датировки является точное определение календарного года формирования последнего (подкорового) годичного кольца дерева, т. е. года его рубки или усыхания…» [9]. Таким образом, при отсутствии у исследуемого объекта годичного прироста (годичного кольца), который должен был сформироваться на момент известного или предполагаемом времени рубки дерева, делается вывод о том, что на момент рубки дерево было сухостойным.

Подводя итог, следует отметить, что применение методов дендрохронологии, в частности метода перекрестной датировки, существенно расширяет возможности диагностики жизненного состояния деревьев в рамках производства судебно-ботанической экспертизы при расследовании незаконных рубок**,** уничтожения или повреждения лесных насаждений. Это позволяет всегда сформулировать важные для доказательства по рассматриваемым уголовным делам категоричные выводы относительно того, являлось ли дерево сухостойным или живым на момент рубки, а также выявить ослабленные или усыхающие деревья при исследовании спилов древесины.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства РФ от 20.05.2017 № 607 «О Правилах санитарной безопасности в лесах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3318.

3. Лесное хозяйство: Терминологический словарь. М., 2002.

4. Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 27.12.2005 г. № 350 «Об утверждении Санитарных правил в лесах РФ».

5. Приказ Рослесхоза от 10.11.2011 № 472 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению государственной инвентаризации лесов» (ред. от 15.03.2018).

6. Оркин А.Н. Судебная дендрохронология: учебное пособие. Хабаровск, 1992.

7. Унжакова С.В. Дендрохронологическая экспертиза при расследовании незаконных рубок лесных насаждений: учебное пособие. Иркутск, 2009.

8. Моргункова Ю.М. Проблемы определения категории состояния деревьев при производстве экспертиз по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений // Экспертная практика. 2016. № 81.

9. Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации. М., 2016.

Bibliography

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 29, 2018) // LRS «ConsultantPlus».

2. Decree of the Government of the Russian Federation of May 20, 2017 № 607 «On the Rules of Sanitary Safety in Forests» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. № 23. Art. 3318.

3. Forestry: Terminological Dictionary. M., 2002.

4. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation of December 27, 2005 № 350 «On the approval of the Sanitary Rules in the forests of the RF».

5. Order of the Federal Forestry Agency dated November 10, 2011 № 472 «On approval of the Methodological Recommendations for the State Forest Inventory» (as amended on 03/15/2018).

6. Orkin A.N. Forensic dendrochronology: a tutorial. Khabarovsk, 1992.

7. Unzhakova S.V. Dendrochronological examination in the investigation of illegal logging of forest stands: a tutorial. Irkutsk, 2009.

8. Morgunkova Yu.M. Problems of determining the category of the state of trees in the production of examinations in cases related to illegal felling of forest plantations // Expert practice. 2016. № 81.

9. The procedure for the appointment of forensic examinations, research and the use of forensic accounts in the internal affairs bodies of the RF: A reference guide. M., 2016.

УДК 357.745.7
ББК 67.7

© 2021 г. **Карпика Анатолий Григорьевич,**
доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России кандидат технических наук, доцент.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье проанализированы некоторые положения национальных законодательств государств – участников ЕАЭС в области регулирования оперативно-розыскной деятельности. Предложены процедура оптимизации базы основных понятий и новый подход к правовому регулированию процесса межгосударственных отношений в этой области.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, оперативно-розыскная деятельность, межгосударственное взаимодействие, гармонизация законодательств, модельный закон.*

Karpika Anatoly Grigoryevich – Associate Professor, the Department of Information Sciences, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Engineering, Associate Professor.

CURRENT ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF THE OPERATIONAL INQUIRY ACTIVITIES OF THE STATES – PARTICIPANTS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article analyzes some of the provisions of the national legislations of the EAEU member states in the field of regulation of operational search activities. A procedure for optimizing the base of basic concepts and a new approach to the legal regulation of the process of interstate relations in this area are proposed.

Keywords*: Eurasian Economic Union, operational search activity, interstate cooperation, harmonization of legislation, model law.*

Обострение межгосударственных отношений в условиях дефицита рынков сбыта и возрастающей конкуренции между странами, политическими партиями и организациями предполагает изменение подхода к обеспечению полицейских функций. Начиная с 2014 года, усилилось давление со стороны ряда стран на законодательную, судебную и правоохранительную системы Российской Федерации, с 2020 г. – на аналогичные системы Республики Беларусь. Наличие тесных экономических связей стран – участниц ЕАЭС, их вклад в реализацию общих проектов Союза повышает риск недружественных действий в их отношении со стороны третьих стран.

При этом имеющиеся национальные различия в уровнях дохода населения, вызывающие активную трудовую миграцию, позволяют ожидать на фоне продолжающейся пандемии нового коронавируса COVID-19 возрастание криминальных рисков в области оборота наркотических и других запрещенных к свободному перемещению средств, контрабанды товаров, торговли людьми и неконтролируемой миграции.

Примером этого являются имеющиеся факты активного противодействия деятельности по наведению порядка в сфере таможенного оформления грузов на участке Китай – Казахстан. Преступные организации имеют на этой границе серьезные экономические интересы, заключающиеся в организации и поддержании трансграничных коридоров незаконного перемещения контрабандой продукции из Китайской Народной Республики. Так, за 2020 год таможенная статистика КНР зафиксировала перемещение товаров в сторону Казахстана на сумму 12,7 млрд дол. При этом таможенные органы Республики Казахстан на своей стороне оформили товаров на 6,5 млрд.

Понятно, что государственный бюджет Казахстана недополучил таможенных пошлин с товаров стоимостью более 6 млрд дол. При этом следует понимать, что часть неучтенного товара предназначалась для переправки в другие страны ЕАЭС [1].

По данному факту было проведено специальное расследование, которое инициировал Сенат Республики Казахстан, результатом которого стал доклад, содержащий перечень из 53 компаний, участвовавших в

подозрительных трансграничных операциях, которые обладали признаками контрабандных. Предположительные прямые потери бюджета Республики Казахстан составляют несколько десятков миллионов долларов и зафиксирован предположительный косвенный ущерб, связанный с ростом теневой торговли и укреплением сектора криминальных услуг.

Несмотря на наличие единого экономического пространства, структура и динамика преступности в странах ЕАЭС различаются. Имеются различия и в результативности деятельности в области противодействия преступности национальных правительств и правоохранительных органов. На этом фоне доминирующими тенденциями эволюции преступности остаются дальнейшее повышение ее организованности и расширение криминальных международных связей. Статистика преступности в странах ЕАЭС, приведенная в таблице 1, показывает, что наибольшее количество преступлений на 100 000 человек зафиксировано в Казахстане и Российской Федерации.

ют, что не может не сказываться на уровне и способах обеспечения безопасности межгосударственного образования» [2]. В подобной ситуации решить задачу в интересах всего Союза представляется возможным исключительно путем глубокого и всестороннего обоснования с последующей разработкой и поэтапной реализацией современной, ориентированной на видимый временной горизонт, концепции обеспечения безопасности ЕАЭС.

Защиту экономической системы и политических институтов Союза имеет смысл формировать и развивать на основе предварительного комплексного анализа угроз безопасности и применимости мер их предупреждения на территории отдельных государств и организации в целом. Результаты обобщенного анализа современных угроз в виде «индекса общей преступности», приведенные в открытых источниках, свидетельствуют о том, что текущим общемировым трендом является криминализация деятельности отдельных хозяйствующих субъектов в связи с переживаемым экономическим кризисом.

Таблица 1

Статистика преступности в ЕАЭС

Показатель	Всего	Население	Преступлений на 100 000 населения
Россия	2 024 000	146 000 000	1 386,3
Беларусь	88 378	9 400 000	940,2
Казахстан	488 349	18 800 000	2 597,6
Кыргызстан	35 587	6 500 000	547,5
Армения	26 300	2 973 000	884,6
ЕАЭС	2 662 614	183 673 000	1 449,6

Оставляя за скобками оценку методик подсчета и объективность открытой национальной криминальной статистики, хотелось бы отметить наличие проблемы, характерной для всех государств – участников ЕАЭС, а именно различия в структуре правового обеспечения деятельности национальных органов внутренних дел.

В настоящее время юридическая наука каждого из государств имеет в своем арсенале юридические обоснования методов поиска, обнаружения и устранения факторов, оказывающих влияние на большинство видов безопасности, обусловленное историческими и ментальными факторами. К сожалению, исследования и практические методы применительно ко всему Евроазиатскому экономическому союзу отсутству-

Значение упомянутого индекса в странах – участницах ЕАЭС значительно различается. Так, самый высокий индекс – 54,8 – соответствует Казахстану, Российская Федерация имеет индекс 40,6, индекс остальных стран не превышает 22–25 [3]. Представленные показатели сопоставимы с размерами национальных экономик, при этом высокий индекс Казахстана, по мнению аналитиков, обусловлен его протяженной границей с Китаем, через которую проходят пути перемещения контрабандных товаров.

Серьезной угрозой стабильности экономики и политических институтов Союза является организованная преступность, неконтролируемая трудовая миграция, которые наряду

с общеуголовными правонарушениями стимулируют экономические правонарушения преимущественно в формах незаконного предпринимательства, противозаконных операций с валютами и сопутствующих им преступлений коррупционного характера.

Последняя форма может вполне рассматриваться как самостоятельная угроза транснационального характера, имеющая причины и следствия, напрямую связанные с воздействием на экономическую безопасность ЕАЭС. Среди таковых следует отметить риски, связанные с нецелевым использованием средств государственного бюджета, мошеннические схемы уклонения от уплаты налогов, фиктивные финансовые операции, легализацию преступных доходов.

Отмеченное, так или иначе, характерно для всех государств постсоветского пространства и требует надежного уголовного противодействия.

Для правового фундамента активной деятельности правоохранительных органов, направленной на противодействие перечисленным угрозам, было бы полезно разработать модельный закон, на базе которого гармонизировать правовой фундамент деятельности органов внутренних дел стран – участниц ЕАЭС, эффективно регламентировать деятельность по профилактике, предупреждению и пресечению преступлений на территории межгосударственного образования.

Понимая, что данная задача относится к сложным организационно-правовым задачам и представляет собой предмет отдельного исследования, проанализируем один из ее аспектов – законодательное регулирование одного из ключевых направлений – оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органов внутренних дел в странах ЕАЭС.

Регулирование ОРД осуществляется национальными законодательными актами государств ЕАЭС, основными из которых являются следующие:

– Российская Федерация (РФ) – Федеральный закон от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

– Республика Беларусь (РБ) – Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности».

– Республика Казахстан (РК) – Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности».

– Кыргызская Республика (КР) – Закон Кыргызской Республики от 16 октября 1998 г. № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности».

– Республика Армения (РА) – Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности».

Анализ перечисленных документов показал, что, несмотря на сходную направленность документов, многие использующиеся в них формулировки понятий и терминов существенно различаются либо отсутствуют.

Так, в законодательстве РК понятие ОРД формулируется как «научно обоснованная система гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [4].

Законодательство РА понятие ОРД формулирует как «проведение органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты прав человека и гражданина, государственной и общественной безопасности от противоправных посягательств» [5].

В соответствующем законе РБ под оперативно-розыскной деятельностью понимается «деятельность, осуществляемая с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленная на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства» [6].

При этом хотелось бы отметить тот факт, что в законах РФ и КР этот термин трактуется как «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, … в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [7], [8].

Существенно большее различие наблюдается в классификации целей проведения ОРД. Если законодательство РФ и КР определяет цели достаточно лаконично и обобщенно: борьба с преступлениями и преступниками; розыск лиц; добывание информации, значимой для обеспечения безопасности РФ; розыск имущества, подлежащего конфискации, то национальные законодательства РБ, РК и РА содержат детальное описание всех стоящих перед ОРД задач.

Например, в соответствующем законе РК задачи оперативно-розыскной деятельности формулируются как «защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств; содействие в обеспечении безопасности общества, государства и укреплении его экономического потенциала и обороноспособности; выявление, предупреждение и пресечение преступлений; выявление лиц, совершивших уголовное правонарушение, а также предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела; осуществление мер по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовной ответственности, отбывания наказания или пробационного контроля, без вести пропавших граждан и иных лиц в случаях, предусмотренных законом, а также идентификация обнаруженных неопознанных трупов…».

Имеются также различия в составе и формулировках оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Так, состав ОРМ, определенный законодательствами РФ, РБ, КР, РА, РК различается не только по наименованию, но и по составу. Отличия в наименованиях мероприятий: «опрос» (РФ), «оперативный опрос» (РБ), «опрос лиц» (РК), «оперативный запрос» «РА».

Отличия в составе мероприятий. Так, ОРМ «получение компьютерной информации» (РФ) имеет свой аналог только в РК как «негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации».

Ряд мероприятий, закрепленных в национальных законах об ОРД, не имеет аналогов в других странах. Например, «обеспечение доступности финансовых данных и негласный контроль за финансовыми сделками»; «имитация получения взятки или дачи взятки» (РА); «осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотра жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотра транспортных средств»; «применение служебно-розыскных собак» (РК).

Эти факты свидетельствуют о несовпадении положений национальных законодательных актов, при этом формулировки базовых терминов и понятий предметной области в некоторых случаях существенно различаются. Это не способствует повышению качества взаимодействия сторон при проведении ОРМ и не позволяет выполнить положения статьи 2 договора о создании ЕАЭС, в которых говорится о необходимости гармонизации законодательств стран –участниц Союза.

Для достижения указанной цели предлагается следующий алгоритм унификации содержания национальных законодательных актов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность государств – участников ЕАЭС.

Этап 1. Анализ и унификация терминологии, использующейся в национальных законах об ОРД. На этом этапе можно использовать подход, предложенный в статье «Актуальные вопросы правового регулирования информационной сферы государств – участников Евразийского экономического союза» [9].

Этап 2. Анализ состава и содержания ОРМ в пользу их обобщенной либо (при необходимости) детальной формулировки. На данном этапе учитываются специфика каждой из заинтересованных сторон, а также состав угроз, характерных для ЕАЭС в целом.

Этап 3. Подготовка проекта документа, например «Модельного закона об ОРД», содержащего единую терминологию и разделы, в том числе раздел о порядке взаимодействия органов внутренних дел стран ЕАЭС. Кроме этого, целесообразно отразить единые общие и единые видовые понятия ОРМ, учесть то, что процедуры их проведения могут разрабатываться самими субъектами.

Этап 4. Прохождение экспертизы и обсуждение в национальных органах законодательной власти положений «Модельного закона».

Этап 5. Прохождение апробации документа национальными органами внутренних дел. Выработка предложений по его совершенствованию.

Этап 4. Интеграция положений документа в национальные законодательные акты.

Предложенный алгоритм, должным образом детализированный конкретными мероприятиями, позволит выработать единый подход к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности и закрепить его в законодательных актах стран – участниц ЕАЭС.

Ожидаемый результат – оптимизация структуры юридических документов национальных законодательств и, как следствие, единое понимание состава и содержание оперативно-розыскных мероприятий с целью повышения эффективности взаимодействия органов внутренних дел стран – участниц ЕАЭС в области оперативного реагирования на актуальные и возможные политические, экономические и криминальные вызовы.

Литература

1. URL: https://ru.sputnik.kg/analytics/20200526/1048434498/eaes-torgovlya-prestupnost-poryadok-raznoglasiya.html.
2. URL: https://www.zakon.kz/4746016-stranam-eajes-nuzhno-garmonizirovat.html.
3. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index.
4. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1003158.
5. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=3093&lang=rus&sel=show.
6. URL: http://kgb.by/ru/zakon289-3/.
7. URL: http://consultant.ru.
8. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/138.
9. Карпика А.Г. Актуальные вопросы правового регулирования информационной сферы государств – участников Евразийского экономического союза.

Bibliography

1. URL: https://ru.sputnik.kg/analytics/20200526/1048434498/eaes-torgovlya-prestupnost-poryadok-raznoglasiya.html.
2. URL: https://www.zakon.kz/4746016-stranam-eajes-nuzhno-garmonizirovat.html.
3. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index.
4. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1003158.
5. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=3093&lang=rus&sel=show.
6. URL: http://kgb.by/ru/zakon289-3/.
7. URL: http://consultant.ru.
8. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/138.
9. Karpika A.G. Topical issues of legal regulation of the information sphere of the member states of the Eurasian Economic Union.

УДК 343.123
ББК 67.410.2

© 2021 г. Комаров Игорь Михайлович,
заведующий кафедрой криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор.

Парубов Александр Иванович,
доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета кандидат юридических наук, доцент.

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ МАТЕРИ ОБНАРУЖЕННОГО ТРУПА НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (часть 1)

В настоящей статье продолжается исследование вопросов, обозначенных в ранее опубликованной статье, посвященной следственным ситуациям и основам характеристики предварительного расследования убийства матерью новорожденного ребенка по факту исчезновения его трупа.

Ключевые слова: *убийство новорожденного, детоубийство.*

Komarov Igor Mikhailovich – Head of the Department of Criminalistics, the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor.

Parubov Aleksander Ivanovich – Associate Professor, the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, the Altai State University, PhD in Law, Associate Professor.

PECULIARITIES OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND INTERACTIONS OF THE INVESTIGATOR AND THE INQUIRING BODY FOR DETECTING THE MOTHER OF THE DETECTED CORPSE OF A NEWBORN CHILD (part 1)

This article continues the study of the issues identified in a previously published article devoted to investigative situations and the basics of characterization of the preliminary investigation of the murder of the mother of a newborn child after the disappearance of his corpse.

Keywords: *murder of a newborn, infanticide.*

Процесс расследования преступления, связанного с убийством матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ, далее – детоубийство), имеет определенную специфику и особенности в сравнении с другими видами преступлений, обусловленных лишением жизни человека. Эта специфика и особенности отражают как, собственно, предмет преступного посягательства и личность преступника, так и обстановку совершения преступления, что в свою очередь определяет и криминалистические рекомендации установления всех обстоятельств преступного деяния.

Расследование преступления – убийства матерью новорожденного ребенка – обусловлено ситуацией расследования, которая более чем в 80 % случаев (данные судебно-следственной практики) отражает обстановку, когда труп новорожденного ребенка обнаружен и есть все основания полагать, что совершено детоубийство. В этой связи первым следственным действием является осмотр места происшествия.

Особенности осмотра места происшествия при обнаружении трупа новорожденного. Осмотр места происшествия имеет большое значение на стадии возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования и является одним из важнейших следственных действий.

При осмотре места происшествия по делу о детоубийстве следователю следует руководствоваться методикой расследования данного вида преступления и тактикой производства этого следственного действия.

Каждое следственное действие связано решением общей и частных тактических задач.

Можно выделить следующую общую тактическую задачу, стоящую перед следователем по делу о детоубийстве – получить фактические данные об обстоятельствах происшедшего события, зафиксировав обстановку и результаты осмотра трупа и места его обнаружения

в протоколе осмотра места происшествия с приложением к нему плана, фотоснимков, слепков следов, изъятых вещественных доказательств.

Частными тактическими задачами будут являться установление фактов:

1) Совершено ли детоубийство там, где обнаружен труп младенца, либо оно совершено в другом месте? Судебно-следственная практика свидетельствует, что часто преступники инсценируют совершенное деяние (под мертворожденность ребенка и т. д.), или переносят результаты своей деятельности в другое место с целью сокрытия следов преступления. При положительном ответе на этот вопрос следует как можно быстрее установить способ, средства и пути доставки трупа младенца к месту его обнаружения. Данный вопрос решается изучением следов на месте происшествия и трупе. Так, 31 декабря 2017 года в районе села в К-ом районе Алтайского края был обнаружен труп новорожденного младенца с признаками мертворожденности. Розыскными мероприятиями была установлена гражданка Б., которая пояснила, что у нее возникли стремительные преждевременные роды и ребенок родился мертвым. Опасаясь неприятностей, она решила скрыть данный факт и отнесла плод за пределы села. Между тем в ходе расследования был установлен факт наличия у Б. медицинского образования, а дальнейшие следственные мероприятия указали на то, что младенец родился недоношенным, но жизнеспособным, а роды Б. вызвала у себя искусственно, с целью убийства нежелательного ребенка (уголовное дело № 17314/18 рассматривал районный суд Алтайского края).

2) Каким образом труп младенца был доставлен на место его обнаружения, каковы способы прибытия и удаления лиц, доставивших его на место? Поиск и выявление следов лиц, причастных к событию преступления. Данная задача решается путем изучения следов, оставленных преступниками (следы рук, ног, окурков; одежда, предметы туалета).

3) На протяжении какого времени преступник реализовывал свой умысел? Решить этот вопрос можно путем всестороннего изучения и аналитической оценки всех следов и обстановки места происшествия [4, с. 71].

4) Когда произошло расследуемое преступное событие? Если на трупе имеются телесные повреждения, то нужно искать следы и другие данные, указывающие на время причинения младенцу телесных повреждений, время наступления смерти, когда труп доставлен на место его обнаружения. Важно установить не только дату причинения смерти или доставки трупа на место его обнаружения, но также время суток, а по возможности – часы и минуты. Данное обстоятельство очень часто указывает на определенный круг подозреваемых в преступлении лиц. На колхозном рынке населенного пункта 8 февраля 2018 года был обнаружен труп новорожденного ребенка. Своевременно и правильно примененные судебно-медицинские методики определения времени наступления смерти позволили выдвинуть следственную версию о том, что ребенок был рожден, умерщвлен и доставлен к месту его обнаружения в пределах 4–6 часов утра текущих суток. Данный факт позволил сузить круг подозреваемых в совершении преступления лиц и впоследствии определить подозреваемую в совершении детоубийства женщину (уголовное дело № 92163/18 рассматривал городской суд Алтайского края). Аналогичным по существу является расследование уголовного дела по обнаружению 15 марта 2018 года мертвого новорожденного ребенка в помещении заводоуправления олеумного завода города (уголовное дело № 81215/18 рассматривал районный суд города Алтайского края).

5) Какой пункт осматриваемой территории или помещения является собственно местом происшествия? Ответ на этот вопрос следует искать изучением расположения следов, предметов, позы и расположения трупа, локализации телесных повреждений, расположения пятен крови, их формы, направления и пр.

6) Какие побочные действия, помимо основных, по достижению преступной цели совершены на месте происшествия, например, не принимал ли преступник каких-либо действий по сокрытию трупа младенца или следов либо их фальсификации?

7) Какие предметы оставил преступник на месте происшествия: орудия преступления, предметы одежды, мелкие вещи? 1 марта 2019 года в пригороде города был обнаружен труп новорожденного младенца с признаками насильственной смерти. В ходе осмотра места происшествия были обнаружены наручные часы с дарственной надписью, указывающей на имя владелицы, и датой ее рождения. По этим сведениям была установлена жительница города гражданка К. Дальнейшим расследовани-

ем она была изобличена в убийстве собственного ребенка (уголовное дело № 80925/19 рассматривал районный суд города).

8) Какие следы с места происшествия могли остаться на теле преступника, на его одежде, орудиях причинения смерти?

9) Кто и откуда мог наблюдать или слышать происходившее событие на месте происшествия? Установление данного обстоятельства помогает найти свидетелей-очевидцев.

10) Имеются ли на теле новорожденного ребенка очевидные следы насильственной смерти (удушения, утопления, отравления, телесные повреждения и т. д.). Например, 29 мая 2019 года межрайонным отделом СК РФ было возбуждено уголовное дело по факту насильственной смерти новорожденного ребенка, обнаруженного в районе села закопанным в ведре в землю. Первоначальный осмотр указывал на то, что у обнаруженного трупа отсутствуют признаки насильственной смерти, однако дальнейшее вскрытие указывало на то, что младенец был первоначально утоплен, а уже затем отнесен на место захоронения. Расследование указало на гражданку П. в качестве подозреваемой в детоубийстве. На основании собранных доказательств суд признал ее виновной по ст. 106 УК РФ (уголовное дело № 46223/19 районный суд Алтайского края.)

Особенности осмотра окружающей обстановки. Очевидно, что не все задачи, подлежащие установлению, могут быть разрешены при осмотре места происшествия. Например, не всегда можно распознать насильственную смерть младенца. Поэтому некоторые задачи осмотра могут быть окончательно решены в результате проведения других следственных действий: судебно-медицинской экспертизы, допросов и т. д. В то же время уже в ходе осмотра места происшествия и трупа младенца можно получить необходимые данные, позволяющие составить предварительное мнение по этим вопросам, выдвинуть обоснованные следственные версии и приступить к их проверке.

Место происшествия в собственном смысле слова – это участок суши, поверхность дна водоема, воздушное пространство, которое несет на себе материальные последствия события, имеющего на себе признаки состава преступления. В результате осмотра этих объектов следователь получает представление об общем виде места происшествия: расположении, границах и пространственной протяженности, о характеристике участка местности. На месте происшествия находятся различные предметы, характер которых и их взаимное расположение относительно друг друга и есть обстановка места происшествия [1, с. 53].

Таким образом, содержание обстановки места происшествия складывается из характеристики находящихся на этом месте объектов (выяснение, что из себя представляют эти объекты, их назначение или происхождение) и их характеристики пространственных связей между этими объектами (их положение на месте происшествия и взаиморасположение) [1, с. 54].

Осмотр места происшествия и его обстановки представляет собой изучение и фиксацию: 1) рельефа и характера грунта местности, освещения, температуры среды; 2) характера и расположения помещения, в котором обнаружен труп младенца, прилегающих построек, ведущих к нему и от него путей; 3) следов преступления и преступника; 4) трупа; 5) наличия или отсутствия предметов упаковки, необходимых в данной обстановке.

До начала осмотра следователь или по его поручению сотрудники органов внутренних дел обеспечивают охрану места происшествия и опросом присутствующих устанавливают обстоятельства обнаружения трупа младенца (кем обнаружен, когда и пр.). Следователю необходимо зафиксировать анкетные данные лиц, обнаруживших труп младенца, чтобы в последующем запротоколировать их показания.

До начала детального осмотра рекомендуется произвести предварительный обзор места расположения трупа относительно окружающей местности и определить границы осмотра. Определение границ осмотра зависит от места, где обнаружен труп, от наличия или отсутствия возле трупа следов родов (крови, детского места, околоплодной жидкости и т. д.), следов, указывающих на направление, откуда был доставлен труп, и иных предметов, могущих иметь значение для дела.

Необходимо отметить освещение, при котором производится осмотр, так как при искусственном освещении вид и расцветка трупных пятен могут быть несколько иными, что может дезориентировать расследование относительно времени наступления смерти. То же самое может наблюдаться и в отношении цвета кожных покровов, кровоподтеков, цвета следов крови и т. п.

В протоколе осмотра следует фиксировать температуру окружающей труп среды, так как в зависимости от температуры, устанавливается время развития трупных явлений и, следовательно, время наступления смерти. Рекомендуется указать температуру окружающей среды, в которой был обнаружен труп (воды, погреба, выгребной ямы и т. д.), причем следует отмечать время извлечения трупа с места его обнаружения. Если незадолго до обнаружения трупа наблюдались резкие колебания температуры (заморозки, оттепели и т. п.), следует отметить эти колебания хотя бы приблизительно [2, с. 43].

В отдельных случаях необходимо отметить состояние погоды как в момент осмотра, так иногда и накануне. Допустим, что на крутом склоне холма обнаружен труп младенца. Кровь, околоплодная жидкость, детское место отсутствуют. Эти факты позволяют предположить, что роды произошли на другом месте, а труп был принесен. Однако если в момент осмотра или накануне прошел сильный дождь, можно предположить, что вода, стекавшая по склону холма, могла смыть следы, и поэтому нельзя исключить того, что роды произошли в том месте, где обнаружен труп младенца.

Кратко следует описать окружающую местность, отмечая место нахождения на ней трупа и окружающих его предметов. Для более удобного и наглядного описания следует набросать схематически масштабный план местности, наметить основные пункты, ориентируясь на которые легче и понятнее производить описание.

Отмечается также и почва, на которой лежит труп младенца. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для оценки обнаруженных следов крови [2, с. 44].

В ходе родового процесса изливается большое количество крови и околоплодной жидкости, поэтому, если труп лежит на полу или, например, глинистой почве, плохо впитывающей жидкость, следы в основном сохраняются возле трупа, следовательно, вопрос о родах на месте его обнаружения не вызывает сомнения. Если же труп находится на песке, на снегу, которые хорошо впитывают большое количество жидкости, то возле трупа может вообще не оказаться никаких видимых следов. Не отметив характера почвы, можно впоследствии легко ввести в заблуждение расследование при оценке данного обстоятельства на дальнейших его этапах.

Данные анализа судебно-следственной практики свидетельствуют, что место обнаружения трупа новорожденного младенца, как правило, не совпадает с местом родов матери или смерти ребенка [3, с. 26].

Поэтому следует очень тщательно осмотреть труп новорожденного ребенка, так как он может содержать следы, которые объективно укажут на место, где были роды и где произошло убийство.

Осмотр трупа (частей трупа младенца) является опорной точкой, в которой концентрируется ценнейшая криминалистически значимая информация для расследования происшедшего преступного события. Используя свои познания, а также знания, опыт судебно-медицинского эксперта, необходимо правильно выявить и описать в протоколе осмотра места происшествия специфическую систему признаков, свидетельствующую: о рождении новорожденного зрелым, доношенным и живым или, наоборот, мертворожденным; о месте родов, убийства и сокрытия младенца; о причинно-следственных связях и взаимозависимостях между обнаруженным трупом новорожденного и его матерью и т. п. обстоятельства.

О рождении ребенка зрелым, доношенным, живорожденным свидетельствуют, в частности, следующие признаки: длина тела не менее 50 см, вес – не менее 2,8 кг, окружность головки в пределах 32 см, вес плаценты 460 г, 38–40 недель внутриутробной жизни. К таким признакам далее относятся: красная каемка вокруг пупка, наличие пуповины; сыровидная смазка в складках тела; наличие родовой опухоли на теменных областях головы; эластичность хрящей носа и ушных раковин; загрязнение кожи меконием; наличие крови на коже; захождение ногтей пальцев рук за подушечки пальцев; отсутствие пороков развития и телесных повреждений, способных привести к наступлению смерти.

Недоношенным и незрелым считается новорожденный по следующим признакам: длина, вес, окружность головки меньше вышеназванных; ногти на пальцах рук и ног доходят до концов подушечек пальцев и другие. О продолжительности жизни новорожденного свидетельствуют признаки трупных явлений, окоченения мышц, гниения. Если трупные пятна при надавливании на них пальцем не бледнеют, отсутствует трупное окоченение в мышцах и есть признаки гниения, то можно сделать

вывод о том, что смерть новорожденного наступила около 1–3 суток назад.

Учитывая специфические способы убийства новорожденного, особенно путем асфиксии, следует далее описать состояние шеи, носа, головы, ушей, рта, языка. Есть ли на теле царапины, повреждения, какова их форма, локализация, цвет и т. д. Предметы упаковки, вещи, в которых находился труп и которые обнаружены возле него, необходимо тщательно зафиксировать, обращая внимание на ранее описанные признаки, способствующие выявлению матери ребенка, места родов и убийства младенца.

Осмотр вещественных доказательств (сумки, женская одежда, пакеты и т. п.), правильная оценка полученной при этом информации способствуют оптимальному выдвижению следственных версий о матери ребенка, обстоятельствах родов и наступления смерти.

Приведенные выше рекомендации, связанные с осмотром места происшествия и трупа младенца при подозрении на совершение детоубийства, носят общий типовой характер. Они ориентируют расследование на то направление, которое является магистральным в решении общей и частных тактических задач расследования. Особенности конкретного осмотра места совершения убийства матерью новорожденного ребенка обусловлены особенностями конкретного преступления и результат осмотра в значительной степени зависит от профессионального опыта и знаний следователя.

Во второй части настоящей статьи мы намерены раскрыть особенности осмотра места происшествия следователем в зависимости от конкретного места обнаружения трупа младенца при наличии оснований полагать, что совершено его убийство, а также некоторых действий, обусловленных его тактическим взаимодействием с сотрудниками оперативных подразделений, направленных на установление виновных в детоубийстве.

Литература

1. Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. М., 1997.

2. Коршунов В.М. Следы на месте происшествия. М., 2001.

3. Россинский С.Б. Следственные действия. М., 2018.

4. Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М., 2016.

5. Сапожников И.В. Криминалистика в судебной медицине. М., 1957.

6. Григорьев В.Н., Прушинский Ю.В. Первоначальные действия при получении сведений о преступнике. М., 2012.

Bibliography

1. Livshits E.M., Belkin R.S. Tactics of investigative actions. M., 1997.

2. Korshunov V.M. Traces at the scene of the incident. M., 2001.

3. Rossinsky S.B. Investigative actions. M., 2018.

4. Akhmedshin R.L. Tactics of search investigative actions. M., 2016.

5. Sapozhnikov I.V. Criminalistics in forensic medicine. M., 1957.

6. Grigoriev V.N., Prushinsky Yu.V. Initial actions in obtaining information about the criminal. M., 2012.

УДК 343.97 : 343.85.1
ББК 67.5

© 2021 г. Рыжкова Ольга Анатольевна,
преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: cosmopolitan24@yandex.ru

Костенко Наталья Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: sns8383@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И ПРОФИЛАКТИКА ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье предлагаются некоторые профилактические меры по предупреждению корыстных преступлений несовершеннолетних.

***Ключевые слова**: несовершеннолетний, родители несовершеннолетнего, преступление, профилактика преступлений.*

Ryzhkova Olga Anatolievna – Lecturer, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

Kostenko Natalya Sergeevna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

PECULIARITIES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF MINORS WHO COMMIT REDUCED CRIMES AND THEIR PREVENTION

The article proposes some preventive measures to prevent the mercenary crimes of minors.

***Keywords**: minor, parents of minor, crime, crime prevention.*

В последнее время в России, как и во всем мире, социальная и материальная напряженность в обществе продолжает усугубляться, что вызвано различными причинами (политическими, экономическими и т. д.).

Несмотря на то, что в 2020 году отмечено снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, на 9,1 % [1], что в большей степени является результатом эффективности профилактической работы подразделений МВД России с данной возрастной группой населения страны, число осужденных лиц в возрасте 14–17 лет остается внушительным. Так, в 2020 году в отношении 14 703 подростков (14–15 лет – 4 627 лиц, 16–17 лет – 10 076 лиц) вынесены обвинительные приговоры, из которых большую часть составляют решения по преступлениям против собственности – 11 557 осужденных [2].

Такую ситуацию продолжают порождать бедность и экономическое неравенство граждан, уровень материального достатка и благополучия семьи, который порой не достаточен для удовлетворения минимальных потребностей семьи. Кроме того, показатели культурных и духовных ценностей, норм морали и образованности также продолжают стремительно снижаться. Такая неблагоприятная атмосфера не может не порождать ответную реакцию подростков – жестокость и озлобленность, алчность.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года указано, что «Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни» [3]. Актуальность именно этого вопроса как приоритетного направления развития нашей страны подняты Президентом РФ совершенно обоснованно, ведь формирование личности подростков в современных условиях дефицита моральных и материальных ресурсов приводит ее к искаженному

формированию. Ложные ценности, распространение недостоверной, «фейковой» и негативной информации через СМИ, современные фильмы и программы, которые в настоящий момент хотя и имеют ценз возрастных ограничений, но в то же время продолжают культивировать в детях приоритет материальных ценностей, легкость наживы, безнравственность и безнаказанность. Зачастую подобная информация с телеканалов транслируется и в дневное время, поэтому доступна для просмотра подростками, особенно если родители находятся на работе. Любые современные формы досуга подростков, такие как прослушивание современной музыки и посещение сети Интернет в целом также поощряют цинизм и желание выделиться среди сверстников любой ценой.

Всемирная паутина, конечно, давно уже занимает отдельную страницу в жизни не только детей, но и человечества в целом. Доступность любого вида информации губительно влияет на формирование личности подростка, предлагая ему ложные ценности. Виртуальный мир зачастую начинает подменять несовершеннолетним реальность и обещает подросткам легкую наживу, возможность безнаказанно похищать материальные блага (дорогие телефоны, планшеты и т. д.), если родители не могут обеспечить ребенка желаемым предметом. Отсюда и смещение вектора норм морали у современного поколения.

Безусловно, при формировании личности несовершеннолетнего первостепенная роль отводится климату внутри семьи, уровню ее социального благополучия, жизни и культуры общения. С ранних лет подросток, развиваясь в семейной обстановке, впитывает и перенимает у взрослых членов семьи не только моральные ценности, но и многие аспекты социализации: способы достижения целей, навыки коммуникации, толерантность и т. д. Такие понятия, как моральные ценности, честь и достоинство, нормы социального поведения в некоторых семьях, к сожалению, полностью искажаются. То, что одни родители сочтут аморальным и настораживающим в поступках своего ребенка, другие отнесут к детским шалостям, не приняв никаких мер.

Такого же мнения придерживается и В.В. Леоненко, которая отмечает тот факт, что «как свидетельствует следственно-судебная практика, помимо перечисленных выше обстоятельств нередко необходимо также выяснить: состав и возраст членов семьи, их образование, профессию, должность, место работы и учебы, взаимоотношения между членами семьи, их культурный и моральный уровень, привлекался ли ранее кто-либо из них к ответственности за правонарушения и преступления. Иногда бывает полезным выяснить жилищные и материальные условия жизни семьи, состояние психического и физического здоровья каждого ее члена. Выясняя, как родители или лица, их замещающие, выполняют свои обязанности по воспитанию детей, следует устанавливать, пользуются ли они авторитетом у подростка и способны ли влиять на него, осуществляют ли они контроль (и в какой форме) за его учебой, работой, досугом» [4, с. 23].

Например, известен случай, когда благополучная семья с двумя детьми удочерила из детского дома девочку Н. 5 лет. Приемный ребенок воспитывался и развивался, обучался морально-нравственным ценностям, как и родные дети, а также получал одинаковые материальные блага. В возрасте 8 лет удочеренная девочка похитила сумку, оставленную без присмотра пожилой женщиной. Родители сами вернули украденное потерпевшей и не сообщили об этом в органы опеки и попечительства, а также в подразделения по делам несовершеннолетних. Они попытались самостоятельно разъяснить ребенку, что такой поступок является противоправным и влечет за собой уголовную ответственность. Соответственно, сотрудник правоохранительных органов такую разъяснительную беседу с подростком, совершившим корыстное преступление, не проводил.

В подобных ситуациях, когда несовершеннолетний совершает корыстные преступления и о данном факте становится известно родителям, законным представителям или опекунам и попечителям, то они зачастую пытаются скрыть это от правоохранительных органов и самостоятельно провести разъяснительною беседу. Однако, если индивидуальную профилактическую работу проводит сотрудник правоохранительных органов, то, как правило, несовершеннолетние воспринимают свой противоправный поступок более серьезно. В данном случае профилактическую и воспитательную роль играют уже такие факторы, как место проведения разъяснительной беседы (территориальный орган ОВД, опорный пункт участкового уполномоченного полиции и т. д.) или сама форма сотрудника органов внутренних дел и, конечно, профессиональная грамотность проведения беседы.

Однако с вышеуказанной семьей сотрудник полиции, к сожалению, не работал, что и послужило причиной повторного совершения противоправного действия. В возрасте 11 лет указанная девочка совершила кражу планшета у

старшего ребенка семьи и продала его однокласснику. Только после этого родители обратились в отдел опеки и попечительства, подразделение по делам несовершеннолетних и к детскому психологу. Вышеуказанные специалисты разъяснили приемным родителям, что до 5 лет ребенок воспитывался в детском доме и усвоил совершенно иные нормы допустимого поведения и способы достижения желаемых целей. Разъяснительная беседа, проведенная приемными родителями, не смогла донести до несовершеннолетней всю серьезность совершенного ею корыстного преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность. В ходе беседы с психологом подросток пояснила, что, находясь в детском доме, ей иногда приходилось забирать чужой хлеб, чтобы наесться или прятать понравившуюся куклу, то есть самой добывать себе желаемое разными способами.

Чрезвычайно важно отследить предпосылки формирования личности несовершеннолетнего, имеющего девиантные наклонности. Как правило, такое отклонение от общепринятых социальных и этических норм у подростков не проходит незаметно. Асоциальное поведение может начинать проявляться в школьной жизни, семейных взаимоотношениях, отношениях со сверстниками.

У несовершеннолетних в переходном возрасте отмечается чрезмерное эмоциональное реагирование на складывающиеся ситуации, стремление занять свое место в социальной группе, самовыражение любой ценой. Иногда такие возрастные особенности выходят за рамки дозволенного. Параллельно наблюдается яркое стремление принимать самостоятельные решения, попытки выйти из-под родительской опеки и школьного контроля. Сложный период развития личности подростка, накладывающийся на внутрисемейные конфликты ребенка с родителями, развитие в неблагополучной семье или в группе сверстников, ведущих аморальный образ жизни, может способствовать формированию девиантного отклонения.

Несовершеннолетние часто действуют, опираясь на свои внутренние убеждения, поэтому пусковым фактором, обуславливающим возможные социальные нарушения у подростков, можно считать упущения родительского воспитания, которые особенно интенсивно проявляются в переходном возрасте.

Если родители обходят ребенка вниманием и заботой, не дают ему чувства защищенности и уверенности, подросток не получает поддержку со стороны родственников, то, как правило, у него начинает формироваться чувство неполноценности, неудовлетворенности, желание самоутвердиться любой ценой. Еще не до конца сформировавшаяся личность несовершеннолетнего подвергается риску социальных отклонений. Совокупность вышеуказанных предпосылок ведет к дальнейшему прогрессированию девиантных нарушений у несовершеннолетних.

Также мы можем говорить о значительном влиянии личностных характеристик несовершеннолетних на формирование преступной мотивации корыстной направленности. Такие качества характера, как безответственность, неуверенность в себе, завистливость в сочетании с негативными факторами и недостатком жизненного опыта ведут подростков к формированию преступной мотивации. Нежелание нести ответственность за последствия своих поступков, контролировать свои эмоциональные порывы и отсутствие родительского контроля могут отрицательно повлиять на поступки несовершеннолетнего, обуславливая его выбор противоправного поведения и формируя предпосылки противоправной деятельности. Личностные качества несовершеннолетнего, его индивидуальная характеристика, особенности развития всегда находятся в корреляционной связи с преступной мотивацией. Сбор и анализ сотрудником органов внутренних дел вышеуказанных криминалистически значимых сведений о личности несовершеннолетнего могут способствовать установлению причин преступной направленности и мотивации подростка, помочь на первоначальном этапе расследования корыстных преступлений.

Было замечено, что при совершении подростками имущественных преступлений в среде несовершеннолетних в некоторых семьях родители не только не обозначали ребенку, насколько серьезное противоправное деяние он совершил, но и пытались в присутствии сотрудников органов внутренних дел высказать свою позицию о незначительности совершенного им преступления. Одни семьи были заняты на работе и корыстное противоправное деяние относили к шалостям, другие испытывали материальные трудности и старались обеспечить несовершеннолетнего, не уделяя внимания самому процессу воспитания личности подростка. Такая позиция родителей только укрепляет в сознании несовершеннолетнего возможность совершения преступлений, так как круг дозволенного поведения и противоправного в понимании конкретной семьи субъективны. Подобная ситуация может повлиять на формирование у подростка антиобщественных позиций.

Своевременное выявление девиантных отклонений у несовершеннолетних и проведение профилактической работы сотрудниками

органов внутренних дел играют особую роль. Рассматривая организационно-правовые особенности профилактических мероприятий, мы можем говорить о необходимости ее осуществления на государственном, общественном, внутрисемейном и социальном уровнях.

Принято выделять первичную, вторичную и третичную профилактику. В профилактической деятельности по предотвращению девиантного поведения несовершеннолетних первичная профилактика будет направлена на нейтрализацию различных негативно влияющих факторов, а также на формирование устойчивости личности к этим факторам. Вторичная профилактика заключается в раннем выявлении различных поведенческих отклонений и направлена на работу с несовершеннолетними, имеющими склонность к девиантному поведению, но не проявляющими его. Третичная профилактика направлена на предупреждение повторных случаев проявления девиантного поведения у несовершеннолетних с уже сформировавшимися отклонениями в поведении [5, с. 121].

Поэтому считаем, что для эффективности проведения сотрудником органов внутренних дел профилактической беседы с подростком, совершившим корыстное преступление, необходимо:

– провести беседу с родителями несовершеннолетнего, чтобы выяснить их морально-правовые ориентиры, участвующие в воспитании ребенка;

– выяснить нормы дозволенного и противоправного для подростка при выявлении отклоняющегося вектора от норм морали, задействовать в проведении индивидуально-профилактической беседы родителей и психолога;

– запросить с места работы и проживания характеристики родителей, законных представителей;

– запросить из школьного учреждения характеристику на несовершеннолетнего;

– установить, не совершал ли подросток еще каких-либо противоправных деяний, о которых не известно сотрудникам органам внутренних дел.

Если корыстное преступление совершил именно приемный ребенок, сотруднику органов внутренних дел также необходимо провести следующие мероприятия:

– провести беседу с сотрудниками учреждения для детей, оставленных без попечения родителей, о личных визуальных наблюдениях за особенностями подростка;

– запросить характеристику из детского дома, в котором воспитывался приемный ребенок до момента усыновления;

– пригласить психолога для установления условий содержания в детском доме, причин, способствовавших корыстному совершению преступлений, какими были его отношения со сверстниками, что он осуждал в их поведении, а с чем был согласен.

Как видим, именно исчерпывающая криминалистическая информация о подростке, совершившем корыстное преступление, и ее грамотное использование сотрудником органов внутренних не позволят вырастить из несовершеннолетнего закоренелого преступника. Своевременная беседа с родителями, законными представителями, усыновителями ребенка и разъяснение ему общих норм морали и права, недопустимости замалчивания фактов противоправных действий подростка послужат хорошей профилактикой. Необходимо пояснить, что своевременное правильное реагирование внутри семьи на те или иные поступки несовершеннолетнего могут предотвратить негативные последствия как для ребенка, так и общества в целом. С семьями, имеющими усыновленных детей, которые определенное время воспитывались в детских домах, сотрудникам органов внутренних дел стоит проводить особую разъяснительную беседу, опираясь на криминалистическую характеристику несовершеннолетнего, с привлечением соответствующих специалистов.

К сожалению, практике известны случаи, когда профилактическая беседа сотрудниками органов внутренних дел, подразделениями по делам несовершеннолетних своевременно проводилась с подростком, совершившим корыстное преступление, но, возвращаясь домой, ребенок снова опирался на субъективное мировоззрение семьи о произошедшем событии. Если рамки дозволенного и противоправного размыты и соответствующая реакция со стороны родителей не поступает, то работа, проведенная сотрудниками полиции, может не возыметь необходимого результата.

Ручкин А.Н. также замечает, что сотрудникам органов внутренних дел ежедневно приходится уделять внимание как преступлениям, так и административным правонарушениям, а также их профилактике: «Наряду с этим следует отметить и такую характеристику административных правонарушений, как множественность, порожденную обширностью среды правового регулирования административных правил и обусловливающую отвлечение значительных сил и средств правоохранительных органов на борьбу с ними [6, с. 49].

Корыстные преступления несовершеннолетних тесно связаны и с корыстными правонарушениями, а также с незарегистрированными

корыстными посягательствами, которые выступают в качестве фактора, обуславливающего их.

С целью решения основных организационно-правовых и тактических задач по предотвращению усугубления девиантных отклонений несовершеннолетних хотелось бы внести дополнения в Приказ № 205 МВД России от 29.03.2019 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» и изложить п. 33.7 в следующей редакции [7]:

«С родителями, опекунами и законными представителями несовершеннолетнего, совершившего корыстное преступление или административное правонарушение корыстной направленности (ст. 7.27 КоАП РФ), зарегистрированное в органах внутренних дел, или когда факт совершения противоправного деяния подростком установлен, но заявление не поступило [7]:

а) основанием для проведения индивидуальной профилактической работы является информация подразделения по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, других муниципальных органов;

б) участковый уполномоченный полиции и сотрудник по делам несовершеннолетних посещают родителей и попечителей, несовершеннолетнего, совершившего корыстное преступление или административное правонарушение корыстной направленности по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в квартал. Участковый уполномоченный полиции проводит профилактическую беседу с законными представителями ребенка, а сотрудник ПДН непосредственно с подростком;

в) индивидуальная профилактическая работа с семьей несовершеннолетнего, совершившего корыстное преступление, а также, если преступление не зарегистрировано в ОВД, но о нем стало известно сотрудникам правоохранительных органов, проводится в течение одного квартала с даты принятия решения о ее проведении;

г) совершение несовершеннолетним повторных корыстных преступлений или административных правонарушений корыстной направленности является основанием для продления индивидуальной профилактической работы».

Вышеуказанное дополнение в Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205, по нашему мнению, позволит решить основные организационно-правовые особенности профилактической работы по предупреждению корыстных преступлений несовершеннолетних, а также повысит общую результативность борьбы с правонарушениями в этом направлении.

Литература

1. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450/.

2. URL: URL: http://www.cdep.ru/index.

3. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582/.

4. Леоненко В.В. Судебное производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. Киев, 1987.

5. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М., 2004.

6. Ручкин А.Н. К вопросу о понятии и видах административных правонарушений корыстной направленности // Юристъ-Правоведъ. 2005. № 3.

7. Приказ МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организация этой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450/.

2. URL: http://www.cdep.ru/index.

3. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582/.

4. Leonenko V.V. Judicial proceedings in cases of juvenile crimes. Kiev, 1987.

5. Zmanovskaya E.V. Deviantology. M., 2003.

6. Ruchkin A.N. On the question of the concept and types of administrative offenses of a mercenary orientation. 2005. № 3.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 205 of 29.03.2019 «On the service of the district police commissioner in the administrative area served and the organization of this activity» // LRS «Consultant-Plus».

8. Federal Law № 195-FL of 30.12.2001 «Code of the Russian Federation on Administrative Offences» // LRS «ConsultantPlus».

УДК 351.745.7
ББК 67.7

© 2021 г. **Захаров Николай Дмитриевич,**
адъюнкт Волгоградской академии МВД России.

Смагоринский Борис Павлович,
профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России доктор юридических наук, профессор.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Статья посвящена вопросам ведомственной оценки деятельности оперативных подразделений ОВД по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, половая неприкосновенность, сеть Интернет, оценка деятельности, совершенствование деятельности ОВД.*

Zakharov Nickolay Dmitrievich – Adjunct, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Smagorinsky Boris Pavlovich – Professor, the Department of Criminalistics, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Leading Researcher of the FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor.

TO THE ISSUE OF THE EVALUATION CRITERIA ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS TO COMBAT CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS COMMITTED USING THE INTERNET

The article is devoted to the issues of departmental assessment of the activities of the operational units of the Internal Affairs Directorate in the fight against crimes against the sexual inviolability of minors committed using the Internet.

Keywords: *minors, sexual integrity, the Internet, evaluation, improvement of the activities of the Department of Internal Affairs.*

XXI-й век ознаменовался повсеместным внедрением информационных технологий в повседневную жизнь граждан нашей страны. Россия занимает 8-е место в списке стран с наибольшим количеством пользователей сети Интернет с показателями в 116,3 млн пользователей, что составляет более 80 % от общего населения страны. Для сравнения, в 2000 году количество российских пользователей сети Интернет составляло 3 100 000, а их рост к 2020 году составил 3 751 % [1].

Новые технологические решения, развитие информационной среды в целом оказывают неоценимую помощь человеческой цивилизации. Важность информационных технологий в современных условиях Россия, как и все мировое сообщество, ощутила и в связи с пандемией COVID-19. Трудно переоценить значение дистанционного обучения, а также возможность предоставления услуг, в том числе и государственных, с использованием сети Интернет в условиях применения мер ограничительного характера.

Вместе с тем достижения, потенциал и безграничные возможности науки и техники используются и для осуществления противоправной деятельности, что предопределило и динамический рост компьютерной преступности как в мире, так и в России в частности. «Межгосударственная интеграция, новые средства коммуникации, развитие международной электронной торговли породили такое негативное явление, как криминальная глобализация», – отмечают современные российские ученые [2, с. 13].

Указанные негативные последствия создают новые угрозы для развития общества и государства. Современные информационные технологии не видят преград в границах между государствами, в обмене информацией между различными организациями и пользователями со всего мира. В связи с этим перед

государством возникают и дополнительные угрозы как внешнего, так и внутреннего характера.

Осознание наличия определенных проблем, с которыми сталкиваются несовершеннолетние в сети Интернет, диктовало необходимость в принятии соответствующих решений на государственном уровне. В 2015 году Правительством Российской Федерации утверждена Концепция информационной безопасности детей [3], которая, основываясь на принципе ответственности государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере, призвана создавать необходимые условия для формирования в информационной среде благоприятной атмосферы для детей.

Опираясь на данные статистики о зарегистрированных преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, отметим, что количество подобных посягательств имеет устоявшуюся тенденцию к увеличению [4]. О недостаточном противодействии преступлениям в отношении несовершеннолетних заявляла и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, отмечая, что существенное увеличение количества сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетних обусловливает актуальность усиления мер защиты детей от сексуального насилия. В том числе большое количество таких преступлений связано с активной деятельностью несовершеннолетних в сети Интернет [5].

Явление, получившее название «интернет-педофилия», представляет собой ряд противоправных действий, связанных с сексуальной эксплуатацией детей в сети Интернет. К таким действиям можно отнести:

– целенаправленные знакомства с малолетними в сети Интернет для установления дружеских, доверительных отношений с целью дальнейшего вступления в сексуальные отношения, так называемый «груминг»;

– переписка с малолетними в социальных сетях, в ходе которой осуществляются развратные действия, включающие в себя циничные разговоры на тему сексуальных отношений, предложения к просмотру порнографических материалов, так называемый «секстинг»;

– распространение порнографических материалов, в том числе с участием несовершеннолетних, а также использование самого несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов путем уговоров, шантажа, в сети Интернет.

Согласно данным статистического исследования, проведенного крупнейшей отечественной медиакомпанией «Mediascope», в 2020 году в сеть Интернет ежемесячно выходило 95,6 млн россиян (78,1 % населения всей страны старше 12 лет), а распространение Интернета в России среди группы населения от 12 до 24 лет приблизилось к 100 % [6].

Современными исследованиями отмечается тенденция, согласно которой дети начинают самостоятельно пользоваться сетью Интернет уже в 4–5 лет, а у половины из них есть собственный гаджет, при помощи которого они имеют возможность выходить в сеть. При этом наиболее популярными ресурсами отечественного сегмента Интернета являются ресурсы «ВКонтакте», «Instagram» и «Youtube» [7].

По результатам исследований, проводимых крупнейшей международной благотворительной организацией «Internet Watch Foundation – IWF», занимающейся поиском и удалением материалов в сети Интернет с изображением детей, страдающих от сексуального насилия, в 2009 году было выявлено всего 8 844 подобных ресурса в мире, а в 2019 году уже 117 359 ресурсов, что на 1 227 % больше. Из них в 2019 году 4 121 ресурс (3 %) был размещен с российских серверов. Всего же в 2019 году 89 % известных URL-адресов, содержащих материалы о сексуальном насилии над детьми, размещались в Европе, из них 71 % материалов в Нидерландах» [8].

Основываясь на результатах, полученных в рамках проведенного диссертационного исследования, А.В. Польшиков полагает, что около 80–90 % всей порнографической продукции распространяется именно с помощью сети Интернет [9, с. 57].

Изучение статистических данных уголовно-правовой статистики показывает, что, несмотря на общее снижение преступности в стране, в течение последних лет наблюдается как рост общего количества сексуальных преступлений, так и преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

За 2017 год зарегистрировано 18 тыс., за 2018 год – 18,7 тыс., 2019 год – 19,5 тыс., 2020 год – 20,8 тыс. сексуальных преступлений, предусмотренных статьями 131–135 и 242–242.2 УК РФ. Прирост за это время составил

2,8 тыс. преступлений – 15,5 %. Из общего массива преступлений против половой свободы и неприкосновенности выделяется количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних – с 13 487 преступлений в 2017 к 15 822 преступлениям в 2020 году, а рост числа подобных деяний составил 14,7 %.

Из приведенного общего количества преступлений в сфере оборота порнографических материалов по России установлено, что абсолютное большинство подобных деяний выявляется сотрудниками ОВД, из них – большая часть сотрудниками подразделений специальных технических мероприятий (Управление «К» БСТМ) [10]. Указанное обстоятельство объективно свидетельствует о необходимости рассмотрения и оценки деятельности именно оперативных подразделений ОВД как основных субъектов выявления и раскрытия преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Таким образом, сложившаяся в рассматриваемой сфере ситуация свидетельствует о необходимости принятия комплекса мер, направленных на снижение количества преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети Интернет.

Анализ результатов деятельности органов внутренних дел по вопросам эффективности работы по выявлению, пресечению, расследованию и предупреждению преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о недостаточности принимаемых мер.

Данное обстоятельство было отмечено в решении Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации «Об эффективности работы по выявлению, пресечению, расследованию и предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий», на котором

Таблица 1

Субъекты, выявившие преступления в сфере незаконного оборота порнографических материалов, зарегистрированные на территории РФ (2018–2020 г.)

Статья УК /год	Всего преступлений	Следственный комитет РФ	МВД / из них сотр. БСТМ	ФСБ	Прокуратура	ФСИН
242						
2018	725	70	645/491	1	9	0
2019	972	39	907/683	0	26	0
2020	1 372	78	1 236/927	13	45	0
242.1						
2018	548	26	509/414	9	4	0
2019	704	35	666/553	0	2	0
2020	545	58	485/429	1	1	0
242.2						
2018	195	3	192/165	0	0	0
2019	240	8	232/196	0	0	0
2020	182	14	164/134	0	4	0

Согласно сведениям ГИАЦ МВД России о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации за период времени с 2017 по 2020 год, впечатляют своими масштабами цифры роста: от 90 587 преступлений в 2017 году к 510 396 в 2020 году (463 %), учитывая, что уровень их раскрываемости, в среднем, не превышает 20 % [11].

отмечалось, что количество киберпреступлений в России из года в год увеличивается, а деятельность созданных более 20 лет назад специализированных подразделений не всегда соответствует масштабу и скорости распространения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий [12].

Реагируя на современные вызовы преступности, по итогам заседания коллегии МВД России в 2019 году в структуре Министерства созданы подразделения, специализирующиеся на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий. «В рамках указанных организационно-штатных изменений планируется существенно увеличить штат БСТМ МВД России, а также его подразделения на региональном уровне», – сообщила официальный представитель МВД России И.В. Волк [13].

По итогам заседания коллегии МВД России в 2020 году Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев подчеркнул: «…учитывая масштабы распространения киберпреступлений, разнообразие схем и методов их совершения, отсутствие единых алгоритмов выявления и раскрытия, мерами исключительно организационного и оперативно-розыскного характера добиться кардинального улучшения ситуации невозможно. Новые подразделения должны быть не только укомплектованы профессионально подготовленными кадрами, но и оснащены современным высокотехнологическим оборудованием, для чего понадобятся значительные бюджетные средства» [14].

Исходя из вышесказанного, не вызывает сомнений актуальность изучения современного состояния деятельности оперативных подразделений МВД России в рассматриваемой сфере, а, значит, и оценка ее эффективности.

Эффективность усилий ОВД в определенном направлении оперативно-служебной деятельности оценивается на основании Приказа МВД России № 1040 от 31 декабря 2013 года «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», в соответствии с которым оценка деятельности территориального ОВД складывается из:

а) вневедомственной оценки его деятельности, основанной на использовании социологической и иной информации, отражающей мнение населения о деятельности территориального органа МВД России;

б) ведомственной оценки, включающей в себя:

– экспертную оценку, формирующуюся на основе оценок, выставленных по направлениям деятельности департаментами, управлениями, учреждениями, главными инспекторами МВД России по материалам, полученным в рамках осуществления зонального контроля.

– оценку по статистическим показателям, отражающим конечный результат деятельности органа МВД России по определенным направлениям.

На основании вышеуказанного Приказа МВД, учитывая особенности, характерные для преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, для оценки оперативно-служебной деятельности оперативных подразделений ОВД в данном направлении, по мнению авторов, целесообразно выделить следующие критерии, подлежащие анализу:

1) эффективность деятельности ОВД, оценивающаяся по ведомственным показателям и складывающаяся из:

а) статистических сведений о состоянии преступности за определенный период;

б) количества лиц, осужденных за совершение преступлений;

в) количественных показателей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности соответствующих подразделений, основанных на показателях качества ведения дел оперативного учета (далее – ДОУ);

2) эффективность деятельности ОВД, оценивающаяся на основании общественного мнения, а также уровня взаимодействия с общественными организациями и объединениями, инициативно оказывающими помощь ОВД в выявлении преступлений;

3) эффективность международного сотрудничества и межведомственного взаимодействия МВД России с другими субъектами по вопросам предупреждения, выявления и раскрытия половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Складывающееся общественное мнение о работе полиции и является одним из основных критериев оценки ее деятельности, что прямо закреплено в ст. 9 Федерального закона «О полиции» [15], в соответствии с положением которой МВД России проводит постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества.

Половые преступления, особенно совершенные в отношении несовершеннолетних, вызывают большой общественный резонанс и повышенное внимание. Факты совершения

сексуальных преступлений негативно сказываются на оценке населением деятельности правоохранительных органов.

В связи с этим в официальных пресс-релизах правоохранительных ведомств, выступлениях должностных лиц нечасто делаются акценты о совершенных преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в частности в сети Интернет, однако количество подобных посягательств растет. По нашему мнению, справедливо по данному факту резюмируют О.В. Зуева и Н.Н. Демидов, отмечающие, что такое положение связано не столько с улучшением работы полиции в целом, сколько с характером подаваемой информации гражданам, которая так или иначе формирует определенные установки и стереотипы [16, с. 83].

Принимая наличие определенных проблем в обеспечении безопасности российского сегмента сети Интернет, органы государственной власти, основываясь на результатах мониторинга взаимодействия с институтами гражданского общества, принимают участие в деятельности различных общественных организаций и объединений, ставящих перед собой цели по созданию условий для безопасного использования Интернета подрастающим поколением. «Лига безопасного Интернета» – крупнейшая в России организация, созданная в целях борьбы с распространением запрещенной информации на просторах Рунета, где в круглосуточном режиме функционируют горячие линии по приему информации [17].

Рассматриваемые виды преступлений находятся под постоянным вниманием общественности, которая посредством создания и функционирования волонтерских движений оказывает существенную помощь правоохранительным органам по вопросам выявления фактов совращения несовершеннолетних в сети Интернет.

Необходимо отметить, что установление общественного контроля имеет важное профилактическое значение в рамках противодействия преступности в сети Интернет, позволяет гражданам принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие такой незаконной деятельности.

Правоохранительные органы при этом должны использовать полученную от представителей таких организаций информацию, проверяя ее при помощи имеющихся в арсенале технических и оперативно-розыскных возможностей. Представляется, что повышение качества проверки поступающей от подобных организаций информации будет оказывать положительное влияние на имидж ОВД в глазах общественности.

На смену физическим (контактным) развратным действиям пришли «виртуальные» развратные действия и действия по распространению порнографических материалов, в том числе с участием несовершеннолетних, в Интернете. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости налаживания международного сотрудничества, а также межведомственного взаимодействия внутри страны по вопросам предупреждения и раскрытия преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

Трансграничность развратных действий в Интернете и распространения порнографии характеризуются возможностью нахождения злоумышленника и малолетнего под юрисдикцией различных государств, что в значительной мере затрудняет оперативное взаимодействие с правоохранительными органами и, в конечном итоге, установление личности преступника.

К положительным факторам, оказывающим воздействие на борьбу с рассматриваемыми преступлениями, стоит отнести проводимое ежегодно БСТМ МВД России международное оперативно-профилактическое мероприятие «Сорняк», направленное на выявление лиц, осуществляющих незаконный оборот порнографической продукции.

Вместе с тем отсутствует оперативное и отлаженное межведомственное взаимодействие по вопросам создания и ведения единой информационной системы, в которую бы заносились все имеющиеся сведения о лицах, совершающих половые преступления, о сетевых ресурсах, с использованием которых осуществляются противоправные действия, о различных источниках получения дохода от противоправной деятельности и так далее. Обмен информацией в указанной сфере значительно бы расширил возможности государства по борьбе с рассматриваемыми преступлениями. Научные разработки и методики, имеющиеся на вооружении каждого из правоохранительных ведомств, также внесут свой вклад в создание и выработку общих рекомендаций по изучаемой проблематике.

Таким образом, в результате проведенного анализа состояния деятельности ОВД по

выявлению и раскрытию рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, необходимо выделить некоторые недостатки, устранение которых позволит МВД России повысить качество оперативно-служебной деятельности в данном направлении.

Во-первых, количество функционирующих в сети Интернет ресурсов с размещенными на них порнографическими материалами с участием несовершеннолетних явно не идет в сравнение с количеством зарегистрированных преступлений. Сюда же можно отнести и количество сообществ в социальных сетях соответствующей направленности, количество фактов склонения несовершеннолетних к виртуальным развратным действиям. Отсюда недостатки в выявлении соответствующих ресурсов в сети Интернет.

Во-вторых, указанные ресурсы постоянно пополняются новыми пользователями, лицами, их посещающими. Отсюда недостаточная работа в выявлении и постановке на учет лиц, представляющих оперативный интерес.

В-третьих, для выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, сотрудникам полиции необходимы современные специальные средства, позволяющие выявлять преступные деяния с учетом возможностей современных технологий.

Следовательно, помимо наличия современных средств выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, необходимо наличие у сотрудников полиции соответствующих знаний, умений и навыков по их использованию, учитывая требования действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики. Отсюда недостаточное количество в нормативных правовых актах, методических рекомендациях, научных исследованиях в системе МВД соответствующих разъяснений.

Сложность и многоплановость сферы борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенными с использованием сети Интернет, объективно предполагает совершенствование критериев оценки деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений и их дальнейшему применению в практической деятельности.

Литература

1. URL: https://www.internetworldstats.com/top20.htm.

2. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. М., 2019.

3. Распоряжение Правительства России от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей».

4. Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие по России (форма 455, кн. 11) за январь–декабрь 2017, 2018, 2019, 2020.

5. URL: https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html.

6. URL: https://mediascope.net/news/1250827/.

7. URL: https://internetinstitute.ru/detskii-runet-2018-otraslevoi-doklad/.

8. URL: https://www.iwf.org.uk/report/2009-annual-report.

9. Польшиков А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

Bibliography

1. URL: https://www.internetworldstats.com/top20.htm.

2. The activity of bodies of internal Affairs to combat crimes committed using information, communication and high technologies: textbook. M., 2019.

3. On Approval of the Concept of Information Security for Children: Decree of the Government of the Russian Federation of 02.12.2015 № 2471-r // LRS «ConsultantPlus».

4. Information on crimes for in Russia (form 455, book 11) for January–December 2017, 2018, 2019, 2020.

5. URL: https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html.

6. URL: https://mediascope.net/news/1250827/.

7. URL: https://internetinstitute.ru/detskii-runet-2018-otraslevoi-doklad/.

8. URL: https://www.iwf.org.uk/report/2009-annual-report.

9. Polshikov A.V. Criminal-legal and criminological measures to combat the production and circulation of materials with pornographic images of minors on the Internet: dis. ... PhD in law. Tambov, 2009.

10. О состоянии преступности и результатах расследования преступлений по России (форма «4-ЕГС» (494), кн. 107) и отчет о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ) за январь 2018, 2019, 2020.

11. Отчет о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ) за январь–декабрь 2017, 2018, 2019, 2020.

12. URL: www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1122742.

13. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/18809813/.

14. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/.

15. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

16. Зуева О.В., Демидов Н.Н. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 3 (33).

17. URL: www.ligainternet.ru.

10. On the state of crime and the results of the investigation of crimes in Russia (form «4-EGS» (494), book 107) and the Report on crimes committed in the field of telecommunications and computer information (form 1-VT) for January 2018, 2019, 2020.

11. Report on crimes committed in the field of telecommunications and computer information (form 1-VT) for January–December 2017, 2018, 2019, 2020.

12. URL: www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1122742.

13. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/18809813/.

14. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/.

15. About the police: Federal Law from 7.02.2011 № 3-FL // LRS «ConsultantPlus».

16. Zueva O.V., Demidov N.N. The influence of mass media on the assessment of the effectiveness of the police (based on the results of sociological research) // Science Journal Of Volgograd State University. 2016. № 3 (33).

17. URL: www.ligainternet.ru.

УДК 343.985.7 : 343.72
ББК 67.52

© 2021 г. Малянова Карина Петровна,
доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

В данной статье рассматриваются способы совершения мошенничества с использованием средств электронного платежа, проблемы, возникающие у сотрудников правоохранительных органов в процессе расследования указанных преступлений, и пути решения.

***Ключевые слова**: электронные средства платежа, высокие технологии, фишинг, скимминг, процесс цифровизации, расследование преступлений, обеспечение информационной безопасности.*

Maliynova Karina Petrovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics and Operative Search Activity, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CURRENT PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT BODIES IN IDENTIFICATION AND DISCLOSURE OF CRIMES USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

This article discusses ways of committing fraud using electronic payment means, the problems that law enforcement officers face in the process of investigating these crimes and solutions.

***Keywords:** electronic means of payment, high technologies, phishing, skimming, digitalization process, crime investigation, information security.*

Одним из приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации является развитие информационных и телекоммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры. Данное положение было определено Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Процесс цифровизации затронул все стороны жизнедеятельности общества. С внедрением современных информационных технологий в практическую деятельность государственных, в том числе правоохранительных органов, банковских и коммерческих структур актуализировалась проблема обеспечения информационной безопасности.

Информационная система стала местом хранения большого количества персональной информации пользователей. Начиная с копий документов, удостоверяющих личность, которые передаются по электронной почте, заканчивая реквизитами банковских карт, находящихся на сервисах платежных систем.

Стремительное развитие цифровой экономики и высоких технологий наряду с глобализацией общества не могли не сказаться на состоянии преступности в стране.

Сейчас настал период, когда отделить внутреннюю угрозу от внешней становится очень сложно. Наращиваются скорости передачи данных, ее обработки и поглощения. Все это влияет на период и метод контактов между людьми. Например, сегодня план атаки на предприятие можно организовать удаленно, связавшись с пособниками по сотовой связи. Чтобы начать реализовывать преступный замысел, не надо ожидать письма из другого государства, а достаточно просто написать в мессенджере. Эти простые примеры наглядно показывают, что для подготовки к совершению преступления требуется значительно меньше времени. На сегодняшний день обеспечению безопасности необходимо уделять еще больше времени, сил и средств, так как появляются новые инструменты и орудия совершения преступлений.

В настоящее время электронные средства платежа являются одними из самых распространенных способов оплаты товаров и услуг во всем мире. В нашей стране около 70 % всех расчетов осуществляются безналичными денежными средствами.

За последние пять лет можно наблюдать тенденцию вытеснения платежных карт бесконтактными способами оплаты, такими как мобильные телефоны, а также электронные часы с установленным на них специальным программным обеспечением для считывания терминалами оплаты.

В связи с распространением во всем мире пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 электронная система расчетов в настоящее время приобрела наибольшую популярность. Поскольку в период самоизоляции с ее помощью государство осуществляло различного рода выплаты, граждане получали заработную плату, осуществляли покупку товаров через сеть Интернет и т. д. Однако главным недостатком электронных средств платежа является их уязвимость перед преступными посягательствами.

В нормативных правовых актах нашего государства не закреплено, что конкретно относится к электронным средствам платежа. Данный пробел является одной из проблем, возникающих перед правоохранительными органами при расследовании преступлений, поскольку создает сложности при разграничении состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ от состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [1].

Анализ правоприменительной практики показал, что наиболее часто мошеннические действия совершаются с использованием банковских карт, системы «Клиент-Банк», а также систем «Яндекс.Деньги», «QIWI-кошелек» и «WebMoney».

Доступ к электронным средствам платежа мошенники получают, как правило, двумя способами. Первый – когда списание средств происходит без согласия их владельцев путем получения конфиденциальной информации с помощью технических средств.

Второй способ получил название «социальная инженерия» – когда мошенники путем психологического воздействия и обмана склоняют лицо к добровольному разглашению конфиденциальной информации или самостоятельному переводу денежных средств. Например, гражданину на телефон поступает звонок, мошенник представляется сотрудником банка и сообщает, что зафиксированы подозрительные операции по движению средств на карте и необходимо, чтобы пользователь уточнил номер карты, срок ее действия, а также назвал CVV-код и кодовое слово. Таким образом преступник получает доступ к виртуальным денежным средствам непосредственно от их владельца.

Как уже отмечалось ранее, введение карантинных мер обусловило рост числа покупок, совершаемых через Интернет. Это повлекло за собой появление следующего способа получения денежных средств – преступники создают клоны сайтов с товарами, а пользователи делают заказы с макетов-пустышек. В первом полугодии 2020-го года было заблокировано более 4 700 мошеннических сайтов. Особенно популярными в этом плане стали сайты служб доставки еды, количество таких фейковых сайтов за период пандемии в России составило около двухсот.

Еще одним способом, используемым преступниками с целью получения информации об оригинальной карте и ее собственнике, является фишинг. Этот способ берет не качеством, а количеством – один на десять тысяч ведется на уловку, и мошенники получают доступ к его счетам. Обычно мошенники рассылают множество писем с заманчивыми предложениями, сообщениями о выигрыше, о купонах от известных магазинов, сообщениями о скидках и акциях. И часто в таких письмах прикрепляются поддельные ссылки на сайт, цель таких писем – это обманным путем заполучить личные данные и платежные реквизиты. В основном похищаются данные банковской карточки, ее номер, CCV-код, PIN-код.

Что касается получения данных пользователя с помощью технических средств, то одним из самых распространенных способов является скимминг. Суть его заключается в следующем: специальное приспособление накладывают на картоприемник, и прибор быстро копирует данные вставленной карты. В комплект входит также накладная клавиатура, и когда набирается PIN-код карты, эти цифры отпечатываются у злоумышленников. Таким образом, у мошенников появляется и шифр карты и ее PIN-код, с ними легко изготовить так называемый «белый пластик» – поддельную карту, с которой можно распоряжаться чужими денежными средствами [2]. Данную проблему частично удалось решить благодаря переводу клиентов с 1 января 2015 года на банковские карты со встроенным чипом.

Еще одной проблемой, обусловливающей рост числа преступлений данной категории, выступает отсутствие оперативного обмена информацией между правоохранительными органами и банковскими учреждениями о фактах совершения переводов электронных денежных средств без согласия владельцев. Налаживание данного взаимодействия способствует более быстрому пресечению данных действий, поскольку деятельность мошенников носит не разовый, а системный характер.

Особенностью преступлений, связанных с изготовлением или сбытом поддельных платежных карт, является то, что данная категория преступлений находится в зависимости от других противоправных действий, влекущих за собой получение информации о карте и ее собственнике.

Таким образом, количество преступлений в сфере изготовления или сбыта поддельных

кредитных либо расчетных карт с каждым годом увеличивается. Это наносит урон не только частным лицам, но и экономике страны в целом.

Каждый элемент механизма совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, к числу которых относится подготовка к совершению преступления, непосредственно его совершение и сокрытие следов, обладает определенной спецификой, обусловленной наличием технологии дистанционной передачи данных с использованием коммуникационных сетей. Специфичными являются также орудия и средства совершения преступления: программное обеспечение, компьютерная техника, сеть Интернет и т. д.

Механизм следообразования подобного рода преступлений характеризуется отсутствием изменений во внешней среде. Следы совершения таких преступлений носят информационный характер, поэтому редко рассматриваются в рамках трасологии. В связи с этим многими учеными и специалистами предлагается создание отдельного раздела криминалистической техники под названием «Криминалистическое исследование электронных носителей информации».

Проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, объемны и многогранны. Организационно-административные и программно-технические решения в области борьбы с киберпреступностью и обеспечения информационной безопасности пока являются недостаточными и не отвечают требованиям высокой технологичности, слабо учитывают специфику этой сферы деятельности.

Для устранения рассмотренных проблем предлагаем следующие пути решения:

1. Совершенствование законодательства в области электронной платежной системы, а именно: установление конкретного перечня электронных средств платежа.

2. Точное разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

3. Повышение правовой и финансовой грамотности населения путем информирования со стороны банковских организаций по вопросам безопасности в сфере безналичных расчетов.

4. Усовершенствование оперативного обмена информацией между правоохранительными органами и банковскими учреждениями о фактах совершения преступлений с использованием электронных средств платежа.

5. Предоставление банковским организациям более широких полномочий по блокированию сомнительных операций клиентов.

В сложившейся ситуации правоохранительные органы должны не только совершенствовать методики расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, но и пресекать такие преступления на начальном этапе, руководствуясь работами ученых из разных стран мира.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Методические рекомендации по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом платежных карт.

3. Степанец И., Фокин Г. Особенности реализации Massive MIMO в сетях 5G // Первая миля. Last mile (Приложение к журналу «Электроника: наука, технология, бизнес»). 2018. № 1.

4. Слюсар В.И. Развитие схемотехники ЦАР: некоторые итоги. Часть 1 // Первая миля. Last mile (Приложение к журналу «Электроника: наука, технология, бизнес»). 2018. № 1.

5. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж, 2019.

6. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 27.10.2020) // LRS «ConsultantPlus».

2. Guidelines for the investigation of crimes related to the illegal circulation of payment cards.

3. Stepanets I., Fokin G. Features of Massive MIMO implementation in 5G networks // First Mile. Last mile (Supplement to the journal «Electronics: Science, Technology, Business»). 2018. № 1.

4. Slyusar V.I. Development of the circuitry of the CAR: some results. Part 1 // First mile. Last mile (Supplement to the journal «Electronics: Science, Technology, Business»). 2018. № 1.

5. Meshcheryakov V.A. Crimes in the field of computer information: the foundations of the theory and practice of investigation. Voronezh, 2019.

6. Convention on Crime in the Field of Computer Information (ETS No. 185) (Concluded in Budapest on November 23, 2001) (as amended on January 28, 2003) // LRS «ConsultantPlus».

УДК 343.985.7:343.7
ББК 67.52

© 2021 г. Маилян Ани Варужановна,
преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: david.072014@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

В статье рассматриваются современные организационные и тактические аспекты использования профессиональных экономических и иных специальных знаний при расследовании преступлений в сфере хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа.

Ключевые слова: *расследование преступлений, возбуждение уголовного дела, эксперт, судебная экспертиза, экспертное учреждение, компьютерно-техническая экспертиза, товароведческая экспертиза, почерковедческая экспертиза, бухгалтерская, хищение, электронные денежные средства, документ, подлог.*

Mailyan Ani Varuzhanovna – Lecturer, the Department of Criminalistics and Operational-Search Activity, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CURRENT TRENDS IN THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF EMBEZZLEMENT COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

The article deals with modern organizational and tactical aspects of the use of professional economic and other special knowledge in the investigation of crimes in the field of bankruptcy, as well as the most common types of expert research assigned and performed during the investigation of crimes of this category.

Keywords: *investigation of crimes, initiation of a criminal case, expert, forensic examination, expert institution, computer-technical expertise, commodity expertise, handwriting expertise, accounting, theft, electronic money, document, forgery.*

В процессе расследования хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа, следователи обращаются к специальным знаниям, поскольку именно при подготовке, непосредственном совершении и сокрытии данных деяний зачастую используются различные электронные устройства, будь то телефоны, смартфоны, компьютеры, ноутбуки, планшеты, платежные системы и пр. [1]. Выбор формы (судебная экспертиза, заключение специалиста, допрос эксперта или специалиста), а также вида специальных знаний (исходя из предметной классификации) предопределен конкретным механизмом преступного посягательства, а также совокупностью добытой доказательственной информации.

В целом ряде ситуаций приобретает актуальность назначение компьютерно-технической экспертизы как разновидности инженерно-технических экспертиз, призванной исследовать закономерности функционирования информации, содержащейся в электронных устройствах. Общим предметом судебной компьютерно-технической экспертизы, как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, являются «факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, которые зафиксированы в материалах … дела» [2].

Классификация судебных компьютерно-технических экспертиз не является общепризнанной среди исследователей-криминалистов [3]. Не присоединяясь к дискуссии по существу этого направления, поскольку наша работа находится в иной плоскости научного знания, отметим, что нам в целом импонирует классификация компьютерно-технических экспертиз, представленная Е.Р. Россинской, где выделяются следующие разновидности экспертного знания:

– аппаратно-компьютерная (исследование аппаратных средств и закономерностей их эксплуатации как материальных носителей информации о значимом для расследования событии или факте);

– программно-компьютерная (исследование программного обеспечения – операционных систем, вспомогательных программ, средств разработки и отладки программ, служебной системной информации, приложений и пр.);

– информационно-компьютерная (поиск, обнаружение, анализ и оценка криминалистически значимой информации, созданной пользователем или сформированной программами, именно данная разновидность экспертного исследования признается ключевой);

компьютерно-сетевая (исследование сетевых информационных технологий (в т. ч. интернет-технологий, реализуемых компьютерными средствами) [4].

Перечисленные разновидности судебной компьютерно-технической экспертизы могут применяться как самостоятельно, так и в комплексе.

Также некоторые авторы предлагают выделять в качестве отдельного вида компьютерно-технической экспертизы средства мобильной связи [5].

Признавая, что такая позиция имеет право на существование, полагаем, что на современном уровне развития науки и техники мобильные телефоны неизбежно оснащаются различными современными техническими функциями, что сближает их с компьютерными средствами. И, наоборот, компьютерные средства обеспечиваются возможностями дистанционно осуществлять вербальные контакты. Поэтому различные вопросы, актуальные при исследовании особенностей использования средств мобильной связи при подготовке, совершении и сокрытии преступлений, вполне вписываются в классификацию, разработанную Е.Р. Россинской. В то же время, учитывая особую роль мобильных телефонов в современном обществе, полагаем, что возможно рассмотреть и особенности назначения судебной компьютерно-технической экспертизы, назначаемой по мобильным телефонам.

Назначение компьютерно-технической экспертизы по делам указанной категории требуется в случаях, когда компьютерные и иные цифровые устройства использовались в качестве орудий и средств совершения хищений. В том числе в случаях, когда применялись приобретенные через Интернет либо скачанные в свободном доступе электронные базы данных потенциальных жертв, и/или путем создания, распространения, внедрения в память мобильных телефонов и иного технического оборудования вредоносных программ, вносящих деструктивные изменения в работу соответствующих устройств, злоумышленникам удалось осуществлять перечисление денежных средств со счетов потерпевших на подконтрольные счета.

Типичными задачами, разрешаемыми информационной компьютерно-технической экспертизой, применительно к расследованию указанных деяний, выступают:

– поиск информации, созданной при помощи прикладных программ;

– определение свойств программного обеспечения;

– определение принадлежности программного обеспечения и иных данных к определенным классам;

– поиск информации, характеризующей действия пользователя (манипуляции с файлами, ведение баз данных, передача информации с помощью телекоммуникационных сетей и пр.);

– установление возможности осуществления тех или иных действий с помощью данных компьютерных устройств;

– установление материальных объектов по компьютерной информации;

– установление фактических обстоятельств совершения преступлений.

Фигурирование в качестве наиболее распространенного средства совершения преступления пластиковых банковских карт обязывает рассмотреть специфику вопросов, разрешаемых компьютерно-технической экспертизой в отношении банковских карт как носителей электронной информации:

– содержание информации, существующей на магнитной ленте исследуемой банковской карты, и ее соответствие информации, присутствующей во внешнем оформлении этой карты;

– возможность определения исследуемой банковской карты (с учетом содержащейся на магнитной ленте электронной информации) электронной платежной системой как платежной, в том числе на определенный момент времени.

Ранее сообщалось о таком типичном средстве совершения указанных деяний, используемом дистанционно, как мобильные телефоны потерпевших, контактные номера которых позволяют осуществить доступ к банковским счетам. Мобильные телефоны в качестве средств преступления, воздействующих путем дистанционного живого общения либо СМС на типичных потерпевших, нередко использовали субъекты преступления. Это обстоятельство актуализирует рассмотрение особенностей назначения компьютерно-технических экспертиз (преимущественно нацеленных на исследование цифровой информации)

в отношении мобильных телефонов как объектов экспертного исследования.

Принятие следователем решения об изъятии исходных носителей компьютерной информации с предоставлением заинтересованным лицам копий по их ходатайству (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ) либо о копировании (без изъятия) данной информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) должно сопровождаться консультативной помощью специалиста в области компьютерных технологий с учетом анализа текущей следственной ситуации. Аналогичным образом участие указанного специалиста обязательно и в процессе непосредственного проведения следственных действий в случаях, предусмотренных не только ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, но и ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ [6].

Типичными задачами и вопросами, разрешаемыми компьютерно-техническими экспертизами в отношении мобильных телефонов как носителей компьютерной информации по делам о хищениях с помощью электронных платежных средств и систем, являются:

– определение наличия и содержания в представленном на исследование мобильном телефоне, сим-карте, карте памяти интересующей следствие информации: номеров контактов, смс, аудио-, видео- и иных файлов, принятых и полученных соединений (звонков, смс);

– определение IMEI, содержащегося в памяти исследуемого мобильного устройства [7].

Например, по уголовному делу о многоэпизодных хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершенных путем целенаправленной и организованной рассылки потерпевшим смс-сообщений, содержащих ссылку на вредоносное программное обеспечение, позволяющее перечислять денежные средства с зараженных мобильных аппаратов, подключенных к системе «Мобильный банк» на счета подконтрольных лиц, был проведен ряд судебных компьютерно-технических экспертиз. Объектами данных экспертиз выступали:

– мобильные телефоны потерпевших;

– мобильные телефоны подозреваемых (обвиняемых);

– компьютеры, планшетные компьютеры, ноутбуки, подозреваемых (обвиняемых).

Результатами данных судебных компьютерно-технических экспертиз явились:

– обнаружение в памяти сотовых телефонов потерпевших вредоносных программ (оказавшихся в памяти электронных устройств в результате рассылки смс, со ссылками на ресурсы, содержащие вредоносную информацию) и их технических особенностей;

– обнаружение в памяти жесткого диска системного блока, а также сотового телефона подозреваемого (обвиняемого) К.:

– программ, позволяющих собирать информацию о номерах мобильных телефонов пользователей социального сайта «Вконтакте» и др.,

– программ, позволяющих осуществлять ввод, удаление, блокирование и модификацию компьютерной информации при заражении мобильных телефонов потерпевших;

– следов посещения сайтов в сети Интернет, необходимых для противоправной деятельности;

– факта переписки с пользователем (выступающим интеллектуальным лидером разработки преступных схем);

– текстовых файлов с номерами мобильных телефонов, привязанных к банковским картам/счетам ПАО «Сбербанк»;

– файлов для создания apk-приложений (файлов-приложений для операционной системы Android, обладающих вредоносным потенциалом);

– обнаружение в памяти жесткого диска системного блока, планшетного компьютера, изъятого по месту жительства подозреваемого (обвиняемого) Г., электронной информации аналогичного содержания.

В частности, в памяти мобильного телефона, изъятого у обвиняемого, обнаружена сохраненная значимая для установления обстоятельств преступления переписка «Vkontakte» и «Xabber». В памяти ноутбука обвиняемого обнаружены каталоги и файлы программного обеспечения «Viber». В конфигурационном файле «config.db» обнаружены сведения об использованном номере мобильного телефона, которым пользовался обвиняемый К. В памяти ноутбука обнаружен файл «....exe», представляющий собой программу, позволяющую собирать информацию о номерах мобильных телефонов пользователей социальной сети «ВКонтакте». Файл содержит в себе исполняемый файл PE-формата, осуществляющий запуск программы, обладающей функционалом сбора и распознавания (парсинга) телефонных номеров в определенном диапазоне идентификаторов пользователей, при этом вывод результатов парсинга осуществляется непосредственно в поля вывода программы. Также обнаружен файл «...», осуществляющий запуск программы. Программа «AvitoGrabber»

позволяет собирать информацию об объявлениях на сайте «http://www.avito.ru/», попадающих под заданные критерии. По нажатию на кнопку «Экспорт» возможно экспортирование собранной информации в виде xls- или xml-файла (xml-файлы содержат полную информацию об объявлениях, включая номера телефонов). В памяти ноутбука обвиняемого обнаружены текстовые файлы, содержащие номера мобильных телефонов различных операторов сотовых сетей. Файлы могли быть созданы при помощи программ-парсеров (программ, осуществляющих сбор данных с различных интернет-ресурсов, в т. ч. номеров мобильных телефонов).

В памяти мобильного телефона и ноутбука обнаружено множество файлов, детектируемых антивирусным программным обеспечением «Kaspersky Anti-Virus» версии 16.0.0.614. Обнаруженные файлы «...» и «...», исходя из функциональных возможностей, могут быть классифицированы как «Stels.APK». Программа предназначена для оперативной системы «Android», обладает функциональными возможностями для чтения, отправки и удаления SMS, фильтрации SMS по шаблонам, совершения звонков, открытия веб-страниц в браузере, загрузки и удаления приложений, отправки информации, полученной с телефона, на вышеуказанный управляющий сервер.

Обнаруженные файлы «...» могут быть классифицированы как «Stels.APK», являются программами для ОС Android, обладают функциональными возможностями для чтения SMS, получения и отправки сообщений с помощью GCM (Google Cloud Messaging), подключения к управляющему серверу «jb77.ru», отправки на него информации об устройстве и загрузки с него APK-файлов.

Обнаруженный файл «...» представляет собой исполняемый файл DEX- формата, он является компонентом «Stels.APK», в нем описаны функциональные возможности для чтения, отправки и удаления SMS, фильтрации SMS по шаблонам, совершения звонков, открытия веб-страниц в браузере, загрузки и удаления приложений, отправки информации, полученной с телефона, на управляющий сервер.

По адресу: «2:/Users/xxx/Downloads/рецепт-плова.rar//p» (в памяти ноутбука) зарегистрированы исходные коды на языке JAVA. Файлы в директории являются файлами исходного кода на языке JAVA. Анализ исходных кодов показывает, что они могут быть использованы для создания APK-приложения, которое может быть классифицировано как «Stels.APK». Это приложение обладает функциональными возможностями для чтения SMS, получения и отправки сообщений с помощью GCM, подключения к управляющему серверу «quality-cosmetics.org», отправки на него информации об устройстве и загрузки с него APK-файлов.

По адресу: «2:/Users/xxx/Downloads/рецепт-плова.rar//adm» зарегистрированы файлы исходных кодов управляющего сервера. Данная директория содержит файлы, являющиеся сценариями, написанными на языке PHP, а также содержит файл формата SQL, являющийся базой данных. Файлы позволяют производить операции с локальной базой данных SQL (создавать, удалять, модифицировать таблицы и записи), обработку файлов в каталогах веб-сервера, а также отображать информацию из БД на страницу, либо сохранять введенные администратором данные. Данные файлы реализуют работу серверной части некоего программного обеспечения, имеющего клиент-серверную архитектуру [8].

Интересен подход правоприменителей, которые сочли целесообразным исследовать процесс движения денежных средств, похищенных с банковской карты потерпевшего, вплоть до установления способа распоряжения ими обвиняемым путем бухгалтерской экспертизы. Например, экспертом- бухгалтером было установлено, что на принадлежащую потерпевшему дебетовую банковскую карту ПАО «Сбербанк» поступили электронные денежные средства из микрофинансовой компании ООО МФК «Е Заем» (кредит был оформлен обвиняемым М. с использованием документов и реквизитов банковской карты потерпевшего путем введения в заблуждение сотрудников финансовой организации). В ближайшее время с данной карты были списаны электронные денежные средства в размере поступившего займа, которые поступили на игровой баланс личного кабинета букмекерской конторы «1хЬеЪ», оформленного на имя обвиняемого М. Указанное заключение эксперта суд нашел обоснованным и аргументированным, соответствующим правилам проведения данного рода экспертиз, согласующимся с обстоятельствами дела и другими доказательствами и не вызывающим сомнений в своей достоверности. Руководствуясь приведенными доводами, суд положил прокомментированное заключение эксперта в основу приговора.

Аналогичная тактика формирования доказательств выбрана и в рамках расследования другого уголовного дела о подобном деянии, совершенном этим же обвиняемым М. в отношении другого потерпевшего – Р.С. Экспертом-бухгалтером в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы на этот раз была установлена следующая последовательность движения по счетам электронных денежных средств. На аккаунт электронной платежной системы «QIWI кошелек», зарегистрированный на имя потерпевшего Р.С. по номеру телефона, поступили денежные средства по договору потребительского займа с ООО МКК «Макро». Сразу после поступления часть денежных средств была перечислена на игровой счет личного кабинета букмекерской конторы «OLIMP», зарегистрированного на имя обвиняемого М., оформлена ставка на теннисный матч, оказавшаяся проигранной. Оставшиеся денежные средства с аккаунта электронной платежной системы «QIWI кошелек» с использованием системы электронных платежей «CH Payment RUS Moscow QIWI P2P 435746» были перечислены на банковскую карту ПАО «ВТБ», принадлежащую обвиняемому М., затем – списаны на оплату товаров и услуг. Изложенное заключение эксперта-бухгалтера суд также признал обоснованным, аргументированным, соответствующим правилам проведения судебных экспертиз и согласующимся с обстоятельствами дела и другими доказательствами, положив его в основу приговора [9].

Представляется, что такой подход является достаточно оригинальным, в сравнении с устоявшимся представлением о судебно-бухгалтерской экспертизе как об исследовании, предназначенном проанализировать финансово-хозяйственные операции, отражаемые в бухгалтерском учете конкретной организации. Традиционно в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы исследуется «производственная и финансово-хозяйственная деятельность предприятий с различными формами собственности, которые допустили убытки, потери, присвоения товарно-материальных ценностей, бесхозяйственность, и определяются суммы материальной ответственности за причиненный ущерб» [10]. Следовательно, наиболее типичными задачами судебно-бухгалтерской экспертизы являются такие, как: установление несоответствий ведения бухгалтерского учета принятым правилам и их влияние на обстоятельства преступления; обстоятельств отражения в бухгалтерских документах поступления и дальнейшего движения денежных средств в конкретной организации (опять-таки преимущественно в аспекте выявления различных нарушений ведения бухгалтерского учета) [11].

В данном случае финансово-хозяйственная деятельность организации (в частности, выдавшей кредит и перечислившей кредитные денежные средства на банковскую карту, принадлежащую иному лицу) рассматривается сквозь призму деяния обвиняемого М., воспользовавшегося в своих целях изъянами в правилах выдачи заемных денежных средств. Более того, деятельность финансовой организации рассматривается как этап (транзит) в структуре преступной схемы по незаконному получению и дальнейшему движению денежных средств, вплоть до распоряжения ими обвиняемым М. по своему усмотрению.

Проведение судебных бухгалтерских экспертиз для установления последовательности движения денежных средств, поступивших из определенных источников, накладывает специфику на материалы, предоставляемые эксперту для проведения исследования.

Поскольку применительно к рассматриваемым формам хищений все расчеты проводятся в безналичной форме, то типичными представляемыми на исследование материалами являются выписки из банковских и иных финансовых учреждений по счетам, открытым на имя участников деяния, включая подконтрольные счета подставных лиц, первичные документы, справки из банка относительно реквизитов счетов, фигурирующих в процессе движения денежных средств, договоры на обслуживание банковских счетов, иные гражданско-правовые договоры, содержащие информацию, позволяющую конкретизировать основания и обстоятельства перечисления денежных средств, а также документы, отражающие сведения юридически значимого характера: документы, удостоверяющие личность физических лиц (паспорт, ИНН и др.), регистрационные документы юридических лиц (данные о государственной регистрации финансово-кредитной организации, в которой открыт счет (счета), организации, выступившей стороной в гражданско-правовой сделке или по иным причинам явившейся получателем денежных средств и т. д.). Объектами судебно-бухгалтерской экспертизы в данном случае могут быть и иные материалы, например, протоколы допросов и иных следственных действий, в которых упоминается информация, относящаяся к предмету данной экспертизы.

Таким образом, криминалистически значимых особенностей хищений, совершенных с помощью электронных средств платежа, учитывающих современные тенденции преступности в данной сфере, результативности организации расследования, производства первоначальных и последующих следственных действий, применения специальных знаний, что в своей совокупности представляет собой наше видение совершенствования частной криминалистической методики расследования указанных деяний.

Литература

1. Олиндер Н.В. Типичные способы совершения преступлений с использованием электронных платежных средств и систем // Эксперт-криминалист. 2014. № 1.

2. Российская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.

3. Андреев Б.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2001.

4. Россинская Е.Р. Указ. работа.

5. Поляков В.В., Шебалин А.В. К вопросу о назначении компьютерно-технической экспертизы, объектом которой является смартфон, по преступлениям в сфере компьютерной информации // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул, 2013.

6. Маилян А.В. Общие положения использования помощи специалистов при проведении следственных действий в процессе расследовании хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа // Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 2020.

7. Компьютерная экспертиза // Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использование экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел РФ. М., 2016.

8. Уголовное дело № 1-25/2019. Советский районный суд г. Томска.

9. Уголовное дело № 1-22/2020. Новороссийский гарнизонный военный суд.

10. Бухгалтерская экспертиза // Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации: справочное пособие. М., 2016.

11. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М., 2005.

Bibliography

1.Olinder N.V. Typical ways of committing crimes using electronic payment means and systems // Expert-criminalist. 2014.

2. Rossiyskaya E.R. Forensic expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. M., 2005.

3. Andreev B.V. Investigation of crimes in the field of computer information. M., 2001

4. Rossinskaya E.R. Edict. work.

5. Polyakov V.V., Shebalin A.V. On the question of the purpose of computer-technical expertise, the object of which is a smartphone, on crimes in the field of computer information // Collection of materials of forensic readings. Barnaul, 2013.

6. Mailyan A.V. General provisions for the use of specialist assistance in conducting investigative actions in the process of investigating embezzlement committed using electronic means of payment // Theory and practice of improving the legal, scientific, methodological and informational bases of the use of special knowledge in legal proceedings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Ufa, 2020.

7. Computer expertise // The procedure for the appointment of forensic examinations, research and the use of forensic records in the internal affairs bodies of the Russian Federation. M., 2016.

8. Criminal case № 1-25/2019. Sovetsky district Court of Tomsk.

9. Criminal case № 1-22 / 2020. Novorossiysk Garrison Military Court.

10. Accounting expertise // Procedure for the appointment of judicial officers expertise, research and use of forensic records in the internal affairs bodies of the Russian Federation: reference guide. M., 2016.

11. Forensic accounting expertise: textbook. M., 2005.

УДК 343.985 : 343.72
ББК 67.52

© 2021 г. Щербаченко Александр Константинович,
доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: rui@mvd.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФАКТОРА ВНЕЗАПНОСТИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ

В статье рассмотрены криминалистические аспекты применения фактора внезапности при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц.

Ключевые слова: *криминалистика, тактика, тактический прием, комбинация, допрос, методика, первоначальный этап, мошенничество, задержание, противодействие.*

Shcherbachenko Alexander Konstantinovich – Associate Professor, the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE USE OF THE SUDDEN FACTOR IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS

The article deals with the criminalistics aspects of the use of the surprise factor in the detection and investigation of fraud committed by a group of individuals.

Keywords: *criminalistics, tactics, tactical technique, combination, interrogation, methodology, initial stage, fraud, detention, counteraction.*

Статистические данные свидетельствуют о росте и качественном изменении мошенничества (групповой характер, использование информационно-телекоммуникационных технологий и др.).

Тиражирование новых способов мошенничества из-за рубежа, изменение способов посткриминального противодействия расследованию, а также отсутствие базовых криминалистических разработок крайне осложняют проблемы эффективности предварительного расследования по данной категории уголовных дел.

Одним из направлений улучшения состояния научной и практической ситуации в области борьбы с мошенничествами, совершенными группой лиц, выступает модернизация и дальнейшая разработка положений криминалистической тактики в целом, а также тактические, методические аспекты применения при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц [1], [2], [3], [4].

Проблема использования фактора внезапности обострилась и тем, что, по результатам проведенного опроса субъектов предварительного расследования, группа тактических приемов и их комбинаций, основанных на факторе внезапности, используется в раскрытии и расследовании только в 43 % случаев, крайне редко используют – в каждом третьем случае. Если сравнить аналогичное использование М.Е. Игнатьева, проведенное более 18 лет назад, использовали данный тактический арсенал 60 % респондентов, а крайне редко – 28 % [5].

То есть можно констатировать наличие проблемы, выражающейся в крайне низком использовании тактического арсенала группы «Внезапность» на фоне трансформаций мошенничеств, совершенных группой лиц, а также отсутствие разработок науки криминалистики.

Указанные обстоятельства, как и многие другие, обусловили актуальность и содержание данной статьи.

Мы согласны с мнением О.Я. Баева и других, которые считают, что в широком смысле криминалистическая тактика есть там, где есть потенциальное или реальное противодействие расследованию, а точнее, как отмечает А.С. Андреев – посткриминальное противодействие правоприменению [6], [7], [8], [9].

На наш взгляд, фактор внезапности должен, с одной стороны, согласовываться с объектом криминалистики, а с другой – обладать закономерными свойствами и связями, дающими возможность познать и разработать в криминалистическом аспекте соответствующие методы, средства, приемы и их рекомендации.

Внезапность совершения мошенничества группой лиц влияет на поведение потерпевших и свидетелей. Особенно данный факт подтверждается, по мнению Р.С. Белкина, тем, что «на полноту восприятия и запоминания обстоятельств расследуемого события значительно влияет неожиданность» [10].

Другой составляющей объекта криминалистики является криминалистическая деятельность, то есть раскрытие, расследование и предотвращение преступлений. Раскрытие и расследование преступлений невозможно без применения тактических приемов, комбинаций и операций, основанных на факторе внезапности.

Основы понимания фактора внезапности в расследовании преступлений раскрывает труд И.Е. Быховского, вышедший в свет в 1963 году, в котором автор достаточно подробно исследовал вопросы использования фактора внезапности применительно к допросу, очной ставке, предъявлению для опознания и обыску.

Фактор внезапности в раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, имеет двойственную природу, поскольку, с одной стороны, выступает методом и средством достижения благоприятных и бесконфликтных ситуаций, а с другой – составляющей посткриминального противодействия и/или содействия расследованию участников, связанных с событием мошенничества, совершенного группой лиц.

По этой причине криминалистическую деятельность можно разделить на две группы:

– приемы, средства и методы, внезапно используемые для нейтрализации противодействия расследованию и связанных с ним негативных последствий;

– приемы, средства и методы реагирования на внезапно подготавливаемое, реализуемое или изменяемое противодействие расследованию.

При производстве допроса и очной ставки, обыска по делам о мошенничествах, совершенных группой лиц, возможно применение тактических приемов, средств, методов и первой, и второй группы. Тогда как для второй группы характерно производство осмотра места происшествия и других видов следственных осмотров, контроля и записи переговоров.

Особое значение фактор внезапности имеет при проведении допросов.

Среди следственных действий при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, особое значение имеет допрос (64,3 % от всех из изученных нами следственных действий). Это связано с тем, что расследование мошенничеств, совершенных группой, невозможно без допроса свидетелей, потерпевшего, участников группы. Интервьюирование, проведенное в рамках формирования теоретических и прикладных основ базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, показало, что для 60 % следователей и дознавателей занимает 85 % рабочего времени подготовка и осуществление допросов различных лиц. Также допрос выступает неотъемлемой частью большинства криминалистических операций как при их проведении на первоначальном, так и на последующем этапе расследования.

Допросы, включающие отсутствие последующей проверки фактических данных и доводов допрашиваемых лиц, приводят к изменению показаний при рассмотрении их в суде, либо наказанию невиновных или оправданию виновных в мошенничестве, совершенном группой лиц.

Тактика допроса свидетелей мошенничеств, совершенных группой лиц, как средство проверки криминалистических версий, напрямую зависит от типичные исходных и других следственных ситуаций.

Тактические особенности допроса свидетелей при раскрытии, расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц. В среднем, на один успешно расследованный эпизод мошенничества, совершенного группой лиц, приходится три добросовестных свидетеля и один недобросовестный свидетель, а каждый десятый свидетель добросовестно заблуждается относительно механизма мошенничества, совершенного группой лиц, и последующих за ним событий.

Количественное превосходство добросовестных свидетелей над недобросовестными достаточно не отражает информативных трансформаций, происходящих в объективной действительности.

Особенно учет этого фактора необходимо использовать при допросе потерпевшего предпенсионного и пенсионного возраста. Посткриминальная действительность, вызванная мошенничеством, совершенным группой лиц, неожиданно как для участников таких групп, так и для очевидцев. Именно новая реальность, вызванная хищением

путем обмана или злоупотреблением доверием, диктует необходимость для виновных избегания уголовной ответственности и наказания, а также внесения изменений в последующую преступную деятельность по новым эпизодам. Тогда как для очевидцев мошенничества, совершенного группой лиц, дает возможность неожиданно содействовать расследованию.

Изобличение во лжи как свидетелей, так и соучастников мошенничества связано с нейтрализацией противодействия в форме фальсификации информации или связанного с ним и оказанного воздействия как на будущих лжесвидетелей, так и возможных лиц, которые добросовестно будут заблуждаться о событии мошенничества, совершенного группой лиц.

Тактика изобличения лжесвидетелей мошенничеств, совершенных группой, связана с рядом тактических приемов «фактора внезапности», «предъявление доказательств» и «детализация показаний».

Общим при подготовке следственным действием с использованием фактора внезапности при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, являются следующие мероприятия:

– анализ материалов уголовного дела;

– изучение личности участников расследования;

– проработка версий и контрверсий и планирование их проверки;

– консультации со специалистами;

– изучение иерархии участников мошенничества;

– проведение ОРМ;

– изучение признаков предполагаемых приемов посткриминального противодействия расследованию;

– проработка возможностей стимулирования позитивной посткриминальной деятельности;

– формирование блока информации для достижения внезапности при реализации деятельности.

Подготовка к допросу свидетелей мошенничеств, совершенных группой лиц. Исследование уголовных дел показало, что количественно можно выделить следующие типы свидетелей мошенничеств, совершенных группой лиц:

– добросовестные свидетели (67,3 %);

– недобросовестные свидетели (22,2 %);

– добросовестно заблуждающиеся свидетели (11,5 %).

Интервьюирование следователей показало, что не все они используют криминалистические разработки подготовки к допросу свидетелей. Наиболее распространены, по мнению респондентов, следующие мероприятия при подготовке к допросу:

– изучение личности;

– поручение и проведение ОРМ;

– аналитическая работа с материалами уголовного дела;

– систематизация сведений о свидетеле;

– планирование тактических комбинаций;

– оптимизация времени и места допроса;

– установление долгосрочного психологического контакта;

– нейтрализация возможного или реального противодействия.

Отметим, что в практике расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, все еще встречается практика замены свободного рассказа на допрос в форме вопрос-ответ.

Считаем, что отдельно стоящей задачей при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, на первоначальном этапе является поиск признаков посткриминального противодействия расследованию.

Следует отметить, что любой из тактических приемов (комбинаций или операций) не должен противоречить этическим и уголовно-процессуальным правилам производства следственных и иных процессуальных действий.

Мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что информация, используемая для реализации фактора внезапности, при расследовании преступлений должна отвечать следующим требованиям: достаточность, достоверность и своевременность [11]. К таким требованиям, применительно к теме исследования, необходимо добавить конфиденциальность (относительно результатов ОРД) и сопоставимость с другими источниками криминалистической и иной информации.

Субъект предварительного расследования по дела о мошенничестве, совершенных группой лиц, должен быть не только готов, но и в связи со сложившимися следственными и иными ситуациями активно применять криминалистические средства, методы, приемы, основанные на факторе внезапности. Криминалистическое обеспечение процессов предупреждения, раскрытия, расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, содержит

в себе как тактические, так и методические аспекты применения фактора внезапности.

В методическом аспекте очень важна деятельность по изучению участников предварительного расследования, которая может осуществляться как процессуальным, так и непроцессуальным путем.

При расследования мошенничеств, совершенных группой (реализуемых с помощью высокотехнологичных средств), особое значение имеет наличие профессионального опыта. Тогда, как при традиционных способах мошенничеств, совершенных группой, необходимо проанализировать наличие преступного опыта и криминальных связей участников.

Процесс исчезновения следов мошенничеств, совершенных группой, также закономерен, как и возникновения, что необходимо учитывать при производстве неотложных следственных действий, предварительных исследований и первичных ОРМ, особенно в цифровом пространстве [12]. По делам о мошенничествах, совершенных группой лиц, отдельно стоит проблема внезапности для следователя в случае заявления обвиняемым о «незаконных методах ведения расследования», как своеобразном виде адаптивного посткриминального противодействия (21 % случаев до суда и более 33 % случаев после). Изменение показаний как разновидность посткриминального поведения и деятельности мошенников весьма распространена по данной категории дел.

Интересен вопрос о применении фактора внезапности на первоначальном и последующем этапах.

Под этапом расследования в базовой методике раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, следует понимать пространственно-временной отрезок деятельности субъектов предварительного расследования, а также оперативно-розыскной деятельности применительно к сложившимся ситуациям и соответствующим им уголовно-процессуальным и криминалистическим задачам.

Вопрос об этапах расследования обсуждаем на страницах криминалистической печати более полувека. Основными подходами к пониманию периодизации расследования относятся:

– двухзвенный (первоначальный и последующий этап расследования);

– трехзвенный (первоначальный, последующий и заключительный);

– более трех этапов (к примеру, А.Ф. Лубин (1995 год) предложил 5 этапов расследования).

Не вдаваясь в полемику относительно третьего подхода, кратко отметим, что стремление авторов к увеличению этапов превращает их в определенную структуру или модель расследования.

Наиболее оптимальным является первый подход для построения базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, при этом мы не исключаем и считаем возможным использовать содержательную нагрузку заключительного этапа (см. трехзвенный подход) как составляющую последующего этапа расследования обозначенной нами методики.

Анализируя опросы субъектов предварительного расследования, отметим, что большинство из них применяет фактор внезапности на первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершенных группой лиц – 65 %, на последующем этапе – 27 %, на первоначальном и последующем – только 8 %.

Наибольшее значение для реализации всего тактического и методического арсенала внезапности выступает такое следственное (и одновременно процессуальное) действие как задержание группы мошенников, при этом особой спецификой обладают групповые мошенничества, совершенные в условиях посткриминального противодействия.

Литература

1. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

2. Варданян А.В. О современных тенденциях развития криминалистических методик.

Bibliography

1. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private criminalistic methods. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

2. Vardanyan A.V. On modern trends in the development of forensic techniques. Criminalistics: topical issues of theory and practice. Collection of materials

Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2020.

3. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.

4. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1.

5. Игнатьев М.Е. фактор внезапности, его процессуальное и криминалистическое значение для расследования преступлений. М., 2004.

6. Андреев А.С. Проблема соотношения деятельности и поведения в криминалистической науке, направления ее разрешения при формировании концепции познания посткриминальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3 (90).

7. Андреев А.С. Детерминизм и криминалистическое познание посткриминальной деятельности лиц, совершивших преступление либо связанных с его событием // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 3.

8. Андреев А.С. Ситуации посткриминального периода и их классификация // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 12–2.

9. Андреев А.С. Криминалистическая превенция преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, в процессе раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4.

10. Белкин Р.С. Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений. Лекция. М., 1995.

11. Бахин В.П., Кузьмичев В.С., Лукьянчиков В.Д. Тактика использования внезапности в раскрытии и расследовании преступлений органами внутренних дел. Киев, 1990.

12. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6.

of the International Scientific and Practical Conference. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov on/D, 2020.

3. Vardanyan A.V. Counteraction to the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.

4. Vardanyan A.V. Development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1.

5. Ignatiev M.E. The surprise factor, its procedural and criminalistic significance for the investigation of crimes. M., 2004.

6. Andreev A.S. The problem of the correlation of activity and behavior in forensic science, the directions of its resolution in the formation of the concept of cognition of post-criminal activity // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (90).

7. Andreev A.S. Determinism and criminalistic cognition of the post-criminal activity of persons who have committed a crime or are associated with its event // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2019. № 3.

8. Andreev A.S. Post-criminal situations and their classification // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 12–2.

9. Andreev A.S. Criminalistic prevention of crimes committed in the conditions of post-criminal counteraction, in the process of disclosure and investigation of crimes // Proceedings of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. № 4.

10. Belkin R.S. The surprise factor, its accounting and use in the investigation of crimes. Lecture. M., 1995.

11. Bakhin V.P., Kuzmichev V.S., Lukyanchikov V.D. Tactics of using surprise in the disclosure and investigation of crimes by internal affairs bodies. Kiev. 1990.

12. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018. № 6.

УДК 343.985.7 : 343.346
ББК 67.52

© 2021 г. **Дудниченко Анна Николаевна,**
старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: ms.dan76@mail.ru

Антонов Владимир Александрович,
профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России кандидат юридических наук.

СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Авторы отмечают, что структура криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений в криминалистической научной литературе отличается отсутствием единообразия – в силу как самой по себе незавершенности формирования учения о криминалистической характеристике преступлений, так и неоднозначного видения криминалистически значимых особенностей указанного деяния различными исследователями.

Ключевые слова: *безопасность дорожного движения, эксплуатация транспортных средств, дорожно-транспортные преступления, автомобиль, криминалистическая характеристика преступлений, элементы криминалистической характеристики, механизм преступления, механизм ДТП.*

Dudnichenko Anna Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Antonov Vladimir Alexandrovich – Professor, the Department of Criminalistics, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE ROAD CRIMES: DISCUSSION ISSUES OF FORMATION

The authors consider the structure of the forensic characteristics of the road traffic crimes as in the forensic scientific literature it is characterized by a lack of uniformity due to both the incompleteness of the doctrine formation of the crimes' forensic characterization and the ambiguous vision of the forensic peculiarities by various researchers.

Keywords: *traffic safety, operation of vehicles, road traffic crimes, car, crimes' forensic characteristics, elements of forensic characteristics, crime technique, road accident mechanism.*

Всесторонность, полнота, объективность расследования преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, напрямую зависят от оперирования следователем знаниями о характерных обстоятельствах, в рамках которых совершено дорожно-транспортное преступление. Иными словами – от владения следователем данными об информационной модели соответствующего преступления. Отражая закономерности совершения преступного деяния, информационная модель преступления выступает в виде научной категории – криминалистической характеристики преступления, познание которой обеспечивает системный подход в расследовании преступлений, повышает его эффективность, а также позволяет разработать комплекс мер, направленных на предупреждение совершения уголовно наказуемых деяний и создание эффективной системы противодействия данной категории преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений есть научная абстракция, на теоретическом уровне отображающая закономерности совершения преступлений соответствующей категории. На протяжении нескольких десятилетий учеными-криминалистами разрабатывались и предлагались различные определения криминалистической характеристики преступлений, однако общей дефиниции, как и единого мнения относительно составляющих криминалистическую характеристику элементов, на сегодняшний день не сформулировано. Одно из первых определений данной научной категории принадлежит Л.А. Сергееву, который к его содержанию отнес такие элементы, как способ совершения

преступления, особенности обстановки и условия, при которых совершаются преступные деяния, обстоятельства, взаимосвязанные с объектами посягательств, субъекты преступлений и субъективную сторону, взаимосвязи с другими преступлениями и правонарушениями, а также между вышеперечисленными группами обстоятельств [1, с. 4–5]. Разработке дефиниции криминалистической характеристики преступлений посвящены работы А.Н. Колесниченко, где она определена как «система сведений (информации) о криминалистически значимых признаках преступления данного вида, отражающих закономерные связи между ними и служащих построению и проверке следственных версий для решения конкретных задач расследования» [2, с. 16]. Нам импонирует определение криминалистической характеристики преступлений как научной абстракции, отражающей систему криминалистически значимых признаков определенной группы или вида преступлений, закономерно связанных между собой [3, с. 28–31]. В недрах криминалистической науки подвергались анализу понятие и элементы данной научной категории, вплоть до ее жесткой критики и выражения сомнений относительно ее научной состоятельности [4, с. 3–10].

Не присоединяясь к научной полемике по существу концепции криминалистической характеристики преступлений, поскольку тематика нашей работы носит более прикладной характер, отметим, что большинством ученых принято рассматривать криминалистическую характеристику преступлений в качестве одного из основополагающих составляющих методики расследования преступлений. Имея сложную структуру, данная категория у различных видов преступлений может отличаться количеством и содержанием составляющих ее элементов. Вместе с тем в целях предотвращения «размывания» содержания данной криминалистической категории путем включения в ее содержание элементов, не обладающих криминалистическим содержанием (что и явилось предметом принципиальной, хорошо известной в научном криминалистическом сообществе критики данного понятия Р.С. Белкиным,), уточним, что мы разделяем точку зрения С.И. Коновалова, констатирующего, что к элементам криминалистической характеристики следует относить признаки, имеющие ключевое значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений определенного вида, к которым относится информация, полученная в результате изучения следов преступления – как идеальных, так и материальных [5, с. 53] (ныне пришло время говорить также и о следах информационных). Кроме того, заслуживает внимания позиция, согласно которой «взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики преступления, имеющие стабильный и системный характер и образующие коррелятивные зависимости, относятся к функциональной составляющей криминалистической характеристики как системного образования» [6, с. 12–13].

Прежде, чем перейти к рассмотрению структуры криминалистической характеристики рассматриваемых деяний, считаем целесообразным уделить определенное внимание дискуссионным вопросам о соотношении дефиниций криминалистической характеристики преступления и механизма преступления. В литературе данное соотношение видится различными исследователями неоднозначно. Встречаются точки зрения: отождествляющие данные понятия, считающие их взаимоисключающими [7, с. 14–19], соотнесенными, отражающими различный познавательный вектор одного и того же явления – преступления (с позиции принятого в криминалистике деятельностного подхода). Криминалистическая энциклопедия определяет механизм преступления как «сложную динамическую систему, определяющую содержание преступной деятельности» [8, с. 117], которая в качестве структурных элементов включает: субъект преступления и его отношение к своим действиям, а также их последствиям и соучастникам; предмет посягательства, способ преступления (как систему детерминированных действий; преступный результат; обстановку преступления (время, место и др.); поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события; обстоятельства, способствующие или препятствующие преступной деятельности; связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события и др.

Признаем, что в содержательном плане понятия криминалистической характеристики преступления и механизма преступления весьма близки, что видно хотя бы при сопоставлении структурных элементов обоих понятий. Вместе с тем механизм преступления характеризуется таким специфическим критерием, как «динамическая система», в отличие от криминалистической характеристики, которая выступает результатом всестороннего рассмотрения совокупности всех основных криминалистически значимых особенностей

этого деяния, но не содержит в себе качеств динамического характера.

Исследуя криминалистическую литературу, посвященную криминалистической характеристике расследования преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, мы обратили внимание, что применительно к рассматриваемым деяниям значение указанного термина существенно отличается от криминалистической характеристики преступлений.

Понятие «механизм совершения ДТП» («механизм ДТП») либо, в зависимости от предметной области исследования, «механизм наезда на пешехода» (как наиболее распространенная разновидность механизма ДТП) и т. п. устойчиво встречаются в структуре криминалистической характеристики преступлений в качестве одного из ключевых элементов. Например, термином «механизм преступления» пользуется Н.П. Яблоков при изложении групповой криминалистической методики расследования преступных нарушений правил безопасности обращения и использования производственной и транспортной техники, включающей преступления рассматриваемой нами категории. При этом ученый рассматривает механизм деяний как структурный элемент криминалистической характеристики преступления [9, с. 351] (а не как понятие, альтернативное криминалистической характеристике преступления).

А.Г. Кольчурин выделяет следующие структурные элементы криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений: обстановка на месте совершения преступления, механизм ДТП, характеристика личности виновного в совершении преступления, сведения о личности потерпевшего [10, с. 11]. В.С. Владимиров обосновывает структуру криминалистической характеристики наезда транспортного средства на пешехода, которая, по мнению автора, включает следующие элементы: обстановка, в которой произошел наезд; механизм наезда и механизм образования следов; личностные характеристики участников ДТП (водителя, пешехода, свидетелей); причины и условия, способствовавшие наезду транспортного средства на пешехода [11, с. 8–12]. А.И. Чучаев определяет механизм ДТП как «динамический процесс, представляющий определенное взаимодействие составляющих его элементов» [12, с. 646]. Э.Г. Хачатрян предлагает рассматривать механизм ДТП как «совокупность промежуточных процессов, которые, взаимодействуя между собой, формируют процесс развития нарушения Правил дорожного движения и определяют его последствия» [13]. С.Л. Рыжиков дает определение механизма ДТП как совокупности промежуточных состояний и процессов, формирующих последствия на взаимодействовавших объектах в материализованном виде, на предаварийном, аварийном и послеаварийном этапах развития дорожно-транспортного происшествия [14, с. 10].

По нашему мнению, анализ научной литературы и эмпирических источников позволяет солидаризироваться с позицией о существенной роли данного элемента криминалистической характеристики преступлений. Однако, с другой стороны, в криминалистике имеет право на существование (и импонирует нам) научная позиция, согласно которой механизм преступления не заменяет криминалистическую характеристику преступления, но отражает знания о закономерностях преступной деятельности с разным вектором познания. Так, А.Ю. Головин пишет, что «механизм преступления должен выступать объектом научного исследования, результатом которого явится формирование криминалистической характеристики. … Криминалистическая характеристика преступления содержит сведения, полученные в результате познания криминалистикой этих закономерностей» [15, с. 120]. То есть соотношение этих понятий, согласно приведенной позиции, выглядит как динамическое и статическое. Чтобы внести ясность в понимание соотношения данных терминов, нам представляется целесообразным поддержать позицию о нетождественности понятий: механизма дорожно-транспортного происшествия (ДТП) и механизма преступлений в сфере нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (механизма преступлений). Первое понятие означает структурный элемент криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, второе – есть объект научного исследования, результатом которого является криминалистическая характеристика данного деяния.

Анализ научной литературы по данной проблематике позволил сделать вывод о том, что данные понятия: механизм дорожно-транспортного происшествия и механизм дорожно-транспортного преступления не всегда дифференцируются. Понятно, что в ряде случаев можно употреблять данные термины условно как синонимичные, но при изложении криминалистической характеристики рассматриваемых деяний следует

более точно пользоваться уточненной научной терминологией. С.Е. Ковалев дифференцирует дефиниции понятия механизма дорожно-транспортного преступления и механизма дорожно-транспортного происшествия, обосновывая вызывающую научный интерес позицию о том, что «механизм дорожно-транспортного преступления – понятие более широкое, включающее в свою структуру механизм дорожно-транспортного происшествия» [16]. Такой подход находит положительный отклик у других исследователей [17, с. 301–304]. Вместе с тем соотношение этих понятий условно, поскольку в любом случае в рамках данной частной криминалистической методики рассматриваются исключительно те нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которые повлекли последствия, подпадающие под признаки преступления.

Солидаризируясь, в целом с позицией А.Ю. Головина о соотношении криминалистической характеристики преступлений и механизма преступлений, отметим, что особенности совершения преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а именно их динамичный и быстротечный характер, совершение преступлений, как правило, именно в момент движения транспортных средств, которому предшествовало постепенное развитие аварийной ситуации, находящейся в причинно-следственной связи с допущенными нарушениями Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, действительно требуют особого подхода к рассмотрению механизма дорожно-транспортного происшествия как самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений.

Другой аспект, связанный с формированием структуры криминалистической характеристики рассматриваемых деяний, проявляется в следующем. Нередко механизмом ДТП исследователи как бы вытесняют способ данного деяния как элемент криминалистической характеристики преступлений, поскольку понятие «механизм преступления» представляется более объемным. Не претендуя на бесспорность нашей позиции, полагаем целесообразным под механизмом ДТП понимать процесс формирования и развития аварийной ситуации, характеризующийся стадийностью (предаварийная, аварийная, постававарийная стадии) и находящийся в причинно-следственной связи с определенными нарушениями Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, кульминацией которого явилось дорожно-транспортное происшествие. Будучи взаимосвязанным с иными элементами криминалистической характеристики преступлений (согласно концептуальным положениям криминалистической характеристики преступлений), механизм ДТП воплощается в соответствующих способах преступления (наезд, опрокидывание, столкновение и т. д.), а также отражается во взаимосвязях с другими участниками события и в типичных условиях окружающей среды, формирующей обстановку преступления.

Совокупность сведений о личности преступника [18, с. 244–251; 19, с. 21–27] создает предпосылки для установления обстоятельств совершенного преступления, в том числе причин и мотивов совершения преступных действий (бездействия), способа совершения преступления. Взаимосвязь сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) и способа совершения преступления проявляется также в том, что в способе совершения преступления, как элементе криминалистической характеристики, находят отражение отдельные свойства личности подозреваемого. Проведенный нами анализ судебно-следственной практики показал, что при определении степени вины обвиняемого главным остается выявление факта (либо фактов) нарушения им Правил дорожного движения и установление причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими преступными последствиями. Именно во взаимосвязи всех элементов криминалистической характеристики устанавливается виновность обвиняемого.

Особого внимания заслуживает рассмотрение такого элемента криминалистической характеристики преступлений, как сведения о личности потерпевшего. Личность потерпевшего должна исследоваться посредством определения статического (возраст, пол, социальный статус, род деятельности, правосознание, состояние здоровья, наличие состояния опьянения и др.) и динамического аспектов (поведение потерпевшего, предшествовавшее событию преступления и в момент преступления). От индивидуальных особенностей личности потерпевшего зависит его поведение в быстро изменяющейся дорожной ситуации. Особенностью преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, является то обстоятельство, что потерпевший одновременно может быть виновным в совершении дорожно-

транспортного происшествия. Действия потерпевшего необходимо оценивать в совокупности с имеющимися сведениями об окружающей и дорожной обстановке: информации о времени совершения деяния, погодных условиях, освещенности дороги, интенсивности движения, наличии или отсутствии дорожных знаков и дорожной разметки, светофорных объектах, дорожных ограждениях, наличии у пешеходов светоотражающих элементов на одежде в темное время суток и др.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем вывод о том, что структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, образовывают следующие элементы: механизм ДТП; способы совершения и сокрытия преступлений; механизм следообразования; сведения о лице, совершившем преступление; сведения о личности потерпевшего; обстановка совершения преступления: время, место, условия, способствовавшие совершению преступления; последствия совершения преступления. Что касается преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, то в данном случае структура криминалистической характеристики преступления будет более усеченной: в плане отсутствия сведения о личности потерпевших, о последствиях преступления в виде вреда, причиненного жизни и здоровью личности.

Литература

1. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых при производстве строительных работ / Л.А. Сергеев: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966.

2. Колесниченко А.Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

3. Варданян А.В. Теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения / О.В. Айвазова, А.В. Варданян // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 4.

4. Белкин Р.С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000.

5. Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д, 2001.

6. Варданян А.В. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции / А.В. Варданян, И.А. Ларионов // Известия Тульского государственного университета, экономические и юридические науки. 2015. № 4–2.

7. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития / С.И. Коновалов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

8. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.

Bibliography

1. Sergeev L.A. Investigation and prevention of crimes committed in the production of construction works / L.A. Sergeev: dis. ... PhD in Law. M. 1966.

2. Kolesnichenko A.N. Theoretical problems of criminalistic characteristics // Criminalistic characteristics of crimes. M., 1984.

3. Vardanyan A.V. Theoretical bases of criminalistic characteristics of crimes related to the turnover of narcotic drugs and psychotropic active substances in health care institutions / O.V. Aivazova, A.V. Vardanyan // Yurist-Pravoved. 2012. № 4.

4. Belkin R.S. The concept that has become a «forensic relic» / R.S. Belkin // Russian legislation and Legal Sciences in modern conditions: status, problems, and prospects. Tula, 2000.

5. Konovalov S.I. Null-methodological problems of criminalistics. Rostov on/D, 2001.

6. Vardanyan A.V. Nauchnye osnovy formirovaniya kriminalisticheskoy kharakteristiki predstavleniy, svyazannykh s organizatsii illegalnoy migratsii // Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta, ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2015. № 4–2.

7. Konovalov S.I. Theoretical and methodological foundations of criminalistics: the current state and problems of development / S.I. Konovalov: autoref. dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2001.

8. Belkin R.S. Criminalistics encyclopedia. M., 2000.

9. Yablokov N.P. Methods of investigation of criminal violations of doing the safe handling and use of industrial and transport Directorate methods, hazardous active substances, products and production wastes. M., 2003. P. 351.

10. Kolchurin A.G. Features of the investigation of road traffic crimes committed in rural areas / A.G. Kolchurin: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2004.

9. Яблоков Н.П. Методика расследования преступных нарушений правил безопасности обращения и использования производственной и транспортной техники, опасных веществ, изделий и производственных отходов. М., 2003.

10. Кольчурин А.Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности / А.Г. Кольчурин: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

11. Владимиров С.В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода / С.В. Владимиров: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

12. Чучаев А.И. Механизм транспортного преступления (понятие и общая характеристика) / А.И. Чучаев // LEX RUSSICA (Русский Закон). 2013. № 6.

13. Хачатрян Э.Г. Проблемы экспертных исследований при расследовании нарушений правил дорожного движения / Э.Г. Хачатрян: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 2

14. Рыжиков С.Л. Правовые и технико-криминалистические аспекты использования средств объективного контроля за движением автомобиля в процессе совершения дорожно-транспортных происшествий / С.Л. Рыжиков: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

15. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика / А.Ю. Головин. М., 2002.

16. Ковалев С.Е. Вопросы юридической техники в методике расследования дорожно-транспортных происшествий / С.Е. Ковалев // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.

17. Латыпова К.С. Механизм дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов / К.С. Латыпова // Вестник Бурятского госуниверситета 2012. № 2.

18. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А.В. Варданян // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2.

19. Варданян А.В., Андреев А.С. Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации (ч. 1) / А.В. Варданян, А.С. Андреев // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 2 (76).

11. Vladimirov S.V. Investigation of a vehicle hitting a pedestrian / S. V. Vladimirov: dis. ... PhD in Law. Vladimir, 2011.

12. Chuchaev A.I. The mechanism of transport implementation (concept and general characteristics) / A.I. Chuchaev // LEX RUSSICA (Russian Law). 2013. № 6.

13. Khachatryan E.G. Problems of expert research in the study of violations of traffic rules / E.G. Khachatryan: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2012.

14. Ryzhikov S.L. Legal and technical-forensic aspects of the use of means of objective control over the movement of the car, in the process of committing road accidents / S.L. Ryzhikov: dis. ... PhD in Law. Rostov on/D, 2004.

15. Golovin A.Yu. Forensic medical system / A.Yu. Golovin. M., 2002.

16. Kovalev S.E. Questions of legal technique in the methodology of investigation of road accidents / S.E. Kovalev // Problems of legal technology. N. Novgorod, 2000.

17. Latypova K.S. The mechanism of road-transport crimes related to collisions with pedestrians / K.S. Latypova // Journal of the Buryat State University 2012. № 2.

18. Vardanyan A.V. The subject of crime and the personality of the criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration / A.V. Vardanyan // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. № 2.

19. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Post-criminal behavior and elements of criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (p. 1) / A.V. Vardanyan, A.S. Andreev // Yurist-Pravoved. 2016. № 2 (76).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 351.74
ББК 67.7

© 2021 г. Заброда Дмитрий Григорьевич,
профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Куряшкин Алексей Николаевич,
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Соколов Валерий Анатольевич,
доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ФОРМ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ДОПУСКАЮЩИХ НАСИЛИЕ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

В статье охарактеризованы основные формы профилактического воздействия участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере. Приведены предложения по совершенствованию данного направления деятельности участкового уполномоченного полиции.

Ключевые слова: *участковый уполномоченный полиции, форма профилактического воздействия, семейно-бытовое насилие, профилактическая беседа, профилактический учет, административный надзор, правовое информирование.*

Zabroda Dmitry Grigoryevich – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Administrative Activities, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.

Kuryashkin Alexey Nikolaevich – Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative Activities, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sokolov Valeriy Anatolievich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CHARACTERISTICS OF THE MAIN FORMS OF THE PREVENTIVE EFFECT OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER AGAINST PERSONS WHO COMMIT DOMESTIC VIOLENCE

The paper describes the main forms of the preventive influence of the district police commissioner against persons who commit violence in the family and household sphere. It is presented the proposals for improving this activity of the district police.

Keywords: *district police commissioner, form of the preventive action, family-domestic violence, preventive conversation, preventive accounting, administrative supervision, legal information.*

Обеспечение прав и свобод человека требует от современного общества и государства формирование атмосферы неприятия любых форм дискриминации и насилия, создание правовых, организационных и других механизмов защиты граждан от посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство. При этом к наиболее закрытым сферам общества, в которых снижаются возможности внешнего публичного воздействия, относятся семья, бытовые связи и отношения. Следует отметить, что кризисные социально-экономические явления проецируются на семью, порождая внутренние конфликты, часть которых разрешается с применением насилия.

Противодействие семейно-бытовому насилию является одной их важнейших задач полиции и приоритетным направлением профилактики в деятельности участковых уполномоченных полиции (далее – УУП).

По данным МВД России, в 2020 г. зафиксировано снижение на 9,5 % числа преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % – вреда средней тяжести, на 10 % – легкого вреда здоровью [1]. Кроме этого, в период начальной стадии пандемии COVID-19 полицией обеспечена стабильность ситуации в этой сфере. Например, в апреле 2020 г. таких противоправных посягательств зарегистрировано на 9 % меньше, чем в апреле 2019 г., в том числе на 14,6 % меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 17,1 % – средней тяжести, на 3,3 % – легкого вреда здоровью [2].

Снижению числа преступлений в этой сфере способствовало введение административной ответственности за побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Начиная с 2016 г., полицией было пресечено 896 429 таких административных правонарушений (2016 г. – 48 005, 2017 г. – 224 328, 2018 г. – 248 257, 2019 г. – 252 888, 2020 г. – 122 951) [3].

Несмотря на снижение основных официальных показателей, характеризующих криминогенную ситуацию в области семейно-бытовых правонарушений, общественные организации по защите прав женщин отмечают ухудшение ситуации с насилием в семье. Так, по их данным, почти вдвое увеличилось количество обращений женщин на горячие линии общественных организаций за юридической, психологической и другой помощью [4]. Это говорит о высоком уровне латентности домашнего насилия и необходимости совершенствования форм и методов его предупреждения и выявления.

Кроме этого, «…повышение эффективности работы по выявлению лиц, совершивших административные правонарушения и преступления небольшой тяжести на бытовой почве» отнесено к задачам развития службы УУП до 2023 г., а «…количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве» – к целевым индикаторам Концепции ее развития [5].

Актуальность изучения специфики профилактического воздействия УУП на лиц, допускающих насилие в сфере семейно-бытовых отношений, обуславливается потребностью внедрения в практику деятельности УУП современных форм индивидуальной профилактики, направленных на упреждающее, своевременное и действенное влияние на сознание и поведение подучетных, а также оказание помощи лицам, пострадавшим от домашнего насилия.

Учитывая прикладной характер данной проблемы, ее изучение проводилось преимущественно представителями криминологической и административно-правовой науки, а отдельные ее аспекты освещались руководителями органов внутренних дел и представителями общественности. В частности, концептуальные основы профилактики правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием, рассмотрены в трудах Э.П. Абовяна, М.В. Барышникова, Н.И. Бельцова, Н.А. Гайджинской, А.А. Гайдукова, Т.М. Заниной, С.Н. Золотухина, Е.П. Кима, Ю.Н. Королева, К.Б. Левченко, А.В. Равнюшкина, Л.В. Сердюка, А.Л. Ситковского, К.Д. Рыдченко, А.В. Черепанова, О.А. Шелег и др.

Несмотря на наличие достаточного числа научных публикаций, посвященных рассматриваемой нами проблематики, большинство исследований проводилось авторами до 2019 г., и по объективным причинам они не учитывают новации в нормативно-правовом регулировании индивидуальной профилактической работы УУП, связанных с расширением и конкретизацией его полномочий по применению форм профилактического воздействия, внедрения риск-ориентированного подхода в организацию такой деятельности, изменение оперативной обстановки в стране, опосредованные длящейся пандемией COVID-19.

В связи с этим в данной публикации предлагается охарактеризовать основные формы профилактического воздействия УУП в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере, и сформулировать предложения по повышению эффективности их использования.

Анализ учебной литературы, научных публикаций и нормативных правовых актов позволил нам сформулировать следующее общее определение понятия «форма профилактического воздействия УУП в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере» как «…определенный нормативными правовыми актами вид индивидуального профилактического воздействия в отношении лиц, указанных в пп. «а» п. 33 приказа МВД России от 29.03.2019 № 205, направленного на предупреждение недопущения совершения ими соответствующей группы правонарушений, а также воспитание у них потребности в соблюдении прав и свобод граждан, объединенных с ним родством и (или) семейно-бытовыми отношениями» [6–8].

При осуществлении индивидуальной профилактической работы УУП обязан: проводить профилактические беседы с лицами,

состоящими на профилактическом учете; наблюдать за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, их образом жизни, кругом общения; опрашивать родственников лиц, состоящих на профилактическом учете, их соседей и других лиц; применять меры административного принуждения к лицам, состоящим на профилактических учетах и нарушающим законодательство Российской Федерации; способствовать устранению обстоятельств, вызывающих конфликты и способствующих их перерастанию в тяжкие преступления [9–11].

Основные виды форм профилактического воздействия перечислены в ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В соответствии с положениями ч. 2 этой статьи, ОВД предоставлено право осуществлять конкретные формы профилактического воздействия, предусмотренные п. 2–6 ч. 1 ст. 17 данного закона.

С целью реализации норм этого закона в приказе МВД России № 205 был закреплен порядок реализации УУП форм профилактического воздействия на лиц, склонных к совершению правонарушений (п. 35). Непосредственно УУП наделен полномочиями осуществлять индивидуальное профилактическое воздействие в следующих формах: правовое информирование; профилактическая беседа; объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; профилактический учет; административный надзор [12].

Таким образом, УУП уполномочен использовать не все формы профилактического воздействия. Однако считаем, что это не означает, что он не может принимать участие в осуществлении форм, которые используются другими субъектами профилактики правонарушений.

Охарактеризуем приведенные выше формы применительно к лицам, допускающим правонарушения в семейно-бытовой сфере. Для понимания содержания этих форм предлагается рассмотреть их понятие, цели и основные задачи.

1. *Правовое информирование*. В контексте профилактики насилия в семье под *правовым информированием* предлагаться понимать «…часть правового просвещения, осуществляемая путем доведения до сведения граждан информации об их правах и обязанностях, о формировании законопослушного поведения, о существующих правовых возможностях защиты человека и гражданина от противоправных посягательств, видах социальных услуг, сроках, порядке и условиях их предоставления».

Объектами правового информирования в данном аспекте выступают не только лица, к которым применяются меры профилактического воздействия, но и иные граждане, в том числе пострадавшие от семейно-бытовых правонарушений.

К общим положениям правого информирования в рассматриваемой нами сфере могут быть отнесены такие принципы:

1) принцип последовательности, который предполагает создание УУП и другими подразделениями полиции на территории обслуживания системы общего и индивидуального информирования как элемента механизма профилактики правонарушений, постепенного расширения сфер и форм его использования;

2) принцип дифференцированности, который связан с использованием УУП разнообразных подходов к организации и проведению мероприятий по правовому информированию подучетных лиц в зависимости от их социального статуса, наличия антиобщественных установок, восприятия тех или иных способов информационного воздействия;

3) принцип всеобщности, связанный с распространение правового информирования на все социальные группы населения, осуществление соответствующих мероприятий по правовому информированию в отношении максимального количества граждан;

4) принцип своевременности, состоящий из оперативного информирования граждан об изменениях, внесенных в действующее законодательство, разъяснения их значения для статуса подучетного лица;

5) принцип использования современных технологий, что предусматривает применение информационно-телекоммуникационных систем и средств общения для доведения необходимой информации, увеличения обхвата аудитории, воздействия на нее средствами визуализации.

2. *Профилактическая беседа* – это разъяснение лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения [13].

Основными задачами профилактической беседы являются выявление причин и условий совершения семейно-бытового насилия, разъяснение социальных и правовых последствий семейно-бытового насилия и убеждение в необходимости законопослушного поведения [14].

Целью профилактической беседы является формирование у профилактируемого желания сознательно, на основе понимания общественной опасности правонарушений в семейно-бытовой сфере и его морального осуждения отказаться от антисоциальных установок, а также убежденности в необходимости использовать ненасильственные способы решения бытовых конфликтов.

С целью нормативного закрепления порядка проведения профилактической беседы МВД России разработало проект соответствующего приказа. В данном проекте предусмотрены: правовая основа проведения сотрудниками органов внутренних дел России профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения, категории должностных лиц ОВД, уполномоченных проводить данную беседу, основания, места и ход ее проведения, особенности проведения такой беседы с несовершеннолетними, порядок фиксации сведений о ее проведении [15].

Считаем, что данный проект приказа необходимо дополнить образцом бланка рапорта о проведении профилактической беседы.

3. *Объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.*

Официальное предостережение (предостережение) должно содержать обязательное для исполнения требование о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Сущность такого предостережения состоит в его понимании как правового средства, носящего превентивный (предупредительный, профилактический) характер, целью которого является предупреждение правонарушений путем официального указания на необходимость изменения модели своей юридически значимой деятельности [16].

В соответствии с приказом МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» УУП включен в Перечень должностных лиц системы МВД России, уполномоченных его объявлять.

При этом специалистами обращается внимание на неконкретность отдельных понятий, используемых для описания основания для применения официального предостережение [17]. Так, если понятие *«антиобщественного поведения»* дается в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» как «…не влекущего за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающего общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц» [13], то определение категории «*действий, создающих условия для совершения правонарушений»* относится к числу теоретических конструкций.

Такая ситуация может быть отнесена к правовой неопределенности, при которой у сотрудников полиции возникает потребность в самостоятельном принятии решения об объеме и характере требований к действиям лица, которые он должен не допускать или прекратить, в связи с вынесенным официальным предостережением (предостережением).

По нашему мнению, к антиобщественным действиям могут быть отнесены лишь «…иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц», которые могут относиться к правонарушениям, ответственность за которые не предусмотрена административным или уголовным законодательством (например, гражданско-правовые деликты, нарушение норм трудового права).

Что касается *действий, создающих условия для совершения правонарушений,* то буквальное толкование приказа МВД России от 04.03.2020 № 119 говорит о том, что к ним необходимо относить те условия, которые непосредственно привели к совершению им конкретного правонарушения, или тех антиобщественных действий, создавших предпосылки для их совершения.

В связи с этим УУП должен выявить названные условия с целью их конкретизации в официальном предостережении (предостережении), предварительно изучив материалы дел об административных правонарушениях и уголовных дел, результаты опроса членов семьи и окружения правонарушителя, проанализировав обращения граждан и сообщения других субъектов профилактики правонарушений.

Считаем целесообразным в обязательном порядке при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УПК РФ, а также преступлений, совершенных на бытовой почве, в ходе осуществ-

ления производства делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП, фиксировать в соответствующих процессуальных актах (обвинительных заключениях, приговорах, постановлениях о привлечении к административной ответственности), причины и условия, способствовавшие совершению этих правонарушений.

4. *Профилактический учет* предназначен для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений.

Ведение профилактического учета (сбор, регистрация, обработка, хранение и предоставление информации), в том числе с использованием автоматизированных информационных систем, осуществляется субъектами профилактики правонарушений в пределах их полномочий в соответствии с порядками и требованиями, установленными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами соответствующих

В соответствие с п. 35.4 профилактическому учету подлежат лица, допускающие правонарушения в семейно-бытовой сфере. Срок пребывания лица на профилактическом учете – один год с момента принятия решения о проведении индивидуальной профилактической работы. В случае поступления в отношении данной категории лиц заявления (сообщения) о преступлении, административном правонарушении, происшествии в семейно-бытовой сфере, срок пребывания на профилактическом учете может быть продлен в установленном порядке.

Профилактический учет ведется с помощью Сервиса обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. В нем на лицо заводится одна карточка, в которой отражаются все категории, по которым лицо состоит на профилактическом учете. При смене места жительства лица, состоящего на профилактическом учете, УУП в течение трех суток с момента получения соответствующей информации посредством Сервиса направляет имеющиеся материалы в территориальный орган по новому месту жительства данного лица для постановки на профилактический учет и проведения с ним индивидуальной профилактической работы.

5. *Административный надзор.* Это касается и административного надзора, который устанавливается в отношении категорий граждан, указанных в Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ст. 3) [18].

В случае его установления в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, соответствующие мероприятия проводятся в порядке, предусмотренном приказом МВД РФ от 8.07.2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [19].

Как показывает практика, приведенные выше формы профилактического учета могут использоваться как индивидуально, так и в комплексе.

Что касается совершенствования рассматриваемой деятельности УУП, то нами предлагается обратить внимание на возможность внедрения в работу полиции риск-ориентированного подхода как основного метода организации контрольно-надзорной деятельности государственных органов.

В частности, А.В. Равнюшкин, в зависимости от возможности возникновения опасности, предлагает лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, разделить на пять категорий риска. При отнесении лица к той или иной категории предлагается использовать определение периодичности проверок подучетных и интенсивности оказываемого УУП профилактического воздействия: чем выше категория риска, тем чаще должен подвергаться контрольно-проверочным мероприятиям (приложение 3) [20].

В контексте профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере можно разделить обязанности сотрудников полиции по: оказанию первой помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 12); оказанию задержанному лицу первой помощи, а также меры по устранению возникшей при задержании угрозы жизни и здоровью граждан или объектам собственности (ч. 12 ст. 14) [21].

Кроме этого УУП, выявляя в семьях ситуации, связанные с повышенным риском, взаимодействует с другими подразделениями ОВД и государственными органами, органами социального обеспечения, кризисными центрами, иными субъектами, участвующими в контроле за семьями, оказавшимися в сложной жизненной ситуации, информируя их о характере ситуации и необходимости принятия соответствующих мер.

Анализ форм профилактического воздействия, используемых УУП для предупреждения противоправного поведения лиц, допускающих совершение правонарушений в семейно-бытовой сфере, показывает, что это сложная, многоэтапная оперативно-служебная деятельность, требующая от него не только знаний нормативных правовых актов, но и глубокого понимания специфики семейных отношений, педагогических способностей и такта.

Формирование необходимых умений и навыков предусматривает соответствующую подготовку. По нашему мнению, наиболее эффективно данные навыки формируются в ходе моделирования типичных ситуаций, возникающих в ходе данной разновидности деятельности УУП, и отработки сценариев их решения.

Также с целью совершенствования правовой основы профилактической деятельности УУП предлагается: дополнить КоАП РФ нормой, предусматривающей ответственность за неисполнения лицом, которому оно было объявлено, требования, изложенного в официальном предостережении (предостережении) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; дополнить ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» ст. 28.1 «Обязанности лиц, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений»; разработать приказ МВД России, регулирующий порядок осуществления органами внутренних дел правового просвещения и правового информирования; принять приказ МВД России о порядке проведения сотрудниками ОВД профилактической беседы, в котором предусмотреть типовые формы документов, составляемых по результатам ее проведения.

Литература

1. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/22678184.

2. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/20164906.

3. Обзор о состоянии работы органов внутренних дел по профилактике преступлений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений, в том числе в рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. МВД России, 2020.

4. URL: https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf.

5. Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020–2023 гг». // СПС «КонсультантПлюс».

6. Заброда Д.Г., Зырянов И.В., Куряшкин А.Н., Овсепян Г.М., Савочкина Д.О. Формы профилактического воздействия участковых уполномоченных полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере. Симферополь, 2020.

7. Заброда Д.Г. Деятельность участковых уполномоченных полиции по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 4 (95).

8. Заброда Д.Г., Заброда С.Н. Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России // Общество и право. 2016. № 3 (57).

Bibliography

1. URL: https://xn—b1aew.xn-p1ai/reports/item/22678184.

2. URL: https://xn—b1aew.xn-p1ai/news/item/20164906.

3. Review of the state of work of internal affairs bodies on the prevention of crimes committed on the basis of family and household relations, including as part of the implementation of the National Strategy for Action for Women for 2017–2022. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

4. URL: https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf.

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 30.03.2020 № 191 «On the approval of the Concept for the Development of the Service of District Police Commissioners of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2020–2023» // LRS «ConsultantPlus».

6. Zabroda D.G., Zyryanov I.V., Kuryashkin A.N., Hovsepyan G.M., Savochkina D.O. Forms of preventive impact of district police commissioners in relation to persons who commit offences in the family sphere. Educational and methodological manual. Simferopol, 2020.

7. Zabroda D.G. Activities of district police commissioners to provide preventive influence on persons who commit offences in the family and household sphere // Lawyer-Pravoved. 2020. № 4 (95).

8. Zabroda D.G., Zabroda S.N. Austrian experience in the prevention of domestic violence: characteristics and proposals for use in Russia // Society and Law, 2016. № 3 (57).

9. URL: https://27.xn—b1aew.xn—p1ai/Pravovoe_informirovanie/Metodicheskie.

10. Бачурин А.Г., Щеглов А.И. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений. Барнаул, 2016.

11. Кашкина Е.В., Хандогина А.В. Проведение индивидуальной профилактической работы участковыми уполномоченными полиции с отдельными категориями граждан, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел Российской Федерации. Домодедово, 2018.

12. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-metodika-provedeniya-profilakticheskih-besed-s-litsami-sostoyaschimi-na-uchete-v-organah-vnutrennih-del.

15. Проект Приказа МВД России «О проведении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2014 № 82-КГПР14-2 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Зиекеев В.А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).

18. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

19. Приказ МВД РФ от 08.07.2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

20. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/95151-risk-orientirovannyj-podkhod-osushhestvlenii-gosudarstvennogo-nadzora-kontrolya.

21. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

9. URL: https://27.xn—b1aew.xn—p1ai/Pravovoe_informirovanie/Metodicheskie.

10. Bachurin A.G., Shcheglov A.I. Procedure for setting and removing from the preventive accounting of ATS certain categories of citizens, carrying out police preventive work with persons on preventive registration in order to prevent them from committing crimes and administrative offenses. Barnaul, 2016.

11. Kashkina E.V., Khandogina A.V. Carrying Out out individual preventive work by district police commissioners with individual categories of citizens on preventive registration in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Domodedovo, 2018.

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.03.2019 № 205 «On the service of the district police commissioner in the serviced administrative area and the organization of this activity» // LRS «ConsultantPlus».

13. Federal Law № 182-FL of 23.06.2016 «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-metodika-provedeniya-profilakticheskih-besed-s-litsami-sostoyaschimi-na-uchete-v-organah-vnutrennih-del.

15. Draft Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On the conduct of preventive conversations by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the inadmissibility of continuing anti-social behavior» // LRS «ConsultantPlus».

16. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.06.2014 № 82-KGPR14-2 // LRS «ConsultantPlus».

17. Ziekeev V.A. Critical analysis of the Federal Law «On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation» // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (36).

18. Federal Law «On Administrative supervision of Persons released from places of deprivation of liberty» dated 06.04.2011 № 64-FL // LRS «ConsultantPlus».

19. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 818 of 08.07.2011 «On the procedure for implementing administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty».

20. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/95151-risk-orientirovannyj-podkhod-osushhestvlenii-gosudarstvennogo-nadzora-kontrolya.

21. Federal Law № 3-FL of 07.02.2011 «On the Police» // LRS «ConsultantPlus».

УДК 343.346
ББК 67.408

© 2021 г. Афонин Вадим Вячеславович,
старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук.
E-mail: vadim.afonin@mail.ru

СТАТЬЯ 264.1 УК РФ «НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ»: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются некоторые проблемы применения положений статьи 264.1 УК РФ «Нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». В заданном контексте анализируются существующие научные концепции относительно института административной преюдиции.

Ключевые слова: *дорожно-транспортное преступление, административная преюдиция, Правила дорожного движения, участник дорожного движения, Госавтоинспекция.*

Afonin Vadim Vyacheslavovich – Senior Lecturer, the Department of Organization of the Traffic Police, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, PhD in Law.

ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT»: SOME PROBLEMATIC ASPECTS

The paper deals with some problematic aspects in the article application 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violations of traffic rules by a person subjected to administrative punishment». In the given context, the existing scientific concepts regarding the institution of administrative precedence are analyzed.

Keywords: *traffic crime, administrative precedence, traffic rules, road user, traffic police.*

В условиях современной реальности, где количество автомобилей постоянно растет, имеется тенденция к стремительному увеличению числа правонарушений и, как следствие, дорожно-транспортных происшествий. При этом в случае нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) [2], нахождение лица в состоянии опьянения выступает в качестве необходимого условия для привлечения к его уголовной ответственности. В данном случае обязательным условием является применение к лицу в прошлом административного наказания за аналогичное нарушение или наличие судимости за дорожно-транспортное преступление, совершенное в состоянии опьянения, если не истекли сроки давности применения административного наказания или судимости.

Необходимо отметить, что общественно опасное деяние, за которое предполагается установить уголовно-правовой запрет, не носит единичный характер. При этом необходимо проанализировать имеющиеся уголовно-правовые запреты, для того, чтобы исключить конкуренцию норм. Так, при принятии УК РФ законодатель включил в него две схожие нормы – ст. 125 «Оставление в опасности» и ст. 265 «Оставление места дорожно-транспортного происшествия». Это приводило к проблемам в квалификации, и в последующем ст. 265 УК РФ была декриминализирована.

Пострадавшие в результате действий нетрезвых водителей составляют значительное число. При этом посредством мер административного воздействия с указанным правонарушением эффективно бороться не получается. Конечно, нельзя сказать, что нахождение водителя в состоянии опьянение обязательно спровоцирует ДТП, но возможные последствия такого поведения представляют повышенную общественную опасность.

Теперь, сев за руль «в состоянии опьянения», водитель рискует не только водительским удостоверением, но и своей личной свободой. Повторное такое поведение предусматривает несколько видов наказания.

Статья 264.1 УК РФ – это уже не административная, а уголовная ответственность. Можно судить о значительном ужесточении правовых норм, устанавливающих ответственность за такой вид правонарушения.

В настоящее время позиция законодателя о включении норм, содержащих администт-

ративную преюдицию, полностью изменилась. Значительное число составов сконструировано по данному принципу (например, ст. 116.1, 158.1, 264.1 УК РФ и др.).

Ряд административистов считает, что административная преюдиция является вполне обоснованной по своей природе. Н.Ю. Акинина и А.А. Берндт [3] указывают, что ужесточение мер административной ответственности оказало положительное воздействие на сознание большинства автомобилистов, но не искоренили проблему с употреблением алкоголя за рулем в целом. Лица, страдающие алкоголизмом и наркоманией, продолжали разъезжать по дорогам в состоянии опьянения. Принятие ст. 264.1 УК РФ направлено, в первую очередь, на привлечение к уголовной ответственности указанных лиц.

Вместе с тем взгляды ученых на институт административной преюдиции, в т. ч. в рамках ст. 264.1 УК РФ, различны. Одни полагают, что она должна быть. В частности, И.Н. Мосечкин [8] отмечает, что административная преюдиция в УК РФ появилась неслучайно. Она носит закономерный и обоснованный характер.

Правоохранительные органы при привлечении лица к административной ответственности по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ [1] разъясняют ему, в чем состоит опасность его административного правонарушения и каковы юридические последствия в случае, если оно повторно его совершит в период действия постановления о назначении административного наказания.

С точки зрения И.В. Ильина и О.А. Шевченко [6], состав ст. 264.1 УК РФ носит превентивный характер. В последующем лицо задумается и не будет управлять транспортным средством при данных обстоятельствах, отраженных в анализируемой норме уголовного закона.

По мнению Г.Ш. Аюповой [4], административная преюдиция свидетельствует о необходимости дифференциации ответственности, а также превентивного воздействия как общего, так и специального характера. Д.В. Собин [11] предлагает оставить в ст. 264.1 УК РФ административную преюдицию, но применительно лишь к деянию, сопряженному с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Позиция Д.В. Собина в некоторой степени заслуживает поддержки, т. к. в настоящее время в ст. 264.1 УК РФ делается акцент только на наличие у лица административной ответственности за нарушение им Правил дорожного движения, но не упоминается о наличии судимости у лица за совершение деяний, отраженных в ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ.

В данном случае отечественный законодатель идет по неверному пути, т. к. судимость в целом, согласно положению ст. 86 УК РФ, должна учитываться при рецидиве преступлений и при назначении наказания. В связи с этим ставится под сомнение усиление ответственности за управление транспортом лицом в состоянии опьянения, отраженной в ст. 264.1 УК РФ.

Другие ученые указывают на несовершенство технико-юридического конструирования, которое заключается в том, что для лица с учетом повторности и института административной преюдиции наступает уголовная ответственность, причем имеют место и коллизии квалификации по данной норме УК РФ в правоприменительной и судебной практике.

Опираясь на мнения таких ученых, как Г.В. Верина [5], Н.А. Лопашенко [7] и Б.Т. Разгильдиева [10], согласно которому административная преюдиция находится в коллизии с теорией криминализации, а отраженный состав с подобной конструкцией не соответствует той степени общественной опасности, которую законодатель отразил в ст. 14 УК РФ, т. к. степень общественной опасности предполагает количественную характеристику, которая оперирует категорией «характер», считаем, что именно этот «характер» переводит деяния в преступления. Степень общественной опасности указывает на объем «качества» данного деяния, свидетельствующего о том, что лицо может совершить новое подобное преступление. Составы преступлений с административной преюдицией указывают не на общественную опасность деяния, а на личность виновного, который повторно в течение года совершает подобное деяние.

Однако, учитывая рассмотренную социальную обусловленность криминализации данного деяния, выражающуюся в управлении транспортным средством, хотелось бы заметить, что опасность его для окружающих возрастает, если водитель находится в состоянии алкогольного опьянения.

Принимая во внимание приведенные статистические данные о числе зарегистрированных административных правонарушений

по ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, следует указать на неэффективность общей и частной превенции действующих норм КоАП РФ.

Акцентируя внимание на общественной опасности и особенностях технико-юридического конструирования ст. 264.1 УК РФ, полагаем, что отечественный законодатель при криминализации рассматриваемого деяния допустил коллизию между ее наименованием и содержанием, т. к. наименование только указывает на административную преюдицию, в то время как содержание говорит и о состоянии опьянения, и специальном рецидиве. Таким образом, проблема ПДД на сегодняшний день по-прежнему остается актуальной. На фоне роста количества ДТП существование ст. 264.1 УК РФ весьма уместно.

Если законодатель говорит о возрождении специального рецидива преступлений, то, во-первых, его следует учесть в ст. 18 и 68 УК РФ и, во-вторых, отразить в качестве квалифицирующего признака иного деяния, например в ст. 264 УК РФ, либо включить в УК РФ альтернативную ст. 264.2 и отразить в ней ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 настоящего Кодекса, хотя рецидив преступлений согласно п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ является отягчающим обстоятельством. Тогда полагаем, что данные предложения будут способствовать оптимизации законодательства, а, соответственно, и правоприменительной практики, что позволяет минимизировать число ДТП, совершаемых водителями в состоянии алкогольного опьянения.

Также мы выявили, что основания привлечения к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ носят спорный характер.

Принцип возможного позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение предполагает, что введение и применение уголовного запрета сможет существенно уменьшить количество совершенных общественно опасных деяний, а также оказывать предупредительное воздействие на неправомерное поведение субъектов.

Конечно, введение подобного уголовно-правового запрета может негативно отразиться на лицах, чей основной доход связан с управлением транспортными средствами (водители общественного транспорта, специализированного транспорта, такси и т. д.).

Применяя к указанным лицам в качестве наказания запрет на управление транспортным средством, суд лишит их источника средств существования, но жизнь и здоровье других участников дорожного движения, которые могут пострадать, являются, на наш взгляд, более значимыми интересами.

Таким образом, полагаем, что необходимо усиление уголовно-правовых мер, направленных на противодействие совершению деяний лицами в состоянии алкогольного опьянения, и необходимость совершенствования отечественного уголовного законодательства. В этом заинтересовано и общество.

Так, дифференциация уголовной ответственности за совершаемое преступление должна происходить с учетом степени общественной опасности, а также личности виновного. Изменение законодательства, направленного на установление ответственности за анализируемое деяние, является исторически изменчивым, что зависит в т. ч. от распространенности регистрируемых случаев и тяжести последствий ДТП, которые играют немаловажную и во многом определяющую роль в криминообразующем элементе состава преступления. Это относится и к рассматриваемому нами деянию. Подводя итог, можно констатировать, что изменения в административном и уголовном законодательстве в последние годы свидетельствуют о том, что общественная опасность противоправных деяний, связанных с управлением транспортными средствами, значительно повысилась.

Литература

1. КоАП РФ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

2. УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 30.12.2020 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Акинина Н.Ю., Берндт А.А. Институт административной преюдиции в УК РФ //

Bibliography

1. Administrative Code of the RF // Collection of Legislation of the RF. 2002. № 1. Part 1. Art. 1.

2. Criminal Code of the RF of 13.06.1996 № 63-FL: ed. from 30.12.2020 // Sobranie zakonodatelstva RF. 1996. № 25. St. 2954.

3. Akinina N.Yu., Berndt A.A. Institute of administrative prejudice in the Criminal Code of the

Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44).

4. Аюпова Г.Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

5. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М., 2018.

6. Ильин И.В., Шевченко О.А. Проблемы квалификации и расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ «Нарушение Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (административно-правовые и уголовно-правовые аспекты)» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3.

7. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23).

8. Мосечкин И.Н. Административная преюдиция в уголовном праве России: некоторые вопросы зарождения и развития // Наука без границ. 2017. № 5 (10).

9. URL: https://orskl5.kodms.ru.

10. Разгильдиев Б.Т. Социальная природа состава преступления в уголовном праве России // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020.

11. Собин Д.В. Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

Russian Federation // Bulletin of the Ugra State University. 2017. Is. 1 (44).

4. Ayupova G.Sh. Criminal liability for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2018.

5. Verina G.V. Fundamental concepts of criminal law in Russia: actual problems. M., 2018.

6. Ilyin I.V., Shevchenko O.A. Problems of qualification and investigation of crimes, the responsibility for which is provided for in art. 264.1 of the Criminal Code of the RF «Violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment (administrative-legal and criminal-legal aspects)». 2016. № 3.

7. Lopashenko N.A. Administrative prejudice in criminal law-no! // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the RF. 2011. № 3 (23).

8. Mosechkin I.N. Administrative prejudice in the criminal law of Russia: some questions of origin and development // Science without Borders. 2017. № 5 (10).

9. URL: https://orskl5.kodms.ru

10. Razgildiev B.T. The social nature of the corpus delicti in the criminal law of Russia // Actual problems of the doctrine of crime: theses of reports and messages of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.I. Martsev. Omsk, 2020.

11. Sobin D.V. Counteraction to violations of the rules of traffic and operation of vehicles (art. 264, 264.1 of the Criminal Code of the RF): problems of constructing the elements of crimes, penalization and prevention: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2019.

УДК 342.92
ББК 67.401

© 2021 г. Бровко Николай Владимирович,
доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: tipiqa124@yndex.ru

Трифонова Кристина Васаковна,
доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: kri-kazaryan@yndex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕЕЗДАХ

В рамках исследования авторы статьи предлагают способы рассмотрения административно-правовых аспектов дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах.

Ключевые слова: *железнодорожный переезд, административно-правовые аспекты дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах, статистический учет дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах, регистрация дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах, дорожно-транспортная дисциплина, транспортная стратегия.*

Brovko Nikolay Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Trifonova Christina Vasakovna – Associate Professor, the Department of Administrative and Financial Law, the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS AND STATISTICAL ACCOUNTING OF THE TRAFFIC ACCIDENTS AT THE RAILWAY CROSSINGS

In studies, the authors propose ways to consider the administrative and legal aspects of the traffic accidents at the railway crossings.

Keywords: *railway crossing, administrative and legal aspects of the traffic accidents at level crossings, statistical accounting of the traffic accidents at the railway crossings, registration the traffic accidents at the railway crossings, traffic discipline, transport strategy.*

Актуальность исследования административно-правовых аспектов и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах обусловлена целым рядом социальных, экологических, «технологических», а также психологических факторов и причин.

Социальная значимость исследования административно-правовых аспектов и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах объясняется значительным увеличением интенсивности автодорожных и железнодорожных коммуникаций.

В современном российском обществе ежегодно увеличивается количество автомобильного транспорта, что приводит к существенной интенсификации автомобильного движения, том числе на железнодорожных переездах, предназначенных для пересечения железнодорожных путей. В свою очередь повышение интенсивности автомобильного движения приводит, с одной стороны, к увеличению его продолжительности, с другой – к возникновению принципиально новых проблемных ситуаций на дорогах, не наблюдавшихся ранее и порождающих продолжительные простои автотранспортных средств, обусловливающих повышение среднестатистического уровня автодорожной и железнодорожной аварийности.

Экологические аспекты исследования административно-правовых аспектов и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах обусловлены, с одной стороны, увеличением продолжительности простоев автомобильного транспорта, приводящей к потере рабочего и личного времени, с другой – к увеличению продолжительности

работы двигателя автомобиля на «холостом ходу», приводящей к увеличению расхода топлива, чрезвычайно высокой концентрации оксида углерода, а также двукратному повышению объема выбросов углекислого газа и иных высокотоксичных компонентов, существенно ухудшающих экологическую обстановку.

Технологические аспекты исследования административно-правовых аспектов и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах объясняются проблемами, возникающими в условиях несоответствия автодорожной инфраструктуры численности автомобильного транспорта и повышения интенсивности его движения, порождающими значительную перегруженность автотранспортных коммуникаций, в том числе при пересечении железнодорожных путей.

Психологические аспекты исследования административно-правовых аспектов и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах заключаются в особом психоэмоциональном состоянии водителей и других участников дорожного движения, испытывающих психологический дискомфорт и нервозность во время автомобильных заторов. Все эти факторы придают особую актуальность проблемам, возникающим в сфере административно-правового обеспечения безопасности дорожного движения и статистических особенностей учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах.

Административно-правовые аспекты дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах обусловлены особенностями административно-правового регулирования деятельности, с одной стороны, создающей угрозу безопасности движения на железнодорожном транспорте и его эксплуатации (ст. 11.1 КоАП РФ) [10], с другой – связанной с нарушениями правил пересечения железнодорожного полотна (ст. 12.10 КоАП РФ) [10].

Особенности статистического учета дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах состоят в том, что он позволяет, во-первых, определить причины и условия их возникновения; во-вторых, выработать систему официальных мероприятий с целью их профилактики и предотвращения, в-третьих, осуществить поиск инновационных форм и методов профилактической работы с водителями с целью предупреждения дорожно-транспортных происшествий и снижения рисков аварийности и угроз личной безопасности на железнодорожных переездах.

По статистике, только за второе полугодие 2019 г. численность автомобильного транспорта в России увеличилась приблизительно на 500 тыс. единиц транспортных средств [1]. В январе 2020 г. численность российского автопарка превысила показатель в 50 млн автомобилей.

По статистике, в Российской Федерации и ее субъектах [9] ежегодно регистрируется свыше двухсот дорожно-транспортных происшествий, совершенных с непосредственным участием автотранспорта и железнодорожного подвижного состава. При этом особо тяжкие последствия, как правило, наступают при столкновениях автомобилей с поездами на железнодорожных переездах и, особенно, на нерегулируемых железнодорожных переездах.

По официальным статистическим данным, в 2020 г. в Российской Федерации (по сравнению с 2019 г.), наблюдался рост числа вынесенных административных постановлений за нарушение Правил дорожного движения. По вине водителей автотранспортных средств допущено 204 столкновения с железнодорожным подвижным составом. В результате при совершенных авариях погибло 29 и пострадало 95 человек. Как было установлено в ходе соответствующих расследований, основными причинами аварий стали грубые

Таблица 1

Количество зарегистрированных автотранспортных средств на конец года в тысячах единиц [2]

	2015	2017	2018	2019
Легковые автомобили, автобусы, грузовые автомобили	51 356	54 217	54 755	55 839

нарушения Правил дорожного движения водителями, которые пренебрегали и продолжают пренебрегать этими правилами [5].

столкновений с железнодорожным подвижным составом и авариях на железнодорожных переездах не приводятся вовсе.

Таблица 2

Количество аварий на переездах (на конец года)

	2016	2017	2018	2019	2020
Аварии на железнодорожных переездах	211	263	259	241	204

В конце 90-х гг. XX в. отечественные специалисты Н.К. Сологуб и А.Н. Шмаков отмечали, что тяжесть последствий от дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах почти в 2 раза выше, чем в других автомобильных авариях. При этом, как отмечают специалисты, в 95 % случаях аварии происходили по вине водителей из-за игнорирования требований дорожных знаков, световой сигнализации или объезда закрытых шлагбаумов [6].

В таблице 2 приведены данные о количестве аварий, произошедших на железнодорожных переездах исключительно по вине водителей. Как правило, эти данные публикуются на официальных сайтах органов ГИБДД, занимающихся расследованием причин совершенных аварий и установлением виновных. Вместе с тем общее количество аварий на железнодорожных переездах фиксируется, как правило, на основе статистических данных, опубликованных на сайтах управлений железных дорог или электронных сайтах газет.

Как представляется, основной целью статистического учета общего числа дорожно-транспортных происшествий, совершенных на железнодорожных переездах, должно являться определение причин и условий их возникновения в контексте принятия профилактических мер для их предупреждения и проведения соответствующих мероприятий с целью их дальнейшего недопущения, а также поиска новых форм и методов работы с водителями по профилактике дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах. Вместе с тем в электронном статистическом сборнике «Транспорт в России 2020» данные о количестве допущенных

Статистический учет дорожно-транспортных происшествий, совершенных на железнодорожных переездах, позволяет определить уровень дорожно-транспортной дисциплины в целом и, соответственно, в таком сегменте автомобильного движения как пересечение железнодорожных путей на железнодорожных переездах. Как отмечают некоторые специалисты, статистический учет соответствующих происшествий позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев они совершаются по вине водителей автотранспортных средств, которые проявляют невнимательность, поспешность при принятии решений сократить время стоянки у переезда при проходе поезда. Практика показывает, что подобные тяжелые происшествия входят в закономерную цепь событий, где 60–80 % всех несчастных случаев той или иной степени тяжести являются следствием ошибочных действий людей [3]. Вот характерный пример: в сентябре 2020 г. в городе г. Усть-Кут произошло столкновение автокрана и грузового поезда на переезде. Управляющий автотранспортом, будучи в состоянии опьянения и не имея водительского удостоверения, на территории производственной базы угнал автокран. При движении на нерегулируемом железнодорожном переезде перегона «Лена-Янталь» он выехал на запрещающий сигнал светофора и допустил столкновение с грузовым поездом, в составе которого находилось 86 порожних вагонов-цистерн. В результате столкновения было повреждено 6 цистерн и около 240 метров железнодорожного полотна, что привело к железнодорожному затору на перегоне и существенному материальному ущербу, составив-

шему более 4,5 млн рублей. После задержания угонщик автокрана заявил, что столкновение с грузовым поездом он допустил по собственной невнимательности [4].

Таким образом, с определенной долей уверенности можно предположить, что наибольшее число дорожно-транспортных происшествий (примерно, около 80 % от общего числа) обусловлено человеческим фактором и напрямую связано с ошибками водителей. Для водителя, управляющего сложной системой – современным автомобилем, характерен не только рост числа допускаемых ошибок при управлении, но и значительное увеличение тяжести последствий при совершении дорожно-транспортных происшествий. Подобное положение дел характеризует состояние дорожно-транспортной дисциплины и на железнодорожных переездах, где большинство произошедших аварий напрямую обусловлено стереотипическими особенностями поведения водителей, допускающих ошибки при управлении автомобилем в силу психологических факторов и причин (невнимательность, спешка, умысел, приобретение временной или материальной выгоды). В силу этого проблемы установления и исследования причин происхождения подобных ошибок выступают в качестве предмета особого практического внимания и научного интереса.

Вместе с тем исследование особенностей статистических данных о дорожно-транспортных происшествиях, совершенных на железнодорожных переездах, как в общефедеральном, так и региональном масштабах, позволяет сделать вывод о том, что ежегодный мониторинг состояния аварийности на железнодорожных переездах ведется только в отношении нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации автотранспортных средств.

В настоящее время официальная статистика дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах непосредственно связана с интерпретацией данных о дорожно-транспортных происшествиях, произошедших на автомобильных дорогах общего пользования, как правило, осуществляется органами внутренних дел Российской Федерации и в меньшей степени собственниками автомобильных дорог и владельцами транспортных средств [7].

Таким образом, в свете реализации Транспортной стратегии Российской Федерации [8] и обеспечения снижения аварийности, рисков и угроз транспортной безопасности представляется необходимым внести изменения в раздел VIII о ведении статистического учета числа погибших за год в дорожно-транспортных происшествиях в расчете не на 10 тыс. автомобилей (как это предусмотрено), а на количество автомобилей, находившихся в эксплуатации в течение учетного года.

Помимо этого, принимая во внимание особую тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах, а также то, что подавляющее их большинство происходит по вине водителей, грубо нарушивших Правила дорожного движения, представляется необходимым продолжить работу по внесению изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части ужесточения административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения при проезде железнодорожных переездов водителями транспортных средств.

Литература

1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4267978.
2. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13229.
3. Баршев В.С. Попали под поезд // Российская газета. 2018. № 32.
4. URL: https://irkutskmedia.ru/news.
5. URL: https://mintrans.gov.ru.
6. Александрова Н.Б., Писарева И.Н., Потапов П.Р. Обеспечение безопасности движения поездов: учебное пособие. М., 2016.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2020 № 1502 «Об

Bibliography

1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4267978.
2. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13229.
3. Barshev V.S. Got hit by a train // Rossiyskaya gazeta. 2018. № 32.
4. URL: https://irkutskmedia.ru/news.
5. URL: https://mintrans.gov.ru.
6. Alexandrova N.B., Pisareva I.N., Potapov P.R. Ensuring the safety of train traffic. M., 2016.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.09.2020 № 1502 «On approval of the Rules for accounting for road Accidents, on

утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 1734-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru.

9. Лубский Р.А. Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // Регионоведение: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2002.

10. КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // URL: http://consultant.ru.

Amendments and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru.

8. Order of the Government of the Russian Federation of 22.11.2008 № 1734–r «On the Transport Strategy of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru.

9. Lubsky R.A. Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // Regional studies: a textbook. Rostov on/D, 2002.

10. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FL (in the ed. dated April 30, 2021) // URL: http://consultant.ru.

УДК 342.9
ББК 67.401

© 2021 г. Давыдов Максим Вячеславович,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук.
E-mail: mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич,
профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, доцент.
E-mail: roma-thebest@mail.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ НОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье проанализированы основные тенденции развития административного законодательства, оказавшие непосредственное влияние на принятие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: *административное законодательство, проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, административное правонарушение, административное наказание, реформа.*

Davydov Maxim Vyacheslavovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

Lubsky Roman Anatolyevich – Professor, the Department of Administrative Law, of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

ISSUES OF IMPROVING ADMINISTRATIVE LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE ADOPTION OF THE NEW CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper analyzes the main trends in the development of the administrative legislation that had a direct impact on the adoption of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: *administrative legislation, the project Code project of the Russian Federation on Administrative Offenses, administrative offense, administrative punishment, reform.*

Административное законодательство является одним из самых динамичных среди всех отраслей права, что, в свою очередь, требует от законодателя оперативного реагирования на происходящие изменения. Ныне действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) был принят Государственной Думой 20.12.2001 г., а вступил в законную силу 01.07.2002 г. При этом данный нормативный акт заменил собой ранее действовавший Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, регулировавший рассматриваемую сферу с 1984 г.

Принятие КоАП РФ в 2001 г. явилось необходимым условием на пути изменения и упорядочивания сфер общественной жизнедеятельности и оправдывалось требованиями того времени. Аналогично обстоят дела и с принятием нового КоАП РФ, вступление которого продиктовано современными реалиями. Подобная ситуация объясняется тем, что по прошествии почти двадцати лет после вступления в силу КоАП РФ 2001 года назрела объективная необходимость научного переосмысления и анализа практики его применения.

За указанный период в КоАП РФ было внесено свыше пяти тысяч изменений, что не могло не сказаться на эффективности его применения. Определенные сложности связаны и с тем, что за прошедшие годы значительно накопились вопросы у правоприменителей на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях.

Введение нового КоАП РФ планировалось в нашем государстве уже с 1 января 2021 года.

Однако общественность оказалась не готова к его принятию. Определенное влияние на процесс его вступления оказала пандемия новой коронавирусной инфекции, в результате распространения которой властям пришлось решать другие вопросы. В этой связи особый интерес, на наш взгляд, представляют вопросы совершенствования организации производства по делам об административных правонарушениях исходя из потребностей правоприменительной практики.

Принципиальное отличие нового законодательства наблюдается в том, что на смену действующему КоАП РФ должны прийти новый КоАП РФ и процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – ПКоАП РФ). Подобное решение продиктовано тенденцией разделения норм материального и процессуального права в рамках одного производства. Это позволит в значительной мере отделить указанные сферы друг от друга и расширить правовую регламентацию отдельных институтов, которая признается недостаточной. Указанные изменения обусловлены объективной необходимостью научного осмысления и анализа сложившейся за годы действия КоАП РФ практики его применения и критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных в него многочисленных изменений. Первый акт оставит в себе институты, которые закрепляются в двух первых разделах действующего КоАП РФ, второй – остальные, касающиеся непосредственно процессуальной деятельности.

Сразу следует отметить, что принципиально новых структурных элементов новые кодексы не предусматривают. Ряд разделов действительно ранее не выделялся в КоАП РФ, но лишь потому, что законодатель не придавал им раздельного значения и не акцентировал на них внимания, включая в отдельные главы. Так, например, в КоАП РФ 2001 года первые три раздела, открывающие новый КоАП РФ, были объединены в один, а сами разделы представляли собой просто разные главы. Спустя почти двадцать лет мы видим, что акценты законодателя слегка поменялись, из-за чего и произошло указанное выделение. Однако здесь следует исходить из того, что указанные структурные изменения обусловлены исключительно практической надобностью. В действующем КоАП РФ сосредоточены материальные и процессуальные нормы, поэтому дробить их на большое количество разделов не рационально. Разделение процессуального и материального аспектов дали возможность расширения количества разделов, что, в свою очередь, позволяет разграничить между собой административный и судебный порядок производства по делам об административных правонарушениях.

Изменениям подверглись не только вопросы структурного построения кодексов, но и нормативного наполнения отдельных статей и даже полноценных институтов административного права. Проект нового КоАП РФ предусматривает в ст. 1.6 возможность издания различными органами государственной власти и иными субъектами специальных нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных КоАП РФ. Суть представленных нововведений определяется невозможностью в рамках одного нормативного акта предусмотреть правовую регламентацию отдельных сфер деятельности (банковская, страховая, предпринимательская и т. д.), поэтому законодатель таким образом расширяет полномочия отдельных субъектов (Генеральная прокуратура Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации).

Изменились в новом КоАП РФ и вопросы исчисления сроков. Вернее следует сказать, что законодателем была выработана более точная формулировка, которая не будет создавать каких-либо вопросов в толковании. Дело в том, что в ст. 4.8 действующего КоАП РФ закрепляется, что сроки в данной сфере исчисляются часами, днями, сутками, месяцами и годами. Однако уже в следующем предложении говорится, что течение срока, выраженного в виде периода, исчисляется со следующего календарного дня. При этом где-либо в акте не дается объяснение того, что подразумевается под понятием «период». В новом КоАП РФ законодатель подошел к решению проблемы более практично, указав, что сроки, исчисляемые днями, месяцами и годами, длятся со следующего календарного дня, а исчисляемые сутками и часами – со следующего часа (ст. 1.9), тем самым избавив правоприменителя от двусмысленного толкования.

Принципиально новым институтом административного права в проекте КоАП РФ станет появление категории грубого административного правонарушения. В действующем КоАП РФ подобная категория не предусмотрена, хотя на практике в деятельности

подразделений ГИБДД в качестве приоритетной задачи является пресечение грубых административных правонарушений, при этом ни в одном из ведомственных документов не указаны конкретные составы. Новый КоАП РФ отчасти этот вопрос раскрывает, формулируя в п. 7 ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ состояние опьянения в качестве основного признака, отнесения правонарушения к категории грубого. Полный список таких правонарушений закрепляется ст. 2.2 КоАП РФ. К ним относят правонарушения, которые носят достаточно тяжкий характер и несут существенный вред охраняемым интересам, находясь на грани с уголовно наказуемыми деяниями. Помимо правонарушений в области дорожного движения, совершенных в состоянии опьянения, законодатель относит к категории грубых – правонарушения в сфере оборота наркотиков, коррупционные правонарушения, правонарушения экстремисткой направленности, в сфере оборота оружия и ряд других. Законодателем указывается то, что такая категория выделяется неслучайно и определяется целями самого КоАП РФ. Анализ его норм позволяет сделать вывод, что такая цель связана с ужесточение отдельных составов административных правонарушений, придав в отдельных ситуациях им более справедливый характер.

Статьей 2.4 нового КоАП РФ предполагается официальное закрепление, существовавших ранее в теории видов административных правонарушений. Речь идет о длящихся, продолжаемых, однородных и повторных правонарушениях. Все определения каждого вида содержатся в новом КоАП РФ. Это является положительным примером того, как теоретические положения материализовались в официальный нормативный правовой акт. Закрепление таких понятий позволяет точно и без каких-либо проблем определять момент окончания правонарушения и начала течения сроков давности, а также позволит решить отдельные проблемы дифференциации наказаний.

В ныне действующем КоАП РФ большая часть этих видов административных правонарушений не была нормативно закреплена, хотя при внимательном рассмотрении ряд составов требовало этих обоснований. Между тем было бы не лишним наряду длящимися, продолжаемыми, однородными, неоднократными, повторными и малозначительными административными правонарушениями предусмотреть определение таких категорий, как покушение на административное правонарушение и неоконченное административное правонарушение. О необходимости нормативного закрепления понятия неоконченного административного правонарушения активно дискутируют в юридической науке [2, с. 7–11; 6, с. 445–448], отмечая, что проблема действительно существует, особенно по административным правонарушениям с материальными составами.

Правоприменительная практика, связанная с пресечением мелкого хищения, не предусматривает возможность рассматривать указанный состав в качестве неоконченного в том случае, если лицо не смогло распорядиться полученным имуществом, как это предписывает п. 6 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в случае, если хищение совершается в форме кражи. В ст. 29 УК РФ раскрывается понятие неоконченного преступления, и в случае покушения на него квалификация идет по соответствующей статье особенной части со ссылкой на ст. 30 УК РФ. В то же время ни действующий КоАП РФ, ни новый закон подобной формулировки не предусматривают. В результате на практике не всегда однозначно можно говорить о привлечении лица к административной ответственности по ст. 7.27 действующего КоАП РФ в случае, если лицо было задержано на кассе при выходе из магазина [4]. Указанное положение не согласовывается с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 в части регулирования окончания такой формы хищения как кража.

Проект КоАП РФ также предполагает расширение перечня обстоятельств, исключающих наказуемость деяния, формально содержащего признаки административного правонарушения. Ранее к данному списку относились невменяемость и крайняя необходимость. Теперь же планируется добавление еще одного обстоятельства статьей 2.16 – физическое или психическое принуждение. Теперь не будет являться правонарушением совершение наказуемого деяния лицом в силу принуждения, из-за которого последнее не могло руководить своими действиями. Указанное обстоятельство напоминает обстоятельство, исключающее вину лица в совершении

административного правонарушения. Правда, по каким критериям должностные лица и государственные органы принимают решения о признании в одном случае смягчающим обстоятельством, а в другом – обстоятельством, исключающим вину лица, не понятно.

Кроме того, изменилось и понятие самого административного правонарушения. В ст. 2.1 нового КоАП РФ сделан акцент на новый признак правонарушения – вред охраняемым законом интересам. Новый подход законодателя кажется разумным, и, как отмечают А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев, подобная формулировка позволит разрешить длившиеся несколько десятилетий споры относительно наличия или отсутствия признака общественной вредности административного правонарушения [5, с. 101]. Одновременно с этим введение законодателем общественной вредности позволит четко формулировать критерии освобождения от административной ответственности при малозначительности деяния [1, с. 19]. Подобное решение продиктовано необходимостью отграничения административного правонарушения от преступления, где в числе признаков законодатель обозначил вред как основополагающий критерий административного правонарушения.

В новом КоАП РФ также были переработаны административные наказания. Ряд из них подвергся серьезным изменениям, другие были лишь немного переформулированы. Одним из самых незначительных административных наказаний в действующем законодательстве является предупреждение, которое из всех наказаний обладает наименьшим правоограничительным потенциалом. Статьей 3.7 проекта КоАП РФ предполагается измененное понятие административного наказания в виде предупреждения. Теперь оно будет предусматривать не только порицание правонарушения, но и указание лицу на недопустимость его совершения в будущем. Необходимо обратить внимание, что данная мера в практической деятельности давно предполагает совершение таких действий, однако только сейчас удалось привести практические наработки в согласование с требованиями законодательства. Также изменились и правила назначения наказания: оно не может более назначаться в случаях, если не предусмотрено Особенной частью КоАП РФ, за исключением тех моментов, когда законодатель прямо указывает на возможность замены административного штрафа предупреждением.

Между тем законодателю так и не удалось решить вопрос относительно порядка исполнения данного наказания. Дело в том, что особенностью указанного административного наказания в деятельности субъектов производства по делам об административных правонарушениях выступает то, что одновременно с его назначением осуществляется его исполнение, при этом исполнение данного наказания не влечет для лица каких-либо материальных либо иных стеснений. Хотя правовые последствия для лица аналогичны назначению иных видов административных наказаний, предусмотренных ст. 4.6 КоАП РФ (ст. 3.32 нового КоАП РФ). В частности, лицо даже в случае назначения предупреждения считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Парадокс в том, что предупреждение фактически исполняется немедленно путем официального порицания лица за совершения противоправных действий. Хотя срок подачи жалобы на данный вид наказания равняется десяти суткам.

Помимо этого переработан и институт назначения административного штрафа. Из Общей части были полностью исключены нормы о верхних и нижних границах штрафа. Теперь он назначается или в пределах границ, указанных в санкции нормы Особенной части, или в размере конкретной суммы, указанной в санкции. При этом в ст. 3.8 нового КоАП РФ сделан акцент, что источником информации о размерах административного штрафа могут быть не только нормы Особенной части самого КоАП РФ, но и нормы законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Нужно отметить, что нормы нового КоАП РФ пронизаны диспозитивностью, относительно приравнивания содержания самого КоАП РФ и норм законодательства субъектов Российской Федерации. Это можно расценивать как шаг к более качественному разделению полномочий по урегулированию вопросов об административных правонарушениях и ответственности за них. В рамках гуманизации нового административного законодательства, расширения

его профилактической направленности следует рассматривать увеличение случаев уплаты административного штрафа в размере половины стоимости в зависимости от ситуаций, предусмотренных законодательством (ст. 12.2 ПКоАП РФ).

Таким образом, новое законодательство об административных правонарушениях принесет множество изменений в существующие административно-правовые институты. Прежде всего, нормы данной сферы будут разделены на два Кодекса по процессуальному и материальному аспекту. Естественно, изменится и структура новых нормативных правовых актов: КоАП РФ и ПКоАП РФ.

Нами были рассмотрены отдельные изменения в данных сферах, которые окажут свое влияние на все административное право в целом. При анализе новых норм становится понятно, что законодатель избрал для себя ряд важных направлений работы для всей нормотворческой деятельности, делая акцент на ужесточение ответственности за правонарушения в отдельных, наиболее опасных сферах при общем смягчении и гуманизации норм.

Литература

1. Андриянов В.Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82).

2. Долгих И.П. Проблемы ответственности за неоконченное административное правонарушение // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 21.

3. Лубский Р.А. Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // Регионоведение: учебное пособие. Ростов н/Д, 2002.

4. Постановление Дзержинского районного суда г. Ярославля от 21 февраля 2017 г. № 5-228/2017 // URL: http://www.sudrf.ru; Постановление Ленинского районного суда г. Красноярска от 2 октября 2016 г. № 5-151/2016 // URL: http://www.sudrf.ru.

5. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Новеллы и недостатки проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120).

6. Супонина Е.А. Об административной ответственности за покушение на административное правонарушение // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия УК РФ, 2018.

Bibliography

1. Andriyanov V.N. New codification of the legislation on administrative offenses: state and prospects // Siberian Legal Bulletin, 2018. № 3 (82).

2. Dolgikh I.P. Problems of responsibility for an unfinished administrative offense // Legality and law and Order in modern society. 2014. № 21.

3. Lubsky R.A. Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // Regional studies: a textbook. Rostov on/D, 2002.

4. Resolution of the Dzerzhinsk district Court of Yaroslavl of February 21, 2017 № 5-228/2017 // URL: http://www.sudrf.ru; Resolution of the Leninsky District Court of Krasnoyarsk of October 2, 2016 № 5-151/2016 // URL: http://www.sudrf.ru.

5. Sokolov A.Y., Lakaev O.A. Novelties and shortcomings of the draft new Code of Administrative Offences of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2018. № 1 (120).

6. Suponina E.A. On administrative responsibility for an attempt on an administrative offense // Criminal law: current state and prospects of development: Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the day of adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, 2018.

УДК 351.74
ББК 67.7

© 2021 г. Щукин Владимир Михайлович,
заместитель начальника кафедры УОВД в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: vshchukin@mvd.ru

Николаев Иван Сергеевич,
заместитель начальника МУ МВД России «Волгодонское».
E-mail: inikolaev19@bk.ru

Курочкин Александр Сергеевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: akurochkin56@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ИНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В статье анализируется система нормативно-правового регулирования процесса взаимодействия правоохранительных органов при возникновении чрезвычайных обстоятельств, определены некоторые противоречия текущего состояния данной системы и предложены направления их разрешения.

***Ключевые слова**: чрезвычайные обстоятельства, взаимодействие, планирование, чрезвычайные ситуации, полиция, терроризм, массовые беспорядки.*

Shchukin Vladimir Mikhailovich – Deputy Head of the Department of Internal Affairs in Special Conditions, the Center for Command and Staff Study, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Nikolaev Ivan Sergeevich – Deputy Head of the Inter-Municipal Department, the Ministry of Internal Affairs of Russia «Volgodonskoe», the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Rostov Region.

Kurochkin Aleksander Sergeevich – Lecturer, the Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH OTHER SUBJECTS IN THE EVENT OF EMERGENCY CIRCUMSTANCES

The paper analyzes the system of the legal regulation of the process of interaction between law enforcement agencies and other entities in the event of emergencies, identifies some contradictions of the current state of this system and suggests ways to resolve them.

***Keywords:** emergency situations, interaction, planning, emergencies, police, terrorism, mass riots.*

Охрана и поддержание безопасности как личности, так и общества, государства в целом, экологической, экономической, информационной, транспортной, энергетической безопасности от угроз различного рода, обеспечение неукоснительной реализации конституционных прав и свобод граждан составляют основу национальной безопасности Российской Федерации, а также являются ключевой целью всей системы государственного и муниципального управления. В числе прочих, к основным угрозам национальной безопасности относятся: террористическая деятельность, экстремизация населения, дестабилизация информационной безопасности Российской Федерации, преступная деятельность в области незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ, работорговля, чрезвычайные ситуации, вызванные авариями, катастрофами; опасными природными явлениями, стихийными и иными бедствиями [1]. Последствиями данных угроз могут являться чрезвычайные ситуации и чрезвычайные обстоятельства в различных сферах общественной жизни, минимизация последствий которых требует объединения действий различных органов государственной власти. Поскольку большая часть данных опасностей в той или иной мере носит криминальный характер, то ключевое значение приобретает консолидация

усилий всех органов правоохранительной системы и органов внутренних дел в частности. В этой связи исследование особенностей системы нормативных правовых актов, определяющих цели, задачи и порядок взаимодействия органов государственной и публичной власти остается весьма актуальным. Взаимодействие органов публичной власти являлось предметом исследования множества ученых, среди которых целесообразно выделить С.А. Потапову, А.А. Крымова, А.В. Снегового. Однако в своих исследованиях взаимодействия рассматривается либо как составной элемент управленческой деятельности не применительно к чрезвычайным обстоятельствам, либо в контексте синергии определенных субъектов взаимодействия, возникающей при определенном чрезвычайном обстоятельстве. По нашему мнению, научное исследование правовых аспектов взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами при возникновении чрезвычайных обстоятельств, с учетом постоянной трансформации системы правоохранительных органов, должно носить самостоятельный характер, поскольку позволит определить проблемные вопросы взаимодействия и определить перспективы их преодоления.

Множество субъектов взаимодействия, специфика регулируемых правоотношений и некоторая неопределенность правового содержании термина «чрезвычайность» не позволяет полностью выделить систему нормативных правовых актов, определяющих цели, задачи и формы сотрудничества субъектов при возникновении чрезвычайных обстоятельств в отдельную отрасль права. Однако наличие сходных элементов, правовых инструментов позволяет судить о ее целостности и устойчивости. С учетом специфики регулируемых отношений в структуре данной системы можно выделить следующие классы нормативных правовых актов:

1. Конституционные нормы, вытекающие из основного закона и федеральных конституционных законов Российской Федерации. Данными нормами устанавливаются общие принципы реализации государственным механизмом своих функций, которые распространяются и на все структурные элементы системы публичной власти, в том числе при осуществлении ими взаимодействия. Кроме того, описан порядок функционирования органов государственной власти при чрезвычайном положении.

2. Нормы, определяющие правовое положение субъектов взаимодействия. Как правило, данные положения базируются на нормативных актах, определяющих права, обязанности, назначения того или иного органа государственной власти (ФЗ РФ «О полиции», ФЗ РФ «О федеральной службе безопасности» и т. д.). В некоторых случаях в качестве данных норм могут выступать положения уголовно-процессуального кодекса, определяющие подследственность преступления.

3. Нормативные правовые акты, определяющие порядок взаимодействия субъектов при определенном чрезвычайном обстоятельстве. Примером таких норм могут служить положения ФЗ РФ «О противодействии терроризму», ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

4. Нормы, регулирующие непосредственно взаимодействие органов и ее организацию. Примером таких норм могут служить положения Постановления Правительства Российской Федерации «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти». Также стоит отметить, что большая часть подобных норм содержится в межведомственных нормативных правовых актах субъектов взаимодействия, поскольку данными нормами устанавливаются организационные основы взаимодействия. С учетом специфики обстановки, при которой организовывается взаимодействие субъектов, значительная часть данных нормативных правовых актов содержит информацию ограниченного распространения либо государственную тайну.

Остановимся более детально на каждом классе норм и обозначим проблемные вопросы, возникающие в процессе взаимодействия органов публичной власти, в том числе и правоохранительных.

Конституция Российской Федерации является базисом правовой системы государства, основополагающим нормативным правовым актом, определяющим ключевые принципы государства, его ценности, особенности политического устройства и функционирования. Данным нормативным правовым актом устанавливаются основы конституционного строя государства, базовые права и свободы человека и гражданина, основные принципы, правовое положение высших должностных лиц и федеральных органов государственной власти, принципы местного самоуправления.

Определен порядок ограничения прав и свобод граждан с целью обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя. Данное ограничение тесно связано с правовым режимом чрезвычайного положения. Стоит отметить, что термин «чрезвычайное обстоятельство» в отличие от терминов «чрезвычайная ситуация» или «чрезвычайное положение» законодателем не определен. При этом большинством ученых при определении его значения в той или иной мере используют обстоятельства (основания) введения данного правового режима [6], что является крайней мерой, поскольку позволяет существенно ограничивать ряд конституционных прав и свобод человека и гражданина, временно изменяет политическое устройство государства. Об исключительности данной меры свидетельствует тот факт, что с момента принятия Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» данная правовая норма не применялась. Вместе с тем формально основания для введения данного правового режима неоднократно возникали (криминальные проявления, связанные с терроризмом, чрезвычайные ситуации, массовые беспорядки). Минимизация последствий вышеуказанные обстоятельств, а в некоторых случаях – их предотвращение, обеспечивались при проведении различных специальных мероприятий (операций), консолидирующих усилия различных субъектов взаимодействия. Данные мероприятия обладают некоторой двойственностью. Правовой статус данных мероприятий и операций определен лишь для государственного противодействия опасностям, связанным с терроризмом (контртеррористическая операция), и предотвращение либо минимизация последствий чрезвычайных ситуаций (режим повышенной готовности, режим чрезвычайной ситуации). Вместе с тем проведение органами внутренних дел во взаимодействии с другими правоохранительными органами специальных мероприятий по задержанию вооруженных преступников, восстановлению правопорядка на незаконных массовых мероприятиях, либо в учреждениях уголовно-исполнительной системы не имеет законодательно определенного правового статуса и реализовывается в рамках норм, определяющих правовой статус конкретного органа (ФЗ РФ «О полиции»; ФЗ РФ «О войсках национальной гвардии» и т. д.). По нашему мнению, законодательное определение содержания понятия «чрезвычайные обстоятельства» лишит возможности широкой трактовки данного термина и окажет положительное влияние на взаимодействие правоохранительных органов. Также, по нашему мнению, необходимо законодательно определить термин «специальные мероприятия». Данные мероприятия упоминаются законодателем при определении понятия «контртеррористическая операция», однако специальная операция как совокупность специальных (предупредительных, режимных, оперативно-розыскных, поисковых) мероприятий имеет более широкий спектр применения.

Специальные операции (мероприятия) как форма взаимодействия правоохранительных органов широко распространена не только при противодействии террористической деятельности [5]. Примером тому могут служить специальные операции по пресечению массовых беспорядков, специальные операции, направленные на розыск и задержание вооруженных преступников и освобождение заложников, когда их захват не обусловлен террористическими мотивами. Планирование и проведение специальных операций также требует мобилизации имеющихся ресурсов и организации скоординированной работы взаимодействующих сил. В этой связи считаем целесообразным определить и законодательно закрепить общие процессуальные особенности, правое положение специальных операций, не связанных с контртеррористической деятельностью их участников, порядок возмещения ущерба, нанесенного в ходе специальной операции.

Необходимость определения термина «специальная операция» обусловлена, помимо прочего, следующим противоречием. Взаимодействие сил МВД России и Росгвардии реализовывается при подготовке и проведении силовых мероприятий по задержанию вооруженных преступников, защите и обороне зданий государственных органов (в том числе административных зданий полиции), операций по освобождению заложников (удерживаемых не из политических и экстремистских побуждений). Однако определение задачи, указанной в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии», в рамках которой реализовывается указанное взаимодействие и к которой относятся вышеуказанные функции, затруднительно. Взаимодействие сил Росгвардии с территориальными органами МВД России по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности должно реализовываться в общественных местах, на объектах транспортной инфраструктуры, а также при проведении

различных массовых мероприятий (публичных, спортивных, зрелищных и иных массовых и официальных мероприятий) [4]. Ввиду этого участие сил и средств Росгвардии в проведении совместных силовых специальных операций с органами внутренних дел вне общественных мест (включая объекты транспортной инфраструктуры) и массовых мероприятий не может быть отнесено к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

При этом в соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» другие задачи на войска национальной гвардии могут быть возложены решениями Президента Российской Федерации, принятыми в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами. В этой связи участие сил и средств Росгвардии в качестве взаимодействующего субъекта с территориальным органом МВД России в проведении различных специальных операций (мероприятий) при чрезвычайных обстоятельствах, не связанных с террористической активностью и введением чрезвычайного положения, не предусмотрено нормами Федерального законодательства.

Считаем важным отметить, что отстутствие законодательного закрепления содержания терминов «чрезвычайные обстоятельства» и «специальная операция (мероприятия)» делает невозможной дифференциацию общественностью выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции в повседневных (обычных), зачастую рутинных условиях от выполнения задач сотрудниками в составе функциональных групп при чрезвычайных обстоятельствах, поскольку в федеральном законодательстве они не разделяются на какие-либо виды.

При этом проведенное анкетирование сотрудников органов внутренних дел различных служб и подразделений свидетельствует об изменении ряда психологических критериев при выполнении задач в составе функциональных групп при возникновении чрезвычайных обстоятельств. При несении службы в составе различных функциональных групп при чрезвычайных обстоятельствах подавляющее большинство респондентов 83 % проявляет большую собранность, внимательность и требовательность к гражданам по сравнению с несением службы в повседневных условиях. 75 % респондентов отметили большую готовность применения специальных средств и огнестрельного оружия при наличии законных оснований в условиях чрезвычайной обстановки. Это свидетельствует о дифференцированном подходе к выполнению служебных обязанностей сотрудниками полиции в повседневных условиях и чрезвычайных обстоятельствах. Такая двойственность отношения к выполнению служебных обязанностей вполне объяснима рядом объективных и субъективных факторов, в числе которых – экстремальность сложившейся ситуации; отсутсвие достаточного опыта выполнения служебных обязанностей в подобного рода обстановке; повышение чувства ответственности за выполнение задач; некоторая анонимизация сотрудника, действующего в группе; взаимозависимость сотрудников различных функциональных групп, обусловленная необходимостью достижения общей цели специальной операции. Ведомственные нормативные правовые акты, раскрывающие содержание термина «чрезвычайные обстоятельства», устанавливающие организационные основы действий сил, изучающиеся сотрудниками правоохранительных органов, не доступны общественности. Такое расхождение может послужить основой для неверного толкования мотивов органов внутренних дел представителями общественности. Примером этому могут служить обращения представителей общественности по поводу обоснованности введения плана охраны и обороны административных зданий территориальных органов МВД России и вызванный этим недопуск адокатов к их доверителям, находящимся в зданиях территориальных органов [8].

Считаем важным отметить, что определение правового статуса специальной операции и содержания термина «чрезвычайное обстоятельство» находится в общем тренде с модернизацией и частичной унификацией правовых основ взаимодействия органов государственной и публичной власти при возникновении чрезвычайных обстоятельств, к подтверждению которого можно отнести следующие процессы:

Установление многоуровневой системы противодействия опасностям чрезвычайных обстоятельств. Примерами данной системы могут служить уровни террористической опасности: «Синий», «Желтый», «Красный» утвержденные указом Президента Российской Федерации от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие до-

полнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» [2]. Сходные системы используются при обозначении режима функционирования Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций «Повседневный режим», «Режим повышенной готовности», «Режим чрезвычайной ситуации» [3]. Также схожий механизм используется для снятия ограничений, введеных в рамках организации противодействия распространению новой коронавирусной инфекции в Ростовской области, при котором регион разделен на красную, желтую и зеленую зоны – в зависимости от уровня распространения инфекции.

2. Введение временных ограничения для организаций и граждан в целях обеспечения общественной безопасности. Частным примером данного процесса может служить расширение полномочий Правительства Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, позволяющее вводить обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения в режиме повышенной готовности и чрезвычайной ситуации. Несмотря на то, что такие меры были обусловлены беспрецедентной в современной истории санитарно-эпидемиологической обстановкой, тренд на расширение полномочий государства с целью обеспечения безопасности граждан сформировался намного раньше и соответствует мировой динамике, что дает основания ожидать расширения полномочий органов оперативного управления и при других чрезвычайных обстоятельствах.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // URL: http://www.consultant.ru.

2. Указ Президента РФ от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» // URL: http://www.consultant.ru.

3. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 (ред. 12.10.2020) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL: http://www.consultant.ru.

4. Атаев Р.А, Шанько В.В., Стецун М.Ю. Организационные и правовые основы охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 14 (88).

5. Потапова С.А. Теоретические аспекты организации взаимодействия правоохранительных органов // Теория и практика правоохранительной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2010. № 2 (14).

6. Снеговой А.В. О некоторых направлениях совершенствования правового регулирования деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36).

7. URL: https://bizgaz.ru/2021/02/02/rostovsku-ju-oblast-razdeljat-na-tri-zony-po-koronavirusu.html.

8. URL: https://tass.ru/obschestvo/10638381.

Bibliography

1. Decree of the President of the RF of 31.12.2015 № 683 «On the National Security Strategy of the RF» // URL: http://www.consultant.ru.

2. Decree of the President of the RF № 851 of 14.06.2012 «On the procedure for establishing levels of terrorist danger, providing for the adoption of additional measures to ensure the security of the individual, society and the state» // URL: http://www.consultant.ru.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation № 794 of 30.12.2003 (as amended of 12.10.2020) «On the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations» // URL: http://www.consultant.ru.

4. Ataev R.A., Shanko V.V., Stetsun M.Yu. Organizational and legal bases of protection of public order and public safety during sports events // Jurist-Pravoved. 2019. № 1 (88).

5. Potapov S.A. Theoretical aspects of interaction of law enforcement agencies // Theory and practice of law enforcement: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2 (14).

6. Snegovoy A.V. Some directions for improving the legal regulation of the activities of internal affairs bodies in emergency situations // Izvestiya Akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (36).

7. URL: https://bizgaz.ru/2021/02/02/rostovsku-ju-oblast-razdeljat-na-tri-zony-po-koronavirusu.html.

8. URL: https://tass.ru/obschestvo/10638381.

УДК 34 (091) (470) : 351.74
ББК 67

© 2021 г. Палухина Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье раскрываются содержание и правовое регулирование полицейского надзора как одной из мер предупреждения преступлений террористического характера в Российской Империи XIX–XX вв.

Ключевые слова: *Российская империя, антитеррористическая деятельность, полицейское законодательство.*

Palukhina Elena Sergeevna – Senior Lecturer, the Department of Theory of State and Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

POLICE SUPERVISION AS A MEASURE TO PREVENT TERRORIST CRIMES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

The paper reveals the content and legal regulation of the police supervision as one of the measures to prevent crimes of a terrorist nature in the Russian Empire in the 19th–20th centuries.

Keywords: *the Russian Empire, anti-terrorist activity, police legislation.*

Законодательство Российской Империи XIX – начала XX вв. помимо, собственно, репрессивных, карательных мер, предусматривало превентивные меры, которые могли применяться полицейскими властями в силу обыкновенных полномочий, предоставляемых общими законами. Одной из таких мер являлся полицейский надзор.

Начало правовому регулированию полицейского надзора было положено указами 1820 и 1822 гг., суть которых сводилась к усилению негласного наблюдения за политическими настроениями в армии и среди государственных служащих [1, с. 490–491; 2, с. 579–580].

С образованием в 1826 г. III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии сведения о состоящих под полицейским надзором, а также «все по сему предмету распоряжения» [3, с. 665–666] были переданы в ведение нового ведомства.

Осуществлять гласный административный надзор и своевременно доносить в земский суд (до реформы 1862 г., а после его упразднения – в уездное полицейское управление) [5, с. 589] о поведении поднадзорного и о любых изменениях его местопребывания вменялось в обязанности станового пристава [10, с. 562]. Непосредственное наблюдение за поднадзорными производили полицейские урядники [15, с. 180].

Согласно высочайше утвержденным 26 апреля 1863 г. и 3 августа 1879 г. положениям Комитета министров, для наблюдения за административно ссыльными стали наниматься специальные полицейские служители из особо благонадежных лиц, преимущественно из нижних воинских чинов, за плату, определяемую губернаторами в зависимости от местных условий. Но не выше жалованья, установленного для нижних чинов местных полицейских команд. Необходимое количество надзирателей определялось исходя из следующих квот: 1 надзиратель полагался для надзора не менее как за 5-ю лицами, сосредоточенными в одном населенном пункте; 2 надзирателя – за 10-ю поднадзорными; 3 надзирателя – за 15-ю и т. д. Надзор же за лицами, водворенными в числе менее 5-и, возлагался на чинов общей полиции без особого за то вознаграждения [18, оп. 3, д. 119. л. 3, 9.].

Общий контроль за осуществлением надзора производили гражданские губернаторы [4, с. 376–377]. Им также вменялось в обязанности в установленном порядке доносить государю императору о поведении, образе жизни и занятиях тех лиц, которые были переданы под надзор полиции по высочайшему повелению.

Полицейский надзор налагался без формального производства суда [11, с. 1]. Порядок осуществления надзора четко прописан не был и определялся целой серией циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, которые в большинстве своем являлись документами исключительно для служебного пользования, и содержание которых доводилось поднадзорному уже по прибытии на место высылки.

В этой связи особый интерес представляют Правила о полицейском надзоре 1867 г., в которых порядок его осуществления проработан достаточно подробно [12, с. 67]. В Правилах говорится о секретном и гласном надзоре.

Секретный надзор представлял собой негласное наблюдение полиции за действиями лиц, которые пока еще только «подают повод» к недоверию Правительства, и не предусматривал, таким образом, каких-либо ограничений личных прав поднадзорного. Гласный надзор учреждался над лицами, политическая неблагонадежность которых уже «достаточно обнаружена».

Гласный надзор мог быть обычным или строгим. Во втором случае на поднадзорного налагалось больше ограничений.

Полицейский надзор предполагал наложение следующих ограничений в свободе действий и правах: чины полиции могли проверять фактическое нахождение поднадзорных по месту жительства в любое время суток, а также по мере необходимости проводить там обыски и выемки; запрет устраивать дома любые сборища без разрешения полицейского начальства; один раз в две недели делать отметку у старшего стражника (в уездных управлениях и управлениях частных приставов в Варшаве – один раз в месяц); запрет участвовать в общественных собраниях; лишение избирательных прав; запрет на открытие литографии, типографии, книжного магазина, шинка, трактира, заезжих домов и пр.; запрет на замещение государственных должностей; налагаемые на поднадзорных административные взыскания отличались большей строгостью, чем взыскания, налагаемые за те же нарушения на лиц, не состоящих под таковым; покидать свое место жительство можно было только по выданным уездным начальником (в Варшаве – обер-полицмейстером) паспортам.

Для получения разрешения на временную отлучку необходимо было предоставить «положительные доказательства» «настоятельной надобности» отлучиться.

Следует отметить, что в законе не были четко прописаны пределы ограничений личных прав поднадзорных (например, сколько раз в сутки посещать поднадзорного по месту жительства), и в каждом конкретном случае полицейские урядники руководствовались получаемыми от становых приставов особыми указаниями, насколько следовало ограничивать свободу поднадзорных [14, с. 176–177]. Вид надзора и его сроки определялись подлежащей властью на следующих основаниях: 2 года для поступающих под обыкновенный надзор и 3 года – для поступающих под строгий надзор. Допускалось досрочное снятие полицейского надзора.

Принятые в марте 1882 г. Положения о гласном и негласном полицейских надзорах должны были внести правовой порядок в жизнь поднадзорных.

Негласный полицейский надзор теперь учреждался в отношении лиц «сомнительной благонадежности» и осуществлялся скрытно, в тайне от поднадзорного, а потому не предполагал каких-либо ограничений его свобод и личных прав [19, с. 599].

Учреждался этот вид надзора исключительно Департаментом полиции. Обязанность осуществлять негласное наблюдение за неблагонадежными лицами была возложена: в столицах – на сотрудников общей полиции; в остальных местностях империи – на начальников жандармских управлений. В целях достижения действительности, эффективности и непрерывности негласного надзора начальникам жандармских управлений рекомендовалось входить в соглашения с губернаторами и градоначальниками, и путем личных объяснений определять наиболее целесообразные способы осуществления такого надзора с учетом местных условий [19, с. 603]. Чинам общей полиции вменялось в обязанность оказывать полное содействие чинам корпуса жандармов, осуществляющим негласное наблюдение, и не позднее семидневного срока удовлетворять поступающие от них запросы [13, с. 221].

Негласный надзор учреждался сроком на 2 года, по истечении которых Департамент полиции на основании представленной аттестации поднадзорных принимал решение о его прекращении или о необходимости продолжения негласного наблюдения [19, с. 601–602].

И хотя негласный надзор имел бесспорное преимущество перед гласным, «ибо не подлежит сомнению, что лицо, не знающее, что за ним следят, скорее обнаружит в своих действиях признаки приготовления к задуманному им преступлению, и, следовательно, явится большая возможность предупредить со стороны его вред, или обнаружить против него улики» [20, с. 282], в 1904 г. Положение о негласном полицейском надзоре от 1 марта 1882 г. было отменено ввиду «недостаточности для сохранения общественного порядка и спокойствия тех результатов наблюдения за политически неблагонадежными лицами, достижение коих имелось в виду при введении негласного надзора и признавалось в то время вполне достаточным» [17, оп. 206, д. 116, л. 442–442 об.].

Гласный полицейский надзор устанавливался в отношении лиц «вредных для общественного спокойствия» и регулировался Положением о полицейском надзоре (далее – Положение), учреждаемым по распоряжению административных властей [7, с. 84–87]. Под действие этого нормативного правового акта не подпадали лица, состоящие под надзором, учрежденным по приговору суда, и под негласным полицейским надзором. Кроме того, надзор не учреждался в отношении лиц, не достигших 21 года [6, с. 329].

Надзор учреждался в том месте, куда в административном порядке высылалось «вредное» лицо, но мог быть учрежден и по месту жительства последнего, если оно не входило в список запрещенных территорий. Срок надзора не мог превышать 5 лет (ст. 3, 4 Положения). Допускалось сокращение срока надзора и досрочное его прекращение (ст. 31 Положения). Кроме того, с поднадзорного могли быть сняты все ограничения и запреты, касающиеся жительства в определенных местностях, если его возвращение в такие местности «совместимо с требованиями общественного порядка и спокойствия» [8, с. 242; 9, с. 640, 642].

Гласный надзор, как и прежде, предполагал наложение на поднадзорного целого ряда ограничений его личной свободы и распоряжения правами (ст. 7–30 Положения):

а) ограничения свободы передвижения. Поднадзорному было запрещено покидать назначенное ему место жительства; в случае перемены квартиры он обязан был в течение суток известить об этом полицейские власти. По каждому факту самовольного оставления поднадзорным места, определенного ему для жительства, не позднее 3-х суток губернаторы, градоначальники или обер-полицмейстеры обязаны были сообщить в Департамент полиции, который, в свою очередь, незамедлительно принимал все меры для розыска скрывшегося [16, с. 49].

Поднадзорному разрешались временные отлучки, но только по «особо уважительным причинам» [12, с. 45] и при «одобрительном поведении». Получившему такое разрешение лицу выдавалось проходное свидетельство и маршрут следования, изменение которого без согласования с полицейским начальством не допускалось. По первому требованию полицейского начальства поднадзорный обязан был явиться в полицию. О каждой отлучке, разрешенной поднадзорному, немедленно сообщалось в Департамент полиции и начальнику жандармского управления той местности, куда поднадзорный собирался отправиться [16, с. 47];

б) ограничения правовых гарантий неприкосновенности жилища. Чины полиции имели право входить в квартиру поднадзорного в любое время, а также производить там обыски и выемки;

в) ограничения права выбора занятий и профессии. Запрет распространялся на замещение государственных или общественных должностей; педагогическую или иную публичную деятельность; учреждение и членство в любых частных обществах, компаниях, а также конкурсных управлениях; содержание типографий, литографий, библиотек, книжных магазинов; торговлю питиями;

г) ограничения правовых гарантий тайны частной переписки. По требованию министра внутренних дел почтовая и телеграфная корреспонденция поднадзорного могла быть представлена к просмотру;

д) иные ограничения, которые подлежащие власти признают необходимыми для обеспечения общественного порядка и спокойствия (например, запрет на хранение оружия и т. д.).

Между тем в целях обеспечения материального благополучия поднадзорных им предоставлялось пособие от казны на обустройство своего быта, а также на одежду, белье и обувь. В случае болезни они получали медицинскую помощь в больницах гражданского ведомства также за счет казны. Однако те поднадзорные, которые уклонялись от работы «по лености, дурному поведению или привычке к празд-

ности» лишались права на материальную помощь (ст. 34–38).

Размер пособия варьировался в зависимости от места водворения (тяжелых климатических условий) и периодически пересматривался в связи с ростом «дороговизны квартир и всех вообще жизненных продуктов».

На основании высочайших повелений, состоявшихся по всеподданнейшим докладам министра внутренних дел в декабре 1865 г. и в январе 1868 г., лицам, состоявшим под надзором полиции в Архангельской губернии, при неимении собственных средств к жизни и невозможности приобрести пропитание трудом, выдавались из казны пособия в размере: для привилегированных сословий суточные 22,5 коп. и на наем квартиры от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп.; для лиц низших состояний – в размере арестантской суточной дачи и квартирного довольствия в той же сумме, как и для привилегированных. На основании высочайшего повеления, последовавшего 27 апреля 1881 г., размер суточного довольствия был увеличен на 10 коп. в сутки на человека для лиц, принадлежащих к привилегированным сословиям, и на 5 коп. для лиц простого звания. Пособие на наем квартиры для обеих категорий лиц было увеличено до 3 руб. 50 коп. в месяц. На основании высочайшего повеления от 4 июля 1881 г. женам поднадзорных, последовавшим за мужьями в места их водворения в Архангельской губернии, предоставлялось право на суточное и квартирное довольствия в одинаковом с мужьями размере, а детям – в половинном [18, оп. 2, д. 79. л. 6–6 об.].

Высочайше утвержденными 14 августа 1906 г., 21 апреля, 9 июня и 17 июля 1907 г., а также 22 января 1908 г. положениями Совета министров те же правила о назначении пособий были распространены и на лиц, высылаемых под гласный надзор полиции в Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Олонецкую, Пермскую, Тобольскую и Томскую губернии [18, оп. 2, д. 79, л. 1–12; оп. 3, д. 132, л. 1–29; оп. 3, д. 136, л. 1–16; оп. 3, д. 167, л. 1–15].

Особенно активно к этой мере административного принуждения прибегали в годы первой русской революции. Так, по состоянию на 1 января 1906 г. количество административно высланных за причастность к террористической деятельности составляло 727 чел. К 1 сентября 1906 г. их число возросло до 6 000 чел. [18, оп. 2, д. 81, л. 1, 3–3 об.]. К 29 декабря 1906 г. количество поднадзорных увеличилось до 8 118 чел., из которых 5 000 чел. пользовались пособиями от казны [18, оп. 2, д. 107, л. 5–5 об.]. К середине февраля 1907 г. общее количество поднадзорных уже составляло приблизительно 9 000 чел., из которых около 4 500 чел. нуждались во вспомоществовании государства (не считая членов семейств поднадзорных) [18, оп. 3, д. 119, л. 2–2 об.]. По состоянию на 15 ноября 1907 г. общее число высланных административным порядком составляло 12 183 чел., из которых 9 700 чел. получали пособия от казны [18, оп. 3, д. 162, л. 4–6, 8].

Обобщая полученные при исследовании законодательного регулирования порядка установления полицейского надзора сведения, можно сформулировать выводы, которые совершенно меняют мнение о полицейских органах Российской империи как репрессивном аппарате, осуществляющем борьбу с политическими оппонентами исключительно внеправовыми силовыми методами и пытающемся «утопить в крови» революционное движение. Напротив, особенность правового регулирования полицейского надзора состоит в наличии значительного количества нормативных правовых актов различной юридической силы.

Такая ситуация может быть оценена двояко. В качестве положительного момента укажем на такие черты административного законодательства, как его оперативность и гибкость. В то же время обильное законотворчество, особенно проявившееся в годы максимальной активности террористического подполья (1870-е – начало 1880-х гг., а также годы первой русской революции – 1905–1907 гг.), приводило к запутанности законодательства и, как следствие, к затруднениям в процессе его применения.

Литература

1. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVII. № 28455. СПб., 1830.

2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29151. СПб., 1830.

Bibliography

1. CCL RE. Col. 1. Vol. XXXVII. № 28455. SPb., 1830.

2. CCL RE. Col. 1. Vol. XXXVIII. № 29151. SPb., 1830.

3. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. I. № 449. СПб., 1830.
4. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Отд. 1. № 10303. СПб., 1838.
5. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 39087. СПб., 1865.
6. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. I. № 483. СПб., 1885.
7. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. II. № 730. СПб., 1886.
8. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. III. № 1583. СПб., 1886.
9. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV. № 11035. СПб., 1898.
10. СЗ РИ. Т. II. Ч. I: Общее губернское учреждение. СПб., 1857.
11. СЗ РИ. Т. XIV. Ч. III: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1857.
12. Полицейский надзор. Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров / Составил П.М. Люкевич: издание неофициальное. Ломжа, 1913.
13. Полиция России: Документы и материалы. Саратов, 2002.
14. Попов В.М. Спутник полицейского урядника и старшего стражника: Сборник необходимых полицейским урядникам и старшим стражникам законов, разъяснений и циркуляров, расположенных в алфавитном порядке. [Кобеляки], 1914.
15. Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за 1878 г. / Собрал и издал, с разрешения министра внутренних дел, Д. Чудовский. СПб., 1880.
16. Циркуляры для вклеивания в «Краткий систематический свод» полковника Добрякова: К 1-му Ноября 1903 г. СПб., 1903.
17. ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.
18. РГИА. Ф. 1276. Совет министров (1905–1917).
19. Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб., М., 2002.
20. Селиванов Н. Отдача под надзор полиции, как уголовное наказание // Юридический вестник. 1883. Октябрь. № 10.

3. CCL RE. Col. 2. Vol. I. № 449. SPb., 1830.
4. CCL RE. Col. 2. Vol. XII. Department 1. № 10303. SPb., 1838.
5. CCL RE. Col. 2. Vol. XXXVII. Otd. 2. № 39087. SPb., 1865.
6. CCL RE. Col. 3. Vol. I. № 483. SPb., 1885.
7. CCL RE. Col. 3. Vol. II. № 730. SPb., 1886.
8. CCL RE. Col. 3. Vol. III. № 1583. SPb., 1886.
9. CCL RE. Col. 3. Vol. XIV. № 11035. SPb., 1898.
10. CL RE. Vol. II. Ch. I: General provincial institution. SPb., 1857.
11. CL RE. Vol. XIV. Ch. III: The Charter on the prevention and suppression of crimes. SPb., 1857.
12. Police supervision. Guide to the implementation of investigative, judicial and administrative supervision / Compiled by P.M. Lyukevich: unofficial publication. Lomzha, 1913.
13. Russian Police: Documents and materials. Saratov, 2002.
14. Popov V.M. Sputnik politsei uryadnik i sr. strazhnik: A collection of laws, explanations and circulars necessary for police uryadnik and Sr. strazhnik, arranged in alphabetical order. [Kobelyaki], 1914.
15. Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1878 / Collected and published, with the permission of the Minister of Internal Affairs, D. Chudovsky. SPb., 1880.
16. Circulars for pasting in the «Short systematic Code» of Colonel Dobryakov: By November 1, 1903. SPb., 1903.
17. SARF. F. 102. Police Department of the Ministry of Internal Affairs.
18. RSHA. F. 1276. Council of Ministers (1905–1917).
19. Kolpakidi A.I., Seryakov M.L. Shield and sword. Heads of state security bodies of Moscow Russia, the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation. SPb., M., 2002.
20. Selivanov N. Return to the supervision of the police, as a criminal punishment // Yuridicheskiy vestnik. 1883. October. № 10.

УДК 351.74 (52)
ББК 67.7

© 2021 г. **Кобец Петр Николаевич,**
главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, профессор.
E-mail: pkobets37@rambler.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЯПОНСКОЙ ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье исследован опыт деятельности полицейских органов Японии. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что японская полиция выступает в качестве активного агента профессиональной государственной кампании, в полном объеме реализовывая запросы и ожидания всего японского населения.

Ключевые слова: *японская полиция, взаимодействие с населением, противодействие преступности, охрана правопорядка, гражданское общество, гражданский контроль, централизованная вертикаль, линейный уровень.*

Kobets Peter Nikolaevich – Chief Researcher, the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

POSITIVE EXPERIENCE OF THE JAPANESE POLICE IN THE FIELD OF PROTECTION OF LAW AND CRIME PREVENTION

The paper examines the experience of the activities of the Japanese police authorities. In the course of the research, the author comes to the conclusion that the Japanese police act as an active agent of a professional state campaign, fully realizing the requests and expectations of the entire Japanese population.

Keywords: *Japanese police, interaction with the population, crime prevention, law enforcement, civil society, civil control, centralized vertical, linear level.*

Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время Япония известна всему миру как одно из самых безопасных государств, в котором население беспрекословно повинуется букве закона. С сегодняшним низким уровнем преступности она является одной из самых безопасных в мире, особенно по сравнению с европейскими, североамериканскими, карибскими и африканскими странами. Население в 2020 г. составило 126 476 461 человек. Как в одной из густонаселенных стран мира, очень удивительно, что в Японии наблюдается один из самых невысоких показателей преступности. И при этом, возможно, многих удивляет и тот факт, что в Японии до сих пор применяется смертная казнь. Показатель преступности очень низок, а преступности с применением огнестрельного оружия практически равен нулю. Уровень насильственных преступлений, вандализма, уличной преступности и злоупотребления наркотиками, а также других преступлений в стране восходящего солнца также крайне низок [1].

Столица Японии Токио считается самым безопасным мегаполисом в мире. На миллион его жителей в год приходится около сорока ограблений. Ночью по улицам страны практически безопасно передвигаться, и малолетние несовершеннолетние дети обычно сами ездят на общественном транспорте в гости к родственникам или в тематические парки. Во многих частях Японии можно оставить велосипед незапертым на замок, а портфель без присмотра в поезде и не беспокоиться о том, что его похитят. Также нередки случаи, когда население не боится оставлять свои автомобили работающими с ключом в замке зажигания или оставляют свои дома незапертыми, когда выходят их них. В Японии сумки, найденные в поездах, иногда доставляются в дом владельца человеком, который нашел их, для выяснения адреса владельца используются водительские права либо иные документы. Многие японцы не переходят дорогу в неположенных местах, даже если на дороге нет интенсивного движения, а они сильно спешат. Большинство исследователей связывает такое поведение японцев и низкий уровень преступности в стране с однородным населением и группоцентрированным обществом.

В 2018 г. Национальным управлением полиции было объявлено, что в стране восходящего солнца зафиксирован один из самых низких показателей регистрируемой преступности за прошедшие 70 лет [2, с. 41]. Во многом

такое положение дел объясняется эффективной работой японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности. В эпоху реставрации Мэйдзи (1868–1912 гг.) Япония построила эффективное национальное государство. В рамках этого процесса она внедрила полицейскую систему, которая функционирует и поныне. В 1872 г. японское правительство направило в Европейские государства своих представителей во главе с суперинтендантом Т. Кавайи (Toshiyoshi Kawaji) для изучения полицейской системы. В 1873 г., изучив европейский полицейский опыт работы, японские представители вернулись, после чего в 1874 г. было создано Токийское столичное полицейское управление в Министерстве внутренних дел [3, с. 45].

Необходимо отметить, что японская полиция с самого своего образования пользовалась большим авторитетом у населения страны, в силу ее национальных особенностей. Так, после создания государственного полицейского управления на службу в нем, как правило, набирались бывшие японские самураи, которые в период реставрации Мэйдзи оказались без работы, поскольку феодальные отношения были отменены. Полицейские из числа бывших самураев никогда не использовали огнестрельного оружия. Полицию стали принудительно вооружать огнестрельным оружием только в 1946 г. в связи со специальным приказом оккупационного адмирала Д. Макартура. Но даже по прошествии двух лет этот приказ мало, кто выполнял и не вооружался [4, с. 38]. И в настоящее время высокий уровень доверия к полиции во многом достигнут из-за того, что свои служебные обязанности сотрудники полиции выполняют, не используя огнестрельное оружие.

К 1880-м гг. полиция превратилась в общенациональный инструмент государственного контроля, она способствовала объединению и модернизации страны в первой половине XX столетия. Особенно в сельской местности полицейские пользовались большим авторитетом и таким же уважением, как и сельский староста. Полицейские службы Японской империи были поставлены под полный централизованный контроль. Кроме того, в то время полицейская структура открыто выступала как орудие по надзору и политическому контролю. Полиция располагала личным делом каждого японского гражданина [5, с. 103].

После капитуляции в 1945 г. оккупационные власти сохранили довоенную полицейскую структуру в стране до тех пор, пока Парламент не принял закон «О полиции» 1947 г. [6, с. 1130]. В городах и крупных поселках существовали свои собственные муниципальные полицейские, а национальная сельская полиция отвечала за небольшие города, деревни и сельские районы. Но большинство японских муниципалитетов было слишком мало, чтобы иметь крупные полицейские силы, поэтому иногда они не могли справиться с серьезными правонарушениями. Кроме того, чрезмерная фрагментация полицейской организации снижала эффективность полицейской деятельности. В 1951 г. в закон «О полиции» 1947 г. были внесены поправки. В 1954 г. был принят новый закон «О полиции», сохранивший достоинства прежнего закона и улучшивший его институциональные недостатки. Полная реструктуризация полиции привела к созданию более централизованной системы. Все оперативные подразделения, за исключением Императорской гвардии, были реорганизованы в префектурные полицейские управления для каждой префектуры, а Национальное полицейское управление было создано в качестве центрального координирующего органа для этих полицейских управлений. В результате была сформирована действующая и в настоящее время полицейская система на основе строго централизованной вертикали полицейской службы. Закон «О полиции» 1954 г., действующий в настоящее время, сохраняет некоторые сильные стороны послевоенной системы.

По мнению отечественных исследователей, в Японии существует своя специфическая система предупреждения преступности [7, с. 15]. Национальное полицейское агентство (далее – НПА) представляет из себя учреждение, находящееся в ведении Национальной комиссии общественной безопасности Кабинета министров Японии, и является центральным учреждением японской полицейской системы, а также центральным координирующим органом правоохранительных органов в ситуациях национального чрезвычайного положения в Японии. НПА не имеет собственных оперативных подразделений, за исключением Имперской Гвардии. Его роль заключается в надзоре за полицейскими управлениями префектур и определении общих стандартов и политики [8, с. 9].

Отличительной особенностью прохождения службы в японской полиции является строгая централизованная вертикаль. Важная роль в ней отводится Национальной Комиссии общественной безопасности. Ею назначается глава НПА – Генеральный комиссар НПА, который является самым высокопоставленным полицейским Японии. Что касается заместителя генерального комиссара, то им является старший комиссар. Секретариат

генерального комиссара – это его штат. Гражданское политическое руководство осуществляется Национальной комиссией общественной безопасности. Такой же принцип организации полиции и в сорока семи японских префектурах, в которых комиссия общественной безопасности находится в подчинении губернатора, утверждающего руководителя полиции префектуры, кандидатуру которого согласовало НПА, поскольку оно координирует работу полицейских подразделений в префектурах. НПА руководит деятельностью управлений семи полицейских округов (региональное полицейское бюро), в подчинении которых находятся полицейские подразделения отдельных префектур. Полицию префектуры возглавляет начальник штаба, у которого в подчинении несколько отделений полиции, которые в свою очередь осуществляют руководство городскими полицейскими будками «Koban» (далее – Кобан) и постами полиции в сельской местности «Chuzaisho» (далее – Тюзаишо). В рассматриваемых структурных подразделениях проходят службу около 40 % японских полицейских, при этом ими задерживается примерно 60–65 % всех преступников. Соответственно, «низовой уровень» личного состава японской полиции занят основной работой в сфере предупреждения и пресечения противоправных деяний [9, с. 120–121].

Токийское столичное полицейское управление, созданное в 1874 г., ввело систему полицейских будок Koban, в которых работали посменно караульные. Впоследствии данная система была внедрена в других префектурах. Они располагались рядом с оживленными перекрестками, торговыми центрами во всех жилых районах. С 1881 г. полицейские будки были реорганизованы и стали участковыми отделениями полиции, которые были рассчитаны на 6 сотрудников полиции. Кроме того, в 1888 г. Национальное правительство Японии дало указание всем префектурам, за исключением Токио, создать жилые полицейские будки Тюзаишо в сельской местности. Впоследствии такая организационная форма работы развилась в нынешнюю полицейскую систему [10, с. 45]. В 1994 г. слово Koban было выведено латинизированными буквами перед всеми полицейскими мини-участками.

Считается, что система Кобан основывается на континентально-европейской модели полицейской деятельности, которая была направлена на расширение охвата всей территории – система, которая требовала высокого уровня рассредоточения полицейских сил. Прусская модель, в частности, привлекла внимание правительства Мэйдзи. Прусский полицейский чиновник Генрих Фридрих Вильгельм Хен служил советником японского министерства внутренних дел в 1885–1891 гг. После своих инспекций местных органов власти он рекомендовал увеличить численность полицейских сил, чтобы обеспечить более эффективное наблюдение за городским и сельским населением. Жилые полицейские будки Тюзаишо должны были всегда быть готовыми реагировать на любое происшествие. Действующие в настоящее время на всей территории Японии 6 200 Кобанов и 6 600 Тюзаишо заняты выполнением основной работы по поддержанию общественного порядка на локальном уровне [11].

Вся Япония разделена на юрисдикции для полицейских участков, районы которых далее подразделяются на юрисдикции для полицейских будок. Сегодня Кобан – мини полицейский участок и Тюзаишо, который обычно укомплектован одним либо двумя офицерами, находится в центре деятельности полиции в Японии. Кобан является местом, в котором от трех до пяти полицейских выполняют свою работу. Каждый Кобан и Тюзаишо функционируют как филиал полицейского участка и, соответственно, охватывают определенные территории обслуживания – районы. Главное их отличие – территория обслуживания. Кобан, как правило, отвечает за территорию обслуживания площадью всего около 0,22 квадратных миль, но из-за высокой плотности населения в стране на этой территории может проживать порядка 8 500 человек. В сельской местности Тюзаишо обслуживает территорию от 18 до 25 квадратных миль с проживающим на ней населением около 3 000 человек. Деятельность каждых 10–15 будок контролирует одно отделение полиции [12, с. 462].

Японские полицейские органы – одни из самых оснащенных в мире, и при этом самые загруженные работой среди полицейских структур развитых стран. Они отвечают за поддержание безопасности на обслуживаемой территории, бдят днем и ночью, первыми реагируют на экстренные вызовы граждан. Патрулируя окрестности и регулярно посещая дома, сотрудники местной полиции поддерживают тесные отношения с гражданами. Они обеспечивают общественную безопасность, предотвращая преступления, задерживая подозреваемых, контролируя движение транспорта, проводя профилактические беседы с несовершеннолетними правонарушителями, а также предоставляя консультации населению по вопросам обеспечения безопасности. Японские полицейские постоянно патрулируют свою территорию

обслуживания, но делают это в основном пешком или на велосипеде. У них, конечно же, есть полицейский транспорт (автомобили, мотоциклы, вертолеты и др.), но им они используются не так часто. Следует также отметить, что у японской полиции существуют меры по стимулированию общественности при оказании помощи полиции, например, в виде нагрудных знаков за содействие полиции, а также похвальных листов [13, с. 118].

Кобаны работают по сменной системе – трехсменная система по всей стране, за исключением Токийского столичного полицейского управления, где установлена Metropolitan Police Department с четырехсменная ротация. Кобаны расположены «в шаговой доступности», а их сотрудники оказывают разнообразную помощь населению. Внешний вид Кобанов не регламентируется, поэтому его помещение может быть любого вида, как правило, их стараются вписывать в местный ландшафт. В Кобане есть офис, спальное помещение, а также складское помещениями в задней части или наверху здания. Сотрудники полиции, которые несут службу в Кобанах, дружелюбны, предупредительны и вежливы, обучены общению с детьми и со стариками. Наиболее примечательной чертой Кобанов является общественный полицейский аспект. Значительное число полицейских, прослуживших много лет в Кобане, продолжает работать на низовом уровне на протяжении всей своей карьеры, поддерживая тесные связи с местной общиной [14, с. 117].

Тюзаишо, которые раньше превосходили по своему числу Кобаны примерно в два раза, встречаются только в сельской местности. Типичный Тюзаишо представляет из себя небольшой дом, в котором офицер полиции живет со своей семьей, а к фасаду пристроен офис для ведения полицейских дел. Полицейский несет ответственность за охрану порядка в сельской местности. Его отношения с сельскими жителями часто бывают довольно доверительными и считаются идеалом отношений полиции и сельской общины. Сегодня в результате разрастания городов многие Тюзаишо все чаще преобразовываются в Кобаны. Существование Кобана и Тюзаишо вселяет в жителей чувство уверенности. Система Кобан привлекла большое внимание во всем мире, и такие страны, как Сингапур и Индонезия внедрили у себя систему Кобан. Отечественные и зарубежные специалисты очень высоко оценивают работу сотрудников полиции, осуществляющих свою служебную деятельность в Кобанах и Тюзаишо, определяя их в качестве адаптивных институтов, характер которых определяется окружением, в котором они находятся [15].

Эффективная японская политика в сфере противодействия преступности во многом объясняется общественной ориентированностью, обращением к разнообразным видам неформального контроля со стороны гражданского общества и общественных организаций, особенной семейной политикой, направленной на формирование общественно полезных стандартов и привычек по правомерному поведению [16, с. 60]. Все основополагающие документы, определяющие задачи японской полиции, обязательно содержат упоминания о необходимости предупреждения и предотвращения противоправного поведения, оказания помощи гражданам во время любых затруднений и др. Каждое японское отделение полиции в обязательном порядке обязано создать совет по связям с общественностью, в которых работают представители гражданского общества. Полицейскими поощряются меры по противодействию преступности. Они способствуют организации проживающих в криминогенных районах лиц, проводят с ними обучающие занятия по противодействию преступным проявлениям. В результате население стремится к поддержанию тесных контактов с сотрудниками полиции, имеет доверительные отношения с ними и стремится оказать посильное содействие при проведении расследования [17, с. 96]. По мнению специалистов, японские полицейские выступают в качестве первоочередного субъекта, осуществляющего борьбу с преступностью. В качестве основного содержания такой профилактической работы выступает противодействие первичным, вторичным и рецидивным преступным проявлениям. Полицейская деятельность носит линейный характер и направлена в первую очередь на противодействие преступности несовершеннолетних и международных преступных сообществ, поскольку ими совершается больше всего противоправных деяний. Основная функция полицейских не только правоохранительная, но и социальная, и обслуживающая. Поскольку полицейские находятся в постоянном контакте с населением, полицейскими оказывается помощь в решении социальных, бытовых и других проблем, с которыми общество сталкиваются ежедневно.

Японской полицией в рамках предупреждения преступности реализовывается комплекс мероприятий по работе с несовершеннолетними. Они патрулируют места постоянного нахождения несовершеннолетних – рестораны быстрого питания, подземные переходы, станции

метро и др. Кроме того, места, в которых запрещено находиться несовершеннолетним. На полицейских автомобилях устанавливаются громкоговорители, через которые во время патрулирования полицейские информируют население о необходимости соблюдения правил поведения и законодательных норм. В целях разъяснительной и профилактической работы японской полицией выдаются рекомендации для префектур, которые касаются информации о нежелательной для несовершеннолетних видеопродукции, играх, периодических и иных печатных изданиях. В целях общепрофилактических мер воздействия на преступность несовершеннолетних полицейскими осуществляется всесторонняя пропаганда законопослушного поведения. В этой работе полицейским всецело помогают общественные организации и школы, издавая большими тиражами самую разнообразную адаптированную для несовершеннолетних профилактическую юридическую литературу – комментарии к законодательству и др.

Основы профилактической работы закреплены в Законе о полиции 1954 г., зафиксировавшем в качестве основной задачи – предотвращение преступности. Дальнейшая практика работы полицейских подразделений показала, что решение указанных в упомянутом законодательном акте вопросов невозможно без активных контактов с общественными формированиями граждан. Поэтому в полицейских нормативных документах указывается необходимость установления контактов с населением и рядом общественных организаций. Работа общественных организаций и ассоциаций осуществляется в масштабе префектуры. Помимо этого, каждый год под эгидой Минюста проводится специальная «июльская компания», связанная с поддержанием правопорядка. В результате работы по профилактике преступности происходит не только ее количественное уменьшение, но и снижение ее отдельных видов. Снижение преступных проявлений во многом объясняется комплексной профилактической работой, ключевая роль в которой принадлежит гражданским инициативам и взаимодействию гражданского общества, и полиции.

Руководство НПА полагает, что важнейшей обязанностью японских офицеров полиции является регулярное посещение мест жительства граждан. Поэтому посещение жителей в их домах происходит не реже двух раз в год. Вовремя этой процедуры японскими полицейскими заполняются на всех проживающих в доме или квартире специальные карточки информационного учета, которые отражают необходимые сведения и персональные данные обо всех проживающих членах семьи. В том числе полицейские фиксируют информацию, указывающую род деятельности, транспорт в собственности, время ухода и возвращения с работы, с кем из членов семьи в первую очередь можно связаться в случае непредвиденных обстоятельств.

В заключение необходимо отметить, что японский опыт организации работы полиции показал, что ее деятельность не может быть эффективной без одобрения общества и тесного взаимодействия с гражданами. Японская полицейская политика в сфере профилактики преступности направлена на первичную, вторичную и рецидивную преступность, при непосредственном тесном контакте с иными правоохранительными органами и населением. В стране выстроена строго централизованная вертикаль полицейской службы. Японские органы полиции свою работу по противодействию преступности сосредотачивают на линейном уровне. Япония является одним из первых государств в мире, которое включилось в работу по привлечению населения к оказанию помощи полиции. И сегодня в стране функционирует эффективный механизм по взаимодействию полиции и гражданского общества.

Литература

1. URL: https://www.macrotrends.net/countries/JPN/japan/crime-rate-statistics.

2. Квашис В.Е. Преступность в Японии: вчера, сегодня и завтра // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59).

3. Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981.

4. Военный канон Японии: первоисточники / сост. Т. Клири. М., 2016..

5. Еремин В.Н. К вопросу о типологической характеристике современного японского

Bibliography

1. URL: https://www.macrotrends.net/countries/JPN/japan/crime-rate-statistics.

2. Kvashis V.E. Crime in Japan: yesterday, today and tomorrow // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (59).

3. Inako Ts. Modern Japanese law. Translated from the Japanese. M., 1981.

4. The military canon of Japan: primary sources / comp. T. Cleary; translated from the English by A. Petrova. M., 2016.

права // Советское государство и право. 1977. № 3.

6. Кобец П.Н. Особенности формирования экономической модели Японии в оккупационный период 1945–1951 гг. // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т.10. № 6 (74). DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-6-1129-1137.

7. Кобец П.Н. Особенности и проблемы генезиса современного гражданского общества Японии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3.

8. Квашис В.Е. Полиция Японии: организация и эффективность // Общество и право. 2018. № 2 (64).

9. Квашис В.Е., Морозов Н.А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России. 2015. № 1.

10. Зиядуллаев М.З. Зарубежный опыт системы охраны общественного порядка и профилактики правонарушений в населенных пунктах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63).

11. Police of Japan 2015. Tokyo: National Police Agency. 2015.

12. Шакурьянов Р.М. Японский опыт применения стратегии участия общественности в предотвращении преступности. В сборнике: Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы международной научно-практической конференции. 2019.

13. Валиев Н.Д. Вопросы приемлемости (применения) опыта полиции зарубежных стран по взаимодействию с обществом и его формированиями в деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 1 (37).

14. Гордеев А.Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 11А.

15. Nishimura K. On the Nagasaki Beat: the Art of Community Policing // Look Japan. 1997. March; BayleyD. Forces of Order. Berkeley, 1991.

16. Кобец П.Н. Влияние демографического кризиса в Японии на экономическое развитие страны и безопасность бизнеса // Безопасность бизнеса. 2019. № 5.

17. Майоров В.И., Севоюгин В.Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета // Юридические науки. 2017. Вып. 35. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-95-106.

5. Eremin V.N. On the question of the typological characteristics of modern Japanese law // The Soviet state and Law. 1977. № 3.

6. Kobets P.N. Features of the formation of the economic model of Japan in the occupation period of 1945–1951 // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. 2020. Vol. 10. № 6 (74). DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-6-1129-1137.

7. Kobets P.N. Features and problems of the genesis of modern civil society in Japan // Civil Society in Russia and abroad. № 3. 2019.

8. Kvashis V.E. Police of Japan: organization and efficiency // Society and Law. 2018. № 2 (64).

9. Kvashis V.E., Morozov N.A. Police of Japan: organization, functions, efficiency // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1.

10. Ziyadullaev M.Z. Foreign experience of the system of public order protection and prevention of offenses in populated areas // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. № 2 (63).

11. Police of Japan 2015. Tokyo: National Police Agency. 2015.

12. Shakuryanov R.M. The Japanese experience of applying the strategy of public participation in crime prevention. In the collection: Law enforcement activities of internal affairs bodies in the context of modern scientific research. Materials of the international scientific and practical conference. 2019.

13. Valiev N.D. Questions of acceptability (application) of the experience of the police of foreign countries on interaction with society and its formations in the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2018. № 1 (37).

14. Gordeev A.Yu. On the question of the positive experience of crime prevention in foreign countries. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. Volume 7. № 11A.

15. Nishimura K. On the Nagasaki Beat: the Art of Community Policing // Look Japan. 1997. March; BayleyD. Forces of Order. Berkeley, 1991.

16. Kobets P.N. The impact of the demographic crisis in Japan on the economic development of the country // Business security. 2019. № 5.

17. Mayorov V.I., Sevoyugin V.E. Counteraction to crime on the basis of modern concepts of interaction between the police and society: the experience of foreign countries and Russia // Vestnik Permskogo universiteta // Yuridicheskie nauki. 2017. Is. 35. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-95-106.

УДК 347.19
ББК 67.404

© 2021 г. Голованова Ольга Юрьевна,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
E-mail: golovanova.o.u@mail.ru

ГАРАНТИИ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКА ПУБЛИЧНОЙ ЗАКУПКИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

В статье анализируются понятия «публичная закупка» и «правовая гарантия», дается оценка значимости института гарантий интересов участников публичных закупок в РФ.

Ключевые слова: *публичные закупки, защита прав, правовые гарантии, юридические лица, государственный заказ, интерес предпринимателя.*

Golovanova Olga Yuryevna – Postgraduate Student, the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics.

INTERESTS' GUARANTEES OF THE PARTICIPANT OF THE PUBLIC PROCUREMENT: CONCEPT AND SIGNIFICANCE

The article analyzes the concepts of «public procurement» and «legal guarantee», assesses the institution importance of the interests' guarantees of participants in public procurement in the Russian Federation.

Keywords*: public procurement, protection of rights, legal guarantees, legal entities, government order, entrepreneur's interest.*

Согласно данным Росстата объем ВВП в России за 2019 г. составил в текущих ценах 110 046,1 млрд рублей [1]. Объем договоров в сфере публичных закупок за период 2019 г. составил 8 251,3 (для контрактов, заключенных в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ) и 21 183,68 млрд руб. (для договоров, заключенных отдельными видами юридических лиц по Федеральному закону № 233-ФЗ) [2]. По грубым подсчетам, организации, действующие в публичных интересах, в 2019 г., фактически, являлись потребителем четверти от общего объема произведенных на территории страны товаров и услуг.

В тоже время, очевидно, что эффективному освоению денежных средств, расходуемых публичными образованиями, способствует четкое регулирование прав и обязанностей участников данного процесса на всех этапах закупочной деятельности. Достичь указанной цели, на наш взгляд, невозможно, не учитывая законные интересы участника (потенциального участника) закупочных процедур. Таким образом, объектом настоящего исследования выступают общественные отношения в сфере публичных закупок, а предметом являются непосредственно интересы участника публичной закупки, и их правовые гарантии.

Выбранная тема обуславливает постановку следующих задач исследования: выбор терминологического инструментария, определение основного интереса участника публичной закупки и обособление его от публичного интереса, определение практических функций гарантий интересов участника публичной закупки, а также оценка значимости института правовых гарантий интересов участника публичной закупки.

В целях изучения указанных общественных отношений следует определить терминологический аппарат, используемый в статье. Так, для удобства восприятия, в исследовании принят термин «закупка» в том смысле, который вкладывает в него законодатель в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ) и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – 223-ФЗ). Для целей исследования определим, что закупка начинается с установления потребности заказчика, продолжается определением поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается

исполнением обязательств сторонами контракта (договора).

В работе постараемся охватить все закупки, подпадающие под сферу урегулирования вышеуказанных нормативных актов, в связи с чем использовать такие термины, которые ограничили бы субъектный состав, источник финансирования, или способ определения поставщика, представляется нецелесообразным. Несмотря на дискуссии относительно целесообразности определения экономико-юридического института «государственная (муниципальная) закупка», «государственный (муниципальный) заказ» [3, с. 65] и сложности в определении данной дефиниции, полагаем, что все же необходимо ввести термин, позволяющий обособить область исследования, максимально емко отразить природу исследуемых правоотношений. Ряд современных авторов достаточно активно используют термин «публичная закупка» (С.С. Смотрицкая, С.И. Черных, В.В. Кикавец, К.И. Фамиева, М.С. Соловьев, К.А. Писенко). Л.М. Пахомова определила публичные закупки как «проведение конкурентных и определенных законодательством неконкурентных процедур закупок государственными и муниципальными заказчиками в интересах общества и государства» [4]. Учитывая, что в рамках настоящего исследования мы не можем ограничиться лишь закупками государственных и муниципальных заказчиков, следует упомянуть также отдельные виды юридических лиц, определенные 223-ФЗ. Таким образом, определим термин «публичные закупки» как проведение конкурентных и определенных законодательством неконкурентных процедур закупок государственными, муниципальными заказчиками и отдельными видами юридических лиц в интересах общества и государства.

Для четкого понимания выше обозначенного термина, необходимо определить такую дефиницию как публичный интерес. Однако, учитывая, что фокус настоящего исследования сосредоточен на интересах участника закупки, а не заказчика, уйдем от дискуссий относительно определения интересов общества и государства и согласимся с точкой зрения Л.В. Андреевой, по мнению которой «государство участвует в имущественном обороте, выражая интересы общества … государственный аппарат не может иметь собственные интересы, отличающиеся от общегосударственных интересов» [5, с. 8, 134].

Определив содержание термина «публичная закупка», публичные интересы как общегосударственные, как интересы общества, мы можем заключить, что интересы участника публичной закупки им не тождественны. Потенциальный участник закупки, участник хозяйственного оборота – это, прежде всего, предприниматель. При этом согласно гражданскому законодательству, предпринимательская деятельность, в первую очередь, направлена на систематическое извлечение прибыли. Прежде всего, прибыль является прямой мотивацией для участника публичной закупки.

Таким образом, определены два полюса рассматриваемого правоотношения – общественный интерес и интерес предпринимателя, сосредоточенный на извлечении прибыли. Именно соблюдение баланса указанных интересов в рамках правового регулирования отношений в сфере государственных закупок является залогом успеха.

В тоже время, достижение указанной задачи представляется весьма трудоемким. Небезосновательно, одна только правовая природа договорных отношений в сфере публичных закупок вызывает так много дискуссий в научном сообществе. По мнению различных авторов, договор, заключенный в сфере публичных закупок – это:

– гражданско-правовой договор (О.А. Беляева, М.В. Шмелева, Т.М. Гандилов);

– особый вид договора (отмечается его комплексный характер) (А.П. Сергеев, В.А. Щербаков, В.В. Ванин);

– явление административно-правовой природы (А.В. Винницкий, А.С. Тихомиров, В.В. Кикавец), бюджетного права (Г.Р. Гафарова).

По нашему мнению, комплексный подход является предпочтительным, так как именно такой подход способен обеспечить баланс общественных интересов и интересов участника публичной закупки.

Рассуждая о приоритетности той или иной из указанных составляющих, мы не можем отрицать, что извлечение прибыли отдельным субъектом правоотношений, а также интересы отдельно взятого лица, в данном случае, не могут являться приоритетными. Тем не менее не только в сфере публичных закупок публичный интерес является первостепенным. Гражданско-правовые отношения без участия субъекта, обладающего властно-

распорядительными полномочиями, также не лишены ориентированности на защиту интересов неопределенного круга лиц (социальных, публичных интересов). Как отмечают исследователи, «в понимании Конституционного Суда РФ осуществление предпринимательской деятельности предполагает согласование частной экономической инициативы с интересами других лиц и обществом в целом, для достижения надлежащего баланса между правами и свободами всех участников рыночных отношений» [6]. При этом, в случае возникновения конфликта между интересами отдельно взятого субъекта и «социальными притязаниями», приоритет будет отдан в пользу последних.

Правоприменитель также констатирует большую значимость общественных интересов в сравнении с интересами отдельного участника хозяйственного оборота. Так для целей применения положений ст. 168 ГК РФ о ничтожности сделок, Верховный суд РФ, определил публичные интересы, в частности, как интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [7] и указал, что их соблюдение является приоритетным.

Таким образом, не только в рамках публичных закупок в первую очередь обеспечивается защита публичного интереса как взаимообусловленного, не подлежащего ограничению, неперсонифицированного интереса общества и государства, признанного государством и охраняемого правом, представляющего собой конституционно значимую ценность, без которого немыслимо существование общества и государства [8].

При этом участие публичного образования (бюджетных средств) в закупочной деятельности обуславливает повышенную концентрацию общественных интересов в рассматриваемой области правоотношений. В связи с чем, законодателем наиболее активно здесь используются методы координации и субординации. Именно этот факт свидетельствует о том, что договорные отношения в сфере публичных закупок не могут быть рассмотрены в отрыве от комплексных межотраслевых подходов.

Практика показывает, что законодательное урегулирование, в том числе методами координации и субординации, не обеспечивают в полном объеме законность в сфере публичных закупок. Счетная палата в 2019 г. выявила 839 нарушений на общую сумму 236,6 млрд руб. в сфере закупок по 44-ФЗ, отметив, что более половины нарушений связано с коррупционными проявлениями [9].

Таким образом, следует заключить, что коррупционные проявления имеют место в системе публичных закупок, и наносят очевидный ущерб общественным интересам.

Наряду с указанным, Управление контроля размещения госзаказа ФАС России в одном из интервью отмечало, что по итогам 2019 г. ФАС России рассмотрела свыше 66,1 тыс. жалоб на закупки в рамках 44-ФЗ, из которых 29,1 тыс. жалоб признаны обоснованными. В рамках 223-ФЗ в 2019 г. поступило почти 13,7 тыс. жалоб, порядка 4,4 тыс. таких обращений признаны обоснованными [10].

В связи с чем, следует заключить, что участник (потенциальный участник) закупки имеет реальное влияние на состояние законности в сфере публичных закупок. Будучи заинтересованным в участии в конкретной закупке, предприниматель выполняет функции по выявлению нарушений в закупочной деятельности, что в конечном итоге должно привести к поддержанию надлежащего уровня конкуренции и обеспечить заказчика наилучшим предложением, в отсутствии коррупционных и иных противоправных проявлений.

Для того, чтобы участник был заинтересован в предоставлении конкурентного предложения, следует помнить, что основная его цель – это систематическое извлечение прибыли. Система публичных закупок должна гарантировать прозрачные и равные условия доступа к участию в закупках, предоставить возможности долгосрочного сотрудничества с добросовестным поставщиком. Именно с этой точки зрения следует подходить к изучению правовых гарантий интересов участника публичных закупок.

На наш взгляд такая дефиниция как правовая гарантия интересов субъекта предоставляет обширные возможности для исследования конкретного общественного отношения, для выявления взаимосвязей между поведением субъекта и существом правоотношения, между его действиями и результатом, в виде достижения или недостижения определенных целей участниками правоотношения. Единого мнения, относительно сущности такого явления как правовая гарантия и его места в

системе права не существует. Большое внимание уделено изучению содержания конституционно-правовых гарантий на предпринимательскую деятельность [11; 12]. Некоторые авторы рассматривают вопрос правовых гарантий сквозь призму частноправовых отношений [13]. Другие исследуют правовую природу гарантий в целом, с точки зрения публично-правовых отношений. Важное место, на наш взгляд, занимают теоретические выводы, сделанные А.В. Лошкаревым, который в своем исследовании полагает, что «правовые гарантии являются правовыми средствами, выраженными в нормативно-правовых предписаниях, реализация которых может обеспечить или обеспечивает возможность реализации иных нормативно-правовых предписаний» [14, с. 12].

Так, правовыми гарантиями обеспечения доступа лица к информации о публичных закупочных процедурах следует считать, в частности, нормативно-правовые предписания о размещении информации в ЕИС – Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС, zakupki.gov.ru), установленные Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», а также соответствующими подзаконными актами.

Правовыми гарантиями обеспечения конкуренции в сфере публичных закупок следует считать, например, нормативно-правовые предписания, запрещающие создание участнику процедуры преимущественных условий, зафиксированные Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», действующие в структурном единстве с комплексом правовых средств, позволяющих выявить нарушение запретов, а также добиться устранения нарушений.

Правовые гарантии интересов участников публичных закупок обеспечивают защищенность предпринимателя, его уверенность в соблюдении принципов, установленных международным и конституционным правом, его защиту от необоснованных действий со стороны заказчика, публичных образований, иных субъектов, и способность восстановить нарушенные права, а также получить компенсацию, его возможность повлиять на состояние законности и внести предложения о совершенствовании правовых норм и порядка их реализации, все вышеупомянутое обеспечивает должный уровень конкуренции, и, как следствие, эффективность закупочной деятельности.

Таким образом, значимость правовых гарантий интересов участников публичных закупок очевидна. Вместе с тем, для лучшего уяснения значения института гарантий интересов участника публичной закупки, целесообразно выделить практические функции эффективного комплекса правовых гарантий в данной области.

Как упомянуто в самом начале исследования, публичные закупки в общей массе рынка товаров и услуг в стране занимают значительное место. В этой связи расходование бюджетных средств имеет целью не только получить качественную услугу (товар), но и обеспечить поддержку субъектам предпринимательской деятельности, нуждающимся в таковой. В данном случае проявляется социально-ориентированный характер публичных закупок.

Следовательно, гарантии интересов участников публичных закупок выполняют социально-ориентированные функции, которые, исходя из содержания действующего законодательства в сфере публичных закупок (ст. 14, 28, 29, 30 44-ФЗ), состоят в следующем: создание благоприятной среды для отечественного производителя товаров и услуг; поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства; поддержка социально-ориентированных некоммерческих организаций.

Помимо указанной функции, эффективная система гарантий интересов участников публичных закупок, позволяет достичь надлежащего уровня конкуренции. Принципы добросовестной ценовой и неценовой конкуренции, отсутствия дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки зафиксированы законодателем и обеспечены полномочиями контролирующих органов (ч. 2 ст. 8 44-ФЗ; п. 2 ч. 1 ст. 3 223-ФЗ). Законодателем конкуренция определена как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном

рынке» (Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (п. 7 ст. 4). Комплекс гарантий интересов участников публичных закупок, реализует все вышеупомянутые функции, поддерживая надлежащий уровень конкуренции.

Учитывая, что, по мнению некоторых ученых, «состояние конкуренции в российской экономике – наиболее точный индикатор успешности рыночных преобразований, свободы экономической деятельности и равенства предприятий всех форм собственности в рыночном обороте» [15, с. 12], следует заключить, что гарантии интересов участников публичных закупок выполняют экономико-стимулирующие функции.

Помимо изложенного, безусловно, степень защищенности и уверенности участников публичных закупок в соблюдении их интересов имеет прямое влияние на эффективность закупочных процедур и качество предоставляемых материальных благ. Согласно ст. 34 Бюджетного кодекса РФ «...участники бюджетного процесса... должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)».

На наш взгляд, в научной литературе данное положение отражено как воспроизводственно-потребительская функция [16], которая характеризует поставленные перед участниками бюджетного процесса задачи экономности и достижения наилучшего результата.

Эффективный и реально функционирующий комплекс гарантий интересов добросовестного участника государственных закупок позволяет достичь вышеуказанных задач и играет огромную роль в обеспечении эффективности всей системы государственных закупок. Никакие жесткие ограничения и строжайшие критерии отбора, в отсутствии реального конкурентного рынка поставщиков, не обеспечат эффективность публичных закупок.

Участники рынка заинтересованы в предоставлении конкурентного продукта только в том случае, если они видят перспективы извлечения прибыли. Для этого система публичных закупок должна быть максимально прозрачна, не должна ограничивать его интересы и возможность свободно распоряжаться активами, свободу договора, а также каким-либо образом ограничивать конкуренцию.

В ходе изучения существующих подходов к определению понятий «публичная закупка» и «правовая гарантия», исследованием определено, что гарантии интересов участников публичных закупок представляют собой правовые средства, выраженные в нормативно-правовых предписаниях. А также реально предоставляемые условия, которые могут обеспечить или обеспечивают соблюдение прав и свобод участника конкурентных и определенных законодательством неконкурентных процедур закупок государственными, муниципальными заказчиками и отдельными видами юридических лиц в интересах общества и государства как субъекта предпринимательской деятельности.

Таким образом, основной интерес участника публичной закупки обособлен от публичного интереса, связан напрямую с осуществлением предпринимательской деятельности и определен как извлечение прибыли.

Исследованием определены практические функций гарантий интересов участника публичной закупки: воспроизводственно-потребительская, экономико-стимулирующая и социально-ориентированная.

Значимость института правовых гарантий интересов участника публичной закупки обусловлена выше упомянутыми практическими функциями. Институт правовых гарантий интересов участников публичных закупок, позволяет поддержать на должном уровне конкуренцию в указанной сфере, что, как следствие, обеспечивает эффективное расходование бюджетных средств и достижение основных целей закупочной деятельности. Помимо этого, обеспечение интересов добросовестного участника (потенциального участника) закупки, в части доступа к информации, наличия механизмов оспаривания неправомерных действий, безусловно, ограничивает коррупционные проявлений, а также позволяет эффективно выявлять случаи недобросовестной конкуренции. Заинтересованный предприниматель, имея реальную возможность добиться справедливости и отстоять свои законные права, фактически способен исполнить функции по выявлению правонарушений в рассматриваемой сфере, тем самым обеспечив, в определенной степени, процесс саморегулирования закупочной деятельности в целях повышения ее эффективности.

Литература

1. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/61.htm.
2. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html.
3. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография. М., 2012.
4. Пахомова Л.М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // Ars Administrandi (Искусство управления): журнал. 2019. № 2. Т. 11.
5. Андреева Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование: монография. М., 2009.
6. Гриценко А.С. Социальные основания и юридические условия ограничения свободы предпринимательства в конституционном праве и практике конституционного правосудия. Владивосток, 2017.
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
8. URL: http://human.snauka.ru/2017/12/24702.
9. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/28/835532-kolichestvo-narushenii.
10. URL: https://fas.gov.ru/news/29350.
11. Илюхина Ю.Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность в современной России: Саратов, 2011.
12. Зеко Л.Ю. Конституционно-правовое обеспечение права собственности и свободы предпринимательской деятельности (опыт России и Великобритании). Белгород, 2016.
13. Волкова В.В. Государственные гарантии предпринимательской деятельности. М., 2009.
14. Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации. Краснодар 2009.
15. Алешин Д.А. Конкурентное право России: учебник. М., 2014.
16. Попова К.А. Роль и функции государственной системы закупок // Молодой ученый. 2018. № 47 (233).

Bibliography

1. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/61.htm.
2. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html.
3. Kichik K.V. State (municipal) order of Russia: legal problems of formation, placement and execution: monograph. M., 2012.
4. Pakhomova L.M. Problems of definitions of legal regulation of the public procurement system // Ars Administrandi (Art of management): magazine. 2019. № 2. V. 11.
5. Andreeva L.V. Purchase of goods for federal state needs: legal regulation: monograph. M., 2009.
6. Gritsenko A.S. Social foundations and legal conditions for restricting freedom of entrepreneurship in constitutional law and practice of constitutional justice. Vladivostok, 2017.
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
8. URL: http: //human.snauka.ru/2017/12/24702.
9. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/28/835532-kolichestvo-narushenii.
10. URL: https://fas.gov.ru/news/29350.
11. Ilyukhina Yu.Yu. Constitutional and legal guarantees for the implementation of the right to entrepreneurial activity in modern Russia. Saratov, 2011.
12. Zeko L.Yu. Constitutional and legal support of property rights and freedom of entrepreneurial activity (experience of Russia and Great Britain). Belgorod, 2016.
13. Volkova V.V. State guarantees of entrepreneurial activity: Diss ... cand. jurid. sciences. M., 2009.
14. Loshkarev A.V. Legal guarantees: theoretical problems of definition and classification. Krasnodar, 2009.
15. Aleshin D.A. Competition law of Russia: textbook. M., 2014.
16. Popova K.A. The role and functions of the state procurement system // Young scientist. 2018. № 47 (233).

УДК 343.985 : 343.54
ББК 67.52

© 2021 г. Ковалевич Мария Игоревна,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: kovalevich.m.i@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОЕДИНЕННЫХ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы выявления и методики расследования преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

Ключевые слова: *неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, должностное преступление, жестокое обращение, психологическое насилие, физическое насилие, учреждения круглосуточного пребывания для несовершеннолетних.*

Kovalevich Maria Igorevna – Adjunct, the Department of Criminalistics and Operational-Search Activity, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CURRENT ISSUES OF THE DETECTION OF OFFICIAL CRIMES IN THE FIELD OF DUTIES' PERFORMANCE FOR THE UPBRINGING OF A JUVENILE ASSOCIATED WITH ILL-TREATMENT

This article discusses the issues of identification and methods of the crime investigation committed by officials in the field of performing duties for the juveniles' upbringing.

Keywords: *non-performance (improper performance) of duties for the upbringing of a juvenile, official crime, ill-treatment, psychological violence, physical violence, institutions of round-the-clock stay for juveniles.*

Охрана детства является стратегическим приоритетом в России, для обеспечения которого государство создает условия, способствующие «всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [1], что позволяет влиять на необходимые государству тенденции развития общества, проектируя, таким образом, перспективу базовых ценностей будущего электората.

Право выбора в реализации стратегии воспитания возложено на родителей (опекунов) подрастающего поколения. Поскольку защита прав и законных интересов несовершеннолетних является конституционной обязанностью и важной задачей правового обеспечения национальной безопасности, «государство, соблюдая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей» [1], которые на практике осуществляются непосредственными должностными лицами.

В случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего законодатель предусматривает уголовную ответственность, если это деяние соединено с жестоким обращением (156 ст. УК РФ). Субъектом данного преступления, наряду с родителем (опекуном), может являться должностное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего [2].

Определение понятия «жестокое обращение» в нормативных правовых актах не закреплено, в этой связи в различных источниках присутствует вариативность в зависимости от области его применения. Однако в юридической практике используется разъяснение, данное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»: «жестокое обращение с несовершеннолетним – это не только физическое, психическое либо сексуальное насилие, но и применение недопустимых способов воспитания (грубое, пренебрежительное, унижающее человеческое достоинство обращение с детьми, оскорбление или эксплуатация детей)» [3].

В научном дискурсе выделяется ряд противоречий. Так, профессор В.П. Щепельков в своем исследовании отмечает в качестве существующего противоречия, что значительная часть правоприменения ст. 156 УК РФ

связана с применением физического насилия (55 % случаев) в качестве признака жестокого обращения. Однако и в этом случае квалификация деяния в судебных решениях является противоречивой, имеет место вариативность судебных решений в юридически тождественных ситуациях. Для устранения противоречий в правовой оценке неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, в случае нанесения ему побоев, В.Ф. Щепельков указывает на необходимость разъяснения со стороны Верховного Суда РФ [4].

Спектр современных научных исследований таких авторов, как Н.В. Шкурихина, И.С. Федотова, Н.Д. Слюсарева, Е.Л. Козлова, посвященных деяниям в сфере неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, проектируется в направлении методики расследования данного вида преступлений, совершенных родителем (опекуном). В своем исследовании Е.И. Смык уделяет внимание вопросам выявления и производства проверки заявлений и сообщений о преступном неисполнении родителя обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако должностное лицо как специальный субъект вышеуказанного вида преступлений не получил научного обоснования в современной методологической литературе юриспруденции, что повышает актуальность выбранной нами темы.

По статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2016 г. в России было зарегистрировано 1 824 преступлений по статье 156 УК РФ, по состоянию на 2020 г., их количество уменьшилось на 29,39 %, что составило 1 288 преступлений [5]. Основываясь на данных отчета о мониторинге судебной практики применения в 2016–2019 гг. ст. 156 УК РФ, подготовленном В.Ф. Щепельковым, в рамках которого было изучено 222 приговора по данной категории дел, в 99 % субъектом преступления является родитель несовершеннолетнего, тогда как количество приговоров в отношении специального субъекта по данной категории дел составляет 1 % [6].

Вместе с тем каждый случай жестокого обращения с детьми в учреждениях для круглосуточного пребывания несовершеннолетних, свидетелями которых случайно становятся сторонние лица, вызывает большой общественный резонанс. В ноябре 2020 г. в Интернете появилась видеозапись, на которой медицинский работник противотуберкулезной больницы г. Новосибирска схватила малолетнего ребенка за волосы и кинула на кровать. Из комментария уполномоченного по правам ребенка по Новосибирской области Надежды Болтенко известно, что ребенок, в отношении которого были совершены противоправные действия, находился на лечении без родителей, происшествие на камеру мобильного телефона снял случайный свидетель, в настоящее время в отношении медицинской сестры по факту указанного события возбуждено уголовное дело по статье 156 УК РФ [7].

Следует отметить, что сообщества приемных родителей открыто публикуют рассказы своих приемных детей о происшествиях в учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей. Так, на своей интернет-странице Л. публикует рассказ своей приемной дочери о том, что в центре помощи детям воспитатель учреждения наказывала воспитанников, накрывая их одеялом с головой либо надевая на лицо использованный подгузник [8]. В изложенном примере событие не имеет материальных следов, однако содержит признаки жестокого обращения со стороны должностного лица, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Фактором риска преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, совершенного специальным субъектом, становится халатное отношение к выполнению своих обязанностей педагогов образовательных учреждений, центров содействия семейному устройству, спортивных тренеров. В своем исследовании В.М. Фирсова и И.А. Алексеева, в качестве причин жестокого обращения с несовершеннолетними со стороны педагогов, обозначают историческое наследие советской педагогики, психологическую неустойчивость, а также профессиональную несостоятельность должностных лиц [9]. Однако в случае проживания ребенка в семье источником сведений о возможном преступлении в отношении несовершеннолетнего со стороны педагога может являться информация, поступившая от представителей структур профилактики безнадзорности, в том числе представителей образовательных, социальных, медицинских учреждений [10], большую роль играют свидетельские показания соседей, лиц из окружения семьи.

Факт проживания ребенка в государственном учреждении требует отдельного внима-

ния в области методики выявления преступления, предусмотренного 156 УК РФ, так как исходная ситуация ограничивает круг взаимодействия несовершеннолетнего исключительно сотрудниками и воспитанниками организации пребывания. Круглосуточные учреждения для несовершеннолетних в России являются своеобразными «организациями полного цикла», где персонал – воспитатели, преподаватели дополнительного образования, административно-хозяйственный аппарат, медицинские работники осуществляют трудовую деятельность по месту пребывания несовершеннолетнего [11], что, в свою очередь, создает условия для совершения должностных преступлений в сфере исполнения обязанностей по воспитанию. В сложившейся ситуации субъект и свидетели преступления имеют сформированные отношения в рабочем коллективе, кроме того, не желают привлекать внимание проверяющих органов к своей деятельности и учреждению, опасаются ухудшения отношений с руководством.

Естественная латентность рассматриваемой категории должностных преступлений обусловлена высокой сложностью выявления, неявным характером следов психического насилия. Одна из главных причин латентности данного вида уголовно наказуемых деяний, по нашему мнению, состоит в том, что субъект преступления, являясь лицом, принимающим решение о необходимости сообщить о нарушении прав и законных интересов ребенка, априори заинтересован скрыть факт отступления от норм уголовного законодательства РФ. Данное противоречие создает главное препятствие на пути выявления фактов преступления. В целях разрешения обозначенной проблемы необходимо создать условия для получения сообщения о преступлении – признать на законодательном уровне необходимость проверки любого сообщения о преступлении, включая анонимное. Следует особенно подчеркнуть, что и несовершеннолетние, в отношении которых обязанности по воспитанию исполняются в соединении с жестоким обращением, зачастую не осознают либо скрывают совершенные в отношении них противоправные действия [12]. В сложившейся ситуации преступление остается невыявленным, а следы преступления утраченными.

При отсутствии тяжких последствий для физического здоровья ребенка данная категория прецедентов нарушения уголовного законодательства остается безнаказанной, а значит, с высокой степенью вероятности рецидивирует, увеличивая общественную опасность деяний. Подобное преступное поведение должностных лиц, оставаясь без внимания правоохранительных органов, инерционно пролонгируется до тех пор, пока психическое насилие не трансформируется в физическое, следствием чего становятся причинение ущерба здоровью либо смерть ребенка.

Проведение научного исследования в сфере исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего способствует обеспечению исполнения конституционных гарантий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Достижение обозначенной цели реализовывается путем обеспечения комплексного подхода к решению основных, взаимосвязанных задач:

– разработка криминалистической характеристики неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего со стороны должностного лица;

– определение основных криминалистических затруднений данной стадии и установление путей их разрешения, с учетом анализа судебно-следственной практики по выявлению преступного неисполнения (ненадлежащего исполнения) должностных обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего;

– разработка рекомендаций для проверки сообщений и заявлений о вышеуказанных преступлениях;

– системный анализ особенностей планирования расследования преступлений указанной группы;

– определение перечня обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в ходе проведения расследования преступного неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей должностного лица по воспитанию несовершеннолетнего;

– раскрытие особенностей тактики следственных действий, определение способов преодоления выявленной проблематики в указанных преступлениях;

– разработка научно-практических рекомендаций, оптимизирующих досудебное производство по данной категории преступлений.

Таким образом, проведение научного исследования в области исполнения служебных обязанностей по воспитанию несовершенно-

летнего заполнит существующие пробелы теоретических основ данной проблематики, актуализирует необходимость разработки практических криминалистических рекомендаций для органов предварительного следствия, связанных с особенностями выявления и методикой расследования данного вида преступлений, совершенных специальным субъектом. Отдельно можно выделить существенную роль исследования в профилактике более тяжких преступлений, которые становятся результатом естественной латентности преступного неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, совершенного должностным лицом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, М., 2020.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации, М., 2019

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/.

4. Щепельков В.П. Квалификация неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенного с применением насилия // Уголовное право. 2020. № 3

5. Применение в 2016–2019 годах ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) // URL: https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/473-primenenie-v-2016-2019-godakh-st-156-uk-rf-neispolnenie-obyazannostej-po-vospitaniyu-nesovershennoletnego.html.

6. Данные «Главного информационно-аналитического центра» МВД России.

7. URL: https://iz.ru/1083496/2020-11-06/ombudsmen-prokommentirovala-skandal-s-ottaskannym-v-bolnitce-za-volosy-rebenkom.

8. URL: https://www.instagram.com/p/CKR_0eTlH7v/?utm_source=ig_web_copy_link.

9. Алексеева И.А., Фирсова В.М. Ребенок в современной школе. М., 2005.

10. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // https://base.garant.ru/12116087/.

11. Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // https://base.garant.ru/70661542/.

12. Попова Е.И., Пчелинцева И.В. Специфика жестокого обращения с детьми в школьной среде // Концепт. 2014. № 6.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation. M., 2020.

2. The Criminal Code of the Russian Federation. M., 2019.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.05.1998 № 10 (ed. of 26.12.2017) «On the application of Legislation by courts in resolving disputes related to the upbringing of children» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/.

4. Shchepelkov V.P. Qualification of non-performance of duties for the upbringing of a minor associated with the use of violence // Criminal law. 2020. № 3.

5. Application in 2016–2019 of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (Failure to fulfill obligations for the upbringing of a minor) // URL: https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/473-primenenie-v-2016-2019-godakh-st-156-uk-rf-neispolnenie-obyazannostej-po-vospitaniyu-nesovershennoletnego.html.

6. Data of the «Main Information and Analytical Center» of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

7. URL: https://iz.ru/1083496/2020-11-06/ombudsmen-prokommentirovala-skandal-s-ottaskannym-v-bolnitce-za-volosy-rebenkom.

8. URL: https://www.instagram.com/p/CKR_0eTlH7v/?utm_source=ig_web_copy_link.

9. Alekseeva I.A., Firsova V.M. The child in the modern school. M., 2005.

10. Feral Law № 120-FL of June 24, 1999 «On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency» // URL: https://base.garant.ru/12116087/.

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 24, 2014 № 481 «On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them» // URL: https://base.garant.ru/70661542/.

12. Popova E.I., Pchelintseva I.V. Specificity of child abuse in the school environment // Concept. 2014. № 6.

УДК 343.12
ББК 67.410.2

© 2021 г. **Чернышов Александр Геннадьевич,**
адъюнкт Краснодарского университета МВД России.
E-mail: agchernyshov18@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье определяются объекты безопасности, субъекты ее обеспечения, а также формы безопасности: информационная безопасность, правовая безопасность и безопасность личности.

***Ключевые слова**: следственная деятельность, обеспечение безопасности, уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса.*

Chernyshov Alexander Gennadievich – Adjunct, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THEORETICAL BASIS OF ENSURING THE SECURITY OF INVESTIGATION ACTIVITIES IN THE ORGANIZATIONAL CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURAL JURISDICTION

The article defines security objects, subjects of its provision, as well as forms of security such as: information security, legal security and personal security.

***Keywords:** investigative activity, security, criminal proceedings, participants in criminal proceedings.*

Сущность изучаемой категории «безопасность следственной деятельности» следует определять с нескольких позиций, в соответствии с которыми она, во-первых, определяется минимальным уровнем отрицательного воздействия внешних и внутренних факторов, влияющих на принятие организационных решений при осуществлении следственной деятельности и основанных на совокупности эффективных механизмов, а, во-вторых, как оптимальный выбор субъектом рассматриваемой деятельности сил и средств, при которых реализация уголовно-процессуальных задач не влечет за собой нарушений законных прав участников указанной деятельности.

Иными словами, оценка безопасности – это определение качественной возможности реализации процессуальных функций в условиях отсутствия отрицательных последствий для субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а также определение допустимости реализации уголовно-процессуальных мер, в том числе и мер уголовно-процессуального принуждения, при осуществлении следственной деятельности. Таким образом, безопасность является неотъемлемым компонентом следственной деятельности и подлежит обстоятельному научному познанию. При этом безопасность исследуется нами и как разновидность деятельности, т. е. деятельности по ее обеспечению, и как научная категория в своей методологической сущности.

Может ли безопасность выступать объектом научного познания? Полагаем, что да. По нашему мнению, безопасность является объектом теоретическим и чувственным. В первом случае он формируется посредством идеализирующей деятельность мышления, с другой – свойства безопасности отражаются через систему чувственных анализаторов познающего объекта посредством применения специальных методов (например, психологии, физиологии, логики и др.). Так или иначе, связь «между различными типами научных объектов устанавливается путем интерпретации одних в терминах других путем процедуры их отождествления в рамках определенного интервала абстракции» [1]. Степень научной абстракции исследуемой категории определяется характерными признаками интерпретированного явления. Для разъяснения сути вышесказанного приведем результаты проведенного нами экспресс-опроса 56 человек*, из которых 14,5 % показали, что безопасность – это ощущение физической защищенности, 7,8 % – защищенность, обеспеченная правовыми средствами, 5 % – отсутствие страха за совершаемые действия, 7,9 % – отсутствие боязни правовой ответственности, 6,1 % – свобода в принятии определенных решений (совершении

* Случайным прохожим был задан вопрос: «Как Вы понимаете значение слова безопасность?». Полученные наиболее схожие по смыслу ответы были распределены по группам и процентному соотношению, отдельные ответы в статье не представлены, как не имеющие существенного значения.

действий). Как видно из приведенных данных, в основу интерпретации заложен эмоционально-чувственный компонент, сопряженный с реализацией личных интересов. Ключевым является то, что безопасность у граждан отождествляется с понятием защищенности (физической и правовой), отсутствием боязни правовых (формальных) последствий за определенные действия и решения.

В некоторых нормативных правовых актах обеспечение безопасности проявляется через применение мер физической защиты. Так, например ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [2] в качестве мер безопасности при осуществлении государственной защиты предусматривает ряд мероприятий:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

3) временное помещение в безопасное место;

4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе;

5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;

6) переселение на другое место жительства;

7) замена документов, изменение внешности.

Вместе с тем само понятие «безопасность» в данном нормативном акте не раскрывается. Не раскрывается сущность данной категории и в Федеральном законе «О безопасности» [3]. А в Стратегии национальной безопасности [4] под таковой понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Анализ этих и иных нормативных правовых актов свидетельствует о том, что законодатель, разрабатывая механизмы обеспечения безопасности, основывается на субъективной оценке сущностных характеристик безопасности. Именно поэтому, исходя из трактовок соответствующих норм, приходим к выводу о том, что предлагаемые меры обеспечения безопасности носят превентивно ограничительные формы, а безопасность понимается как состояние физической защищенности. Полагаем, что безопасность – понятие, имеющее более широкое значение, под которым следует понимать *состояние защищенности от негативного воздействия внешних факторов, связанных с физическим или психическим воздействием на личность, его законные права и интересы, а также создающее возможность реализации социально значимых целей, творческого и иного профессионального потенциала, беспрепятственного развития социальных коммуникаций*.

Однако как коррелируют вышеприведенные результаты теоретического анализа с предметом нашего научного интереса? Переводя полученные данные в плоскость профессиональных отношений, мы сталкиваемся с определенным контекстом возможных процессуальных (и тактических) рисков и угроз, исходящих из условий соответствующей профессиональной деятельности, правомочий и полномочий субъектов данной деятельности, а также объекта безопасности.

Применительно к предмету исследования объектом безопасности выступают должностные лица, реализующие функции следственной деятельности, с другой стороны – участники данной деятельности (потерпевший, обвиняемый, защитник и т. д.).

Основным субъектом следственной деятельности является следователь, который в соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ уполномочен, в пределах компетенции, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Круг соответствующих полномочий закреплен в ч. 2 ст. 38 УПК РФ, что, по нашему мнению, только от части формирует представление о том, что в себе объединяет понятие следственной деятельности. Такой подход к пониманию следственной деятельности усечен, поскольку здесь следует учитывать коммуникативные, социальные, эмоциональные и даже экономические компоненты, не заложенные в нормы процессуального права. С точки зрения А. В. Лакова, выделяются «наиболее существенные и взаимосвязанные особенности следственной деятельности: ее сложность, которая предопределяется высоким уровнем персональной и социальной ответственности, повышенными требованиями к эффективности и надежности, резистентности и стрессоустойчивости; наиболее острое вторжение в сферу конституционных прав и свобод личности, а в конечном итоге – влияние на жизни людей в процессе ее осуществления» [5, с. 30–31]. Это один из аспектов, определяющих необходимость выработки стратегии безопасности следственной деятельности как предупредительной системы соблюдения правовых и социальных норм субъектами данной деятельности. В качестве правового механизма выступают отдельные нормы уголовно-

процессуального законодательства, определяющие систему судебного контроля и прокурорского надзора за следственной деятельность. В приведенном случае следователь выступает объектом безопасности.

Выступая объектом безопасности, следователь также является и основным субъектом обеспечения безопасности в силу того, что наделен достаточным кругом полномочий, позволяющих успешно реализовывать функции обеспечения безопасности следственной деятельности с учетом соответствующих форм. К формам безопасности, на наш взгляд, относятся: информационная безопасность, правовая безопасность, безопасность личности.

Вопросам информационной безопасности следственной деятельности в специальной литературе уделяется определенное внимание. Так, профессор И.М. Комаров пишет, что под информационной безопасностью предварительного расследования следует понимать «деятельность дознавателя, следователя и прокурора (в пределах процессуальных полномочий) по созданию условий защищенности доказательственной, ориентирующей информации, а также информации, добываемой на основе сопровождения уголовного дела оперативными службами на этапах его возбуждения и предварительного расследования, от негативного внутреннего и внешнего воздействия на эту информацию или ее носители со стороны заинтересованных лиц с целью получения ими тактических выгод от результатов досудебного производства» [6, с. 101]. Анализируя данное определение, приходим к выводу о том, что субъект безопасности осуществляет комплекс организационных и тактических мероприятий, направленных на обеспечение должной защиты получаемой информации и источников ее происхождения в рамках следственной деятельности. Следовательно объектом безопасности является не только определенное лицо или группа лиц, но и *информация*, а точнее, источник ее накопления, а к таковым следует относить: процессуальные и непроцессуальные документы, данные, содержащиеся на электронных носителях и облачных хранилищах; материальные объекты, содержащие процессуально значимые признаки (вещественные доказательства).

Вместе с тем существует и противоположная тока зрения, при которой информация не может выступать объектом безопасности, поскольку таковым являются только личность, общество и государство [7]. Поэтому вернее, рассматривая информационную безопасность (ее источники), понимать под ней состояние защищенности интересов уголовной юрисдикции, определяющихся совокупностью уголовно-процессуальных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений. Иными словами, защита информации преследует цель – защита интересов конкретного человека.

Под правовой безопасностью следует понимать такие условия следственной деятельности, при которых прослеживается четкая взаимосвязь и преемственность положений разных нормативных правовых актов, отсутствие правовых коллизий, пробелов, неоднозначности толкования и единство правоприменительной практики.

Чаще всего в научной литературе исследуются вопросы установления правового порядка защиты участников следственного действия от различных посягательств, особых условий уголовного судопроизводства и др. Например, выделяют процессуальные и непроцессуальные меры безопасности, имеющие законодательное закрепление. Так, к процессуальным мерам отнесены «специальные правила производства следственных и судебных действий, а также фиксация их хода и результатов: неприведение данных о личности участника следственного действия в протоколе следственного действия; осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров соответствующих участников уголовного судопроизводства или их близких родственников, родственников, близких лиц по письменному заявлению указанных лиц; производство предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым; рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании; допрос свидетеля без оглашения подлинных данных о его личности и в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства» [8, с. 69]. Непроцессуальные меры – это меры физической защиты, предусмотренные соответствующим законодательством. Изучение данного аспекта приводит к выводу о том, что в настоящее время отсутствует комплексное изучение проблем обеспечения правовой безопасности в части соотношения правовых норм, сопряженных с проблемами их комплексного правоприменения. Данная проблематика требует дальнейшего научного развития.

Так же, как и в случае с информационной безопасностью, обеспечение правовой безопасности преследует цель – обеспечение безопасности законных интересов конкретных субъектов уголовного судопроизводства.

Безопасность личности в следственной деятельности также является предметом научно-

го исследования. Эта проблема тесно переплетается с вопросами правовой безопасности, но если в первом случае речь идет о создании правовой формы, условий, при которых могут наступать юридические последствия, то во втором – определяются организационные механизмы обеспечения безопасности участников следственной деятельности.

Предложенная нами типологизация форм безопасности позволяет выделить их общие признаки. Во-первых, объектом безопасности выступает конкретный человек, вовлеченный в процесс уголовного судопроизводства. Так, в УПК РФ участники уголовного судопроизводства в зависимости от того, какими процессуальными функциями они наделены, подразделяются на четыре группы: суд; участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения; участники уголовного судопроизводства со стороны защиты; иные участники уголовного судопроизводства (раздел II, гл. 5–8, ст. 29–60 УПК РФ). Во-вторых, каждый из указанных категорий в силу наделенных правомочий выступает субъектом обеспечения безопасности, но не каждый обладает фактической возможностью использования вышеуказанных форм обеспечения безопасности. Таким образом, разработка механизмов обеспечения безопасности следственной деятельности, совершенствование их форм должно осуществляться с учетом интересов всех групп участников уголовного судопроизводства на основе анализа проблем правоприменительной практики, вовлечения в этот процесс представителей адвокатского сообщества, общественных объединений, профессиональных союзов.

Таким образом, несмотря на множественность законодательных актов, закрепляющих понятие безопасность, каждая из трактовок ориентирована на регулирование узконаправленной сферы общественных отношений. В связи с этим научно-теоретическая разработка общего понятия безопасности должна стать предметом научного интереса. Объектом безопасности следственной деятельности являются все участники уголовного судопроизводства, однако механизмы обеспечения безопасности, и формы имеют свою специфику с учетом процессуального положения каждого из них. В данном контексте безопасность предполагает такое состояние защищенности, при котором физическому и психическому состоянию участника судопроизводства не будет причинен вред, а законные права и интересы будут соблюдены в соответствии с нормами закона и процессуальным порядком регулирования уголовно-правовой сферы общественных отношений.

Литература

1. URL: https://philosophy_of_science.academic.ru/232/%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%A7%D0%9D%D0%AB%D0%99_%D0%9E%D0%91%D0%AA%D0%95%D0%9A%D0%A2.

2. Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 № 45-ФЗ.

3. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ.

4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента от 01.12.2015 № 683.

5. Лаков А.В. Отдельные аспекты оценки судом результатов следственной деятельности при принятии решений // Российская юстиция. 2020. № 2.

6. Комаров И.М. Криминалистические аспекты информационной безопасности досудебного производства // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2008. № 8 (48).

7. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_18_26.htm.

8. Красильников А.В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и субъекты обеспечения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).

Bibliography

1. URL: https://philosophy_of_science.academic.ru/232/%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%A7%D0%9D%D0%AB%D0%99_%D0%9E%D0%91%D0%AA%D0%95%D0%9A%D0%A2.

2. Federal Law № 45-FL of 20.04.1995 «On State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Supervisory Bodies».

3. Federal Law «On Security» № 390-FL of 28.12.2010.

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Presidential Decree № 683 of 01.12.2015.

5. Lakov A.V. Certain aspects of the court's assessment of the results of investigative activities in decision-making. 2020. № 2.

6. Komarov I.M. Criminalisticheskie aspekty informatsionnoy bezopasnosti pre-trial production // Forensic aspects of information security of pre-trial production. 2008. № 8 (48).

7. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_18_26.htm.

8. Krasilnikov A.V. Security of participants in criminal proceedings: legal regulation and security subjects // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (45).

УДК 343.983.7
ББК 67.52

© 2021 г. **Морозов Алексей Павлович,**
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: saitek127@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье на основе анализа практической деятельности экспертных учреждений и органов предварительного расследования определены проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы и возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: *ДНК, молекулярно-генетическая экспертиза, биологический материал, сбор и хранение биологического материала, раскрытие и расследование преступлений, экспертные учреждения.*

Morozov Alexey Pavlovich – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CURRENT PROBLEMS OF APPOINTMENT AND CARRYING OUT MOLECULAR-GENETIC EXAMINATION IN THE CONDITIONS OF THE MODERN LEGAL VALIDITY

Based on the analysis of the practical activities of the expert institutions and bodies of the preliminary investigation, the article identifies the problems of assigning and carrying out molecular genetic expertise and possible ways to resolve them.

Keywords: *DNA, molecular genetic expertise, biological material, collection and storage of biological material, crime detection and investigation, expert institutions.*

Проведение молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности приобретает особую актуальность. С каждым годом лица, совершающие преступления, пытаются найти более изощренные способы совершения противоправных деяний и сокрытия их следов. Необходимо заметить, что в связи с изменениями в современном мире эволюционируют и различные сферы преступной деятельности, но благодаря использованию современных технологий правоохранительным органам, при активном содействии экспертных учреждений, удается эффективно раскрывать преступления. Одной из таких методик является молекулярно-генетическая экспертиза. Идентификация личности – это одна из первоочередных задач расследования преступлений. В практике правоохранительных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации основным способом идентификации личности остается исследование папиллярных узоров рук. Так, при совершении преступления лица используют перчатки, средства, «забивающие» папиллярные узоры, вследствие чего необходимы альтернативные способы идентификации личности злоумышленника. На смену дактилоскопической идентификации приходит молекулярно-генетическая экспертиза, т. е. исследование ДНК.

В данном случае необходимо указать, что исследование отдельных участков определенных хромосом (локусов) – это и есть проведение молекулярно-генетической экспертизы. Благодаря изучению STR-локусов ДНК, которое лежит в основе молекулярно-генетической экспертизы, становится возможным дать четкий результат при идентификации личности, близкий к 100 % [8, с. 86]. Исследование стандартных локусов приводит к идентификации личности при наличии сравнительного материала или данных, однако при отсутствии таковых по ДНК можно получить информацию об отдельных физиологических параметрах человека, таких как цвет глаз, группа крови, пол, возраст, но для этого необходима специальная подготовка экспертов для исследования ДНК при выявлении описанных параметров.

В криминалистической науке указано, что идентификация физического лица, совершившего преступление, жертвы или неопознанного трупа – это одна из основных задач криминалистики. Для установления личности в настоящее время существует множество методов: реконструкция внешности по черепу, дактилоскопия и другие, но необходимо уточнить, что приоритетным является исследование ДНК или молекулярно-генетическая экспертиза. Хорошо оправдывает себя отработанная методика исследования генома по существующим тест-системам. Но не всегда удается идентифицировать личность, т. к. база данных геномной информации еще находится в стадии

формирования. Как указывают эксперты, благодаря развитию генетики определяется достоверно пол человека, наличие наследственных заболеваний, предположительно устанавливается цвет кожи, глаз, волос [9, с. 101].

К настоящему времени стандартизировано около 30 полиморфных локусов для ДНК-идентификации. В международные стандарты исследования ДНК (UK Core Loci, CODIS, ESSS) входят локусы, объединенные в тест-системы от 13 до 24. В системе Министерства внутренних дел России, в соответствии с приказом МВД Российской Федерации от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел»), к обязательному исследованию приняты 13 локусов [8, с. 86].

Правоприменительная практика показывает, что организация и проведение экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения (молекулярно-генетической экспертизы) становятся все более актуальным элементом раскрытия и расследования преступлений. В настоящее время в Российской Федерации встречаются некоторые проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы и экспертные учреждения. За все время существования молекулярно-генетической экспертизы в нашей стране не предпринималось значимых попыток к разрешению данных проблем, особой среди которых является противодействие со стороны подозреваемого или обвиняемого к сдаче биологического материала для сравнительного исследования. Вместе с тем в Федеральном законе от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» определен круг лиц, которые обязаны предоставить биологический материал для обязательной государственной геномной регистрации в единую базу геномной информации [1]. Следует заметить, что существующие сложности на этапе проведения молекулярно-генетической экспертизы, в первую очередь, связаны с активным противодействием подозреваемого в совершении преступления, которое определяется отказом от сдачи биологического материала для исследования. Данное сопротивление со стороны подозреваемого или обвиняемого выражено в форме письменного отказа от сдачи биологического материала для проведения экспертного исследования. Подозреваемый или обвиняемый (его адвокат) в данном отказе ссылается на то, что в результате взятия биоматериала его могут заразить какой-либо инфекцией. Однако следует отметить, что в большинстве случаев эта боязнь является мнимой причиной, соответственно, обозначенной в интересах подозреваемого или обвиняемого. Изъятие образцов для сравнительного исследования осуществляется на добровольной основе, с письменного согласия лица, т. к. забор (сбор) крови (иного биологического материала) осуществляется посредством физического медицинского вмешательства (забор крови из периферической вены, пальца или гистологических образцов и т. п.). Таким образом, изъятие биологического материала для проведения молекулярно-генетической экспертизы против воли лица можно рассматривать как нарушение конституционных прав и свобод, а также соотнесение указанного действия с применением физической силы в отношении последнего. Считается, что данное силовое давление выражается в физическом сковывании его действий, препятствующих проведению забора биообразцов.

Следовательно, данное обстоятельство учитывается адвокатами при осуществлении защиты подозреваемого или обвиняемого, а также сотрудниками правоохранительной системы, которые осуществляют процедуру доказывания виновности данных лиц. Норма, регулирующая процедуру изъятия образцов для сравнительного исследования, определена законодателем в ч. 2, 3 ст. 202 УПК РФ, в которых указано, что при изъятии образцов запрещено применение способов связанных с причинением вреда здоровью и опасных для жизни человека, а также унижающих его достоинство и честь. Соответственно, без согласия лица, не заинтересованного в отождествлении себя в качестве участника преступления, проведение экспертизы невозможно. В этой связи сотрудники правоохранительных органов оказываются в довольно трудном положении, когда остро стоит необходимость в получении образцов для сравнительного исследования, а подозреваемый или обвиняемый отказывается от сдачи данных биологических материалов, пытаясь избежать наказания.

Однако в практической деятельности Конституционного Суда Российской Федерации встречается немало решений по данной проблеме. Например, в Конституционный Суд Российской Федерации поступила апелляция от В.И. Соколюка, обвиняемого в совершении преступления, который опротестовывает конституционность ст. 202 УПК РФ «Получение

образцов для сравнительного исследования». Он считает, что данная статья не соответствует нормам 17, 18, 21 и 45 Конституции Российской Федерации. По его мнению, в ней не имеется прямого запрета на принудительное получение у подозреваемого или обвиняемого образцов для сравнительного исследования, следовательно, разрешается использовать к ним силовое давление, «умалять достоинства личности», такой подход противостоит защите его прав и свобод всеми методами, не запрещенными законодательством.

В определении № 1298-О Конституционный Суд Российской Федерации установил, что норма 202 УПК РФ, предусматривающая в ч. 1 получение образцов для сравнительного исследования у подозреваемого или обвиняемого, запрещает в ч. 2 получение биообразцов, если способы проведения изъятия будут опасны для здоровья и жизни человека или унижают его достоинство и честь. В этой связи в соответствии со ст. 21 Конституции РФ данные действия не могут рассматриваться как умаляющие достоинство личности, охраняемое государством [4].

Часть 1 ст. 51 и ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации регламентируют каждому защиту прав и свобод всеми возможными непротивозаконными способами и право не свидетельствовать против самого себя, а также не исключают возможность производства различных процессуальных действий с подозреваемым или обвиняемым и использование образцов биологических тканей, документов, предметов одежды и т. д., в целях получения достоверных доказательств. Необходимо отметить, что УПК РФ предусматривает возможность производства процессуальных действий в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно применение принудительных мер, связанных с ограничением прав гражданина на личную неприкосновенность, если данные меры реализуются в целях защиты и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступного деяния (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), обеспечивая соразмерность и обоснованность ограничений указанного права. Поэтому оспариваемая норма заявителем в обозначенном им аспекте не может рассматриваться в качестве нарушающей его конституционные права.

Следовательно, для точного и эффективного действия сотрудниками правоохранительных органов в данных ситуациях необходимо внести изменения в методические рекомендации или создать новые, которые бы регламентировали правильное трактование ст. 202 УПК РФ при назначении и проведении молекулярно-генетической экспертизы для отождествления личности со следами на месте преступления. Реализация вышеперечисленных изменений позволит максимально эффективно использовать данную норму (ст. 202 УПК РФ), вследствие чего упрочить в сознании граждан неотвратимость наказания за совершение уголовного преступления, что, в свою очередь, снизит общественную опасность совершаемых противоправных деяний.

Кроме того, существует проблематика, связанная с невозможностью обеспечения качественного сбора и хранения биологического материала (вещественных доказательств). Одновременно встречаются затруднения, связанные с дезинтеграцией баз данных МВД отдельного субъекта Российской Федерации с базой данных бюро судебно-медицинской экспертизы. Считаем, что будет целесообразно обратить внимание на экспертные мнения Е.В. Абдулина и Я.В. Комиссарова, которые рассматривают проблему и предлагают пути решения в условиях отсутствия профилактических методик (рекомендаций) для экспертов отделений экспертизы относительно порядка и правил сбора и хранения биологических материалов для сравнительного исследования, что в результате может привести к ошибочным процедурам сбора, хранения, доставке в экспертные учреждения, а также потере важных биообразцов, приводящие к получению отрицательных или ложных результатов исследования биоматериалов. Необходимо в кратчайшие сроки актуализировать перечень вышеперечисленных задач, поскольку это приводит к затягиванию сроков проведения молекулярно-генетической экспертизы, что снижает эффективность деятельности органов внутренних дел в целом.

Отметим, что недостаточное количество научных исследований по данной проблематике, их уровень развития, а также состояние системы подготовки кадрового аппарата не позволяет своевременно выявлять и объективно оценивать ряд негативных факторов, отрицательно повлиявших на основные показатели как правоохранительных органов, так и экспертной работы молекулярно-генетических подразделений государственных судебно-экспертных учреждений Российской Федерации.

Обращение к историческому опыту изучения данной проблематики показало, что в нашей стране с середины XIX в. развитие экспертной деятельности происходило постепенно, при этом совершенствовались доказательные методики исследования биологического объекта, а также формировалась система экспертизы вещественных доказательств. В этой связи произошел резкий подъем во второй половине XX в., где были введены в практику некоторые

методики исследования биологического материала, обусловленный во второй половине 1990-х гг. появлением нового направления – судебной цитологии. Но необходимо указать, что в указанный период в связи с экономическими и политическими изменениями традиционные методы исследования вещественных доказательств, организация и структура работы экспертных учреждений перестали в нашей стране совершенствоваться такими стремительными темпами, как в прошлые десятилетия.

Однако благодаря появлению новых технологий в 2000-е гг. произошел скачок в развитии направлений исследования вещественных доказательств экспертных учреждений, что было обусловлено большей точностью и объективизацией результатов экспертных исследований. Вместе с тем, как указывают ученые, количество научных работ, посвященных судебной биологической экспертизе, сократилось вдвое, а молекулярно-генетической – увеличилось [5].

На основании вышеизложенного можно отметить, что в настоящее время перед сотрудниками правоохранительных органов и экспертами молекулярно-генетических подразделений остро стоит задача правильной организации назначения, проведения молекулярно-генетической экспертизы, идентификации личности с помощью данной экспертизы, а также устранения негативных факторов, влияющих на результаты работы экспертных подразделений.

Актуализация данной проблемы обусловлена тем, что в настоящее время возникла необходимость в комплексном исследовании, оценке состояния экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения в рамках научного аналитического исследования, в процессе выполнения которого нужно выделить основные составляющие данной проблематики, а именно провести оригинальное, комплексное, аналитическое и целостное исследование актуальных проблем и создать рекомендации для их разрешения при назначении и проведении молекулярно-генетической экспертизы. При этом не исключается возможность апробации и внедрения полученных результатов в практическую деятельность правоохранительных органов и экспертных учреждений.

По нашему представлению, данное исследование заключается в:

1) установлении значимости результатов молекулярно-генетической экспертизы в качестве одного из криминалистических аспектов, применяемых при раскрытии и расследовании преступлений;

2) исследовании особенности использования биологических и генетических знаний в раскрытии и расследовании преступлений;

3) определении места молекулярно-генетической экспертизы в системе судебных экспертиз;

4) рассмотрении криминалистической тактики (в практической деятельности) назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы по уголовным делам;

5) проведении исследований по проблемам назначения молекулярно-генетической экспертизы, связанной с противодействием участников предварительного расследования;

6) разрешении задач проведения молекулярно-генетической экспертизы, связанных с отсутствием некоторых условий для ее осуществления;

7) рассмотрении актуализации пересмотра и введения новых теоретических методик по сбору и хранению биологических материалов для проведения молекулярно-генетической экспертизы;

8) создании методики применения специальных криминалистических знаний при назначении и проведении молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности;

9) комплексном анализе на основе полученных научных результатов, перспектив совершенствования правового обеспечения проведения молекулярно-генетической экспертизы как важного направления повышения эффективности исследования ДНК.

Можно констатировать, что в современной практике правоохранительных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации возникла необходимость во введении новых инструктивных методик по сбору и хранению биологических материалов для проведения молекулярно-генетической экспертизы. Аналитика перспектив совершенствования правового обеспечения проведения молекулярно-генетической экспертизы как важного направления повышения эффективности ее осуществления, выраженных в законотворческой инициативе, будет регламентировать норму при условии, когда участники предварительного расследования противодействуют сбору биологического материала. Разработка норм права, отражающих взаимодействие государственных и частных экспертных учреждений, является необходимым направлением развития экспертной деятельности в современной действительности.

Практическая значимость исследования в области назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы представляет собой внедрение разработанной методики применения специальных криминалистических знаний при назначении и проведении

молекулярно-генетической экспертизы, принимая во внимание условия современной правовой действительности. Такой подход направлен на создание условий повышения качества расследования преступлений по уголовным делам, улучшит работу экспертных учреждений, а именно устранит (частично или полностью) негативные факторы, связанные с осуществлением молекулярно-генетической экспертизы. Необходимо также совершенствовать процесс интеграции геномной информации баз данных МВД субъекта Российской Федерации с базами данных бюро судебно-медицинской экспертизы для консолидации информации в единую базу ДНК, что создаст условия для обеспечения работы экспертных учреждений (минимизация объемов работы и уменьшение сроков проведения молекулярно-генетической экспертизы).

Методологическая актуальность рассматриваемых вопросов реализовывается как с точки зрения теоретической, так и практической. В этой связи в условиях современной правовой действительности необходимо уделять первостепенное внимание своевременному выявлению и объективному оцениванию ряда негативных факторов, отрицательно влияющих на основные показатели как правоохранительных органов, так и экспертной работы молекулярно-генетических подразделений государственных судебно-экспертных учреждений Российской Федерации, а также состояние системы подготовки кадрового аппарата и развитие научных исследований в этой области.

Литература

1. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (последняя редакция) // URL: https://base.garant.ru/.

2. Федеральный закон от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/.

3. Постановление Правительства РФ от 11.10.2011 № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы» // URL: https://base.garant.ru/.

4. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356353#0734102090 3661044.

5. URL: http://www.msmsu.ru/userdata/manual/doc/nauka/avtoref/2012/Gusarov.doc#1.

6. Льянов М.М. Развитие базы данных ДНК в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Научный журнал Байкальского государственного университета. 2018. № 2.

7. Методические рекомендации по изъятию и упаковке объектов биологического происхождения, предназначенных для ДНК-анализа. Тамбов, 2012.

8. Попов В.В. Установление возраста по следам биологического происхождения // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 4.

9. Попов В.В. Идентификация личности молекулярно-генетическими методами // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3.

10. Холопова Е.Н. Комментарий к федеральному закону от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». 2016.

Bibliography

1. Federal Law № 242-FL of 03.12.2008 «On State genomic registration in the Russian Federation» // URL: https://base.garant.ru/.

2. The Federal law from 10.02.2006 № 70 «On the organization of the use of forensic accounting of Internal Affairs of the Russian Federation» (together with the «Instruction on the formation, maintenance and the use of forensic accounting of Internal Affairs of the Russian Federation», «Rules of conducting of forensic accounting in the Internal Affairs»)» // URL: https://base.garant.ru.

3. The resolution of the Russian Federation Government of 11.10.2011 № 828 «On approval of the Regulations on the procedure for compulsory state genome registration of persons convicted and serving a sentence of imprisonment» // URL: https://base.garant.ru.

4. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356353#0734102090 3661044.

5. URL: http://www.msmsu.ru/userdata/manual/doc/nauka/avtoref/2012/Gusarov.doc#1.

6. Lyanov M.M. Development of the DNA database in the Russian Federation: problems and prospects of development // Scientific Journal of the Baikal State University. 2018. № 2.

7. Guidelines for the removal and packaging of objects of biological origin intended for DNA analysis. Tambov, 2012.

8. Popov V.V. Establishing the age by traces of biological origin // Yurist-Pravoved. 2020. № 4.

9. Popov V.V. Identification of personality by molecular genetic methods // Yurist-Pravoved. 2018. № 3.

10. Kholopova E.N. Commentary to Federal Law № 242-FL of 3.12.2008 «On State Genomic Registration in the Russian Federation». 2016.

УДК 343.97
ББК 67.51

© 2021 г. Конев Денис Андреевич,
соискатель Омской академии МВД России, главный специалист отдела организации защиты корпоративных интересов в сфере экономики ПАО «ТГК-1».
E-mail: marwel8@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРЕСТУПНОСТЬ

В статье рассмотрены проблемные вопросы правового регулирования использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности человечества.

Ключевые слова: *криминологические риски, криминологическое прогнозирование, искусственный интеллект, законодательство, преступления, цифровые права.*

Konev Denis Andreevich – Applicant, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Specialist, the Department of the Protection Organization of the Corporate Interests in the field of Economics, PJSC «TGC-1».

DIGITAL TECHNOLOGY AND CYBER CRIME

The article deals with the problematic issues of the legal regulation of the use of the digital technologies and artificial intelligence in various spheres of human life.

Keywords: *criminological risks, criminological forecasting, artificial intelligence, legislation, crimes, digital rights.*

Внедрение цифровых технологий в жизнь человечества, безусловно, делает ее более простой, открывая доступ к новым возможностям и способам жизни. Так, например, не нужно стоять в длинных очередях для получения какой-либо госуслуги, в условиях пандемии коронавируса массово реализовывается возможность удаленной работы. При этом ввиду ежедневного использования цифровых технологий жители планеты расширяют свои знания в области доступа не только к цифровой информации, но и в целом повышают свой уровень в познании цифровых технологий.

Одним из важных направлений развития государств является совершенствование знаний в области цифровой трансформации. Принятие программы «Цифровая экономика Российской Федерации», целью которой является повышение степени «информированности и цифровой грамотности населения, благосостояния и качества жизни граждан, путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами» [13], ускорило процесс цифровой трансформации общества. Благодаря принятию этой программы были даны стратегические направления развития цифровых технологий, которые в настоящее время получили свое широкое распространение в России.

Зарубежные страны в погоне за развитием цифровой грамотности общества, совершенствованием цифровой экономики своих стран стремительно развиваются в данном направлении и уже активно внедряют технологии во все сферы жизнедеятельности. Некоторые государства уже используют цифровые технологии, в том числе и технологию искусственного интеллекта в работе судебной системы. Так, например, для улучшения предоставляемых услуг и развития интеллектуальных судов с 2019 г. в Китае суды начали использовать в судебном процессе технологии искусственного интеллекта.

При этом директор информационного центра Верховного народного суда КНР Сюй Цзяньфэна сообщил, что в стране «народные суды будут использовать всевозможные приложения для электронной подачи заявлений, продвигать мобильные электронные судебные процессы, а также создавать мобильные микросуды, позволяющие охватывать все аспекты судебных процессов» [8]. Более того, по мнению пользователей, такой программой создания «умных» судов народные суды будут сосредоточены на точном исполнении судебных решений, создании голограмм людей, находящихся под следствием, а также формировании связи с системой социального кредитования [3].

Помимо этого, судами Китая совершенствуются системы оказания услуг, при этом стре-

мятся к созданию комплексных услуг. В такие комплексы входят базы данных для предоставления услуг по проверке личности, информации о гражданстве, проживании граждан, адвокатах, предприятиях и судьях.

По результатам совершенствования и цифровизации указанного процесса в первой половине 2020 г. в КНР резко увеличилось количество судебных заседаний и процедур судебного примирения, проведенных в режиме онлайн. С января по июнь 2020 г. в стране Верховный народный суд в режиме онлайн зарегистрировал 19 248 дел и провел более 27 400 судебных заседаний [9].

Аналогичный опыт применения в судебной системе искусственного интеллекта имеется в Аргентине. Здесь в 2018 г. были представлены промежуточные результаты, которые подводили итоги эксперимента по внедрению и использованию искусственного интеллекта при производстве гражданских и административных дел [16].

Несмотря на все положительные аспекты применения искусственного интеллекта, в данных сферах существуют угрозы, связанные с его внедрением в системы правосудия, а также процессы, с ней связанные. Сам по себе искусственный интеллект – это «вычислительная система, делающая выбор на основе статистической информации, т. е. программная система, имитирующая на компьютере мышление человека» [7]. Она лишь имитация мышления человека, поэтому сразу появляется проблема его использования в судебной практике. Ведь, например, в соответствии с ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся доказательств [4]. Однако искусственный интеллект базируется не на ситуационной логике и внутреннем понимании ситуации, а только лишь на вычислительных процедурах, он не умеет работать с «подтекстом», т. е. анализировать ситуационные сведения, которые могут повлиять на принятие правильного решения по делу.

В связи с этим российские и зарубежные исследователи проблем использования искусственного интеллекта в системе правосудия и правоохранительной деятельности часто задаются вопросами об этичности и правомерности этого процесса. Все чаще высказывается мнение о том, что его использование в правосудии таит опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие – бесчеловечным и формальным.

Также нельзя оставить без внимания последствия использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в других сферах. Так, например, в КНР с 01.01.2021 г. принят новый Гражданский кодекс, официально узаконивший систему SCS – «Систему социального кредита» [2]. Данная система является накопителем социальных баллов, иначе говоря, следует говорить об использовании искусственного интеллекта для тотальной слежки за гражданами путем фиксирования камерами с распознаванием лиц и использование всех доступных баз данных. При этом существует балльная система: в зависимости от поведения гражданина ему начисляется определенное количество баллов, либо, при малейшем нарушении, снимается. За «хорошее» поведение начисляются баллы, за «плохое» – снимаются. Данная система делит все общество на два типа людей: а) человеку с высокими результатами позволены все блага для нормальной жизни; б) при начислении отрицательных баллов гражданам запрещено занимать определенные должности, могут не продать билеты на поезд или на самолет [11]. При этом самое удивительное, что количество данных баллов передается по наследству.

Возможно, что принятие такого решения, с одной стороны, связано с тем, что поиск криминальных элементов, а также предупреждение распространения преступности для правоохранительных органов, без использования цифровых средств становится просто невыполнимой работой, поскольку по состоянию на начало 2021 г. в КНР проживает более 1,4 млрд человек [5]. С другой стороны, цифровая трансформация китайского общества и эволюция цифровой грамотности населения способствуют развитию преступности, поскольку количество рабочих мест стремительно сокращается, т. к. люди заменяются машинами даже с простым искусственным интеллектом, т. е., по сути, со встроенным алгоритмом работы. Данные обстоятельства заметны даже в ресторанах быстрого питания известных фирм [21]. Для работы целого ресторана необходимы только два человека – оператор компьютера, который следит за правильной работой устройства, и уборщик помещения. Таким образом сокращаются рабочие места, ведь содержать робота дешевле и проще. В этой связи сокращение рабочих мест ведет к росту безработицы, а безработица, как известно, является причиной роста преступности. Безусловно, такие факты, развивая и

внедряя цифровые технологии, нельзя отставлять без внимания.

Если же рассматривать массовую установку камер слежения и построения «балльной» системы жизни в Китае с позиции использования такого метода противодействию преступности и удержанию населения от правонарушений, то, возможно, выбранный способ защиты граждан, увеличит мотивацию населения к законопослушному поведению и оказанию помощи правоохранительным органам. Цифровизация процесса наблюдения за гражданами КНР неизменно увеличит раскрываемость уголовных дел, поиск преступников и принесет другие положительные моменты, направленные на обеспечение криминологической безопасности страны.

В то же время Европейский союз рассматривает вопрос использования искусственного интеллекта. Так, в настоящее время идет работа по подготовке нормативного акта о запрете использования искусственного интеллекта для массовой слежки, а также его использования для начисления социальных кредитных баллов. Тем не менее, государства-члены Евросоюза создадут оценочные комиссии для тестирования и проверки систем искусственного интеллекта высокого риска, а компании, разрабатывающие или продающие запрещенное программное обеспечение искусственного интеллекта в Евросоюзе, в том числе расположенные в других странах, будут оштрафованы на сумму до 4 % от их глобальной выручки.

Данный проект включает в себя:

1) запрет на искусственный интеллект для «неизбирательного наблюдения», включая системы, которые непосредственно отслеживают людей в физической среде или агрегируют данные из других источников;

2) запрет на системы искусственного интеллекта, создающие социальные кредитные баллы, что означает оценку чьей-либо надежности на основе социального поведения или предсказанных личностных черт;

3) специальное разрешение на использование «дистанционных биометрических идентификационных систем», таких как распознавание лиц в общественных местах.

Подобный вид контроля над «высокорисковыми» системами искусственного интеллекта обусловлен необходимостью надзора за угрозами безопасности, такими как самоуправляемые автомобили, системы, которые имеют высокий шанс повлиять на чей-то доход, используются для найма на работу или для вынесения судебных решений.

Омер Тене, вице-президент некоммерческой организации IAPP (Международная ассоциация профессионалов в области конфиденциальности), уточнил регламент, который «представляет собой типичный брюссельский подход к новым технологиям и инновациям». По его мнению, если предложения будут приняты, то это создаст «обширную регулирующую экосистему», которая привлечет не только создателей систем искусственного интеллекта, но и импортеров, дистрибьюторов и пользователей, а также создаст ряд регулирующих советов, как национальных, так и общеевропейских [20].

Безусловно, данный проект нормативного акта в случае принятия будет постоянно изменяться, но даже на этапе своего развития он демонстрирует желание стран Евросоюза создать правовое поле в использовании искусственного интеллекта с целью сохранения прав и законных интересов граждан Евросоюза.

В России с развитием и внедрением цифровых технологий также возрастает количество видеокамер, в том числе и с распознанием лиц. Нельзя не отметить и тот факт, что меняется и преступность, изменяются предметы, способы и средства совершения преступлений, о чем свидетельствуют статистические показатели зарегистрированной преступности. Так, только в 2020 г. уменьшилось число преступлений, таких как квартирные кражи (на 22,6 %), сократилось количество краж транспортных средств (на 27,1 %), разбоев (на 21,7 %) и грабежей (на 16,2 %), а число цифровых преступлений увеличилось (на 73,4 %), в том числе с использованием Интернета (на 91,3 %) и средств мобильной связи (на 88,3 %) [12]. Все чаще стали совершаться преступления в виртуальной среде.

По мнению американского профессора математики Дж. А. Паулоса: «Интернет – крупнейшая в мире библиотека, только все книги разбросаны по полу», а значит, рано или поздно книгу с ключом для взлома любой системы найдут, особенно если ее искать.

В условиях развития цифровой грамотности населения, прогресса и эволюции цифрового преступного мира поиск данного ключа – лишь вопрос времени, а значит, на помощь государству и правоохранительным органам должны прийти цифровые ловушки, скрытые сигналы, указывающие на противоправное проникновение в систему безопасности или специальные пробелы в защите систем безопасности, которые будут находиться под контролем правоохранительных органов. Однако

для предупреждения таких преступлений необходимо прогнозирование действий преступника, а также в целом преступности.

В данном аспекте в роли предсказателя необходимо использовать криминологию. Только эта отрасль науки «призвана исследовать преступность как социальное явление, определять сущность и формы ее проявления, выявлять закономерности возникновения, существования и изменения преступности» [19]. Криминология в результате наблюдения, анализа законодательной базы, предвидения возможных криминальных угроз и криминогенных рисков путем моделирования либо экспертной оценки прогнозирует поведение и свойства преступных проявлений.

В ходе криминологического прогнозирования особая роль отводится исследованию криминологических «рисков современного общества, в котором проявления человеческой активности либо сознательно генерирует, либо допускает возможность наступления неких опасных и вредных последствий» [1]. При этом неоспоримым фактом является необходимость развития криминологии, поскольку с помощью получения знаний возможно предвидеть риски, связанные с использование цифрового мира, а также понять цели, мотивы и способы деяний преступников, зная которые, можно им противодействовать. В этой связи следует поддержать авторов [19, 6, 10, 18, 14, 17], чьи идеи заключаются в выделении отдельной отрасли научного знания – цифровой криминологии, т. к. «цифровая экономика отличается от реальной, поскольку существует только в виртуальном мире, и ее уникальной особенностью являются виртуальные товары, виртуальная валюта и электронные деньги. Она полностью зависит от развития цифровых технологий, телекоммуникационных сетей и компьютерной техники и несет в себе значительный потенциал криминологических угроз личности, обществу и государству. При этом цифровая криминология научно обеспечивает реализацию важнейшего элемента указанного обеспечения безопасности – предупреждения преступлений» [19]. Именно она выступает как «совокупность передовых в технологическом плане методов, развивающихся на базе математического прогнозирования, т. е. компьютерной обработки количественных и качественных параметров преступности, математического выявления разного рода зависимостей (от времени, места и иных переменных)» [17].

Основная проблема заключается в том, что на данном этапе развития криминологической доктрины и общество, и государство, к сожалению, не прислушиваются к мнению ученых криминологов, не опираются при принятии законодательных решений на те экспертные оценки, которые даются относительно проектов законов, на результаты изучения криминологической обстановки, складывающейся в обществе и пр., предпочитая действовать по старым канонам, забывая о том, что противодействие преступности невозможно без знания теоретических основ криминологии и практики противодействия преступности. Современное состояние цифровой преступности требует новых подходов, средств и способов в противодействии этому новому феномену, что позволит определить стратегические направления противодействия цифровой преступности.

Литература

1. URL: http://russian.cri.cn/news/homeList /380/20190312/260523.html.

2. Бабаев М.М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1.

3. URL: https://news.rambler.ru/sociology/45560037/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

4. URL: https://www.trud.ru/article/12-12-2019/1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. URL: http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190312/260523.html.

2. Babaev M.M. Risks as a component of the determinational complex of crime // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2018.

3. URL: https://news.rambler.ru/sociology/45560037/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

4. URL: https://www.trud.ru/article/12-12-2019/1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html.

5. Civil Procedure Code of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».

6. URL: https://countrymeters.info/ru/China-population of the People's Republic of China.

6. URL: https://countrymeters.info/ru/China.

7. Джафарли В.Ф. О созвучности тезиса «цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий. Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55).

8. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30869/1/978-5-7996-1325-9.pdf.

9. URL: https://news.rambler.ru/other/44535020-v-pervom-polugodii-2020-goda-v-kitae-provedeno-gorazdo-bolshe-onlaynovyh-sudebnyh-zasedaniy-i-protsedur-sudebnogo-primireniya/.

10. Лебедев С.Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55).

11. URL: https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html.

12. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/.

13. URL: https://base.garant.ru/71734878/.

14. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М., 2018.

15. Пинкевич Т.В. Криминальные реалии, реагирование на них и закон. М., 2018.

16. URL: https://news.rambler.ru/other/41152942-resheniya-robota-sudi-polnostyu-ustraivayut-sluzhiteley-femidy.

17. Серебренникова А.В., Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология). 2020. Т. 14. № 3.

18. Суходолов А.П. Цифровая криминология: математические методы прогнозирования (ч. 1) // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2.

19. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология: учебное пособие. М., 2021.

20. URL: https://www.theverge.com/2021/4/14/22383301/eu-ai-regulation-draft-leak-surveillance-social-credit.

21. URL: https://joinposter.com/post/restaurant-trends.

7. Jafarli V.F. On the consonance of the thesis «Digital security – digital criminal law resource» of the theory of criminological security in the field of information technologies. Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. № 4 (55).

8. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30869/1/978-5-7996-1325-9.pdf.

9. URL: https://news.rambler.ru/other/44535020-v-pervom-polugodii-2020-goda-v-kitae-provedeno-gorazdo-bolshe-onlaynovyh-sudebnyh-zasedaniy-i-protsedur-sudebnogo-primireniya/10.

10. Lebedev S.Ya. Digital security – digital criminal and legal resource. Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. № 4 (55).

11. URL: https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html.

12. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/.

13. URL: https://base.garant.ru/71734878.

14. Ovchinsky V.S. Criminology of the digital world: a textbook for magistracy. M., 2018.

15. Pinkevich T.V. Criminal realities, reaction to them and the law. M., 2018.

16. URL: https://news.rambler.ru/other/41152942-resheniya-robota-sudi-polnostyu-ustraivayut-sluzhiteley-femidy/.

17. Serebrennikova A.V. Criminological problems of the digital world. 2020. Vol. 14. № 3.

18. Ivantsov S.V., Molchanov T.V., Spasennikov B.A., Kalugina M.A. Upland AP Digital criminology: mathematical methods of forecasting (p. 1) // Russian journal of criminology. 2018. Vol. 12. № 2.

19. Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. Digital criminology: textbook. M., 2021.

20. URL: https://www.theverge.com/2021/4/14/22383301/eu-ai-regulation-draft-leak-surveillance-social-credit.

21. URL: https://joinposter.com/post/restaurant-trends.